Нира Страусс — Эпоха королей

Переведено специально для группы
~”*°•†Мир фэнтези†•°*”~
http://vk.com/club43447162
https://wfbooks.ru/

Оригинальное название: La era de los reyes
Автор: Нира Страусс / Nira Strauss
Серия: Триада #1 / La Tríada #1
Переводчик: nasya29
Редактор: Darlar

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Аннотация

Захватывающее романтическое фэнтези с кельтскими мотивами.

В Гибернии сидхи – магические расы – безжалостно уничтожаются Двором людей. Аланне это известно как никому другому. Уже двадцать лет она скрывается от преследований из-за магии, что течёт в её крови, и в жизни у неё есть только две цели — оставаться незаметной и защищать свою младшую сестру Каэли. У неё нет времени ни на что другое: ни на несправедливую политику королевства, ни на чужие проблемы. По крайней мере, до тех пор, пока Дикие Охотники, главные убийцы сидхов, не заявляются в пекарню, где работают сёстры.

Всё кардинально меняется, когда богиня войны Морриган забирает её сестру. Аланна вынуждена вступить в союз с Братством – повстанческой организацией, борющейся против Двора и спасающей сидхов по всему королевству. Аланна клянётся, что это временное решение, пока она не спасёт Каэли и не вернётся к своей прежней жизни, но происходит непредвиденное, когда она и один из охотников впервые встречаются взглядами.

И от этого ей, наверно, будет не так легко убежать.

Мэддокс — ходячая проблема. Он замешан в делах, о которых Аланна не хочет даже слышать, и постоянно копается в её самых тёмных секретах. Он слишком высок, слишком привлекателен и обладает двумя вещами, которые сулят ей ещё больше бед: крыльями.

Двумя огромными и внушительными крыльями дракона.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Оглавление

Пролог 6
Глава 1 10
Глава 2 15
Глава 3 25
Глава 4 34
Глава 5 39
Глава 6 44
Глава 7 50
Глава 8 57
Глава 9 63
Глава 10 71
Глава 11 79
Глава 12 87
Глава 13 92
Глава 14 99
Глава 15 109
Глава 16 114
Глава 17 120
Глава 18 127
Глава 19 135
Глава 20 141
Глава 21 146
Глава 22 155
Глава 23 160
Глава 24 167
Глава 25 176
Глава 26 184
Глава 27 191
Глава 28 200
Глава 29 208
Глава 30 217
Глава 31 225
Глава 32 233
Глава 33 241

Глава 34 254
Глава 35 263
Глава 36 270
Глава 37 276
Глава 38 290
Глава 39 298
Глава 40 310
Глава 41 319
Глава 42 323
Глава 43 333
Глава 44 342
Глава 45 349
Глава 46 355
Глава 47 363
Глава 48 372
Эпилог 372
Глоссарий 377

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Для всех нас,
ждущих своего крылатого красавчика

Пролог

Давным-давно...

Всё началось с праздника.

Но это был не просто праздник. Это были крестины. И не обычные крестины, а крестины троих детей двух богов, которые, несмотря на взаимную ненависть и постоянную борьбу за собственные интересы, в конечном итоге обрели ослепительную любовь в объятиях друг друга. Это была такая любовь, которая не предвещала ничего хорошего, которая наполняла воздух сладким, приторным ароматом, липнущим к гостям, заставляя их сглатывать, моргать или беспокойно ерзать на месте.

Как раз перед началом великой войны.

По крайней мере, именно так это помнил Фионн. И хотя некоторые злые языки с готовностью заявляли, что его воспоминания, вероятно, искажены его страстью к виски, есть события, которые навсегда остаются в памяти, словно выжженные огнем.

Тот момент, когда Тараксис и Теутус держались за руки, переплетя пальцы, и украдкой обменивались взглядами при каждой возможности, был определенно одним из таких событий. Так же, как и первый раз, когда Фионн заглянул через край колыбели из ясеневого дерева и увидел тех существ, чье место (и предназначение) в мире никто не мог понять. Кто-то постарался украсить каждый пруток колыбели омелой, а каскад резных деревянных фигурок парил над розовощёкими лицами тройняшек, мелодично звеня и отвлекая их внимание, пока вдруг малыши не увидели Фионна.

Когда эти три пары глаз уставились на него, бессмертный готов был поклясться — и веками впоследствии клялся, — что земля под его ногами задрожала. Он подавил в себе те ощущения от первого впечатления, чему поспособствовал хороший глоток виски. Да помогут им звезды. Эти двое дураков привели в мир нечто запретное. «Они красивы, — подумал он, глядя на вздёрнутый носик одного и на удивительную шевелюру другого, — но их существование нарушает равновесие».

Об этом, разумеется, думали все, хотя никто не рискнул высказаться вслух.

Даже дерзкая Морриган. Она пересела за несколько столов от колыбели, прячась за десятками гостей, но это была лишь попытка отсрочить неизбежное. Ей тоже предстояло выразить почтение и еще тысячу подобных глупостей младенцам. Как и всем присутствующим.

Паральда, король фей, уже обдал младенцев своим божественным дыханием, благословив их, конечно же, такими абсурдными вещами, как красота и умение играть на музыкальных инструментах. Ну да, конечно, ведь именно это спасет им жизнь в бою. Мда.

Затем к колыбели подошёл Гоб, король гномов, вечно неразлучный со своей свитой. С присущей ему помпезностью Гоб рассмеялся над худобой существ и громогласно объявил, что внешность обманчива, а в их венах таится сила тысячи гор.

Но кульминацией праздника и причиной, по которой многие, вероятно, приняли приглашение, стало прибытие Ширра — короля огненных существ, Древнего Дракона. Те, кто надеялся увидеть его радужные перья или хвост с шипами, сильно разочаровались, потому что он пришел без крыльев. Даже в уменьшенном виде каждое из них было шире кроны ясеня, и одного прикосновения хватило бы, чтобы оставить серьёзные ожоги. Честно говоря, Фионн вздохнул с облегчением, когда увидел короля в его человеческой форме. Высокий, мускулистый, с шипами, выступающими из плеч и локтей, высокими чёрными рогами, от которых исходил дым, и когтями вместо пальцев. А на его рогах красовалась знаменитая корона из драгоценных камней — особый подарок от его девяти дочерей и сыновей. У самого Фионна до сих пор оставалось несколько шрамов с тех времён, когда они с Ширром странствовали вместе. Славные были времена.

Некоторые феи и банши вздрогнули при виде короля драконов, испугавшись. Он наклонился к изголовью колыбели, чтобы взглянуть на младенцев, и под недоверчивым взглядом Теутуса поклялся никогда не причинять им вреда. Тараксис, конечно, сияла от радости, ведь она была хорошей подругой Ширра.

И вот остался последний правитель, ещё не выразивший своё почтение. Вот только он находился там, откуда сделать это было затруднительно.

— Вот ты где, старый волк, — воскликнул женский голос справа от него. «Мелодичный», «искристый» и «восхитительный» — вот первые слова, которые пришли ему в голову для описания этого голоса, и это была уже целая поэма для такого грубияна, как он.

— Никса, — поприветствовал он её, и тут же поднёс к губам кубок.

Чёрт! Вино закончилось.

А чтобы добраться до кубков, ему нужно было обойти эту чёртову женщину. Раздосадованный, он поднял на неё взгляд и по её широкой улыбке сразу понял, что она раскусила его намерения. А, к чёрту. Он никогда не славился своей учтивостью.

— Ты будешь смеяться надо мной, но я всё равно признаюсь, что удивлена. — Королева морского народа поправила своё изящное платье цвета морской волны, которое облегало её фигуру, словно чешуя рыбы. Она подошла к Фионну так близко, что их разделял лишь шаг. — Я была уверена, что ты не придёшь.

Это было действительно удивительно, учитывая пророческие способности королевы Никсы и её привычку вмешиваться в чужие жизни. Однако он по личному опыту знал, что у любой способности есть ограничения, да и к тому же прийти сюда он решил в самый последний момент. А предсказания в конечном счёте основывались на решениях.

И Фионн уже сильно жалел о своём.

— Надеюсь, удача отвернулась от тебя. — Он поднял пустой бокал и изобразил некое подобие улыбки, которая, несомненно, затерялась в его неухоженной бороде. Несколько гостей бросали на него осуждающие взгляды за то, что он не привёл себя в порядок к

событию тысячелетия. Наивные. Пусть радуются, что он хотя бы штаны надел. — Прошу меня извинить...

— Я знаю, почему ты здесь.

Фионн сжал зубы так сильно, что у него заболели виски.

— Сомневаюсь, моя королева.

— Ах… Давно ты меня так не называл. Я скучала по этому.

— В этом я ещё больше сомневаюсь.

Смех Никсы окутал его шею, словно звездная пыль, электризуя, возбуждая; сильнее, чем это мог сделать алкоголь. Если бы это было возможно, его борода встала бы дыбом. Но, впрочем, это было не удивительно; с Никсой всё всегда было связано с её голосом. Она однажды пела ему у Муирдриса, много лет назад, когда они оба лежали на мягких вересках и смотрели на луну и звезды, и его глупое сердце дрожало от истин тысячи легенд, иллюзий и света сотен снов.

Они тогда были так же глупы, как, вероятно, сейчас были Тараксис и Теутус, игнорируя великую истину: любовь — это дело смертных. Они пришли в этот мир не за этой чепухой и тем более не для того, чтобы поддаваться её чарам и обманам. Они должны быть выше этого. Быть проводниками судеб.

Бла, бла, бла.

Он мысленно вздохнул, когда понял, что те немногие душевные силы, которые он нашёл в себе для этого праздника, иссякли. Что тщетное пламя надежды, зародившееся в его груди, когда он услышал о плоде любви двух богов, было всего лишь миражом. Оно даже не успело его согреть.

Он повернулся спиной к Никсе, к колыбели, к помосту с двумя тронами, когда услышал вздох королевы. И он знал оттенки этого звука.

Она смотрела на младенцев.

Нет, не просто на них.

Она смотрела сквозь них.

В зале воцарилась мёртвая тишина. Ни музыки, ни шума, ни разговоров — ничего. Только шелест одежды, и затем голос Теутуса:

— Что происходит, женщина?

У Фионна на языке уже крутился ответ для этого ублюдка. Он повернулся к нему и к Тараксис и слегка покачнулся на пятках. Ладно, видимо, он выпил больше, чем следовало. Теутус не обращал на него никакого внимания, его глаза были устремлены на неподвижную фигуру Никсы. И прямо за своим великолепным мужем, всё ещё не вставая со своего места, Тараксис подала знак Фионну.

Зелёные глаза богини молили, чтобы он ничего не говорил.

Века дружбы были единственным, что удерживало Фионна. Века дружбы и тревожный шёпот Никсы, едва слышный, как тонкий поток воздуха, проходящий через её горло. Настолько тихий и хриплый, что только Фионн мог его различить.

— Есть… — начала королева.

Её глаза искали Фионна, и только благодаря своей выдержке он не отступил в ужасе. Не первый раз он уже становился свидетелем дара королевы; того, как тени — это

предвестие будущего — скользили вокруг её глаз и отравляли их, окрашивая белки глаз, веки и верхнюю часть щёк в цвет мёртвых корней. Ужасающее зрелище.

Теутус начал кричать. Разумеется, он что-то там требовал. Этот козёл всегда чего-то требовал. Но прежде чем весь этот зал, праздник и ярость обрушатся на них (а это непременно случится), Фионн обнял дрожащую Никсу.

— Что есть, моя королева? — спросил Фионн.

Холодные губы Никсы коснулись мочки уха Фионна, вызывая слишком знакомый трепет у бессмертного.

— Надежда.

И это было последнее слово, которое она произнесла.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Глава 1

Север и горы, полные неогранённых сокровищ, отданы искусным гномам.
Леса и долины со всеми живущими там существами — феям и друидам.
Моря, реки и озёра, таинственные и непостижимые, — манан-лир.
А Острова Огня — Ширру и его девяти сыновьям.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Я оторвала взгляд от ворона, усевшегося возле витрины, и заставила себя выдавить дружелюбную улыбку. И как всегда бывает, когда нужно выжать что-то из ничего, это немного больно. Но это, конечно же, никого не волнует. В последнее время я играю роль ученицы пекарши — немного глуповатой и жизнерадостной девушки.

Идеально подходящей для болтливых и слегка надменных жителей Гримфеара.

— Возьмёте то же, что и в последние дни, леди Болг?

И леди Болг, и её подруга проигнорировали меня.

— Ты уверена? Позволь-ка напомнить, на прошлой неделе ты перепутала сатин с шёлком, — сказала подруга, носившая самую экстравагантную красную шляпку, которую я когда-либо видела. Пускай я ничего не понимаю в моде, но из-за этого войлочного комка в форме пирамиды ей пришлось наклониться на входе в пекарню.

И это было далеко не самое странное, что я видела в этом городе.

— Готова поспорить на всё, что у меня есть, что это были... Ну, ты понимаешь. *Эти,* — сказала леди Болг.

Я не понимала, почему они считали уместным обсуждать последние городские сплетни именно у прилавка. Будь это моё заведение, я бы громко указала им, чтобы увели свои богатые человеческие задницы в сторону и дали мне обслужить тех, кто действительно хочет что-то купить.

Но той девушке, которую я из себя изображала, нравится, когда её игнорируют. Да что там, она даже не замечает этого.

Моя улыбка не уменьшилась ни на миллиметр.

— Я сейчас всё приготовлю.

Подала знак сестре, чтобы она принесла свежеиспечённые пирожные для леди Болг. Хозяйка пекарни наняла нас обеих, заметив, что мы быстрые и ловкие. Она не задавала

вопросов. Никак не вмешивалась. Всё, как я люблю: прийти в новое место, обосноваться на время, не привлекая внимания, и всегда быть готовыми исчезнуть.

Меня устраивало просто находиться в тёплом месте, пахнущем малиновым марципаном и коричными слойками. Это было большим прогрессом по сравнению с нашим прошлым местом жительства, Гальснаном, в чертовски холодных северных горах.

Так же, как Гальснан был полон животных и глупых мужчин, единственной целью которых была добыча гематита для короля, Гримфеар был населён людьми, разбогатевшими благодаря морскому порту и постоянному потоку товаров и людей. Прежде здесь находилась крепость гномов, в которой проживал сам король Гоб. После исчезновения гобинского рода во время войны город разросся к морю, со временем превратившись в оживлённый порт.

Я задавалась вопросом, что бы сказали гномы, если бы увидели, что стало со столицей их королевства. Если легенды правдивы и гномы действительно всей душой ненавидели манан-лир, возможно, они бы скорее разрушили город, чем позволили ему стать морским портом. И это не говоря уже о зданиях, построенных по приказу двора. Все они были приспособлены для людей и очень походили на столичные, с их куполообразными строениями и белыми шпилями башен.

— *Эти?* — фыркнула подруга леди Болг. Складывалось впечатление, что они терпеть не могут друг дружку, но всегда ходят вместе. — Ты даже не можешь произнести слово «сидхи»? Да при первом же появлении демона на Теу-Биаде ты упадёшь в обморок перед всеми, как дура.

Мои уши сами собой потянулись к ним, желая уловить больше информации. Мало кто в Гибернии говорил о сидхах открыто. Все они, будь то феи или манан-лир, преследовались двором и его солдатами и безжалостно истреблялись. Малейшее подозрение на то, что ты каким-либо образом связан с сидхами, могло привести тебя на виселицу (или в места гораздо хуже).

— Демоны — наши спасители, — пробормотала леди Болг, роясь в своём плаще в поисках кошелька. — Я бы упала в обморок от чести оказаться рядом с ними. Ни за что не пропущу этот Теу-Биад. Пятисотлетие победы станет уникальным событием. А Реанн как раз пора выводить в свет.

Собеседница рассмеялась ей в лицо. Эти две заклятые подружки не просто богачки. Они явно относятся к знати Гибернии. Баронессы? Виконтессы? Только знатных людей приглашают ко двору на такие события, как Теу-Биад — годовщину окончания войны.

Война, которую бог Теутус выиграл, и из-за которой люди теперь правили всем. Война, из-за которой такие, как мы с сестрой, не могли долго задерживаться на одном месте.

— Дай угадаю: ты считаешь, что у твоей дочери есть шанс очаровать одного из принцев?

В этот момент появилась Каэли с двумя мешками сладостей. Её изящные локоны подпрыгивали при каждом шаге. Мы переглянулись, и я подмигнула ей.

После чего эффектным движением выставила заказ на прилавок.

— Уверена, что ни один принц не сможет пройти мимо вашей дочери, если она хотя бы наполовину так же элегантна, как вы, леди Болг.

Женщина польщённо надулась, хотя продолжала игнорировать меня. Подруга же окинула меня взглядом с головы до ног, отметив выбившиеся из пучка тёмные пряди, пятна муки и мёда на руках и переднике платья, которое мне было велико на три размера.

— Мало того, что медлительная, так ещё и уши развесила.

Леди Болг доставала монеты из своего бархатного кошелька, когда дверь пекарни внезапно распахнулась и ударилась о стену. В помещение ворвался вихрь мокрого снега, от которого замерцали свечи. Дамы ахнули.

Они взволновались ещё больше, когда в помещение, спотыкаясь и падая, вошёл окровавленный мужчина. Я напряглась и протянула руку назад. Пальцы Каэли без колебаний переплелись с моими.

Он был одет в тёмные штаны и тонкую серую рубашку, которая нисколько не скрывала его многочисленные раны. Он с трудом держался за грудь, кровь стекала между пальцев, как сироп. Это был мужчина среднего возраста, с карими глазами и каштановыми волосами — настолько непримечательный, что я бы даже не обратила на него внимания, если бы не обстоятельства.

Он поковылял к прилавку. Несколько дам закричали и прижались к стеллажам. Леди Болг отбежала, потянув за собой хмурую подругу.

— Помогите… — прохрипел мужчина, почти падая, — в… подсобку…

С улицы доносились крики. Благодаря большой витрине я сразу увидела несколько тёмных фигур в капюшонах снаружи. Двое мужчин указывали в сторону пекарни. Один из них повернулся, и даже на расстоянии я разглядела серебряный блеск на его груди.

Кровь застыла у меня в венах.

Когда никто не ответил мужчине, он решил действовать самостоятельно и перекатился через прилавок. Он оставлял за собой кровавые пятна, но мне не было до этого дела: всё равно это не моя пекарня, да и я в эту минуту чётко осознала, что нам снова придётся бежать. Бледная от страха хозяйка пекарни не могла выдавить ни слова.

Я потащила Каэли в подсобку. Она попыталась меня остановить, но ей всего восемь лет, и я всё ещё намного сильнее её, даже без учёта наших способностей.

— Аланна'са... — прошептала она. — Ему нужна помощь.

— Это не наше дело. — Я открыла дверь и побежала к нашим рюкзакам. Каждое утро я проверяла их, чтобы убедиться, что в них есть всё необходимое на случай, если нам придётся срочно бежать, и молилась, чтобы такой необходимости не возникло. Любой, кто бы меня увидел, подумал бы, что я преувеличиваю, что я параноик. Но двадцать лет страха и преследований не проходят бесследно. — И не называй меня так, когда нас могут услышать.

— Но...

Дверь снова открылась. Мужчина последовал за нами. Мои глаза встретились с его, полными ужаса, но я запретила себе что-либо чувствовать. Он уже труп. За ним гнались чёртовы Дикие Охотники, и он оставлял след, который невозможно было не заметить. Даже слепой пёс без носа смог бы его найти.

— Давай, быстро.

Я повела сестру к заднему выходу, через который поступали товары и через который хозяйка заставляла нас входить и выходить. Главная дверь только для клиентов. Так всё устроено у людей в больших городах.

Из лавки донеслись голоса. Будучи на грани паники, я уже собиралась открыть дверь, как вдруг тяжёлые и уверенные шаги раздались в подсобке. Я на мгновение оглянулась через плечо. Моё сердце билось в тревоге. Три тёмные фигуры ворвались внутрь, делая это и без того маленькое и тесное пространство крошечным. Первый был настолько высок и широк, что у меня свело живот. Он был в капюшоне, нижнюю половину лица скрывала кожаная маска. Всё в нём было чёрным, большим, устрашающим.

Он безошибочно указал на меня и Каэли, хотя был развёрнут к раненому мужчине.

— Стоять. — Его глубокий голос звучал недовольно.

Тьма, охваченная любопытством, попыталась выглянуть из-под моей одежды. Сегодня она была необычайно упорна. Мне стоило немалых трудов сдержать её.

«Даже не думай», — предупредила я её. Раздражённая, она снова спряталась.

Господи, какого же роста этот варвар? Два метра? Его мощная фигура выделялась на фоне тёмной одежды. Что кожаная броня, что защитные накладки на предплечьях и ногах выглядели очень качественно, а на ремнях, обхватывающих его узкую талию, висело несколько видов оружия, что стало для меня вторым тревожным звоночком.

Первым звоночком была сверкающая гематитовая эмблема на его груди. Ворон, сидящий на молнии, — символ Диких Охотников. Убийц сидхов, проще говоря.

Мне часто снились кошмары, в которых этот ворон был покрыт кровью. Я просыпалась в ужасе, дрожа, и часами не могла заснуть вновь.

Диких Охотников было несколько сотен, всех их тщательно отбирали среди лучших воинов королевской армии. Они делились на два отряда, каждый из которых возглавлялся одним из двух принцев. Сетанта Руад, наследник Гибернии и первенец короля Нессия, командовал лучшими из лучших. Его младший брат, Бран Руад, — вторым отрядом. Между принцами существовало своего рода противостояние, из-за чего оба отряда постоянно соперничали друг с другом, стремясь заслужить одобрение короля.

Охотники странствовали по всей Гибернии, истребляя сидхов, которые не умели хорошо прятаться. Почему они оказались в Гримфеаре? Неужели то, о чём болтала леди Болг, — правда, и в городе действительно были сидхи? Какова вероятность, что нас тоже поймают?

Не могло же нам настолько не повезти, верно?

Раненый мужчина рухнул на бочки. Он вытащил из своего плаща шило и направил его на охотника. Его рука так дрожала, что я сомневалась, сможет ли он им воспользоваться. Я начала медленно отступать к двери, пряча Каэли за спиной.

— Никому не двигаться! — рявкнул охотник. За ним две другие фигуры в капюшонах зашевелились. По их комплекции можно было догадаться, что это женщины. Они носили такие же капюшоны и маски, как и он, а у самой низкой на бёдрах висели два кинжала с красными рукоятями. Меня удивило, что она до сих пор их не обнажила. Возможно, она просто понимала, что беглецу некуда деваться. — Я же сказал...

Он не успел закончить фразу. Ко всеобщему удивлению, мужчина использовал шило не для защиты... а чтобы покончить с собой. Я едва успела моргнуть, когда он вонзил лезвие остриём точно себе в шею. Этот вид оружия был также известен как «кровопийца», потому что его использовали для нанесения глубоких ран.

С тихим последним вздохом мужчины уронил руку. Его тело сползло на пол.

Одна из охотниц, которая повыше, недовольно вздохнула.

— Просто отлично...

Другая хлопнула её по руке в тот момент, когда мои пальцы схватились за дверную ручку. Петли скрипнули, и три головы резко повернулись в нашу сторону.

Чёрт.

Я не успела придумать план, хотя ясно понимала, что нам нужно бежать и прятаться. Я должна защитить Каэли.

Высокая охотница обошла своего товарища и решительно направилась ко мне, поэтому я выхватила свои любимые болас[1] из сумки и бросила их прямо в её живот. Я не видела, как она упала, потому что уже бежала к охотнику. Я достала два ножа из своих сапог и нанесла два точных удара по его подколенным сухожилиям.

Охотник, застигнутый врасплох, рыча, упал вперёд.

— Твою ж!.. — прорычал он.

Я увернулась и бросилась прямо к оставшейся женщине, самой низкой и тоненькой из них троих. У меня больше не было преимущества внезапности. Она быстро выхватила кинжалы с красными рукоятями и приняла оборонительную позицию, что говорило о её опыте и мастерстве. Тьма снова потянула меня за волосы на затылке, пытаясь привлечь моё внимание, чтобы я выпустила её на свободу, но я её проигнорировала.

Хоть охотница и была обученным солдатом, я понимала, что могу с ней справиться. Однако сейчас было не лучшее время демонстрировать свои *особые* способности.

В мгновение ока у меня на ладони оказалась одна из моих самых мощных и сложных в приготовлении смесей. Если и был подходящий момент, чтобы её использовать, то сейчас именно он.

Я остановилась, выставила ладонь перед собой и выдохнула порошок прямо на охотницу. Этого хватило.

В следующее мгновение мы с Каэли уже убегали прочь от пекарни и сливались с тенями города.

[1] прим. редактора: охотничье метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны обёрнутые кожей круглые камни, костяные грузы, каменные шары и т. п.

Глава 2

Не было, нет и не будет сражения, в котором не участвовала бы Призрачная Королева. Её крик вселяет безрассудную храбрость в воинов, но горе тому, кто увидит её тень, пролетающую над ним. Это будет последнее, что он увидит.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Прошло несколько часов. Я плелась по узким улочкам окраин Гримфеара, а следом за мной шла Каэли. Уже наступила ночь. Если передвигаться по плохо освещённым местам, то сможем добраться до причалов. Куда мы пойдём дальше, я не знала. Но у нас больше не было выбора.

Что бы сказала наша мать, если бы увидела нас?

Вообще, надеюсь, она бы нас просто не узнала. В этом и заключалась суть трансмутационных камней, которые я тщательно подготовила сразу после побега из пекарни. Даже когда я пришивала камень Каэли внутрь её рубашки, чтобы он постоянно соприкасался с кожей, я не могла избавиться от мысли о выражении отвращения и разочарования на лице нашей матери за использование магии. Она бы высказала всё, что думает о том, как безрассудно с моей стороны использовать фейские камни.

У матери даже мысли не возникало, что у магии две стороны, как у монеты. Она всегда ненавидела её и с самого детства давала мне понять, что мы все несчастны из-за магии. Она относилась к ней как к хронической болезни. И будь это возможно, она бы выкачала всю магию из меня, чтобы я стала обычным человеком. *«Ты, моя несчастная Аланна... Ты самая опасная из нас всех».*

Вот только если люди не могут извлечь ни капли магии из окружающего мира, даже когда на кону стоит их жизнь, то древние расы не могут не использовать её.

Несмотря на то, что я годами наблюдала ненависть матери, я так и не смогла взглянуть на магию её глазами.

И поэтому она умерла.

Тем не менее, я использовала магию минимально, так, чтобы почти не оставалось следов. Фейскими камнями я не искажала реальность, а изменяла саму себя. И даже так использование трансмутационных камней с каждым часом всё больше истощало меня. Я никогда не прибегала к ним на столь долгий срок.

Для любого, кто взглянул бы на нас, мы были двумя низкорослыми, худыми и неуклюжими стариками, одетыми в скромные штаны и плащи. Грустные, дряхлые и

совершенно непримечательные. Конечно, магия камней имела свои ограничения: чем больше времени проходило, тем слабее я себя чувствовала.

«С ними нужно обращаться осторожно, иначе они могут поглотить всю магию до последней капли», — однажды прочитала я. Камни были полезными инструментами, но всё-таки не обладали разумом.

Я не совсем понимала, где мой предел. Не было возможности исследовать их полностью. Знала лишь, что наш род был самым проклятым из всех, а значит, мы обладали могущественным даром.

И всё же я сама удивлялась своей силе. Её хватало и на мой камень, и на камень Каэли; сама она ещё слишком маленькая, чтобы использовать магию трансмутации. Более того, я не только изменяла нашу внешность, но и всё, что могло бы нас выдать: голоса, запах, движения. А это требовало много сил.

В прошлый раз, когда я тратила столько магии, мне было почти двенадцать, и наша мать была ещё жива. И хотя теперь я использовала магию иначе, ощущения... были знакомыми. Покалывание в груди. Тепло в животе, как будто только что выпила свежеприготовленный бульон. Уверенность в том, что делаю что-то правильное.

Как бы то ни было, если нас преследуют, я сделаю всё необходимое, чтобы им было трудно нас найти.

Мой внутренний голос фыркнул. *Если* преследуют? Ты ранила трёх королевских охотников. Теперь солдаты будут поджидать вас с Каэли на каждом углу.

Где-то в городе, не очень далеко, раздались крики, и мы остановились. То оказалась всего лишь уличная драка.

Мы не могли покинуть Гримфеар, потому что у городских ворот проводят очень строгие проверки с гематитом. Лёгкое касание, одна-две капли крови – и то, что для человека совершенно безвредно, выдало бы нас.

Мы были в ловушке.

Каэли взяла меня за руку.

— Ты в порядке? — спросила она.

Я вздохнула. Мой лоб был покрыт потом, и я уже давно перестала чувствовать кончики пальцев.

— Не считая выпавших зубов и волос? — пошутила я. Меня всегда поражала точность магии. Я хотела выглядеть как можно старше и непривлекательнее, так и вышло.

— Нет, дело в том, что я... — сказала моя сестра, переминаясь с ноги на ногу. — Я вижу сквозь заклинание. Вижу *тебя*.

Это меня встревожило.

— Что? Как долго?

Неужели магия начала ослабевать? Предполагалось, что только я могу видеть истину, поэтому я видела её кудри и прекрасные зелёные глаза.

— С самого начала. — Каэли закусила нижнюю губу. — Прости, что сразу не сказала.

Я вздохнула.

— Ты растёшь, и твоя магия тоже.

— Знаю.

— Если бы не всё это...

— Это я тоже знаю. — Улыбнувшись, Каэли сжала мою руку. — Не беспокойся так сильно. Вместе мы непобедимы, помнишь? Всё будет хорошо.

О богини, она... Она для меня весь мир. Внутри неё настоящий свет.

— Ой-ёй-ёй, с каких пор ты ведёшь себя как старшая сестра? Я бы поцеловала тебя, но не уверена, что это вписывается в нашу легенду.

— Оставь это на потом, когда мы будем в безопасности.

Неопределённость овладела мной. Смогу ли я снова нас спасти? Я решительно отбросила эти мысли. Такие вопросы не имели смысла. Я *должна* спасти нас. Каэли была моей леэки, моей единственной приоритетной задачей.

Когда мы добрались до пристани, я была настолько изможднена, что рухнула за ящиком, пахнущим рассолом. Зажмурилась, потому что не могла больше выносить игру света и теней. К горлу подкатывала тошнота.

— Аланна'са... — Маленькие ручки Каэли убрали волосы с моего покрытого испариной лица. — Нам нужно снять камни. Ты плохо выглядишь.

Я понятия не имела, как выгляжу снаружи, но чувствовала себя умирающей изнутри. Облизала пересохшие губы. Если контролировать дыхание, желудок перестанет пытаться выдать содержимое наружу и мир будет вращаться немного медленнее.

— Не раньше, чем ты окажешься в безопасности.

— *Мы* окажемся в безопасности, — поправила она меня с непривычной твёрдостью в голосе. Каэли редко злилась. У неё не было на то причин. Я всё для этого делаю. — Мы обе.

— Я это и имела в виду, леэки. Лучше скажи, что там сейчас на пристани.

Она ничего не ответила, но послушалась. Я почувствовала, как она осторожно передвигается за грудами товаров, сложенных у одной из верфей. Краем глаза я уловила движение, но то был всего лишь ворон, стряхивающий воду с коробки. Казалось, птица насмехается надо мной за то, что поймала меня в момент слабости.

Не было сил даже прогнать его.

Время было уже далеко за полночь, и несколько моряков и торговцев заканчивали приготовления к отплытию с первой волной. Течение Ваха пригоняло ледяные осколки, заставляя их биться об опорные столбы причалов. Снег скапливался на снастях, пропитывал паруса, покрывающие товары, и смешивался с рыбьими внутренностями и экскрементами на каменных полах. Моряки ругались при каждом скольжении, плевались и тёрли замёрзшие руки.

Я услышала тихую поступь Каэли, которая как раз возвращалась обратно. Мне показалось, что она вернулась слишком быстро, но, возможно, я просто потеряла сознание на несколько минут.

— Ничего необычного не заметила. По пристани ходит патруль, но никаких проверяющих с гематитом.

Это хорошая новость. Странная, но хорошая.

Каэли промокнула моё лицо куском ткани — вероятно, частью своего плаща, — вытирая холодный пот.

— Наверно, охотники не подали сигнал тревоги, — прошептала она, и я почувствовала её улыбку, даже не видя её. — Уверена, им слишком стыдно.

Я не разделяла оптимизма сестры и сильно сомневалась, что самые жестокие и хорошо обученные воины короля упустят возможность отомстить. Кроме того, я использовала магические смеси. Охотнику сильно повезёт, если он снова сможет ходить, а охотница, в лицо которой я бросила порошок… Ну, пусть её бог смилостивится над ней.

— Тогда давай воспользуемся этим преимуществом.

Одна только мысль о том, чтобы встать, казалась невыносимой, но я стиснула зубы и приняла помощь Каэли.

— Есть груз с гематитом, среди которого мы можем спрятаться. Плохо то, что я слышала, что корабль направляется к...

Всё произошло очень быстро. В тот момент, когда я почувствовала, что Каэли оторвали от меня, что-то твёрдое и толстое сдавило моё горло, перекрыв дыхание. Холодная рука, покрытая перчаткой, зажала мой рот.

— Далеко собрались? — прошептал со злыми, язвительными нотками мужской голос у самого моего уха.

Нет, нет, нет… Как они нас нашли? Мы выглядели по-другому, я была осторожна.

Инстинкт взял верх, преодолев на несколько секунд усталость. Я нащупала кинжал на своём поясе — единственное наследие моей семьи. Вместо того чтобы ударить по руке, которая душила меня, я поднесла лезвие под свою левую подмышку и с силой вонзила. Услышала приглушённый звук, в котором отразились боль напополам с удивлением, и внезапно вырвалась на свободу.

Я подалась вперёд, пытаясь сделать вдох. Несвоевременные чёрные точки начали затуманивать моё зрение; я яростно моргала, чтобы они исчезли.

Тьма торопливо поднималась по моим ногам, желая помочь.

«Нет!» — мысленно приказала я.

Чуть в стороне другая фигура напала на Каэли. Та била ногами воздух и стонала, задыхаясь. Я бросилась к ним, хотя, возможно, это было не самой лучшей идеей. Потому что я споткнулась о бочку и врезалась в обоих, повалив всех нас.

Мне удалось перекатиться на спину, и, несмотря на то, что мои веки открывались и закрывались без разрешения, я нащупала одно из своих оружий. Мне нужно... Мне нужно встать.

Внезапная боль пронзила мой правый бок. Удар выбил весь воздух из лёгких. Я открыла рот и почувствовала судороги в груди.

— Нет! — закричала Каэли. — Нет, оставьте её!

Услышав голос сестры, дрожащий и полный страха, я заставила себя открыть глаза, несмотря на то, что сознание уже ускользало. К какому-то колодцу, вниз, вниз, вниз...

Я заметила пару чёрных сапог, приближающихся ко мне.

— Даже вблизи не видно обмана, — произнёс владелец сапог. Они были такими начищенными, что, казалось, им не место на этом грязном причале.

Это был тот, кого я ранила. Он опустился на колени рядом со мной, одной рукой зажимая рану. Тёмная и густая кровь капала сквозь его окровавленные пальцы. Я попала меж рёбер. Жаль, что не в сердце.

— Тебе придётся многое объяснить, грязная сидха. Использование запрещённой магии, владение гобийской сталью...

Он тяжело вздохнул, и я посмотрела ему в лицо.

Он вне всяких сомнений был охотником. Молодой парень. В униформе со значком. Он снял капюшон. Маски не было. Его бледное лицо с какой-то детской красотой было искажено от боли. Волосы казались серебристыми в свете луны.

У него был любопытный шрам на скуле, похожий на падающую звезду.

И то ли потому что я достигла своего предела и уже бредила, то ли потому что передо мной стоял чёртов королевский охотник, получивший по заслугам, но мои губы растянулись в ядовитой ухмылке.

— Больно, правда? — прошептала я.

Он посмотрел на меня с уже хорошо знакомой мне ненавистью. Я уже сто раз видела этот холод, с которым люди смотрели на сидхов, как будто последние не заслуживали даже того, чтобы к ним относились как к животным. Охотник схватил меня за воротник, приподняв на несколько сантиметров от земли, и я увидела, как он заносит руку назад. Ну, это будет хороший удар, без сомнения.

Но тут из ниоткуда появилась рука и сжала запястье охотника.

— Вряд ли она сможет что-то объяснить после этого, не думал? — сказал другой мужской голос, глубокий и... *знакомый?*

Я снова упала на землю, когда он отпустил меня. Я бы воспользовалась моментом, чтобы отодвинуться или незаметно достать другое оружие, но... поняла, что не могу. Оцепенение начало охватывать меня, будто ледяные змеи обвили тело и сжимали в тисках. Не стоило мне так долго использовать камни.

Тьма подбиралась из укромных уголков причала, нетерпеливая, почти яростная.

«Нет. Тебя не должны видеть», — напомнила я ей.

Я искала глазами Каэли. Наши взгляды встретились. Охотник всё ещё удерживал её, и хотя он прижимал меч к её горлу, кажется, она была невредима.

— Она протянет достаточно, чтобы привести её живой к видеру, — прорычал человек со шрамом, освобождаясь от руки, державшей его. — Мой отряд был здесь первым. Убирайтесь.

Его отряд?

Это означало...

Нет, не может быть.

Третий голос, на этот раз женский, присоединился к разговору.

— Вам всегда главное быть первым, ваше высочество. Вам надо как-то справляться со своей неуверенностью, это совсем не привлекательно.

Ваше высочество.

Он один из проклятых принцев.

А я... Я его ранила.

И если слухи верны, то это, видимо, младший, Бран. Его прозвали Серебряноволосым в народе. Многие воспевали его почти неземную красоту. Меня отвлёк тихий смех, и сердце забилось быстрее.

— Если для тебя так принципиальна очерёдность, то могу заверить, что мы уже успели столкнуться с этими якобы сидхами. Давай, Сейдж, покажи свои красивые синяки.

Кто-то ответил рычанием.

Охотник со шрамом, а точнее чёртов принц Бран, вновь обратил внимание на меня. О боги, я бы сейчас всё отдала, чтобы сдержать рвотные позывы и сломать ему трахею.

— Слышали о вашей стычке, да. История о трёх поверженных охотниках в пекарне разнеслась по всему городу за несколько часов. Разве тебе не перерезали сухожилия на ногах?

Я сделала это. Я разрезала его сухожилия. Я уверена.

— Будь это правдой, мне бы сейчас было очень трудно сейчас стоять. Не стоит верить всему, что слышишь.

Принц Бран иронично ухмыльнулся.

— Ясно. Так ты сказал «*якобы* сидхами»? Давай разберёмся. — Он снова наклонился ко мне, бесцеремонно ощупывая моё тело. — Где ты прячешь свои уродства, сука?

Я поджала губы и закрыла глаза. Плевать. Я даже не чувствую своего тела.

— Прекрати! — внезапно закричала Каэли, и нотки её настоящего голоса прорвались сквозь личину старика. — Не трогай её!

Я хотела сказать ей не беспокоиться, оставаться на месте и молчать. К моему ужасу, Каэли толкнула своего пленителя плечом, и тот... отлетел. Он пролетел несколько метров и врезался в кучу сваленных верёвок.

В последовавшем за этим ступоре, когда все охотники смотрели на своего товарища в изумлении, Каэли приложила руку к груди.

Когда я поняла, что она собирается сделать, было уже слишком поздно.

— НЕТ! — закричала я в тот момент, когда Каэли бросила на землю камень трансмутации. В ту же секунду я почувствовала, как часть магии исчезла, ослабляя давление внутри меня.

Губы принца растянулись в безумной улыбке, как только он увидел девочку, скрывавшуюся под маскировкой.

— Попалась.

Моя сестра устремила свой взгляд на принца, и в темноте её глаза светились настоящим изумрудным светом. Я задержала дыхание, потому что это была не та Каэли, которую я знала.

— Отойди от моей сестры!

Один из многочисленных ящиков на причале поднялся в воздух, словно был легче самого воздуха, и полетел в сторону принца. Я закрыла глаза, но почувствовала лишь порыв ветра, пронёсшийся мимо меня. Когда я снова открыла глаза, его уже не было.

Лёжа на земле, беспомощная, я наблюдала, как магия берёт верх над моей сестрой. Она совсем не была похожа на мою тьму. Её магия, казалось, была совершенного иного

рода. Каэли излучала... свет. Ощущала ли она то же самое горячее течение энергии в своих венах? То же самое состояние благоденствия?

Трое оставшихся охотников замерли.

— Это было... впечатляюще, — прервал тишину один из них, подняв руки, словно хотел показать, что пришёл с миром. — Очень, очень некстати, конечно, но я тебя не виню. Он это заслужил.

Медленно сняв капюшон и затем избавившись от маски, он открыл своё лицо и улыбнулся.

Это не была хитрая, садистская или злая улыбка, которую можно было ожидать от людей короля.

Она была доброй. И к ней в придачу шло лицо, подобных которому я ещё никогда не видела. Не сказать, что оно было красивым, скорее... притягательным. Оно излучало магнетизм, из-за которого невозможно было не смотреть на него с восхищением. Тёмные волосы и брови, высокие скулы, полные губы, крепкая челюсть. От всего этого в сочетании с прекрасной улыбкой ещё более жестоким казался тот факт, что незнакомец служил лживому двору человеческого короля.

Каэли даже не моргнула.

— Ты будешь следующим.

— Не хотелось бы, — ответил он. — Я здесь не для...

Ворон каркнул.

Наступила тишина.

Трое охотников переглянулись, но я обратила внимание на выражение лица мужчины. Он казался обеспокоенным. И, к моему удивлению, он приблизился ко мне, прикрывая, словно хотел защитить.

Порыв ветра пронёсся по причалу, сметая товары и заставляя скрипеть пришвартованные корабли. Моряки кричали. Скудный свет, исходивший от масляных ламп на фасадах зданий, становился всё слабее, слабее и слабее.

Приближались шаги, спокойные, но уверенные. Ветер, словно живое существо, надвигался слева. Он поднимался по ящикам, канатам и моткам старых тканей, поднимал снежную пыль и разносил зловоние пристани. Когда он подкрался к моим ботинкам, я инстинктивно попыталась поджать ноги. Они не слушались.

Вместе с ветром появилась женщина, причём этот ветер, казалось, совершенно её не касался. Её волосы цвета крови были собраны в тугую косу, спадавшую через плечо почти до колен. Её лицо, словно вырезанное из алебастра, было очень красивым. Глаза подведены чёрным, губы красные и блестящие. Две цепочки пересекали её лицо по диагонали, образуя крест на носу. Уши, шея и руки были увешаны сверкающими украшениями.

Она оглядела нас с равнодушием, как будто не видела ничего достойного внимания.

— И для этого ты меня позвал? — пробормотала женщина.

Я бы подумала, что она говорит сама с собой, если бы не ворон, севший на её правое плечо. Птица потёрлась своей чёрной перьевой головой о щёку женщины в ласковом

движении, которое казалось совершенно неуместным. Затем ворон посмотрел прямо на меня.

И в этот момент мне почему-то вспомнились все вороны, которых я видела за последние дни. Их было несколько: один словно бы наблюдал за мной с внешней стороны витрины пекарни, а ещё одного я видела всего несколько минут назад.

«Да, это был я, — казалось, говорил ворон, глядя на меня неестественно пристально. — Я — это все они. Они — это я. И у тебя с самого начала не было ни единого шанса».

Ворон взмахнул крыльями и, каркая, полетел к Каэли. Я ахнула, но моя сестра лишь сжала кулак в воздухе. С неприятным хрустом ворон упал к её ногам, превратившись в груду костей и перьев. Мёртвый.

— Чёрт, — пробормотала одна из охотниц.

Вместо того чтобы разозлиться, женщина с косой приподняла брови. Из ветра у неё за спиной появился новый ворон, который снова сел ей на плечо.

— Это было не очень вежливо, малышка. — Затем она обратилась к охотникам. — Я беру её на себя.

Один из охотников шагнул вперёд.

— Мы…

Вихрь, появившийся из ниоткуда, поглотил его, не дав договорить. Его и ещё двоих. Что это за магия? Мы всё ещё на пристани, или эта женщина перенесла нас в другое место?

Она не человек, и ты это знаешь.

*Ты знаешь, кто она… **что** она такое.*

— Во-первых, давайте посмотрим, стоило ли это путешествие моего времени. — Одно лишь движение пальцев женщины, и я почувствовала, как магия трансмутации просто исчезла. Тяжесть камня у меня на бедре испарилась. Она его уничтожила? С такого расстояния? — Разумеется, ты не можешь пошевелиться, нельзя использовать магию друидов без последствий. А ты…

От следующего движения её пальцев магия, из-за которой светились глаза Каэли и искажалось её лицо, исчезла. Моя сестра рухнула на колени. Посреди всего этого хаоса я не могла не почувствовать облегчение, видя её вновь в нормальном состоянии.

Ворон каркал прямо в ухо женщине.

— Да, да, я тебя слышу. Так, девочка, покажи мне свои необычные глаза.

Кажется, она обращалась к Каэли. В конце концов, это она всегда привлекала внимание своим изумрудным цветом глаз. Внимание приятное, полное восхищения и комплиментов.

«Ты прекрасна, моя дочь, но судьба поступила с тобой жестоко, — говорила мне наша мать. — У тебя глаза зла».

Однако женщина приблизилась ко мне, её чёрное платье струилось вокруг неё, и она наклонилась, чтобы рассмотреть меня поближе.

Мне даже в голову не пришло закрыть глаза. Я могла быть беспечной во многих ситуациях, но не была идиоткой. Что бы она ни искала в нас, прямо сейчас она, кажется,

не заинтересована в причинении нам вреда. Мои руки, сжатые в кулаки, дрожали от напряжения. *Хоть бы тьма не взяла верх*. Я была в отчаянии. Я узнавала эту опасность.

На лице женщины промелькнуло странное выражение, пока она смотрела мне в глаза, столь мимолётное, что я не смогла его разгадать. У неё был один глаз голубой, а другой чёрный, как смола.

Внезапно меня отвлекло движение. Каэли подползала ближе, несмотря на то, что дрожала всем телом. В последнем всплеске сил и смелости она попыталась оттолкнуть её от меня.

— Не... Не причиняй ей вреда.

Женщина цокнула языком и остановила её, схватив за руку. В месте их соприкосновения вспыхнул ослепительный белый свет, который охватил всё тело Каэли.

Меня внезапно накрыл ужас.

— Каэли! Каэли! — кричала я снова и снова. — Отпусти её! Накажи меня!

Женщина не ответила. Она отступила и хмуро наблюдала за светом. Спустя несколько секунд, которые для меня стали нескончаемой пыткой, сияние начало угасать. Вскоре оно открыло маленький, округлый и дрожащий силуэт.

Я смотрела на неё.

И смотрела.

И не могла понять, что произошло.

Моё сердце остановилось, истекая кровью, обливаясь слезами. Я попыталась снова пошевелить руками, забыв, что уже исчерпала все свои запасы энергии.

Не обращая внимания на мою боль, женщина издала звук, похожий на удивление. А затем, как будто не смогла удержаться, разразилась хохотом.

Её смех с каждой секундой вонзался в меня всё глубже и глубже. В место, которое не забывало и не прощало.

— Как думаешь, *что* мы пробудили? — весело спросила женщина, гладя ворона по шее. — Тебе не любопытно?

Ворон каркнул. Значило ли это «да» или «нет», знала только женщина.

— Полагаю, мы, как всегда, узнаем со временем. — Улыбаясь, она посмотрела на медвежонка, который теперь находился на месте Каэли, а затем, лениво моргнув, взглянула на меня. — Давай поиграем, девочка. Сегодня я ставлю на тебя.

И к моему ужасу, щелчком пальцев она создала клубок теней, который окутал мою сестру и поднял её в воздух. Саркастическая улыбка не померкла ни на миг.

— Что... что ты делаешь? Отпусти её.

Женщина сделала широкое движение рукой, и вихрь из чёрных перьев закружил с какофонией карканья и визга, словно сотни ворон внезапно появились из ниоткуда и замахали крыльями одновременно. Вихрь воздуха и перьев поднялся в небо и исчез. От женщины и Каэли не осталось и следа.

Я осталась сидеть там, на влажной земле, дрожа. Закрыла глаза и снова почувствовала себя двенадцатилетней. Я снова была в переулке, беспомощная, управляемая сильными людьми, как будто моя жизнь и смерть не принадлежали мне. Кукловоды дёргали меня за ниточки.

И они отняли самое дорогое, что у меня было.

— Леэки... — смогла прошептать я, прежде чем тьма, уставшая ждать, накрыла меня с головой.

Глава 3

Известно, что наид-нак всегда попадает в цель.

Из запрещённой книги «О народе драконов».

Когда я пришла в сознание, на меня всё навалилось разом. Как лавина сцен, мыслей, голосов, чёрных перьев и боли.

Каэли, Каэли, Каэли...

Только опыт подсказал мне, что нужно лежать тихо. Оставаться неподвижной, насколько это возможно, и прислушиваться.

Первым, что я проверила, конечно же, было моё собственное состояние. Мышцы были сведены судорогой, и у меня болели даже ногти. Укол в рёбра напомнил о пинке принца. И всё же истощение, свалившее меня на причале, прошло. Моё тело уже исцелило большую часть ран. Это было одним из немногих преимуществ моего рода.

Сколько времени я пробыла без сознания?

Качание и фырканье дали понять, что я еду верхом на лошади. Копыта топтали снег. Мы двигались через лесистую местность. Где-то в окрестностях Гримфеара? Или же уехали дальше? По теплу и аромату за спиной я поняла, что со мной кто-то ехал. Женщина. Она приятно пахла, но перед глазами всплыли кроваво-красные волосы и жестокая улыбка.

Страх начал подниматься во мне; я усилием воли заставила себя включить мозг.

И уловила обрывок разговора.

— ...как минимум полдня. — Это была молодая девушка где-то рядом. На другой лошади? Я узнала её голос: она говорила на пристани.

Одна из охотниц.

Я оказалась в руках Диких Охотников.

— Придётся ускориться, — ответила та, что ехала со мной. Её голос звучал сурово. — Если не псы Брана, то *она* точно будет нас искать.

— Это бессмысленно. Зачем забирать только девчонку, когда можно было забрать обеих?

Каэли.

При упоминании сестры я не смогла сдержать тьму. Магия вспыхнула внутри меня, в складках моей одежды и требовала выхода, активных действий, немедленной реакции. Я загнала её обратно, но девушка за моей спиной наверняка заметила напряжение в моём теле.

Я подождала секунду, две, три... Но ничего не произошло.

Разговор между двумя девушками перешёл на банальные темы, такие как холодные ночи в лесу и что бы им хотелось на ужин. По звуку копыт было три лошади.

Но неужели это были те охотники, с которыми я столкнулась в пекарне? Как они оказались на причале? Они должны были остаться в подсобке.

Я промахнулась с ножом? Ошиблась с порошками?

Девушка рядом сказала, что ей нужно размять ноги. Группа замедлилась, и вскоре лошади остановились. Женщина, ехавшая со мной, крепче сжала меня, и я приготовилась к любому исходу, например, что меня просто сбросят на землю.

— Дай её мне, — сказал мужской голос.

Это был он. Тот, кому я порезала ноги.

К моему удивлению, охотник перетянул меня на себя очень осторожно. Его запах напоминал свежую древесину, горящую в домашнем очаге; не неприятный. Охотник позаботился о том, чтобы моя голова легла на холодную броню на его груди, царапнувшую мою щеку. Его руки обвили мою талию и ноги с поразительной лёгкостью. Он определённо силен.

Спокойно. Думай. Выход есть всегда.

Охотник продолжал стоять неподвижно, держа меня на руках. Это был не первый раз, когда я притворялась без сознания или спящей, но я невольно задумалась, а не проверяет ли он меня на обман.

Наконец, кто-то откашлялся, и он пошёл.

Он уложил меня на землю как-то чересчур бережно. Даже поддержал голову. Хотя его поведение казалось странным, я не отвлекалась. К тому моменту, как он отошёл, я уже спрятала один из его ножей — тот, что был привязан к его бедру, —между складками своей одежды.

Затем я внимательно прислушалась к разговору. Охотники покопались в седельных сумках, поели (что-то холодное, так как огонь они не разводили). Девушки продолжили разговаривать ни о чём. О последней книге, которую одна из них прочла, о том, как они ненавидят ночевать под открытым небом. Одна из них была намного ворчливее другой. Мужчина молчал.

Единственное полезное, что я узнала, так это то, что мы находились в лесу Робабо; это было к западу от Гримфеара, примерно полдня пути, может быть. Меня это не беспокоило, я умела ориентироваться и знала, как найти укрытие и пропитание.

Я ждала, и ждала, и ждала, не решаясь сделать ни малейшего движения, даже глаза открыть боялась. Параллельно я сосредоточилась на поисках сестры. Каэли, Каэли... Я продолжала думать о ней, пока её энергия, тёплая и немного сладкая, не коснулась моих рук. Я почти физически ощутила исходящее от неё тепло; мне казалось, я слышу её тихие вздохи. Она жива. Где бы она ни была, она жива.

И я её найду.

Спустя какое-то время мне, наконец, представилась возможность.

Девушки встали, чтобы пойти за водой и осмотреть окрестности; логично, учитывая, что леса были охотничьими угодьями для демонов и хищных зверей.

Остались только мужчина-охотник и я. Я слышала, как он устроился поудобнее и затем притих. Я считала все его вдохи. Постепенно он засыпал.

Я думала подождать ещё немного, чтобы убедиться, что его сон достаточно глубокий, но вдруг девушки вернутся? Вряд ли у меня много времени. Для кого-то вроде меня пять минут могут стать разницей между жизнью и смертью.

Я медленно открыла глаза, быстро осматривая окрестности. Нашла охотника, сидящего у ствола ясеня, со скрещенными на груди руками и капюшоном на лице. Я видела только кончик его носа и приоткрытые губы. У него были длинные ноги, мускулистые бёдра.

Его дыхание оставалось медленным и равномерным.

Я села на корточки плавным, бесшумным движением, держа нож наготове.

Темнота оплела мои кулаки и слилась с ножом, как будто они были единым целым. Казалось, она просит меня перерезать ему горло. В конце концов, он охотник на сидхов. Я могу избавить многих его потенциальных жертв от пыток и смерти.

И это было заманчиво, да. Но нет. На этот раз я не позволю себе поддаться. На этот раз приоритетом будет Каэли, как всегда и должно было быть.

Разочарованная тьма отступила.

Я решила покинуть поляну с противоположной стороны от той, куда ушли охотницы. Когда я отойду достаточно далеко, я смогу побежать. Я довольно быстрая. Не как три лошади, конечно, но я могла бы выбирать пути, непроходимые для копыт. А когда настанет ночь...

Скрип кожи и шорох ткани за спиной остановили меня.

Ну конечно. Не могло всё быть настолько просто.

— В том направлении лес тянется на многие дни пути, полон зверей и демонов, — сказал охотник позади меня. Снег хрустел под его ногами. — Я бы не советовал туда идти.

Я сжала губы. Он только притворялся спящим? С какой целью? Посмеяться надо мной?

— Может, позволишь мне самой позаботиться о зверях и демонах?

— Боюсь, я не могу этого сделать. — Его голос звучал всё ближе.

Хорошо. Я понимала, что мои шансы в бою против него невелики, но иных вариантов не было. Я повернула голову, чтобы немного расслабить шею. Приготовилась к нападению.

Резко обернулась и встретила его взгляд. Охотник был всего в двух метрах от меня. Без капюшона стало видно пару глаз необыкновенного янтарного цвета. Красивые, обрамлённые тёмными длинными ресницами, слегка раскосые, они дополняли его поразительно привлекательное лицо, которое вдруг исказилось от удивления. Хотя мне следовало обратить внимание на множество других вещей (например, сколько ещё оружия у него при себе), я не смогла этого сделать.

БУМ.

Первой мыслью было, что земля содрогнулась от чего-то — то ли от действия мощного артефакта, то ли от шагов гигантского существа. Но что-то не сходилось. Деревья даже не качнулись, снег оставался нетронутым на ветках, а вокруг меня всё было

по-прежнему. Словно этот колоссальный толчок произошёл внутри меня, что было невозможно.

Или возможно?

Я машинально вытащила нож. Охотник держался за сердце. Он стоял, широко расставив ноги, словно тоже потерял равновесие.

— Какого?.. — пробормотала я.

Бум. Бум.

У меня перехватило дыхание так, как бывает, когда кто-то ударяет тебя в живот, и ты просто не можешь вдохнуть. Я тяжело дышала, с трудом хватая ртом воздух небольшими глотками.

Охотник хрипло вскрикнул. Я подняла взгляд вовремя, чтобы увидеть нечто… Нечто, что вырывалось из него. Воздух вокруг него искрился сотней красок, лучей света и звёзд, которые охватили его фигуру, как будто он был плотно завёрнут в раскалённое покрывало. Его руки были прижаты к телу, он весь скукожился, даже его волосы были примяты. Всё сжималось и сжималось, пока давление не стало слишком сильным. И тогда он разорвался. Взрыв разлетелся во все стороны.

Я закрыла глаза, чтобы защититься от этой странной воздушной волны, от этих лучей и красок, и запах чистой магии окутал меня. Он трепал мою одежду и волосы, даже вырвал нож из моей руки. Он отбросил меня на землю и понёсся дальше. Деревья за моей спиной закачались от этого порыва ветра и магии. Привязанные лошади на другом конце поляны встали на дыбы и заржали.

Ошеломлённая, я открыла глаза.

И то, что я увидела…

Это было…

Моё сердце сжалось, в голове не осталось ни одной мысли.

Охотник упал на колени. Он опирался кулаками о землю, чтобы удержаться. Его голова свисала, словно у него не было сил её поднять. Мой взгляд прошёлся по длинным тёмным прядям его волос, скользнул по огромным плечам и поднялся выше. К двум мощным огромным крыльям, которые теперь росли из его спины и занимали почти всё моё поле зрения. Тёмные и величественные, они напоминали крылья летучей мыши, если бы эти зверьки были более четырёх метров в длину и с когтями размером с человеческую голову.

Я слышала только об одном существе, обладающем такими крыльями, но считалось, что эта раса была истреблена во время войны. Как и гномы, и многие другие существа. Теутус позаботился о том, чтобы эпоха, когда сидхи жили вместе с людьми, осталась лишь дурным воспоминанием. Выжившие после той резни стали тенями и шепотками в ночи, они делали то же, что и мы с сестрой: лгали, притворялись, убегали. Скрывались от вездесущего короля Нессии и его оружия из гематита.

И уж точно они не носили форму Диких Охотников.

Всё ещё потрясённая, я смогла выдавить лишь очевидное:

— Ты сидх.

Он поднял голову, и наши взгляды встретились снова. На этот раз в его глазах было что-то другое, как будто янтарь каким-то образом поглотил его зрачки.

Бум. Бум. Бум.

Крылья внезапно встрепенулись, и мне в голову пришла глупая ассоциация с белыми совами с гор Хельглаз, стряхивающими с себя снег. Это было почти гипнотическое движение. Они заслонили свет, погрузив меня и всё вокруг в тень. Они были не полностью тёмными. По нижнему краю кожа казалась тоньше и становилась фиолетовой.

И это, по какой-то причине, напомнило мне о моих глазах, что встревожило меня ещё больше.

Когда наши взгляды встретились в третий раз, мы оба тяжело дышали.

БУМ.

Теперь уже больно стало мне. Не могу сказать, что это было невыносимо, но из-за того, что я не понимала источника боли, я запаниковала, схватившись за грудь. Я резко отодвинула одежду и почувствовала, как кожа над ключицами горит, воспалённая. Я ощупывала её снова и снова, пытаясь найти причину, но ничего не было. Моя кожа сама по себе пульсировала, вызывая дикую смесь ощущений. Вот только что всё горело, а сейчас бросило холод. Как если бы меня ужалила оса, а затем на место укуса попала свежая вода.

Что, чёрт возьми, происходит? Взрыв магии, появление крыльев, а теперь…

И тут я вспомнила.

«Если появилась метка, значит, вы уже обречены. Вот здесь, на груди. После этого вам уже не скрыться, эта тварь везде сможет вас найти».

В последнем городе, где мы жили с матерью, был мужчина по имени Ффодор, которому нравилось рассказывать детям жуткие истории. Конечно, многие из них были о самых ужасных и злобных существах во всей Гибернии — сидхах. Хотя мало кто видел их лично, рассказы о них перед сном всегда казались самыми интересными.

Ффодор был худым и узловатым, как деревянный посох. Он рассказывал нам об ужасных крылатых тварях с Огненных островов.

Он говорил, что если одна из них придёт за тобой, последним, что ты увидишь, будет плащ тьмы. Они заражают самой страшной болезнью, более жестокой, чем сама смерть: наид-нак. Это было своего рода проклятие драконов. Они использовали его, чтобы заражать другие расы; даже метили их кожу, как будто клеймили скотину. Феи, гномы, морской народ или люди — никто не был защищён от проклятия. Если дракон сделал это с тобой, твоя дальнейшая участь незавидна.

Ффодор был единственным человеком, которого я знала, кто осмеливался произносить слова запрещённого языка.

Со временем, после смерти матери, я пришла к выводу, что наид-нак не мог быть тем, чего боялись сидхи и люди в древности. Однако я верила в его основное значение: если тебя коснулась эта магия, пути назад не было.

И если сейчас со мной происходило именно это, если передо мной был настоящий чёртов дракон...

Это объясняло, почему он спокойно ходил после того, как я порезала ему голени.

— Что ты сделал? — возмутилась я. — Что ты сделал со мной?

Он, казалось, не мог ответить. Он медленно моргал, словно это требовало усилий. И бормотал что-то невнятное.

Он был слаб.

Я подняла нож с земли и бросилась на охотника. Я повалила его на спину в снег и прижала лезвие к его шее. На теле человека гематит оставил бы самый обычный порез, из которого потекла бы струйка крови. Но у этого мужчины кожа начала искриться и деформироваться, словно сворачивалась под волей кинжала.

Я едва не отпрянула, вспомнив, какую реакцию гематит вызывал у магических существ.

— Останови это! — закричала я.

Хотя мужчина казался оцепеневшим, он всё же продолжал пристально смотреть на меня. Его зрачки были неправильной формы. Вместо круглых они стали удлинёнными и узкими, как у змей. Он не ответил, и я тряхнула его за плечо свободной рукой.

— Останови это, слышишь? Мне всё равно, кто ты или что ты. Убери это, или я сама это сделаю.

Он моргнул несколько раз, прежде чем сглотнуть. Затем, словно наконец придя в себя, заговорил:

— Это нельзя остановить, а тем более убрать, — пробормотал он. От его голоса, хриплого и немного резкого, кинжал вибрировал, и эта дрожь доходила до моих пальцев.

Я стиснула зубы.

— Неправда. Смерть всё отменяет.

Несколько секунд он молча смотрел на меня. Затем его губы изогнулись в улыбке. Это была не та улыбка, что я видела на пристани. Та была фальшивой. Та улыбка не делала его более привлекательным, а скорее гасила его черты.

— Ну, тогда сделай это.

Не знаю почему, но я не дёрнулась, когда он накрыл мою руку своей. У него не было перчаток, поэтому я увидела сверкающее кольцо с красным камнем.

Меня озарила вспышка видений.

Темноволосый мальчик безутешно плачет, стоя на коленях в огромной, холодной, пустой комнате. Его колени…

Я с силой моргнула. Нет. Сейчас не время и мне это не нужно.

«Я сделаю это», — твердила я самой себе, не сводя глаз с его улыбки и странных зрачков. Не потому, что он дал мне разрешение, а потому что какой у меня выбор? Я крепко сжала рукоятку. Всё это было какой-то бессмыслицей. Человек, покончивший с собой в пекарне; появление той женщины и её ворона; Каэли, превратившаяся в дикого зверя, а теперь… дракон, переодетый в охотника, пытавшийся поймать меня проклятием, которым пугали детей. Серьёзно?

Я колебалась слишком долго, но поняла это, только когда почувствовала, что он напрягся подо мной. В следующее мгновение я оказалась на спине в снегу, а он уже нависал надо мной. Так как до этого я сидела верхом на нём, теперь мои расставленные

ноги обхватывали его бёдра, и я была полностью раскрыта. Он был крупным и тяжёлым, отчего у меня перехватило дыхание. Надо было не терять время, а думать о том, как улизнуть.

Но затем наши взгляды снова встретились. На этот раз не было взрыва в груди, но жар в районе ключиц снова дал о себе знать. Это было... не плохо. Скорее даже щекотно.

Зрачки мужчины изменялись, расширяясь и сужаясь снова и снова. Мой мозг отмечал абсурдные вещи, вроде румянца на смуглых щеках, серебряной серьги с цепочкой в левом ухе или того, как его прерывистое дыхание срывалось с его губ. Нижняя губа более пухлая, чем верхняя.

Мне не следует смотреть на его губы.

Мне нужно сбежать от него.

Вдруг я почувствовала, как его вес частично исчез. Он всё ещё был надо мной, но отодвинул бёдра и теперь стоял на коленях. Я увидела, как он крепко зажмурился на несколько секунд, а когда открыл глаза, его зрачки снова стали нормальными.

— Только что я так же чертовски влип, как и ты, — пробормотал он.

Я моргнула.

Сосредоточься.

— Если ты надеешься, что я пожалею тебя, то зря. Слезь с меня.

Он, конечно, не послушался. Казалось, он был расстроен, даже немного растерян, как будто ситуация произошла против его воли. Как будто не он это сделал. Он осматривал лес по обе стороны, пытаясь подобрать слова.

— Есть много вещей, которых ты не знаешь и которые мы собирались объяснить до того, как… это вот всё... — Его челюсть напряглась. — Всё не так, как кажется. Мы хотим помочь тебе.

Мой взгляд переместился на значок на его униформе. Если бы я коснулась его хоть одним пальцем, он бы обжёг меня.

Дракон понял, на что я смотрю.

— Я всё могу объяснить, — настаивал он.

— Могу ли я отказаться от этой помощи?

Он сделал паузу.

— Это было бы неразумно с твоей стороны.

Я улыбнулась с иронией.

— Ну и ну. — Я с силой толкнула его в грудь, хотя это было почти то же самое, что пытаться сдвинуть стену. — Слезь.

— Мне нужно, чтобы ты меня выслушала.

— А мне нужно, чтобы ты слез с меня. Если мне придётся просить тебя в третий раз, мне будет намного труднее поверить в ваше желание помочь.

Он наклонил голову и смотрел на меня так внимательно, что его зрачки снова сузились. Он поднял крылья и снова раскрыл их вокруг себя, затеняя всё вокруг. Снег, осевший на них, разлетелся по воздуху и осыпался вокруг нас, сверкая в лучах солнца.

Крылья дракона были всего в нескольких сантиметрах от моего лица.

— Это ты повалила меня на землю и залезла сверху, ещё и грозилась перерезать мне горло. И только что ещё раз ударила меня. — Он указал на свои грудные мышцы. — Взамен я прошу лишь, чтобы ты выслушала меня, ради твоего же блага и ради той девочки, что была с тобой. Я так понял, это твоя родственница. Так что, может, включишь мозг и проявишь хоть капельку любезности?

Мне было плевать на его последние слова, но упоминание Каэли стало ударом под дых. Кто он такой, чтобы говорить о моей сестре?

Я широко улыбнулась.

— Как насчёт того, чтобы проверить, заживают ли сухожилия в твоих крыльях... — Я прижала нож к тому месту, где его левое крыло соединялось со спиной; туда, где они пробили доспех. — ...так же быстро, как и в ногах?

Он не отступил. Он даже не выглядел напуганным или обеспокоенным, а скорее... очарованным? Он слегка приоткрыл губы, и я могла бы поклясться, что его клыки выглядели гораздо крупнее и острее, чем обычно.

В этот момент я поняла, что моя вторая рука лежала на его груди, толкая его гораздо слабее, чем должна бы. Одновременно я заметила, что тьма просачивалась из рукавов моего плаща. К *нему*.

Как будто хотела его коснуться? Чтобы защититься или...

Нас прервали несколько хлопков.

— Ну, думаю, это подходящий момент, чтобы вмешаться. — Это была одна из охотниц. — Пока дело не дошло до кровопролития.

Наконец он отстранился. Он использовал свои крылья, чтобы оттолкнуться, подняв небольшую струю воздуха, осушившую мои глаза. Я попыталась откатиться подальше от него, но, как будто предугадав мои движения, он схватил меня за руки и поднял, словно я весила не больше мешка с зерном, после чего как-то надавил на моё правое предплечье, вызвав спазм. Нож выпал из моей руки.

Я ещё не отошла от резкой боли, как вдруг дракон прижал меня спиной к своей груди, его руки сомкнулись вокруг меня. Чёрт. Он слишком быстр и силён.

— Они бы зажили, — прорычал он мне на ухо, его дыхание было учащённым и горячим. — Но ты уже достаточно меня порезала на сегодня, крошка.

Перед нами на краю поляны стояли, наблюдая, две охотницы. Как долго они там? Высокая девушка с тёмными волосами, собранными на макушке, опиралась на одно из деревьев; поза казалась небрежной, но это была лишь видимость.

Та, что нас прервала, стройная и маленькая, ослепительно улыбалась, что было совершенно неуместно. Мне в голову не приходило ни одной причины, почему она выглядит такой искренне счастливой. Несколько прядей светлых волос выбивались и обрамляли её по-детски милое лицо. Я также сразу узнала красные рукоятки кинжалов.

Я поискала взглядом значок Диких Охотников на её груди. Он был там.

Голова кружилась. Впервые в жизни я настолько не понимала, что происходит и как реагировать.

Но у меня хватало опыта надирания задниц мужчинам, которые были крупнее меня и пытались показать, кто здесь главный.

Я подняла ноги от земли, застигнув его врасплох и немного выбив из равновесия. Ударила каблуком со всей силы в верхнюю часть его колена, зная, что там нет защиты. С громким выдохом он ослабил захват настолько, что я смогла высвободить одну руку и ударить его локтем в шею.

Я вырвалась. Быстро отскочив, я подняла нож с земли и отпрыгнула на безопасное расстояние.

С одной рукой на шее и тяжело дыша, он бросил на меня взгляд, от которого у любого застыла бы кровь. Я не была уверена, была ли это именно ярость. Это казалось чем-то более пристальным. Более разрушительным.

Вдруг он улыбнулся. Показал ряд идеальных белых зубов и те самые слегка заострённые клыки. Его глаза сузились, отчего он стал выглядеть младше обычного.

— Это будет интересно.

Перемены на его лице изумили меня. Я отвлеклась, и это было большой ошибкой. Через мгновение меня схватили сзади, снова отобрали оружие и крепко связали запястья. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что для этого не использовали гематит.

— Даже не знаю, поздравить тебя или посочувствовать, — сказала заставшая меня врасплох высокая девушка.

Охотница с белокурыми волосами метнула на неё строгий взгляд, как будто та сказала нечто крамольное. Охотник же, напротив, запрокинул голову; его крылья беспокойно трепетали.

— Я тоже не знаю.

Глава 4

Гордые и верные существа эти драконы. Они упрямо хранят свои драгоценные камни из вулканов и немного высокомерны. Но если вам повезёт, и они примут вас в своё братство, ах, тогда у вас будет друг на всю жизнь.

Запись героя Фионна в книге «О народе драконов»

С головой, прислонённой к дереву, связанная по рукам и ногам, я наблюдала за охотниками. Они уже больше получаса, если не дольше, спорили и расхаживали по поляне. Темноволосая девушка, казалось, что-то требовала от дракона. В ответ он рычал и снова и снова тряс крыльями. Я задумалась, делает ли он это намеренно или эти конечности движутся сами по себе; возможно, они реагируют на движения, как уши, когда пытаются уловить звук.

Блондинка казалась самой спокойной. Я даже слышала, как она несколько раз усмехалась, и её товарищи бросали на неё косые взгляды, словно думали, что она сошла с ума. Я тоже так думала, если честно.

В какой-то момент дракон и темноволосая девушка направились вглубь леса. Прямо перед тем, как исчезнуть среди деревьев, он оглянулся через своё широкое плечо и пронзил меня взглядом. Я как будто могла читать его мысли, хоть мы и были едва знакомы: *«Ну давай, попробуй сбежать. Мне будет приятно тебя преследовать».* В ответ я подмигнула ему, и он ушёл, сердито шагая.

В любой другой, менее странной ситуации я бы без проблем высвободилась из своих пут. Одного простого рывка было бы достаточно, чтобы разорвать их; одного удара хватило бы, чтобы вывести из строя блондинку. Моя проблема заключалась в том, что они явно не были обычными охотниками короля. У него крылья дракона; у меня метка на ключицах.

Блондинка подошла ко мне. В руке она держала кожаную флягу.

— Я подумала, что ты захочешь пить, — сказала она мягким тоном. — Меня, кстати, зовут Гвен.

Я не ответила. Её это, похоже, не обидело. Сначала она сделала большой глоток из фляги, как бы доказывая, что в ней нет ничего опасного, а затем любезно предложила мне.

— Можно?

Можно? Конечно, можно. Они были уверены, что контролируют ситуацию. Численное превосходство, оружие из гематита, да ещё и знают что-то, чего не знаю я.

Но при этом она спрашивала разрешения.

Я моргнула несколько раз, потому что действительно хотела пить.

— Да.

Осторожно, стараясь не прикасаться ко мне больше, чем необходимо, она поднесла флягу к моему рту. Это была вода, свежая и сладкая; и я пила её и пила, стараясь не думать о том, что жидкость падала в мой пустой желудок как камень в сухой колодец. Я уже много часов ничего не ела и не пила.

Уже стемнело, когда послышались приближающиеся шаги. Вернулась одна только темноволосая девушка. Гвен смотрела на неё выжидательно, как будто надеялась, что та несёт готового к жарке оленя, но новоприбывшая покачала головой.

Разочарование отразилось на лице Гвен, и я удивилась, как кто-то настолько открытый дожил до взрослого возраста.

— Он не может их контролировать. Я перепробовала всё. Возможно, более могущественный друид мог бы его сдержать, но думаю, что ему нужно успокоиться.

Более могущественный друид? Неужели эта девушка — друид? Это значит, что она из рода фей и, более того, умело владеет магией своей расы.

Один был драконом, другая — феей. А блондинка?

— Значит, мы уходим без него?

— Скажем так... он против нашего ухода. — Она бросила на меня многозначительный взгляд, отчего я нахмурилась. — Очевидно, что мы не можем долго оставаться так близко к Гримфеару, но это означало бы покинуть лес и несколько дней добираться до ближайшего убежища.

Гвен вздохнула.

— Мы будем слишком уязвимы. А здесь рискуем быть найденными гончими принца. — Уперев руки в бёдра, она бросила взгляд в густую чащу, как будто могла видеть, что находится за деревьями, и ей это совсем не нравилось. — Так что же вы решили?

Впервые на лице темноволосой девушки отразилось что-то кроме холодного высокомерия. Она закрыла глаза на мгновение, словно терпя боль.

— Ну...

Вдруг из самого леса раздался рёв. Десятки птичьих стай одновременно взлетели, испугавшись, и отчаянное хлопанье их крыльев наполнило воздух непрерывным шумом. Когда они улетели, снова наступила тишина. Что-то нарушило покой в лесу Робабо.

— Нет, Сейдж, пожалуйста, — запротестовала Гвен. — Только не это. Я месяцами не могла сесть на лошадь после прошлого раза.

— Мне это тоже не по душе, но у нас нет выбора. Так что будь готова, и на этот раз мы обыграем его.

— Никаких мешков с золотом. Никаких драгоценностей. Ты меня слышишь?

Высокая девушка, Сейдж, бросила на неё уничижительный взгляд.

— Напомни-ка, сколько времени ты копалась в земле после того, как он наврал тебе с три короба, пообещав огромный клад в конце радуги?

— Мне было семь лет. И после этого...

Новый рёв заглушил её слова. Он, наряду с их разговором, напомнил мне о ночи в похожем лесу, только южнее.

И это было неприятное воспоминание.

«Прекрасно, просто прекрасно», — подумала я.

Непонятно зачем, но эти сумасшедшие хотели поймать лепрекона.

После ещё одного рёва, сопровождаемого гораздо более человеческим криком, я подумала, что, возможно, поспешила с выводами. Эти сумасшедшие хотели *попытаться* поймать лепрекона.

Видя, как они нервничают, я прочистила горло.

— Если вы хотите иметь дело с этими бешеными, то я бы предпочла уйти, — сказала я, привлекая их внимание.

— Не переживай, — с язвительной усмешкой улыбнулась мне Сейдж.

— Тебе легко говорить, ты не связана по рукам и ногам. — Я приподняла связанные лодыжки. — У меня нет такой роскоши.

— Ты связана, потому что кидаешься на всех.

— Ах, простите меня. Я склонна забывать про манеры, когда прихожу в себя в окружении охотников короля, у одного из которых внезапно вырастают крылья, после чего он накладывает на меня проклятие.

Глаза Гвен широко раскрылись.

— Проклятие? Это не...

Сейдж остановила её жестом руки.

— Нет времени объяснять. Сначала нужно добраться до безопасного места.

— Безопасного для кого? — спросила я, выгибая брови, как будто мне было очень интересно.

— Для всех. Особенно для тебя.

Я улыбнулась.

— Не вижу ни одной причины, по которой мне стоит пойти с вами.

— Вот как? Ну, у меня их несколько. Скажу самую срочную: прошлой ночью по какой-то неведомой нам причине была похищена девочка, а ты выжила после встречи с самой Морриган. Тебе знакомо это имя? Её ещё называют Призрачной Королевой или Вестницей. Чёртова богиня войны.

Моё сердце заколотилось, хотя я старалась не показать этого. Да, я это подозревала. Её волосы, кожа, невозможная красота… И вороны. Морриган была не сказкой на ночь, не легендой, не выдумкой. Она была правой рукой Теутуса во время войны, его верным и кровожадным генералом, и пятьсот лет руководила армиями человеческих королей. Ни сидха, ни демоница. Она предала первых, чтобы присоединиться ко вторым.

Поговаривают, что она до сих пор каким-то образом поддерживает связь с Теутусом и Иным миром.

И она похитила Каэли.

Дыши.

— Более того, после того как ты ранила и теп самым очень разозлила одного из принцев, теперь ты самая разыскиваемая сидха во всей Гибернии.

Я слегка сжала бёдра.

Гвен коснулась руки Сейдж.

— Ты сказала, у нас нет времени на объяснения.

— Посмотри на неё, как только мы отвернёмся, она попытается сбежать, а у нас и так достаточно забот, не хватало ещё беспокоиться о глупой безрассудной девчонке.

Я фыркнула, несмотря на то, что чувствовала, как желчь поднимается и опускается в горле. Не хотелось бы, чтобы меня вырвало прямо себе на колени.

— Безрассудная? Разве ты бы на моём месте доверилась чёртовым Диким Охотникам?

Бормоча что-то себе под нос, Сейдж направилась ко мне, параллельно потянувшись к ремням с оружием. Гвен не сдвинулась с места, хотя казалась огорчённой.

Я прижалась к стволу дерева, когда Сейдж остановилась прямо передо мной, в нескольких сантиметрах от моих ног. Что она делает? Раздевается?

Перед моими глазами открылся кусочек смуглой кожи. Она обнажила низ живота, почти до самого лобка. Но не это заставило меня ахнуть.

Там, выделяясь на коже, синей краской был нарисован символ. Три линии, увенчанные тремя точками, обведённые кругом.

Авен.

Я молчала, Сейдж не выдержала первой.

— Ты знаешь, что это?

Да вся Гиберния знает. Это секрет, который все обсуждают шёпотом. Я замечала такие символы, спрятанные под крышками бочек, на подошвах ботинок, в узорах ковров. Их видели все, но никто не осмеливался обсуждать это вслух. Потому что самое интересное в переписывании истории и запрете говорить о прошлом — это то, что ты создаёшь нечто даже хуже, чем правда: *легенды.* Их любят все: и люди, и сидхи.

Я глубоко вздохнула.

— Ты из Братства.

— Мы втроём, да, — подтвердила Сейдж. — Может быть, теперь ты поверишь, что хотим помочь тебе.

Нет.

— Разве Братство навязывает свою помощь первым встречным сидхам?

После нескольких секунд тишины, в течение которых мы с Сейдж не отрывали друг от друга глаз, она опустилась на колени. Ловкими, сильными пальцами с коротко стриженными ногтями она снова спрятала татуировку под доспехами. У неё были высокие скулы и тёмная кожа, как у жителей западных земель, хотя телосложение более крепкое. Ничего от фейской крови я в ней не замечала. Может, она использовала какую-то магию, подобную той, что применял дракон, чтобы скрыть своё происхождение?

— На твоём месте я бы валялась на земле, проклиная всех и пинаясь ногами изо всех сил, если бы кто-то попытался приблизиться. На твоём месте я бы, наверное, даже попыталась сбежать, скача со связанными ногами или перекатываясь. Я бы никому не

доверяла, не слушала бы никаких доводов. Была бы злой, нервной и испуганной, — призналась она. Я замерла. Маленький голосок в моей голове предупреждал меня не поддаваться на обман, не глупить, а закрыть от них сердце и разум. Он был очень похож на голос моей матери. — Думаю, ты научилась выживать любой ценой, но не всё так просто. Ты делаешь это не только ради себя, не так ли? У тех, кто так неистово борется, всегда есть что-то ценное, что они защищают.

Её тёмные глаза сверкали решимостью. Она говорила не мягко, напротив, почти бросала слова мне в лицо, и, возможно, поэтому казалась искренней.

— Я не прошу, чтобы ты перестала нас проклинать или слепо доверилась. Просто подумай: какие у тебя варианты? Можешь не верить, но я не хочу проснуться завтра и узнать, что ты оказалась в руках короля и его видеру.

Позади неё раздался голос Гвен:

— И я не хочу.

— Это не из симпатии к тебе, а из гордости, — пояснила Сейдж. — Не хочу видеть ещё одного сидха в руках короля Нессии.

Я тоже уже думала об этом. Отчасти поэтому я не освободилась и не сбежала сразу.

Во рту пересохло и стало вязко.

Я понимала, что за всем этим стоит ещё много разных причин, но...

Для меня важнее всего Каэли.

— Вы хотите отвезти меня в безопасное место. А потом что?

— Нам тоже очень интересно, с чем было связано появление Морриган на пристани. Это на неё не похоже — забрать одну сидху и оставить другую в живых. — Её тёмные глаза задумчиво устремились вдаль. — Нам нужно выяснить, что она замышляет, а ты, я уверена, хочешь найти девочку. Выходит, нам по пути, не так ли?

Да. Но при этом мне придётся объединиться с другими сидхами, с другими членами Братства. Это опасно, я рискую быть разоблачённой.

Но тут я вспомнила, в кого превратилась Каэли, её прекрасные испуганные глаза незадолго до того, как её окутал свет… и поняла, что у меня нет выбора.

Я должна примкнуть к ним, чтобы собрать информацию и выяснить, как найти сестру. О будущем позабочусь позже.

— А связана я всё ещё только потому, что пыталась отрезать крылья вашему милому другу?

Сейдж издала носовой звук, почти как фырканье, и окинула меня любопытным взглядом.

— Так ты...

— Поздно идти на попятный, лже-охотница. — Я протянула ей связанные ноги. — Я согласна.

Глава 5

Не оборачивайся на первый смех,
иначе все твои поиски пойдут прахом.
Не оборачивайся и на второй,
иначе попадёшь в глубокую яму.
Обернись на третий раз,
ибо они награждают терпеливых.

Запрещённая народная песня о лепреконах

Появление дракона с лепреконом было неожиданным. Честно говоря, я не понимала, кто кого поймал. Да, дракон был больше, сильнее и владел оружием, представляющим угрозу для всех видов магических существ. Однако, казалось, он не использовал ни своё физическое превосходство, ни гематит.

Он нёс лепрекона, держа за ногу. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы увидеть полную картину. Дракон стремительно вышел на поляну, тяжело дыша и с таким выражением лица, словно готов был убивать. За ним тянулся тёмный след, но, так как уже наступила ночь, было трудно понять, что это.

Когда до меня всё же дошло, я подняла брови. Это была кровь.

Кровь лепрекона?

Дракон остановился в нескольких метрах от двух девушек, которые, судя по всему, были ошеломлены не меньше меня. Они даже скорее выглядели настороженными; Гвен так и вовсе спряталась за нахмуренной Сейдж.

— Я поймал его, — прорычал охотник.

Сейдж медленно моргнула.

— Ты уверен?

В ответ он потряс лепрекона, и тот вновь завизжал. Мы все закрыли уши руками.

Ростом он был меньше длины руки дракона, за которую он цеплялся свободной ногой и руками. Он был полностью одет в зелёное, как тот, которого я видела в детстве, такой же безупречный, прям дворянин в миниатюре. На нём даже была цилиндрическая шляпа, каким-то образом всё ещё державшаяся на его рыжих волосах. Не хватало только одного из его чёрных ботинок с золотыми пряжками.

Пытаясь разглядеть его лицо, я поняла, чья это была кровь. Лепрекон вцепился острыми зубами в руку дракона чуть выше локтя, разорвав броню и одежду. Его борода и пухлый нос были обагрены красным. Его маленькие глазки метались из стороны в сторону, беспокойные, яростные.

Я его понимала. Несколько часов назад мне самой хотелось укусить этого ублюдка.

— Может, поторопитесь? — спросил дракон. — Рука мне ещё пригодится.

Гвен махнула в его сторону.

— Давай, Сейдж.

— Почему я?

— Ты же самая умная из нас всех. Тебя он не сможет обмануть.

Девушка прищурилась, сразу распознав уловку. Но затем, словно смирившись со своей судьбой, подошла к дракону. Она глубоко вдохнула, как будто собиралась нырнуть в озеро, а не говорить с лесным существом. Судя по тому, что я услышала, эти трое уже не в первый раз вынуждены обращаться к лепрекону. Возможно, они уже знают, как добиться помощи от этих хитрых созданий.

— Любезный лепрекон, мы хотим заключить с тобой сделку, — начала Сейдж монотонным голосом.

Я поморщилась. Лицо лепрекона омрачилось, и он, зарычав, ещё сильнее вцепился в свою жертву. Капли крови, падающие на землю, множились.

Дракон зашипел, но держал руку крепко.

— Ты издеваешься? — пробормотал он.

— Мы не собираемся просить у тебя три желания, нам хватит и одного, — добавила девушка. — Мы не станем загадывать ни золота, ни любви, ни проклятия на головы бывших любовников, ничего подобного. И как только ты исполнишь его, мы тебя отпустим.

Лепрекон на мгновение отстранился и с полным ртом крови выкрикнул:

— Нет!

Он снова впился зубами в плоть, на этот раз чуть левее. К моему огорчению, дракон лишь едва заметно дёрнулся от боли.

Сейдж попыталась ещё трижды, с каждым разом становясь всё злее и настойчивее. Она напоминала лепрекону, что его отпустят, только если он выполнит их требования. Я испытывала удовлетворение каждый раз, когда лепрекон отказывался и отгрызал ещё кусок кожи дракона. Сейдж была похожа на ребенка, который снова и снова терпит неудачу при выполнении простейшей математической задачки на сложение или вычитание.

В какой-то момент я переступила с ноги на ногу, и снег заскрипел под моими подошвами. Взгляд лепрекона, всё ещё нервный, метнулся в мою сторону. Когда наши глаза встретились, его охватил ужас. Я слегка приоткрыла губы, не моргая.

Лучший способ заставить лепрекона подчиниться — это поймать его взгляд. Тогда он не сможет сбежать и должен будет исполнить желание, максимум три. Эти желания могут обернуться настоящими бедствиями, если их неправильно формулировать, но, несмотря на это, я знала многих, кто искал лепреконов в лесах и долинах. Я сама была одной из них. И, как и в прошлый раз, я поймала взгляд лепрекона чуть ли не случайно.

Но в прошлый раз, получив власть над другим существом, я сильно пожалела об этом. Я тогда едва не лишилась половины пальца, и мать так сильно меня отчитала, что уши горели.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Глаза лепрекона блестели в ожидании. Он знал, что он в моей власти до тех пор, пока я удерживаю его взгляд. Сколько ему лет? Неужели вся его жизнь состояла в том, чтобы убегать и прятаться от путников, жаждущих использовать его в своих целях? Скольким существам — людям, сидхам или демонам — ему пришлось подчиниться?

Я намеренно отвела взгляд. Краем глаза я заметила, как лепрекон вздрогнул.

Затем я медленно обошла дракона. Его выражение лица изменилось, когда он увидел, что я больше не связана.

— Надеетесь, что он подчинится вам чисто со скуки? — спросила я.

Сейдж фыркнула.

— Поймать взгляд лепрекона — это такая удача, что матери желают этого своим детям на свадьбах. Это самый эффективный способ. — Она указала на руку дракона, но, увидев рану, закатила глаза. — Обычно они сдаются гораздо раньше. Не знаю, почему этот так упорствует.

Я знала.

Игнорируя вопрошающий взгляд дракона, я смотрела на лепрекона. Его глаза забегали ещё быстрее. Взгляд не задерживался ни на чём дольше доли секунды. Меня лепрекон особенно избегал.

— Хочу отметить, что вы хорошо одеты, сэр, — заметила я.

Я наклонилась и начала развязывать ботинки, которые хозяйка пекарни в Гримфеаре подарила нам, когда взяла нас на работу. Эти ботинки принадлежали одному из её племянников. Они явно переживали не лучшие времена и были мне велики, но я приняла их с благодарностью. Уж лучше ходить в старых ботинках, чем босиком.

— Однако, похоже, вы потеряли один ботинок. — Мне было немного стыдно показывать свои изношенные носки, но я старалась не думать об этом. Я сняла оба ботинка и поставила их на землю, прямо перед лепреконом. — Простите, что не могу предложить что-то лучше, но вот вам мои ботинки, если, конечно, вы их примете.

Лепрекон долго ничего не отвечал и не предпринимал. Я чувствовала на себе пристальные взгляды остальных.

Затем лепрекон снова оскалил зубы. Он несколько раз дёрнул своей пленённой ногой, и дракон, прежде чем я успела что-либо сказать, отпустил его. Гвен затаила дыхание, наверняка ожидая, что лепрекон исчезнет в мгновение ока.

Но тот с грацией приземлился рядом с ботинками. Они были размером почти с него самого. Он осмотрел их, потрогал, перевернул и даже понюхал. Я едва не скривилась.

Не поднимая головы, он пробормотал:

— Мне их на ноги надеть или использовать как дом?

— Я уверена, что вы отличный портной. Вы сможете сделать с ними что угодно.

— Хм. — После критического осмотра стёртых подошв он опустил ботинки. — Хорошо. Я принимаю их. Что ты хочешь взамен?

— Ничего, — ответила я быстро.

Дракон, медленно повернувшийся ко мне, приподнял бровь. Даже лепрекон выглядел скептически.

— Ничего?

— Именно так. Эти ботинки — подарок. Или, если вам так больше нравится, извинение за грубость моего, э-э, спутника.

— Хм. Приму их как подарок и извинение, значит.

— Я рада. — Я подарила ему добрую улыбку, зная, что он на меня не посмотрит. — Желаю вам хорошего дня.

— Хорошего дня? — переспросил он. Кровь на его лице и бороде начала подсыхать. Он больше походил на ребёнка, объевшегося клубникой, чем на капризное существо, способное наложить проклятие на десять лет. — Ты меня прогоняешь, девочка?

— Я бы не посмела, сэр. Просто подумала, что вам захочется вернуться к своим делам, от которых мы вас отвлекли.

— О, да, вы отвлекли меня от очень важного дела. — Он топнул ногой, хотя звук был едва слышен. — Но если я вернусь домой с новой парой ботинок, что скажет мой муж? Как я ему это объясню? Кто поверит, что трое дураков и красавица просто подарили их мне?

Мои губы расплылись в искренней улыбке.

— Тогда как я могу вам помочь? Может, написать записку для вашего мужа?

— Глупость несусветная. Так не делается. Подарок возмещается подарком.

— Если вы так настаиваете...

— Да, настаиваю! Так что говори! Одно желание тебе дарую, только одно и не больше.

В воздухе повеяло магией. Было похоже на запах жимолости, от которого зачесался нос.

— Вы очень справедливы, сэр. Моё желание — чтобы вы выслушали и исполнили желание...

Я подняла глаза на дракона и заметила, что он пристально смотрит на меня.

Его черты лица были расслаблены, рот слегка приоткрылся. Я определённо его удивила. Мне стало интересно, как он справлялся с лепреконами в прошлом. Представляю, сколько у него осталось шрамов.

Он молчал, и я приподняла брови.

По тому, как он закрыл рот и моргнул, я поняла, что мой неуклюжий намёк на то, чтобы он представился, не прошёл мимо. Через пару секунд он пробормотал:

— Мэддокс.

Я кивнула лепрекону.

— Желание Мэддокса.

— Исполню. — С явным неудовольствием он повернулся к дракону. — Слушаю тебя.

Дракон смотрел на меня ещё несколько секунд, после чего присел перед лепреконом, прикрывая раненую руку, и расправил крылья, чтобы они не касались земли.

— Прежде всего, прошу прощения за то, что побеспокоил вас. Я заслужил все эти раны. Вы отличный боец.

— Знаю. Говори по делу, не трать моё время.

— Нам нужно, чтобы вы проводили нас до ближайшего кнока[2] как можно быстрее. — Его просьба озадачила меня; я не знала, что такое "кнок". Это было слово из

[2] прим. редактора: слово "cnoc" в ирландском языке означает "холм".

запрещённого языка. — Кратчайшим, верным путём. Готов отдать вам и свои ботинки, если...

— Зачем мне твои ботинки, грубиян? — перебил его лепрекон, размахивая руками. — Я похож на того, кто нуждается в подачках?

— Нет, я просто...

— Тьфу. Берите свои вещи и следуйте за мной, если сможете. — Не дожидаясь ответа, он взял мои ботинки (которые, без сомнения, не считались подачкой по его меркам) и направился в лес быстрыми шагами, не оставляя следов на снегу. — Либо я вернусь домой до полуночи, либо весь Робабо услышит ярость моего мужа.

Глава 6

Наид-нак — это самый мощный из известных на сегодняшний день гейсов.
А потому сопротивление ему влечёт за собой последствия.

Из запрещённой книги «О народе драконов»

Гвен подмигнула мне.

— Очень находчиво, — шепнула она и побежала к своей лошади. Я же почувствовала укол вины.

Сейдж уже запрыгнула на своего коня и поскакала в направлении, куда исчез лепрекон. Эти существа очень буквально воспринимали свои обязанности. Если им велели действовать как можно быстрее, они не остановятся, пока не достигнут цели.

— Я пойду вперёд, чтобы не потерять его из виду. Идите по следам! — крикнула она.

Остальные быстро собрали седельные сумки и покрывала, готовя своих лошадей. У Сейдж и Гвен были два великолепных жеребца тёмных мастей, а вот дракон направился к золотистой кобыле с почти белоснежной гривой. Достаточно было одного взгляда на её изящную шею и шелковистый хвост, чтобы понять, что она породистая.

Глаза животного были бледно-голубыми, напоминая мне кусочки инея на поверхности реки Муирдрис в начале весны. Кобыла внимательно следила за мной. Как я и предполагала, её ноздри раздулись, и она с силой ударила копытом по земле.

Я направилась к Гвен, обходя камни и ветки, но мне преградила путь мускулистая, окровавленная рука.

— Ты поедешь со мной.

Я взглянула на разодранный рукав, но через дыры уже не было видно раны. Его кожа восстановилась за считанные минуты. Он исцелялся даже быстрее, чем я.

— Нет, спасибо. — Я попыталась обойти его, но он снова оказался передо мной. — Нам надо торопиться. Не хочешь же ты, чтобы у бедного лепрекона были проблемы в семье.

— Тогда садись.

— Я ей не нравлюсь. — Я указала подбородком на кобылу.

Та, словно понимая, что о ней говорят, взмахнула хвостом. Её всадник усмехнулся.

— Эпона довольно избирательна, но командую здесь я.

— Я поеду с Гвен, — настаивала я.

Попыталась поймать взгляд блондинки, чтобы она меня поддержала. Умолять её, конечно, не буду, в крайнем случае побегу следом, но разве не очевидно, что это плохая идея — нам с ним ехать вместе?

Гвен, казалось, поняла намёк, потому что пробормотала:

— Нет времени на споры.

Мэддокс уже ставил ногу в стремя. Он поднялся с удивительной лёгкостью, особенно учитывая его крылья. Устроился в седле, слегка откинувшись назад.

Он похлопал по месту между своими ногами.

— Либо ты садишься сама, либо с моей помощью. Я за второй вариант, но, думаю, он тебе не понравится.

Я спокойно смотрела на него, одарив одной из своих вежливых улыбок; она была идеальна для многих ситуаций и не давала окружающим понять, о чём я думаю.

Я задавалась вопросом, на что он рассчитывает, заставляя меня ехать с ним. Я хорошо научилась считывать характеры и намерения. Постоянно сталкиваясь с разными существами на протяжении жизни, я научилась определять, что ими движет, какие у них желания и страхи и как эффективнее всего их использовать. С большинством всё было просто: им нравилось чувствовать своё превосходство, поэтому я притворялась беззащитной; они были не уверены в себе, поэтому я хвалила несуществующие качества.

Я не видела в драконе ни высокомерия, ни неуверенности.

Я видела в нём вызов.

Я видела любопытство ко мне, к моим реакциям.

Мне это не нравилось.

Гвен, уже сидя на своей лошади, вздохнула.

— Она согласилась поехать с нами, не стоит…

Не отрывая от меня взгляда, он перебил её:

— Мы тебя догоним.

Не желая оставаться с ним наедине, я сдалась. Не из страха, а из-за того, что всё ещё витало в воздухе и заставляло мою ключицу зудеть, как будто я перегрелась на солнце.

Я проигнорировала его протянутую руку и забралась сама. Седло было рассчитано на одного всадника, так что я оказалась зажата между лукой и его бёдрами. Кобыла сразу же заволновалась, но он вытянул руку, чтобы погладить её по шее. Я вновь обратила внимание на кольцо и красный камень.

Его грудь прижалась к моей спине, а дыхание коснулось верхней части моего уха, когда он прошептал:

— Успокойся, *mo peinh*.

Я застыла, не желая показывать свою реакцию. Напомнила себе, что он крупнее, сильнее, с крыльями, и мы на его лошади. Драться сейчас было бы неразумно.

Но это не мешало мне фантазировать о том, как я могла бы подправить его красивое личико, прежде чем он успел бы среагировать. Мне даже не нужны оружие или магия, чтобы выцарапать ему глаза.

Мэддокс цокнул языком, и недовольная кобыла перестала фыркать. Наконец, по свистку мы двинулись в путь. Гвен опережала нас на несколько метров.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Я мало в своей жизни ездила верхом. Во-первых, потому что у нас никогда не было лошади. Во-вторых, потому что они всегда, казалось, чувствовали то, что было в моей крови. Подозреваю, что с первого взгляда видят меня настоящую. Неважно, сколько лжи я рассказываю, как одеваюсь, какие имена придумываю, правду, похоже, никогда до конца не скроешь.

Я позволила своим бёдрам следовать естественному качанию и смотрела строго вперёд, сосредоточившись на том, чтобы не касаться спиной груди Мэддокса. Это было трудно. Я устала. То, что произошло с ним, — этот взрыв магии — повлияло на меня сильнее, чем обычно. Казалось, что из-за движения лошади мои кости налились свинцом и тянули вниз.

Но, к сожалению, на отдых не было времени.

Мэддокс направлял лошадь мягкими движениями, натягивая поводья, тепло его тела рассеивало холод моего. Я заметила, как он несколько раз открывал рот, но затем проглатывал все слова. Я старалась делать вид, что не испытываю ни любопытства, ни сочувствия, ни каких-либо других эмоций, кроме скуки.

— Скажи уже, что хотел, — бросила я спустя некоторое время. — Ведь для этого ты настоял, чтобы я ехала с тобой, да?

Он немного напрягся — наверно, удивился моей прямоте.

— Это одна из причин, да, — признался он. Затем наклонился ко мне и прошептал: — А ещё потому что ты украла у Гвен кинжал, и мне не совсем понятно, что ты собираешься с ним делать.

Чёрт. Как он узнал? Его ведь даже не было на поляне!

— Возможно, мне просто не нравится быть безоружной.

Последовало недолгое молчание. Мэддокс опустил передо мной свёрток ткани. Одним движением я развернула его и ахнула, обнаружив свои болас и кинжал. Я уже мысленно попрощалась с ними, особенно с кинжалом, который вонзила в принца.

Провела пальцем по жёлобу в центре лезвия, которое всегда казалось отполированным. Нужно поднести очень близко к глазам, чтобы разглядеть узоры, выгравированные его создателями, и даже так их невозможно расшифровать. Это древний язык гобийцев, и он полностью утерян. Я искала книги, которые могли бы помочь мне его перевести, но безуспешно.

— Когда остановимся, верни кинжал Гвен, пожалуйста. Он ей очень дорог.

Я чувствовала себя полной идиоткой. Мне не хотелось (да и нельзя) сочувствовать этой девушке только потому, что она была добра ко мне.

— Почему ты возвращаешь мне оружие?

Он пожал плечами.

— Оно твоё. И если мои спутницы решили освободить тебя, значит, по крайней мере сейчас, мы не враги. Можно сказать, мы заключили что-то вроде временного союза. Очень временного. Кстати, отличная работа с лепреконом. Не знал, что лесть и подарки так на них действуют.

— Я тоже этого не знала, — призналась я.

— Но ты выглядела очень уверенно, когда предлагала ему свои ботинки.

— У него не хватало одного ботинка. Кажется, какой-то грубый великан гонял его по всему лесу, а затем потребовал с него магию в обмен на свободу. Я просто проявила заботу.

Вдалеке послышались крики лепрекона и ответные вопли Сейдж.

— Проявить заботу. И почему нам никогда это в голову не приходило? — В его голосе слышалась улыбка.

Я решила не воспринимать это как комплимент. В конце концов, я делала это не ради них.

После ещё одной паузы он снова заговорил:

— Можешь задавать мне вопросы. У тебя их должно быть много.

Их действительно было много. И хотя я не горела желанием продолжать с ним разговор, всё же знания — это сила.

— Вы все сидхи?

Он, видимо, ожидал этого вопроса, потому что ответил без колебаний.

— Гвен нет. Она чистокровный человек.

Я нахмурилась.

— Я бросила в неё очень сильный порошок. Как он мог на неё не подействовать, если она человек?

— Её защищают мощные чары, но даже так ей потребовалось время, чтобы прийти в себя. Ты неплохо разбираешься в травах.

Да, разбираюсь. Мне пришлось учиться этому тайно от матери, а затем, после её смерти, я собрала всю возможную информацию из всех мыслимых и немыслимых источников. Чтобы всегда иметь козырь в рукаве, который мог бы спасти нас с Каэли.

«И всё равно этого было недостаточно», — с горечью подумала я.

Если бы на Гвен не было защитных чар, она бы лежала в постели, ни на что не способная, и страдала от боли до конца своих дней. И совесть меня бы не мучила.

Мэддокс переместился в седле, но если он и хотел что-то сказать, то сдержался. Я воспользовалась моментом, чтобы задать один из самых терзающих меня вопросов:

— Вы реально состоите и в Дикой Охоте, и в Братстве?

Я подозревала, что это просто обман такой. Что они раздобыли униформу и знаки отличия и используют их как маскировку. Непонятно зачем, но это звучало более правдоподобно, чем предположение о том, что сидхи могут состоять в рядах королевской армии, под самым носом у короля, и никто их не раскрыл.

— Боюсь, что да.

Я ему поверила.

Я вспомнила его вертикальные зрачки, крылья и тот уникальный янтарный цвет.

— Ты дракон?

После нескольких долгих секунд, когда слышался только стук копыт по снежному лесу, Мэддокс ответил:

— Опять же боюсь, что да.

Я вцепилась в луку седла, пытаясь найти хоть какую-то твёрдую опору.

— Знает ли король, что среди Диких Охотников есть сидхи и что драконы не вымерли?

Мэддокс тихо засмеялся, и этот мрачный, глумливый звук вызвал у меня мурашки на коже.

— Нет. — Внезапно он подался вперёд, как будто всё время до этого упирался в стремена, чтобы сохранять расстояние между нами, а сейчас всем весом опустился в седло. Я чувствовала его. Плечами, бёдрами, икрами, касавшимися друг друга. Мои ключицы охватил жар; я приоткрыла губы. — И мы сделаем всё, чтобы он так и не узнал, *sliseag*.

Я продолжала смотреть на Гвен, чтобы не потерять её из виду. В груди тревожно билось сердце. Как его успокоить? Я приложила усилия, чтобы мой голос звучал твёрдо и ровно:

— Если это такой важный секрет, не стоит рассказывать его первой встречной сидхе.

Его правое бедро надавило на моё, немного приподняв мою ногу.

— Позволь напомнить, что правда сама себя показала. Кроме того, ты не просто сидха.

— Ты даже имени моего не знаешь.

— Ты сама его скажешь. А пока *sliseag* будет достаточно.

Через пару секунд он снова опёрся на стремена, освободив меня от большей части своего веса.

И наконец, как я и ожидала, он поднял тему, которая, очевидно, ждала своего часа, как заноза, торчащая из кусочка отполированной древесины.

— Что касается случившегося...

Я опёрлась на луку седла, чтобы повернуться к нему. Даже сидя я едва доставала макушкой до его носа. Это меня не волновало. Я привыкла к своему маленькому росту, и это часто бывало полезно — незнакомцы считали меня безобидной. Для меня это было преимуществом, а не недостатком.

Я старалась не обращать внимания на чёткую линию его челюсти, его губы (немного поджатые, как будто он сдерживал гримасу) и прямой нос. Я посмотрела в его глаза и удерживала его взгляд: прямо, без моргания, убеждённо. Совсем не так, как с лепреконом.

— Здесь нечего обсуждать, — прошептала я, понизив голос, чтобы это осталось только между нами. Не из уважения к нему, а из принципа. — Мне всё равно, почему это произошло, что это значит и к чему это приведёт. В этом мире для меня важно только одно — моя сестра, девочка, которую забрала Морриган. Я верну её, а потом каждый пойдёт своим путём. Я найду способ, как избавиться от этой *метки*.

Вновь воздух стал густым. Он наполнился ароматом горящей древесины, и зрачки Мэддокса изменились. Не стали снова вертикальными, но как будто бы заволоклись дымкой, лёгкой тенью, намёком или даже предупреждением, которое давало понять, *кто* он на самом деле.

И хотя дракон продолжал смотреть на меня, не моргая (это, к моему стыду, меня сильно напрягало), он не ответил. Ни слова, ни жестом. И это нервировало меня больше всего.

— Мы совсем не знаем друг друга, — убеждала я, стараясь, чтобы мои слова звучали логично и разумно. — И, поверь мне, тебе это не интересно.

— Давай ты не будешь решать за меня, что мне интересно, а что нет.

Пока я отчаянно искала подходящий ответ, который мог бы раз и навсегда закрыть этот вопрос, мой мозг застопорился из-за усталости. Голос моей матери вернулся.

«Если появилась метка, значит, вы уже обречены».

«Мы живём одни. И если тебе хватит ума, ты не повторишь моих ошибок, рожая детей, судьба которых — влачить жалкое существование в вечном одиночестве и страхе».

Я живу с памятью о той женщине, и это похоже на постоянную борьбу внутри меня. Порой я вижу её рядом со мной, почти материальную. Она берёт меня за руку железной хваткой, от которой не так-то легко избавиться. И хотя обычно мне удаётся вырваться и продолжить жить своей жизнью, она всё равно всегда остаётся рядом со мной, осуждая всё, что я делаю или говорю. Осуждая даже за то, что я дышу.

Наид-нак ощущался как нечто подобное. Что-то, от чего нет спасения.

Я вспомнила момент, когда меня бросили в том переулке с воткнутой стрелой; когда мать умерла, и я испытала одновременно облегчение и ужас.

Когда Каэли исчезла из моего поля зрения.

Все эти ключевые моменты, ситуации, из которых я не могла сбежать и которые изменили мою жизнь, вопреки моим желаниям.

Мэддокс, озадаченный моим затянувшимся молчанием, взглянул на моё лицо. Не знаю, что он там увидел, но странный запах гари исчез.

Дракон с явным недовольством стиснул зубы и отвёл взгляд к лесу.

— Когда я сказал, что так же чертовски влип, как и ты, я не шутил. — Верхняя часть его крыльев дёрнулась, как бы подчёркивая его слова. Шипы торчали за его плечами, точно смертоносные пики. — Уверяю тебя, это определённо не входило в мои планы.

Я моргнула, сосредоточившись на настоящем. Мне не сложно было поверить в его слова. И его реакция, и реакция девушек были искренними. Он не устоял на ногах, когда его крылья появились, и я более чем уверена, что он прятал их по очень веской причине.

— Хорошо. Значит, в этом вопросе мы на одной стороне.

Он ухмыльнулся, но его глаза оставались холодными. Не глядя на меня, он кивнул.

— Не волнуйся, я не буду требовать от тебя больше, чем сам готов дать.

Глава 7

Кнок, кнок, кнок.
Может, ты встретишь обиженную фею.
Кнок, кнок, кнок.
Или, возможно, героя с отрезанным ухом.
Кнок, кнок, кнок.
Здесь коронуют королей.
Кнок, кнок, кнок.
Поверил? Вот же глупец.

Забытая песнь

Мы углубились в лес Робабо, но, к счастью, не встретили ни одного из его странных обитателей. Однако холод становился всё сильнее и сильнее. Шум копыт звучал всё громче, поскольку земля была замёрзшей, и мы давно уже сошли с тропинки. Я сомневалась, что нам можно здесь находиться, и снова задавалась вопросами, что такое кнок и не ведёт ли нас лепрекон в ловушку.

Дракон больше не заводил разговор, чему я была несказанно рада. Я узнала (или подтвердила) несколько ответов на вопросы и ясно обозначила важные для меня моменты. И мне этого достаточно.

А ещё я надеялась, что он больше не станет наваливаться на меня, пока мы едем в одном седле.

Мы обогнули скалистый выступ, поросший мхом, и нашли Сейдж и лепрекона. Последний стоял, скрестив руки, и нетерпеливо постукивал ногой по земле. Мои ботинки исчезли.

— Кнок, — театрально объявил он, указывая на выступ. А затем исчез, оставив после себя лишь несколько зелёных мерцающих точек, где ещё мгновение назад была его миниатюрная фигура.

Пока Сейдж осматривала скалу, я достала красный кинжал из-за пояса и протянула его блондинке. Та распахнула глаза.

— Как… — Она положила руки на бока, где у неё были ремни и ножны. Одни из них, конечно, были пусты. — Ты меня обокрала?

Она не казалась рассерженной, скорее удивлённой. Это было логично. Человек, который носит униформу Диких Охотников, вряд ли привык к воровству. По её движениям, блеску волос и фарфоровой коже было видно, что она принадлежала к высшему обществу. У меня в голове не укладывалось, как такая девушка оказалась членом Братства.

— Научи меня.

— Что, прости?

— Я даже не заметила, как ты это сделала. Ничего не почувствовала. У тебя руки как у гилли!

Я задумалась, что общего у меня с лесным стражем, сотворённым из листьев и веток. Я даже не была уверена, есть ли у них конечности.

— Сомневаюсь, что тебе нужно учиться воровать.

Она пару раз недоумённо моргнула, но больше ничего не сказала. Сейдж копалась в одной из сумок, тихо бормоча что-то себе под нос. Она вытащила и осмотрела несколько флаконов и мешочков, которые мне показались знакомыми. Я знала, что это было. За годы я создала приличный запас таких вещей в Гальснане.

Это были травы и камни друидов.

Меня отвлёк низкий голос Мэддокса. Он снял удила и уздечки с лошадей и поглаживал морду своей кобылы.

— Отведи их домой. Постарайся, чтобы вас никто не видел.

К моему глубочайшему изумлению, кобыла кивнула, как будто принимая указания, и громко заржала. Она направилась в лес, два коня следом, и они исчезли среди деревьев.

Мэддокс накинул на плечо свой мешок и седельные сумки и прошёл мимо, не глядя на меня. Гвен кратко пояснила:

— Эпона — не обычная кобыла.

Это я и сама поняла.

Сейдж нарисовала круг на земле перед скалой и разделила его на четыре части: север, юг, запад, восток. Я заёрзала от любопытства. Я использовала для этого ткань, но важным было правильное расположение круга. А этот круг не был точным. Я посмотрела на звезды и обратно на землю несколько раз, прежде чем убедиться, что да, охотница ошиблась на несколько миллиметров. Кто не разбирается в искусстве друидов, может подумать, что такая малая разница не имеет значения.

Это явное заблуждение. Положить всего лишь на грамм больше или меньше в зелье уже значит изменить его состав и превратить в совершенно другое зелье.

Покопавшись в ещё одной сумке, Сейдж вынула агатовое яйцо. Оно было похоже на кусочек луны, блестящий и полированный. Не прекращая бормотать, она наклонилась и положила агат в почти самую южную точку. Я же пыталась разгадать, что она делает. Белые камни использовались в широком смысле как духовные проводники. Находясь в южной части круга, они оказывают какое-то действие, способствуют переменам или влияют на восприятие.

Покажи мне путь.

Скала, на которую указал лепрекон, задрожала; каменная поверхность начала трескаться. Большие куски отламывались от центра, превращаясь в пыль ещё до того, как касались земли. Осталась только внешняя структура, которая образовала арку, ведущую в абсолютную темноту. Казалось, что дверь пробудилась после долгого сна, стряхивая с себя пыль и всё, что на неё насело со временем. Она была высотой около трёх метров, и через неё могли пройти трое крепких мужчин, взявшись за руки.

У меня упала челюсть, и я никак не могла её поднять. Никогда не видела ничего подобного. Заколдованная дверь? Это определённо древние чары, которые действуют уже много веков. Я и не подозревала, что в Гибернии осталось нечто подобное. Два первых короля Нессии стремились избавиться от таких реликвий. На самом деле, Нессия III был известен как Ломатель костей, потому что к тому моменту, как он взошёл на трон, именно это оставалось под его ногами.

Сейдж, на лбу которой проступили капельки пота, первой направилась к тёмной пещере.

— Идёмте, — позвала она. — Она долго стоять открытой не будет.

Я последовала за ними с комом в горле. У меня было множество вопросов. Едва переступив порог, я почувствовала покалывание в животе. На камне портала были вырезаны всяческие знаки, символы. Я коснулась рукояти кинжала, который, вместе с болас, снова был на своём месте.

«Гномы», — подумала я, узнав некоторые символы, похожие на те, что были на кинжале. Это место соорудили гномы.

Значит, ему как минимум пятьсот лет. Как бы отреагировала Каэли, если бы увидела это? Наверно, закричала бы от восторга.

Внутри пахло землёй, корнями и плесенью. Воздух был затхлый, как в помещении, которое долгое время было закрыто наглухо, но дышать получалось. Мои босые ноги были особенно рады земляному покрытию.

Мэддокс, напротив, начал чихать, как только вошёл внутрь. Один, два, три, четыре раза... Пока я не сбилась со счёту. Каждый вдох сопровождался чиханием. В какой-то момент он врезался в земляную стену, и его волосы, лицо и плечи покрылись пылью.

— Чёрт побери, — пробормотал он, чихая без остановки.

Гвен, вошедшая последней, улыбнулась и подняла брови, глядя на меня.

— Вот что бывает, когда заводишь драконов под землю.

Затем дверь, как и говорила Сейдж, снова закрылась. Или, можно сказать, восстановилась. Обломки магически вернулись на место сверху вниз, и слабый лунный свет постепенно исчез.

Сейдж прочистила горло.

— Мэддокс?

Через секунду яркий оранжевый свет озарил нас четверых и бóльшую часть туннеля. И свет исходил от самого Мэддокса. Точнее от его руки. Он не зажёг фонарь или лампу; его запястье, ладонь и пальцы были охвачены огнём. Пляшущим, трещащим и ослепительным. И так как мы все стояли в тесноте у входа, я даже почувствовала исходящее от него тепло.

Это было вполне объяснимо, учитывая его драконье происхождение. Если какая-либо раса и должна быть способна вызывать огонь своим телом, так это драконы.

Тем не менее, это было поразительное зрелище.

Он тоже казался несколько обескураженным, глядя на свою руку так, будто это случилось впервые.

Гвен мягко похлопала его по плечу.

— Давно это было, да?

Он кивнул; я бы даже сказала, что с некой торжественностью. Затем снова чихнул, и огонь исчез.

— Блин.

В кромешной тьме Сейдж вздохнула, словно на её плечах лежало бремя всего королевства.

Меня удивило, что туннель, несмотря на его идеальную цилиндрическую форму, оказался всего лишь… земляным туннелем. И чем дальше мы продвигались, тем уже он становился, так что Мэддоксу и Сейдж пришлось идти, пригнувшись. Он, к тому же, оставался в новом облике, и его крылья, даже сложенные, оставляли следы на стенах и потолке, сбивая землю. К счастью, он вновь призвал огонь в свою руку, и нам не пришлось идти на ощупь.

Туннель не был вымощен, и не было никаких признаков того, что он когда-либо был освещён. По пути нам попадались другие туннели, отходившие в стороны. Это место могло быть построено семейством кротов.

Я задумалась, почему гномы, будучи талантливыми архитекторами, спроектировали что-то настолько простое, что казалось, будто это может рухнуть в любой момент.

Тишину нарушил голос Гвен.

— Такие проходы были построены в последние годы войны как убежище для выживших сидхов. Первоначальная идея заключалась в использовании их для перемещения по всей Гибернии. Их назвали «кноками», потому что, как гласит молва, нужно было стучать в полые холмы, чтобы вас впустили внутрь[3]. Это было последнее творение Гердии, дочери короля Гоба. К сожалению, она, как и все представители её расы, погибли вскоре после этого.

Я коснулась стены пальцами и испачкалась землёй.

Туннели, полные перепуганных, раненых сидхов, изгнанных со своих земель и вынужденных прятаться, как разбегающиеся муравьи. Они остались сиротами, вдовами, калеками, но всё равно цеплялись за любую надежду. Сидхи всех возрастов, всех сословий. Плач младенцев, кровь, смешивающаяся с землёй...

Я отняла руку от стены и сжала её в кулак.

— До куда они простираются?

— Так как не хватило времени на их завершение, они охватывают лишь часть древнего королевства Гобов. То есть часть герцогства Гримфеар. — Гвен пожала плечами, в её взгляде была печаль. — Тем не менее, они всё равно впечатляют.

— Братство часто их использует?

— Только когда у нас нет другого выбора. — Она бросила мимолётный взгляд на Мэддокса и его крылья. — Входы постоянно меняют местоположение, и только такие существа, как лепреконы, могут их находить.

— Потому что они были подданными Гоба, — пробормотала я.

[3] прим. редактора: в английском языке knock = стук.

Гвен бросила на меня удивлённый взгляд.

— Именно.

Затем она обменялась взглядом с Сейдж, которая шла впереди. Через несколько секунд та спросила:

— А к какой расе относишься ты?

Я ожидала этого вопроса.

— *Мы*. Девочка, которую забрала Морриган, — моя сестра. — Я сглотнула, чтобы избавиться от кома в горле, возникшем при одной только мысли об этом. — Мы от разных отцов, но они оба были людьми, а наша мать — феей. Только она была с нами.

По их лицам и повисшему молчанию было ясно, что им трудно в это поверить. Они, должно быть, вспомнили тот момент, когда Каэли сняла камень трансмутации и в неё как будто что-то вселилось.

— Вы… полукровки? — осторожно спросила Гвен.

— Да, поэтому у нас нет видимых признаков. И я знаю, о чём вы думаете, но моя сестра ещё совсем юна, и когда она пугается, её магия выходит из-под контроля. — Это было вполне правдоподобное и логичное объяснение; такое бывает с незрелыми сидхами. — Что случилось с тем мужчиной в пекарне? Который покончил с собой.

Повисла короткая пауза, после которой туннели наполнил глубокий голос дракона. Он звучал хрипло от частого кашля и чихания.

— На севере Гримфеара была облава. Отряд принца Брана нашёл сидхов, живущих в подвалах. Тот мужчина предоставил им крышу над головой и всячески помогал. Он был ранен во время облавы, но сумел ускользнуть. — Его голос стал мрачнее. — Мы хотели догнать его и спасти, но, конечно, не все готовы нас слушать, когда мы вот так одеты. Не можем же мы кричать на улицах, что мы из Братства.

— Сейдж могла бы его исцелить, — прошептала Гвен. В её голосе звучала искренняя печаль.

Несколько минут мы шли по туннелю в полной тишине. Сейдж, казалось, без труда находила дорогу. В конце концов разговор возобновила Гвен:

— По понятным причинам, вы с сестрой сбежали прежде, чем мы успели что-либо объяснить, а затем на пристани случилось то, что случилось.

— Нас поймал принц Бран, верно?

Дракон приподнял брови.

— Как ты поняла?

— Вы обращались к нему «ваше высочество». Сомневаюсь, что вы проявляете такое уважение к другим охотникам.

— В тот момент ты казалась ослабшей, почти умирающей. Я думал, что ты вообще без сознания.

Это не так уж ж далеко от правды. Использование камней обессилило меня.

— Из какого вы отряда?

Я была уверена, что они не из отряда принца Брана. Они разговаривали как соперники, соревнуясь за добычу, споря, кто первым нашёл меня и Каэли.

После паузы, чуть дольше обычной, Сейдж посмотрела на меня искоса с некой… опаской? Как будто защищалась.

— Из отряда принца Сетанты.

Я так и думала.

И всё же...

Они были под командованием самого наследного принца, и хотя я уже подозревала это, подтверждение от них самих вызвало у меня лёгкое головокружение. Они имели дело с будущим королем; говорили с ним, подчинялись его прямым приказам. Сетанта Руад был идеальным солдатом, идеальным наследником, идеальным убийцей сидхов. Его кровавые подвиги, несмотря на юный возраст, уже вошли в легенды, и он по праву носил прозвище «Потрошитель». Люди его обожали. Ему предстояло стать следующим королём Нессией и продолжить Эпоху королей.

И под самым его носом скрывались сидхи.

Своё мнение об этом безумии я оставила при себе. В любом случае ни Сейдж, ни остальные не оценили бы его.

Внезапно туннель затрясся. Глухой стон, низкий и болезненный, донёсся из глубин тьмы, словно что-то огромное и раненое скрывалось там, пытаясь предупредить нас о своём присутствии. Я запнулась и попыталась ухватиться за что-то, но земля сыпалась со стен от малейшего прикосновения, а пол под ногами дрожал. Гвен уже опустилась на четвереньки.

И в тот момент, когда остатки света погасли, надо мной нависла тёплая, массивная фигура. Мои пальцы наткнулись на что-то твёрдое, устойчивое, и я, недолго думая, ухватилась за это. Благодаря чему мне удалось устоять на ногах.

— Закройте глаза! — скомандовала Сейдж. — Потолок обваливается!

Её голос не выдавал страха. Я задержала дыхание, ожидая, что туннель вот-вот обрушится. Я бы пробивала себе путь зубами и когтями, если бы пришлось, потому что отказывалась быть погребённой заживо в месте, о существовании которого узнала лишь несколько минут назад. Мне нельзя умирать. Я должна спасти Каэли.

Однако ничего не обрушилось на меня; грохот и тряска спустя несколько секунд просто прошли мимо. Туннель перестал трястись. Эхо тяжёлого дыхания всех присутствующих вновь заполнило пространство.

В ушах остался гул, словно часть дрожи застряла там и не проходила. Я тряхнула головой, и по коже пробежали мурашки. Это было страшно. Кажется, я услышала чей-то стон

— Что это было? — выдохнула я.

— Живая легенда, — ответил дракон; его голос прозвучал прямо над моей головой, очень близко.

Слишком близко.

Я вздрогнула. Свет снова вспыхнул, и я оказалась лицом к лицу с пронизывающим взглядом Мэддокса. Янтарные радужки, казалось, пульсировали в такт с огнём в его руке; или, возможно, это пламя плясало под влиянием его глаз. Кто знает; в нём, как-никак,

текла кровь драконов. Мне показалось, что призрачные пальцы коснулись моих ключиц. Легко, едва заметно.

Я отвела взгляд, смутившись, потому что только сейчас поняла, за что ухватилась во время тряски. С поразительной скоростью Мэддокс подскочил ко мне, и одно из его крыльев обвило меня. Что касается того устойчивого, за что я держалась… Это был один из острых концов другого крыла, сложенного у бедра дракона. В такой позиции оно казалось кожаным треугольником, но намного более жёстким и тёплым на ощупь.

Я резко убрала руки, чувствуя себя крайне неловко.

— Я не...

— Всё в порядке, — перебил он.

Мэддокс сделал несколько шагов назад и наклонился вперёд, стряхивая землю с тёмных волос. Я смотрела на него в замешательстве. Неужели он сам себя не прикрыл?

Гвен, сидевшая на земле, тяжело вздохнула. Очевидно, она пострадала больше всех: её руки были зарыты в землю по запястья, и вся она с ног до головы была покрыта пылью. Её волосы из почти платиновых стали каштановыми.

— Тебе обязательно было прикрывать обоими крыльями её одну? Не мог проявить немного рыцарства к своей давней подруге?

Он не ответил, даже не взглянул на неё. Сжав челюсти, он стряхивал пыль с плеч и рук, и я готова была поклясться, что его щёки немного покраснели.

Сейдж щёлкнула пальцами. Всё, что упало на неё, поднялось в воздух, образовав облако пыли, а затем осело на землю.

Гвен надула губы.

— И ты тоже?

Сейдж подняла бровь.

— Не надо было рождаться человеком, — ответила она. Затем, резко развернувшись, снова пошла вперёд. — Идём, мы уже достаточно побеспокоили Рагман’дара.

Глава 8

Говорят, что вскоре после того, как Тараксис ступила на эту землю, она нарисовала символ у своих ног, представляющий всё, что она видела и чем являлась: небо, землю, море, тело, разум и дух. Вместе они символизируют равновесие природы. Этот символ несёт в себе три принципа: понимание, любовь и сохранение истины. Богиня назвала его «авен».

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Из четырёх герцогств, составлявших Гиберию, Аннвин был единственным, куда ни моя семья, ни мои предки никогда не ступали. Также он был самым маленьким герцогством, с тех пор как первый король Нессия разделил территорию пополам. На севере оно граничило с Хельглаз и истоком реки Муирдрис, которая пересекала герцогство и его долины, прежде чем продолжить путь к Эремонским горам. Согласно картам, которые мне удалось изучить, на восточном берегу реки было несколько деревень, довольно мелких. Не было ни городов, подобных Гримфеару или Реймсу, ни значимых торговых путей, ни крупных сельскохозяйственных угодий, ни шахт. Оставались жить в Аннвине только те, у кого не было средств для переезда в места получше, — по крайней мере, так говорили в народе. Если бы большинству жителей королевства предложили выбор между жизнью в Хельглаз или Аннвине, они бы предпочли замёрзнуть, не задумываясь.

Причина заключалась в том, что находилось на западном берегу Муирдриса: Долине Смерти. Там, где всё началось и закончилось.

Я уже пересекла множество границ, что мне стоит перейти ещё одну?

Стояла глубокая ночь, когда мы остановились на вершине холма на окраине деревушки под названием Эйлм. Гвен вышла вперёд, чтобы предупредить местных о нашем прибытии. Было видно, что все ещё спят. Тишина и снег окутывали синие крыши; казалось, что дома покрыты чешуёй рыбы, щедро посыпанной солью. Почти все стены были побелены, и на фасадах росли лозы и мох. Многие дымоходы дымили, и кое-где оранжевый свет проливался из окон на снег. Собака залаяла, а кошка ответила ей возмущённым шипением. Вдалеке возвышались несколько зданий, заметно выделяясь среди остальных.

Это место показалось мне спокойным и вполне уютным, хотя я ожидала увидеть полуразрушенные унылые хижины. Муирдрис извивался, переливаясь, как нефть.

Но на другой стороне реки…

Не было ничего.

Ни гор, ни холмов, ни деревьев, ни каких-либо построек. Взгляду не за что было зацепиться в этом бескрайнем унынии. Прищурившись, я увидела алый отблеск, который мог быть дюной пустыни Вармаэт. Возможно, мне это только казалось, потому что я знала, что она должна быть где-то там.

Я оглянулась назад. Лес остался позади, но признаки жизни были повсюду. По краям тропинки росли кустарники и цветы, где-то в глубине ухала сова.

Я снова посмотрела перед собой. Поразительно, как один акт агрессии, совершённый несколько веков назад, продолжал оказывать влияние, словно земля не забывала нанесённый ей вред. Или, может быть, её сущность была вырвана с корнями, и она больше не могла возродиться.

Дракон отошёл на несколько шагов от Сейдж, выходя из укрытия из листьев, где они ждали, и приблизился ко мне. Каждый раз, глядя на него, я старалась не удивляться тому, как дико и невозможно выглядят вместе его крылья и доспехи Охотника.

— Ты очень тихая, — пробормотал он.

Я посмотрела на него без выражения, что, по какой-то причине, вызвало у него улыбку.

— Некоторые сидхи, которых мы перевозим, так переживают из-за происходящего или нервничают из-за предстоящего, что Сейдж приходится усыплять их, чтобы доставить в безопасное место без лишнего шума.

Однажды в Тельмэ целая семья исчезла при загадочных обстоятельствах безо всякого следа, побросав почти все свои вещи. Соседи осуждали их за подозрительное поведение и шептались за их спинами обо всём, что только можно. Худшее обвинение, конечно, заключалось в том, что они, вероятнее всего, были сидхами.

На следующий день после их исчезновения в деревню прибыли солдаты. Они обыскали дом сверху донизу, допросили соседей (включая мою мать) и, не сумев узнать, что произошло, разозлились и сожгли дом. Перед отъездом они оставили чёткое предупреждение: если кто-то знал, куда они сбежали, и не рассказал, то его ждёт в лучшем случае виселица.

Мы не пустились тогда в бегство только потому, что Каэли была слишком маленькой для путешествия. Наша мать была убеждена, что это дело рук Братства, и сходила с ума от одной мысли о том, что охотники прошли так близко.

Представляю, как она сейчас переворачивается в гробу.

— Когда сложные ситуации становятся для тебя нормой, ты, хочешь не хочешь, но учишься решать их наилучшим образом, — ответила я. — Закрытый рот, осторожность и быстрые ноги часто выручают.

Мне не нравилась эта пристальность в его взгляде, которую только усиливал странный цвет его глаз. Дракон наклонил голову, как будто хотел рассмотреть меня со всех возможных углов. К счастью для меня, он больше ничего не сказал, просто стоял на расстоянии вытянутой руки, наблюдая за деревней со скрещёнными на груди руками. Я

же, пытаясь не рухнуть от усталости, сделала шаг в сторону, увеличивая расстояние между нами.

Кажется, уголок его губ приподнялся в улыбке.

Гвен возвращалась назад. Капюшон скрывал её лицо, двигалась она быстро и ловко.

— Сегодня вечером здесь было собрание, но все уже разошлись, — сказала она, подходя к нам. — Пвил ждёт нас в амбаре.

Мы спустились с холма и направились к южной части деревни. По их поведению и выбору пути через кнок я поняла, что они принимают всевозможные меры, чтобы никто не увидел крыльев Мэддокса. Все ли члены Братства знали, что в их рядах есть дракон, или от них это скрывают так же, как и от Диких Охотников?

Мудрым решением было бы держать это в секрете. Мало ли кто присоединится к Братству; как можно доверить такую важную информацию кому попало? Если кто-то случайно сболтнёт, слухи быстро дойдут до короля.

«Ты не просто сидха».

Я подавила смешок. Нет, не просто.

Я самая невезучая девушка во всей Гибернии. Я оказалась в неподходящее время в неподходящем месте с неподходящими людьми (и сидхами) и узнала секреты, которые меня не касались.

Хотя они оказались весьма любопытными.

Но этого мало, чтобы начать доверять друг другу. Нет никакой врождённой связи между всеми сидхами только из-за их магического происхождения. И если кто-то из них полагает иначе, то это очень наивно.

Когда я поняла, куда мы направляемся, то не сразу смогла в это поверить: это был замок. Издалека мне казалось, что там несколько зданий с крышами синего цвета. С первого взгляда я насчитала, по крайней мере, восемь. И, пока мы ехали, лунный свет падал на стеклянный купол. По мере приближения я увидела высокие каменные стены, отделявшие замок от остальной деревни.

Мы обошли здание вдоль стены до калитки, предназначенной для повозок. Судя по тому, как был протоптан снег, её совсем недавно использовали. Гвен открыла калитку и провела нас внутрь. Стены полностью закрывали луну, оставляя нас в полумраке.

Мы шли к гораздо более простой постройке, одноэтажной, широкой, примыкающей к одной из стен замка. От неё чувствовался запах навоза и животных. Я на мгновение прислонилась к холодной стене.

Множество голосов смешались, как бывает, когда десятки людей собираются вместе и пытаются говорить одновременно, и кто-то выкрикивает: «Замолчите уже, чёрт возьми!», за чем следуют громкие смешки.

Глубокий, хриплый голос прошептал мне на ухо: «Добро пожаловать».

Я резко убрала руку. Как всегда, мне больше нравились моменты, когда видения были о добрых и радостных чувствах, чем когда я становилась свидетелем боли и смерти. Не то чтобы тьма намеренно всегда выбирала наиболее жестокие сцены, но обычно самые глубокие воспоминания живых существ и некоторых предметов, — те, что врезались в память, — не были счастливыми.

Я потёрла ухо о плечо, чувствуя себя неуютно. Слова «добро пожаловать» продолжали эхом звучать в моей голове.

Мэддокс хмуро посмотрел на меня.

— Ты в порядке?

Я торопливо кивнула, выпрямляясь, и что-то заискрилось в его золотистых глазах.

— Пойдём, здесь ты сможешь отдохнуть.

Мы свернули за следующий угол. Там, в тени дверного проёма амбара, нас ждал мужчина. Когда я увидела его, первой мыслью было, что малейший порыв ветра мог бы с лёгкостью его повалить, настолько он был худым. Среднего роста, с узкими плечами и растрёпанными светлыми волосами, но больше всего выделялись его круглые очки и длинный острый нос, на котором они держались.

Он рассматривал нас пронзительным взглядом; когда очередь дошла до Мэддокса и его крыльев, в глазах мужчины отразилось удивление. Сигарета, зажатая в его губах, заплясала, стоило ему заговорить:

— Во имя священного лосося, — пробормотал он. — Заходите быстрее!

Он так же внимательно смотрел на меня, когда я прошмыгнула мимо него, следуя за Сейдж и Гвен, но ничего не сказал. Внутри амбара, который внутри оказался гораздо теплее, чем представлялся снаружи, я вдруг ощутила всю накопившуюся усталость, боль и онемение. Словно холодный воздух последних дней зимы притуплял чувства. Теперь же от ступней до ушей всё ощущалось как один сплошной синяк. Было темно, и я мало что смогла разглядеть, но без труда различила силуэт огромного экипажа, таких, что встречаются только в больших городах. До меня донеслось нервное ржание нескольких лошадей.

Мужчина с острым носом эмоционально шептал что-то Мэддоксу, тот же в свою очередь молчал.

Дверь на дальнем конце открылась, проливая желтоватый свет на покрытый сеном пол. Огромная фигура, высокая и широкая, помахала нам оттуда рукой.

— Быстрее, — позвал грубый, пугающий голос, как будто говорила сама бездна.

Когда мы подошли ближе, я едва не открыла рот от изумления. Я видела много крупных мужчин в своей жизни. Тот же Мэддокс был высоким и мускулистым, но этот? Просто великан.

Длинные каштановые волосы, слегка стянутые кожаным ремешком, обрамляли его внушительные черты лица. Широкие брови, тёмные глаза. Густая борода скрывала изгиб губ. Рукава рубашки были закатаны, каждая из рук была шириной с меня, и каждый сантиметр от плеч до пальцев был покрыт замысловатыми синими татуировками.

Когда я снова подняла взгляд, ошеломлённая, то обнаружила, что он всё это время тоже наблюдал за мной. Вместо того чтобы оскорбиться на мой вытаращенный взгляд, он слегка кивнул.

— Добро пожаловать, лайли.

Девушка.

Несмотря на зычный голос, говорил он доброжелательно и тепло. Мне стало приятно от его обращения. Когда мы вошли в освещённый коридор, у меня не возникло

чувства, что я попала в незнакомое место, где нужно проверять каждый уголок, чтобы не быть застигнутой врасплох. Как бы абсурдно это ни звучало, я почувствовала себя в безопасности.

Впервые за не знаю сколько времени.

Пальцы дрожали, вина нахлынула лавиной, поэтому я скрестила руки на груди, пытаясь защититься.

— Спасибо.

Он наблюдал за мной ещё несколько секунд, а затем снова повернулся к амбару. Его, в отличие от блондина, вид Мэддокса не удивил.

— Можешь продолжить свой допрос на кухне, Пвил.

Я не успела услышать ответ, потому как уже поднималась по узкой деревянной лестнице в конце коридора, следуя за девушками. Мы вышли на слабо освещённую площадку, где было так тепло, словно рядом горел огонь в печи. Пахло смесью чеснока и кабачков, отчего мой желудок заурчал, привлекая внимание.

Я обхватила руками живот и сжала, чтобы унять голод. Где бы ни была сейчас Каэли, кормят ли её там? Не холодно ли ей? Испугана ли она?

Гвен одарила меня мягкой улыбкой.

— Сюда.

По всей видимости, она вела меня на кухню, но мои пятки врезались в пол. Мужчины остались внизу, их приглушённые разговоры доносились со стороны лестницы.

Сейдж посмотрела на мою защитную позу, на лицо, босые ноги и, казалось, поняла то, что я сама не могла сказать.

— Пойдем, я отведу тебя в свободную комнату.

Гвен нахмурилась, но оставила свои мысли при себе. Мы с Сейдж поднялись выше по лестнице. Замок был не только большим, но и обжитым. Здесь не пахло сыростью или грязью. Если это место принадлежало Братству, то очевидно, что они не просто какая-то банда разбойников, как их описывала народная молва.

Я внимательно запоминала путь — скорее по привычке, чем намеренно. На этом этаже каменный пол был покрыт ковром, заглушающим наши шаги. От лестницы отходили три коридора. Все они казались бесконечными. Сейдж без колебаний свернула направо, и мы пошли до самого конца; проходя мимо нескольких арочных дверей с массивными металлическими молотками. Две комнаты были открыты, и я, конечно же, не могла не заглянуть внутрь: одна выглядела как кабинет; в другой я успела заметить лишь край книжного шкафа. Библиотека?

Куда я попала? Я могу по пальцам пересчитать людей, чьё благосостояние позволяет иметь столько книг.

Сейдж открыла последнюю дверь и жестом пригласила меня внутрь.

— Обычно, когда мы приезжаем, здесь сплю я, но сегодня мне придётся потерпеть болтовню Гвен.

Будь я добрее, я бы отказалась забирать у неё комнату. Но я промолчала. В тот момент мне хотелось только одного: чтобы Сейдж закрыла эту дверь и ушла.

Мне нужно было побыть одной.

Мне нужно было сделать глубокий вдох, не чувствуя на себе взглядов.

Мне нужно было...

Сейдж вышла обратно в коридор.

— Отдыхай. Завтра можешь спуститься вниз. Там всегда кто-то есть.

Не сказав больше ни слова, она закрыла дверь, и её едва слышные шаги удалились.

Я мало что разглядела в спальне. Найдя кровать, я опустилась на колени и уткнулась лицом в подушку, чтобы заглушить крик, подступивший к горлу.

Слёзы хлынули из глаз. Я больше не сдерживала своих чувств. Я поддалась всему урагану отчаяния, который набирал обороты во мне с тех пор, как Морриган забрала Каэли. Этот шторм захлестнул меня, терзая и истязая. Тьма вышла из своих укрытий — из-под кровати и из углов — и бросилась ко мне, желая утешить. Она взобралась по моим ногам и спине, окутала меня тёмным плащом, её призрачные пальцы запутались в моих волосах.

Ключицы горели, как будто реагировали на боль, но я игнорировала их с той же решимостью, с какой заглушала каждый свой всхлип. Вместо облегчения я чувствовала, как тяжесть вины за то, что я не защитила сестру и не знаю, что происходит, душит меня всё сильнее.

Не знаю, сколько это продолжалось, но в конце концов я упала в полном изнеможении. Лоскуты тьмы вытерли мои щёки и убаюкали меня.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Глава 9

Обычный день в Гальснане, с метелями, из-за которых приходится идти с прищуренными глазами и шарфом, поднятым до носа. Этому я особенно рада, потому что знаю, что западные торговцы вот-вот прибудут, а их визит всегда означает что-то новое, что-то, что нарушает холодную и однообразную рутину Хельглаз.

Но вместо торговцев в деревню входит группа солдат, чтобы посмотреть ход работы на шахтах и поставки гематита. Я сразу его узнала. Возможно, если бы он не был главным героем моих кошмаров последние шесть лет, я бы уже забыла его лицо.

И что ещё хуже, глядя на него, я вновь чувствую себя беспомощной и ужасно напуганной.

*Возвращаюсь в хижину, дрожа с головы до ног. Каэли спрашивает меня, что случилось, и тянет к огню, чтобы я согрелась. Я смотрю на неё оцепеневшая. Она жива и здорова благодаря мне; я спасла её от тех солдат, от **него**, и сбежала из столицы посреди ночи, зажимая ей рот рукой, потому что измученный младенец не переставал плакать. А теперь я вновь переживаю то отвратительное состояние, когда мы без семьи, без дома, без тёплой одежды, скрываясь, всё дальше и дальше уходим на север, туда, где никто не станет нас преследовать, где никто не сможет нас поймать.*

Водоворот ненависти и обиды грозит поглотить меня, тьма с энтузиазмом подталкивает их ко мне. Вскоре в моей голове начинают зарождаться планы. Я могу отомстить. Я уже не беззащитная девочка. У меня есть оружие. Он не узнал меня, что только сильнее терзает мои раны. Для таких, как он, мы с сестрой никто, мы недостойны того, чтобы даже запомнить нас и уж тем более бояться.

Я могу это изменить.

Я знаю, что могу наполнить его тело страхом и затем извлечь его капля за каплей.

Тьма одобрительно кивает, облизываясь.

Каэли накрывает меня одеялом и обнимает. Вместо того чтобы продолжать планировать, как отплатить ему хотя бы тысячной частью всех наших страданий, которые он нам причинил, я сосредотачиваюсь на реальности. Сладкий запах моей сестры. Её тонкие руки, обнимающие меня. Её дыхание у моей шеи. Хижина, в которой мы живём, маленькая и скромная; это единственное место, где мы могли по-настоящему успокоиться и узнать, что такое счастье.

Постепенно я стряхиваю паутину прошлого. Тьма жалобно стонет, ведь она хочет выйти поиграть.

Готова ли я рискнуть всем этим ради одного человека? Пущу ли я свою жизнь под откос, чтобы на мгновение облегчить ненависть и ярость?

Нет.

Это не стоит того. Он, Двор и мой собственный род уже отняли у нас достаточно.

Так что, вместо того чтобы идти в ночь убивать, а потом вынужденно бежать в Гримфеар, я прижимаю к себе сестру и продолжаю историю о крылатых воинах, островах огня и ярких драгоценностях. Это её любимая.

Поэтому мы никогда не работали в пекарне в Гримфеаре. К нам не заходил окровавленный сидх, Дикие Охотники не преследовали нас. Я не использовала камни трансмутации и не стояла на пристани, живая лишь по милости Призрачной Королевы. Каэли никогда не отбирали у меня, и я не была вынуждена вступить в союз с Братством.

И, конечно, я так и не встретила эти янтарные глаза, которые, кажется, изменят мою жизнь навсегда.

Я долго лежала, глядя в потолок спальни, после того как проснулась. Когда мне надоело терзать себя мыслями, я сделала то, что должна была сделать ещё прошлой ночью: осмотрелась, оценила обстановку в целом. Мне следовало ускользнуть, как только Сейдж оставила меня одну, и обследовать замок, подслушать разговоры, собрать полезную информацию.

Что угодно, только не плакать и не спать как беспомощный щенок.

Спальня была столь же роскошной, как и остальная часть замка. Массивная мебель, сверкающая лаком; пол, покрытый толстыми кремовыми коврами; ровная постель, даже туалетный столик с зеркалом в тон. Но мелочи поразили меня больше всего: диван у подножия кровати, на котором лежали небесно-голубые шёлковые подушки; свежие цветы разнообразных оттенков в стеклянных вазах.

Всё это говорило о богатстве. Мне было трудно поверить, что здесь жили члены Братства. Конечно, если сидхи есть среди Диких Охотников, почему бы им не быть богатыми и не владеть большими домами? Насколько я знала, сеть Братства распространила свои щупальца даже туда, куда я и представить себе не могла. Они использовали тайные туннели для перемещения, у них были союзники-люди, такие как Гвен, они носили опознавательные татуировки, устраивали тайные собрания...

Я взяла с туалетного столика кувшин с водой для умывания; погладила фарфор с розово-бирюзовой росписью. Взглянув на своё отражение, я увидела только истощённую девушку с опухшими глазами и печальной гримасой на губах. Я привыкла к фиолетовому оттенку моих глаз, к цвету, который концентрировался по краям радужки, образуя тёмное кольцо и светлея до водянистой сирени вокруг зрачков. Теперь они сочетались с парой тёмных кругов под глазами.

За моей спиной притаились туманные силуэты, такие же волнистые и прозрачные, как поверхность озера. Ближе всех стояла ко мне, почти дыша над моим плечом, новая фигура, чуть более чёткая, чем остальные. Его черты появлялись и исчезали. Со временем все они исчезнут. Но сейчас я его узнала.

Это был солдат, который осмелился забрать у меня Каэли, когда она была ещё младенцем в Гримфеаре. Он бросил её в телегу и оставил меня истекать кровью в переулке. Когда я увидела, как он заявился в Гальснан, смеясь со своими товарищами, я не

смогла удержаться. Я подсыпала снотворное всем в таверне, включая солдат, и, когда он заснул, утащила его в лес. К тому времени, как я с ним покончила, снег был окрашен в красный цвет. Когда тень скользнула из его тела к моим ногам, я не почувствовала ничего.

Я по-прежнему не испытывала раскаяния. По крайней мере, не за его смерть. Я сожалела лишь о том, что не подумала лучше. Оценивай я ситуацию трезво и разумно, смогла бы я сдержаться? Смогла бы проигнорировать тьму, как сделала это во сне? Тогда бы я всё ещё была в Гальснане с Каэли, мы бы мёрзли, но держались вместе.

Или, как всегда говорила моя мать, нельзя убежать от своей сути?

Решив, что в моём собственном теле не должно быть ничего, что вызывало бы у меня тревогу, я расстегнула ворот туники и обнажила ключицы.

Сделала судорожный вдох. Хотя боль и зуд были сильными, я всё же не ожидала, что метка занимает так много места.

Она была похожа на татуировку. Как две руки великана, встретившего нас прошлой ночью. Синие линии простирались почти от плеча до плеча. Они были толщиной в четыре пальца, тонкие, замысловатые. Они переплетались друг с другом, создавая спирали, петли, настоящую лозу, выделявшуюся на моей коже, как капли крови на снегу. Я не смогла разглядеть, где они начинались и где заканчивались.

И я задумалась, связано ли это с их значением.

Я несколько раз видела только-только сделанные татуировки. Кожа оставалась опухшей и красной из-за работы игл, иногда на протяжении нескольких дней. В некоторых случаях она начинала гнить из-за непереносимости чернил или потому что иглы и нити не были хорошо продезинфицированы. Те, кто делал себе татуировки, всегда казались мне большими идиотами.

И вот посмотрите на меня.

Моя кожа была нетронута, как будто эти рисунки всегда были там.

Я торопливо застегнула пуговицы.

Затем быстро привела себя в порядок и избавилась от носков. Если вчера днём они были просто в плохом состоянии, то после прогулки до Эйлма окончательно превратились в лохмотья. Я использовала самую чистую часть одного из них, чтобы завязать косу, и, глубоко вздохнув, вышла из спальни.

Коридор был таким же, как я его запомнила. Судя по свету, пробивающемуся сквозь узкие высокие окна, время должно было быть около полудня. Я не помнила, когда последний раз вставала так поздно, хотя мы прибыли глубокой ночью.

Двери, которые прошлой ночью были открыты, теперь оказались закрыты. Моё лицо помрачнело при виде гобеленов и картин на стенах; одна изображала место, которое я никогда не посещала, но всё равно легко узнала. Я слышала о нём в тысячах историй и песен; книги, рассказывающие о нём, были доступны каждому; его считали одним из природных сокровищ Гибернии, как и Камень Судьбы.

Толл-Глор.

На картине, выполненной в холодных тонах, было изображено восточное море, волны которого бились о берег Эремона. На крутом утёсе росла пышная зелёная трава,

характерная для южного герцогства, известного своими плодородными почвами и постоянными урожаями. Но там, на выступе земли, почти закрывающем бухту, зелень переходила в абсолютную черноту. Длинная трещина, как полузакрытый глаз, рассекала землю пополам. Даже на картине её глубина казалась бесконечной, непостижимой. Не зря её считали порталом в Иной мир, расщелиной, через которую Теутус и его армия вошли в Гиберию.

Над трещиной безостановочно крутилась спираль воздуха, облаков и бури. Вот её я своими глазами видела. Она была видна из Реймса, ближайшего города к столице. В детстве я была уверена, что само небо указывает на это проклятое место, как предупреждение, чтобы никто не приблизился по неосторожности. Одного взгляда на вихрь было достаточно, чтобы по коже побежали мурашки.

Для Двора и людей, конечно, это было не так. Толл-Глор был священным памятником и кульминацией праздников Теу-Биад. Многие почитатели Теутуса ползли на коленях до моста, ведущего к трещине, оставляя за собой след крови, умоляя бога вернуться и осчастливить их своим присутствием.

На картине был этот мост. Он казался сделанным из золота и рубинов, цветов королевской семьи, но, возможно, то была лишь фантазия художника. На другой стороне, за мистическим туманом, можно было разглядеть шпили дворца.

Красивая картина для дома, полного мятежников.

Я почти на цыпочках спустилась по лестнице. То, что прошлой ночью показалось мне обычным помещением на входе, на самом деле было огромным вестибюлем, в три раза больше, чем вся моя хижина в Гальснане. Здесь не утруждали себя коврами, и на виду были примечательные плитки из резного камня; по глубокому зелёному цвету с красными прожилками я бы сказала, что это гелиотроп. На столике у входа стояли золотые канделябры, а с потолка свисала огромная люстра с пятьюдесятью свечами, как минимум.

Я предположила, что это главный вход, не только из-за его богатого убранства, но и из-за внушительных деревянных дверей.

Когда я свернула налево, то едва не врезалась в нечто тёмное, прислонённое к стене. Инстинктивно отскочила назад и схватилась за кинжал. Болас я могла оставить в комнате, но нож — никогда.

Тёмная фигура, а ею оказался не кто иной, как дракон, улыбнулась. Он стоял, скрестив руки, плечом к стене и закинув одну ногу на другую. Хотя сегодня на нём не было полного обмундирования, он всё ещё был одет во всё чёрное: что-то вроде вязанного свитера и сапог с толстыми подошвами.

Крылья никуда не делись.

— Как кошка, — пробормотал он. — Интересно, стоит ли называть тебя *sliseag* или капалугом.

Я по-прежнему не знала, что значит «sliseag», но капалуги были мне хорошо известны. Мне пришлось убить одного такого с белым мехом по пути в Хельглаз, когда мне было четырнадцать лет. Эти твари выглядели как кошки, только намного больше, и

питались всем, что попадалось им на пути. Считалось, что это проклятые коты, оставленные на произвол судьбы, озлобленные монстры.

Я моргнула. Да, у меня много общего с капалугами, но я не собираюсь обсуждать это с драконом.

Я выпрямилась и опустила кинжал.

— Как ты сам сказал, "sliseag" вполне подойдёт.

Если он не смог придумать ничего лучше, чтобы узнать моё имя, то мне его жаль.

Когда я попыталась пройти мимо него, он вытянул ногу и упёрся в противоположную стену, преграждая мне путь. Теперь я смотрела прямо на его мускулистое бедро. Если подумать, эти члены Братства, предоставившие мне кров, могли бы помочь мне найти Каэли. А значит, отрезать сейчас половину его ноги не в моих интересах.

Я вскинула голову, чтобы посмотреть на него, и встретила его улыбающиеся глаза, которые теперь сверкали ещё сильнее. Трудно было поверить, что всего несколько часов назад у него появились крылья (как я поняла, непроизвольно) и его до крови искусал лепрекон.

Мэддокс спокойно изучал меня.

— Ты выглядишь ужасно.

Досада кольнула сердце, но я безжалостно её подавила.

— Это легко исправить...

И улыбнулась, позволяя ему самому догадаться. *Просто не смотри на меня.*

Он тихо засмеялся.

— Я не об этом. Ждёшь комплиментов?

— Я ищу кухню, а ты стоишь у меня на пути.

Янтарь его глаз на мгновение загорелся. Дракон оттолкнулся от стены и встал передо мной.

— Да ладно, я просто хотел убедиться, что тебе хорошо спалось. — Он положил руку на грудь. Его серьга покачивалась, когда он говорил. — Я даже повёл себя благородно и ждал тебя здесь, а не у двери твоей комнаты.

— Я не собираюсь благодарить тебя за то, о чём тебя никто не просил.

Он замер, пристально глядя на меня. Лёгкая улыбка оставалась на его лице, но его глаза...

— Ты всегда такая колючая?

— Нет, конечно. Только когда передо мной существо, которого никто не видел со времён войны и которое не понимает, что такое личное пространство.

— Хочешь сказать, что не чувствуешь себя в безопасности в моём присутствии?

— Мне нужно отвечать на этот вопрос, или нависшие надо мной шипы говорят сами за себя?

Он нахмурился и повернул голову, чтобы увидеть то, с чего я всё это время не сводила глаз. Его крылья развернулись по обе стороны от меня, словно хотели окружить, и острые шипы на крыльях наклонялись всё ближе и ближе.

Он тихо выругался, встряхнул крылья и снова сложил их за спиной. По его реакции можно было подумать, что его крылья разумны и живут своей жизнью, а он даже не замечал, что они делают, пока я не сказала.

Но ведь это невозможно, да?

Хотя что я знаю о драконах? Лишь глупые слухи о том, какие они прославленные воины и как они сходят с ума при виде драгоценных камней, зародившихся в вулканах Островов Огня. Это никак нельзя проверить ввиду того, что острова были разрушены несколько веков назад.

Я воспользовалась тем, что он отвлёкся, и направилась в сторону кухни. Резко остановилась на пороге, потому что внезапно возникло чувство, будто я вот-вот войду в совершенно другой дом, как будто эта комната и остальные не имели ничего общего; и потому что там оказалось больше народу, чем я ожидала. А ещё там было гораздо жарче и пахло… восхитительно. Даже лучше, чем в пекарне Гримфеара.

На кухне не было плитки, ковров или гобеленов. Это было очень просторное помещение, разделённое на три части, покрытые тёмным деревом сверху донизу. Я стояла у центральной части — квадратной комнаты с огромным круглым камином, похожим на половину разрезанного апельсина. Сквозь три арочных отверстия был виден хорошо разгоревшийся огонь и подвешенный котёл. На каменной стене висели сковородки, связки сушёных овощей и даже плющ.

Худой мужчина в очках помешивал содержимое котла, пока курил и что-то объяснял здоровяку с татуировками, который опирался на балку, закрыв глаза.

В зоне справа был второй этаж с короткой лестницей, заставленный книгами, бутылочками и горшками. Было похоже на чью-то спальню. Там стояли кровать, вешалка и даже прялка с десятками разноцветных клубков. Но самым странным был размер всех этих вещей. Они как будто были изготовлены для очень маленького ребёнка.

Слева раздался голос:

— Моя любимая воровка!

Гвен энергично помахала мне из левой части комнаты. Она, Сейдж и ещё одна девушка сидели за круглым столом, рассчитанным на целую толпу. Судя по количеству тарелок, стаканов и остатков еды, стол явно активно использовался.

Больше всего мне было удивительно видеть Гвен и Сейдж без униформы Дикой Охоты. Сейдж была в обтягивающих замшевых брюках и белой блузке, подчёркивающей её тёмную кожу. А Гвен надела платье и распустила свои длинные светлые волосы, напоминающие поток солнечных лучей. Она как будто стала совершенно другим человеком, хотя, как ни странно, оба образа выглядели максимально органично.

Я невольно застыла на пороге, поражённая столь обыденной картиной.

— Уверяю, они не кусаются, — шепнул дракон у меня за спиной.

Сдержав едкий ответ, крутившийся на языке, я направилась к столу. Вежливо поздоровалась с мужчиной в очках, которого, если я правильно запомнила, звали Пвил.

— Ты хорошо спала? — спросила Гвен с широкой улыбкой.

Мои сны напомнили мне обо всех ошибках, совершённых мной в последнее время, заставили пережить всё это заново и оставили тяжёлое чувство в груди, которое вряд ли исчезнет, пока я не найду свою сестру.

— Да.

— Знакомься, это Веледа. — Она указала на девушку рядом с Сейдж. Та сидела, ссутулившись, с опущенной головой, так что короткие каштановые волосы скрывали её лицо. — Дочь Абердина и Пвила.

— Абердин — это…

— Тот самый здоровяк, который спит стоя. Садись к нам за стол. Я принесу тебе что-нибудь поесть, раз уж Мэддокс совершенно забыл про гостеприимство и довольствуется тем, что смотрит на тебя издалека.

Тот резко ответил:

— Сиди-сиди, я сам. Обожаю смотреть, как вы рушите патриархат, не вставая со стульев.

Сейдж, закинувшая ноги на стол, улыбнулась ему.

— Мы просто ведём себя как среднестатистический гибернец.

— Поверить не могу, что вы всё съели, — пожаловался дракон, проверяя кастрюли. — Вы девушки или слуаги?

Совершенно новый, высокий и странный голос ответил:

— Зверьё голодное, вот они кто.

Ни Гвен, ни Сейдж, ни Веледа не шевельнулись. Я окинула взглядом помещение, пытаясь понять, кто это сказал и где он находится. Голос прозвучал так близко, словно был прямо здесь, прямо…

Я затаила дыхание и наклонилась, чтобы заглянуть под стол. Там, рядом с босыми ногами Гвен, находилось крошечное существо. Не такое маленькое, как лепрекон, скорее как годовалый ребенок. Оно могло стоять в полный рост и не задевать головой стол. На нём была шляпа, сделанная из пуговиц, с иголкой, воткнутой сверху, и красивая вязаная туника, немного волочившаяся по полу. Существо подметало крошки маленькой метёлочкой. Когда оно заметило, что я его разглядываю, оно нахмурилось.

— Ты уже позавтракала? — неожиданно спросило оно. У него были два выдающихся передних зуба, длинные усы и чёрные глазки. Чертами лица оно походило на грызуна.

Я подняла брови.

— Ты брауни.

— А ты слишком тощая, чтобы быть на моей кухне.

Я выпрямилась, озвучивая очевидное:

— У вас под столом брауни.

Дракон, сосредоточенный на том, чтобы собрать всё найденное на поднос, небрежно махнул рукой.

— Это Хоп.

— Разве брауни не делают свою работу втайне?

— Этот любит внимание.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Метёлка вылетела из-под стола и врезалась прямо в зад Мэддокса. Дракон выругался. Абердин, все ещё стоявший с закрытыми глазами, улыбнулся.

Пвил убрал сигарету от губ.

— Хоп, не нападай на Мэддокса до завтрака. Мы же уже об этом говорили.

— Метёлка сама выскользнула из моих старых дрожащих рук.

Так они обменивались завуалированными оскорблениями ещё несколько минут, пока дракон не поставил на стол всё, что смог найти. Он принёс как сладости, так и солёные блюда, как будто не был уверен, что я предпочту, и, вместо того чтобы спросить, решил выбрать всё. Затем он поставил передо мной кувшин с пивом и стакан тёплого молока, пахнущего мёдом.

Никогда не видела столько еды на завтрак; а для них это были всего лишь остатки. Пока остальные разговаривали, я смотрела на тонкую струйку пара, поднимающуюся над молоком. Любимый напиток Каэли.

Внезапно соседний стул отодвинулся. Большое тело Абердина опустилось на него; дерево, хоть и со скрипом, но выдержало его вес.

— Ешь, лайли. Нам многое предстоит обсудить. Ребята рассказали нам, как вы познакомились. Но сначала надо позаботиться о пустом желудке.

Я постаралась не воспринять это неправильно и не обидеться из-за того, что они говорили обо мне за моей спиной (вероятно, пока я спала). Я бы поступила так же.

— Я бы предпочла сначала поговорить, а потом поесть, если вы не против.

После нескольких мгновений пристального взгляда Абердин кивнул.

— Как хочешь. Но мы ждём кое-кого, кто должен присутствовать и может задержаться ещё на некоторое время.

— Не думаю, что ждать придётся долго, — сказал Пвил. — Мы отправили кабана вскоре после их прибытия.

Я застыла от удивления. Отправили кабана? Они использовали полуслепых животных, любящих принимать грязевые ванны, в качестве посыльных?

Дракон, стоящий у стены, склонил голову набок, словно прислушиваясь к чему-то.

— Надеюсь, у вас много желудей для Дедалеры.

— Она уже здесь? — Гвен удивлённо приподняла светлые брови.

Будто в ответ на её вопрос, внезапно раздался скрип больших тяжелых дверей. Послышались нетерпеливые шаги, сначала цоканье по плиткам, затем по камню. Все мы повернули головы в сторону звука.

На пороге появилась шляпа. Так лучше всего её можно было описать. Это была красная шапочка, такая экстравагантная и высокая, что женщина, носившая её, должна была наклоняться, чтобы не задеть косяк. Когда она вошла, её острый, как стрелы, взгляд впился в меня.

Женщина усмехнулась.

— Так, значит, ты не просто любопытная девчонка.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы её узнать. Желудок перевернулся.

Это была подруга леди Болг.

Глава 10

Брауни не нанимаются, не передаются по наследству и не покупаются. Они служат в домах, которые считают достойными, и делают это не из долга или подчинения. Если им покажется, что с ними плохо обращаются или недостаточно ценят, они уйдут, прихватив с собой кое-какие вещи.
Дом, в котором живёт брауни, — счастливый дом.

Из запрещённой книги «Двор Паральды»

Я резко поднялась, ощутив сильное желание сбежать. Почти все последовали моему примеру, словно пружины. Единственными, кто остался на месте, были дракон, не отрывающийся от стены, и молчаливая девушка Веледа.

Вошедшая женщина сняла тёмные перчатки.

— Давайте обойдёмся без этих глупостей, насколько это возможно. Я ехала пять часов в карете и боюсь, мои ягодицы уже никогда не будут прежними.

С облегчённым вздохом она сняла шляпку. Без неё она оказалась женщиной довольно маленького роста, с тёмными волосами, собранными в тугой пучок, с седыми прядями. Она небрежно бросила шляпу на стол и, сжав губы, посмотрела на меня.

— Садись. Здесь нет врагов.

— Я слышала, как вы с подругой говорили о сидхах. О том, что демоны — спасители и...

Женщина спокойно села с таким видом, будто мои слова были ей крайне скучны.

— Я бы скорее вонзила стрелу себе в висок, чем назвала себя подругой такой дуры, как Катриона Болг. Оглянись и подумай немного, девочка.

Сжав кулаки и напрягая живот, я огляделась. Все смотрели на меня выжидательно. Они подскочили не потому, что их удивило появление человека, естественного врага сидхов. А потому что подскочила я.

Долгое время слышался лишь треск огня и бульканье чего-то, что варилось в котле.

— Она член Братства.

Не глядя на меня, женщина с ярко-красными губами улыбнулась.

— Как-то так, да. Ну что ты стоишь, садись.

В любой другой ситуации я бы из принципа осталась стоять. Но затем вспомнила сон и села молча.

Теперь женщина сидела слева от меня, а Абердин справа. Этот крупный мужчина опёрся предплечьями на стол, сцепив руки.

— Как ты наверняка уже поняла, Братство несколько отличается от того, что описывает молва по всей Гибернии. Это нам на руку, конечно. Пусть думают, что мы живём, прячась в лесах, или что мы вообще просто выдумка. Пусть! — Он с силой ударил руками по столу. — Чем меньше знает Двор, тем лучше.

Я никогда не сомневалась в их реальности. Тот негативный опыт, что моя бабушка передала моей матери, а мать пыталась передать мне, конечно, влиял. По словам матери, бабушка использовала необычную магию; магию, которой не обладали другие магические расы. Её пытали, вероятно, думая, что она что-то скрывает, но так и не добились признания. Когда ей удалось сбежать, она уже была беременна моей матерью. Чтобы продемонстрировать, насколько опасны могут быть сами сидхи для нас, включая Братство, она не позволяла моей матери забыть, что та была результатом насилия, которое бабушка пережила.

А моя мать не давала забыть уже мне.

— Если вы не хотите раскрывать себя перед Двором, зачем общаетесь с такими женщинами, как леди Болг? Она ведь из высшего общества.

Мэддокс подал ей пиво, и она сделала несколько глотков подряд, прежде чем ответить.

— Никогда не слышала выражение «держи друзей близко, а врагов ещё ближе»?

Я указала на Гвен, Сейдж и дракона.

— Поэтому они Дикие Охотники?

— Можно сказать, что проникновение в ряды Охотников произошло само собой. — Она говорила осторожно, будто тщательно подбирая слова. По тому, как она сидела, двигалась и жестикулировала, я поняла, что она очень хорошая лгунья, мастерски манипулирующая своей речью. Возможно, я почувствовала это, потому что узнавала в ней себя. Тем не менее, в этот момент я уловила осторожную честность. — Никто больше не подвергается ежедневно такому огромному риску.

Да они добровольно ступили одной ногой в могилу! И я не понимаю, почему они пришли сюда и ведут себя так спокойно, когда им нужно играть свою роль где-то в другом месте.

— Красивые крылья, — вдруг сказала она.

Дракон слегка пошевелил ими. Было похоже на звук белья, развевающегося на ветру.

— Знаю.

Женщина повернулась к камину, где Пвил продолжал следить за котлом.

— Надеюсь, что там у тебя самые сильные чары саракх в твоём арсенале. Крылья нужно спрятать, причём так, чтобы они больше не появлялись без разрешения.

— Ну, моя дорогая подруга, это зависит не только от меня.

— Обладатель крыльев стоит прямо тут, — сказал Мэддокс. — И он больше всех заинтересован в том, чтобы их скрыть.

Женщина медленно, тяжело вздохнула. Её вздох был полон нетерпения и в то же время смирения.

— Никогда не думала, что скажу это, но даже твой наид-нак сейчас не самая большая наша проблема. Тем не менее, поздравляю. — К моему удивлению, тон женщины внезапно смягчился, и на губах появилась слабая, но искренняя улыбка. Её серьезное лицо полностью преобразилось. — Вас обоих.

Она посмотрела на меня. Я старалась не показывать никаких эмоций, но не смогла выдержать её взгляд и уставилась на стол. Что я должна сделать или сказать? Поблагодарить? За то, чего не хотела и не могла себе позволить?

Разве они не знают, что говорят в Гибернии о наид-наке? Будь то правда или ложь...

Дракон тоже молчал, но я чувствовала на себе его пристальный взгляд, наполненный множеством слов и бурных эмоций. Уверена, он тоже не видит повода для поздравлений.

Женщина откинулась на спинку стула, держа в руке кружку пива.

— А теперь перейдём к делу. Для начала, полагаю, мне стоит представиться как следует. Меня зовут Игнас Сутарлан, герцогиня Аннвина. — *Что?!* — Да, я человек, принадлежу к высшему обществу и работаю на Братство. Когда первый король Нессия разделил Гибернию и раздал титулы людям, которые сражались за Теутуса в войне, он совершил несколько ошибок. Первый герцог Аннвина никогда на самом деле не сражался за бога, так что можно сказать, что я происхожу из длинной династии обманщиков. С тех пор замок Сутарлан является штаб-квартирой Братства.

Под столом кто-то возмущённо фыркнул.

— Замок Сутарлан?

— О боги, он всё ещё жив, — пробормотала Игнас. — Да, верно, замок Сутарлан и добрых брауни из Спорайна. А теперь мне бы хотелось узнать, кто вы с вашей пропавшей сестрой такие и что произошло во время вашей встречи с Морриган.

Настало время решить, использовать ли фальшивую личность вдобавок ко всей той лжи о моём происхождении, моём прошлом и семье. Поможет ли это нам? Или навредит? Я уже не помню, когда в последний раз использовала своё настоящее имя. Я была Анной, Розой, Тайни, Эльмой, Мюриэль и многими другими. Я была кокеткой, хохотушкой, скромницей, глупышкой, обманщицей...

Я была всеми и никем.

Кто я? Какая разница, использовать ли моё настоящее имя или любое другое?

— Меня зовут Аланна, а мою сестру — Каэли. Мы полукровки-феи.

Я чувствовала на себе взгляды всех на кухне, но старалась не обращать на это внимания. Кратко рассказала, не вдаваясь в подробности, что мы жили во многих местах, всегда убегая, когда возникала малейшая вероятность, что нас кто-то подозревает. И в общих чертах описала появление Морриган.

— Расскажи нам всё о вашей встрече с ней, девочка.

Они бы не поверили, скажи я, что не было никакого разговора, но им не обязательно знать всю правду.

— Я мало что помню. Я была очень слаба. Помню, как она уничтожила мой камень трансмутации с такой лёгкостью, будто сжала в руке сухой лист. Сестра попыталась защитить меня, и тогда богиня коснулась её и... превратила её в медвежонка.

Это удивило всех.

Металлический звук заставил меня обернуться. Пвил уронил половник в котёл.

— Что ты сказала?

— За считанные секунды моя сестра из восьмилетней девочки превратилась в медвежонка. Она была совсем маленькой. Как детёныш медведя.

Не думай о ней сейчас. Не вспоминай её новый облик и звуки, которые она издавала.

Игнас нахмурилась, погружённая в раздумья.

— Что ещё?

— Богиня засмеялась. Ещё она всё время разговаривала с вороном на своём плече. Затем она взяла мою сестру, и они исчезли, оставив лишь перья.

Сейдж, Игнас, Абердин, Пвил и Веледа молчали.

— Говорю же, всё было очень странно, и мы не знаем, что произошло, когда Морриган их разлучила.

Затем они начали обсуждать этот вопрос, пытаясь разгадать мотивы Морриган. Герцогиня Аннвина сидела с потерянным взглядом, погружённая в свои мысли.

— Её саму мы, очевидно, спросить не можем.

— Думаете, она могла связаться с кем-нибудь из командиров?

— Сначала надо проверить видеру. Гвен?

— Мне дают разрешение только тогда, когда я сопровождаю обвиняемых. Конечно, мы можем придумать какую-нибудь уловку, но это займёт время.

Что-то в этом всём (или, возможно, всё) тревожило меня. Логично, что они были удивлены, но, помимо этого, они казались...

Растерянными.

Такими же растерянными, как и я.

Я наклонилась вперёд.

— Вы ведь понятия не имеете, где находится Морриган и куда она могла забрать мою сестру, верно?

Игнас вынырнула из раздумий и медленно повернулась ко мне.

— Что?

— Сейдж показала мне свои тату и рассказала о том, как сильно вы заботитесь о сидхах. Я вижу, что Братство организовано намного лучше, чем я думала, и я безмерно благодарна вам за ваше гостеприимство. Но я здесь только потому, что надеялась, что вы сможете помочь мне найти Каэли.

— Мы тебе?

Так же, как и в пекарне, женщина оглядела меня с головы до ног, начиная с нерасчёсанных волос, перевязанных кусочком носка, и заканчивая босыми ногами. Да, ничего впечатляющего, мягко говоря; я понимала, что никогда не была девочкой, притягивающей внимание своей красотой или обаянием, и всегда утешала себя мыслью, что я слишком занята выживанием, чтобы беспокоиться о том, что обо мне думают

другие. Однако здесь, перед всеми ними, под пристальным взглядом дракона, мне впервые захотелось выглядеть...

«Ты выглядишь ужасно».

Хоть чуточку лучше. Просто не вызывать жалость или отвращение было бы уже неплохо.

— Поразительно, ты совсем не похожа на ту девушку, которую я видела в пекарне. Тогда у тебя был потерянный взгляд и глуповатая улыбка. Ты даже говоришь по-другому. И двигаешься иначе. Будто ты перевоплотилась в другого человека, не прибегая к магии.

Мои зубы чуть ли не заскрипели от напряжения.

— Не меняйте тему.

— И не собиралась. Позволь рассказать тебе кое-что о Морриган. Очень немногие в этом королевстве поддерживают с ней контакт. Это капризная и очень скрытная богиня. Я даже не могу сказать тебе, где она живёт, когда не напивается или не вселяет в воинов отвагу и ярость. Почему она появилась на той пристани? Что она увидела в тебе и твоей сестре? Почему превратила её в животное и забрала с собой, а тебя оставила в живых? У меня нет ответов на эти вопросы, и это, поверь мне, сильно меня тревожит. Как человек, имеющий кое-какой доступ ко Двору, я постараюсь собрать всю возможную информацию. Ребята тоже попробуют выяснить у Диких Охотников, не говорил ли кто-то что-то странное о Королеве Призраков.

Гвен подалась вперёд, обеспокоенно глядя на меня.

— Разумеется.

Попытается собрать информацию? *Попробуют* выяснить? Моё дыхание участилось, смешавшись с усталостью после плохо проведённой ночи. На это уйдёт время, много времени. А моя сестра в руках Морриган прямо *сейчас*.

— Я не могу сидеть сложа руки, пока вы пытаетесь что-то узнать.

Хотя у меня самой нет идей, как вернуть её. Выдавал ли мой голос отчаяние? Я пришла сюда, рассчитывая на этих незнакомцев, и потеряла время впустую, и это ощущалось так, словно я стою на краю обрыва и смотрю в бездну.

Тьма колыхнулась за бочкой с пивом с другой стороны стола. Она проявилась, чтобы напомнить мне: возможности у меня есть, только я не хочу иметь дело с последствиями. Я могла бы при желании разрушить дворец, Двор, всю столицу. Для тьмы я непобедима, она жаждала быть использованной и использовать меня.

«И что потом? — спросила я её. — Я разрушу всё, превращусь в монстра, каким меня всегда считала мать. И что дальше? Кем я стану для остального мира? Какую жизнь я дам Каэли?»

Тьма, конечно, не ответила. Её не волновали эти вопросы. Едва заметным движением пальцев я отправила её обратно за бочонок.

Лёгкое покалывание в ключицах отвлекло меня на мгновение от нахлынувшего разочарования и тревоги. Я взглянула на дракона, но он хмуро смотрел на Игнас.

— Я бы на твоём месте тоже не смогла, — согласилась женщина. И, прищурившись, будто ища что-то конкретное в моём лице, решительно кивнула. Казалось, она приняла важное решение. — Поэтому я предлагаю тебе искать ответы самой.

Мэддокс внезапно оказался у стола, его крылья расправились.

— Герцогиня, — произнёс он тихим, мрачным, предостерегающим тоном.

Женщина его проигнорировала.

— Дело в том, что у меня есть очень глупая племянница, которая в этом году собирается выйти в свет. Ты когда-нибудь думала стать шпионкой?

Дракон вдруг ударил кулаком по столу, опрокидывая ближайшую посуду. Еда разлетелась во все стороны. Веледа, сидевшая на другом конце стола, вздрогнула.

— Вы с ума, что ли, сошли!?

Игнас в очередной раз выказала ноль реакции. Она обратилась к Абердину:

— Будьте добры, выведите дракона из кухни, чтобы я могла поговорить с девушкой.

— Вы меня выгоняете?! — Ярость Мэддокса только набирала обороты. Или это было нечто большее, чем ярость? Я откинулась назад, прижимаясь спиной к спинке стула, замечая вновь странные тени, словно бы порхающие над его лицом. Его глаза сверкали, зрачки расширились. — Все разговоры с ней будут только в моём присутствии!

— Ой-ёй-ёй, — пробормотала Гвен.

— С чего бы это? Разве ты как-то влияешь на её решения?

— Нет, — мгновенно ответила я.

Наши с ним взгляды встретились. Его вид и выражение лица напомнили мне, как он нависал надо мной в лесу, с раскрасневшимися щеками и приоткрытыми губами.

Абердин встал и осторожно приблизился к нему.

— Сынок, сделай глубокий вдох.

Ноздри дракона раздувались.

— Я дышу.

— Уже…

— Ей это нужно и, если мне не показалось, у неё талант к этому, — сказала Игнас. — И, как вы все знаете, Плумерия вот-вот станет проблемой.

Сейдж нахмурилась, не до конца убеждённая.

— Думаете, она сможет выдать себя за Плумерию?

Игнас снова окинула меня взглядом с головы до ног.

— Это не сильно отличается от роли, которую она играла в пекарне. Сколько тебе лет?

— Двадцать.

Женщина улыбнулась в тридцать два зуба.

— Прекрасно.

Мэддокс одной рукой отодвинул Абердина, демонстрируя свою невероятную силу. Здоровяк кивнул Пвилу, который быстрыми шагами направился к складу под антресолями.

Дракон смотрел на Игнас с такой яростью, что мне даже начало казаться, будто он стал больше. Такое вообще возможно? Его плечи и руки словно увеличились.

— Даже не думайте об этом! Она никуда не поедет. — Его голос тоже стал грубее, как когда мы сражались в лесу. — Двор — смертельная ловушка, а она ничего не знает.

— Разумеется, я сначала её обучу, не переживай.

— А если её раскроют, что тогда? Как ты её защитишь?

— Я? Девушку, которая, будучи простой полукровкой, вырубила вас троих меньше чем за минуту? — Я удивлённо посмотрела на неё. — Я же сказала, что подготовлю её. К тому же, выход Плумерии в свет планируется только через полтора месяца. На Теу-Биаде. Это единственное мероприятие, на которое Морриган обязана явиться. Как всё удачно складывается, согласись?

— Я сделаю это.

Все уставились на меня.

На лице Игнас было написано чистое удовлетворение, но дракон так стиснул челюсти, что по всей его шее выступили вены.

— Это слишком рискованно, *sliseag*.

Я посмотрела ему в глаза, не моргая. Ключицы не переставали зудеть последние несколько минут, хотя я даже не прикасалась к ним.

— Это мой выбор.

Янтарные глаза вспыхнули, причём не так блёкло, как в коридоре. Они излучали настоящий свет.

Он направился ко мне.

— Это мы ещё посмотрим. Ты...

Он едва успел сделать три шага, как на него обрушился поток воды. Из-под стола раздался возмущённый писк Хопа.

Пвил поставил пустую бочку.

С головы, крыльев и мокрых плеч Мэддокса поднимались клубы пара. Он дышал тяжело, почти задыхаясь; руки были сжаты в кулаки, а взгляд — устремлён в пол. На этот раз, когда Абердин коснулся его, он не сопротивлялся. Абердин вместе с Пвилом вывели его из кухни, что-то тихо шепча ему.

Не говоря ни слова, Веледа поспешила следом.

— Он на самом деле не такой, — поспешила объяснить Гвен, очевидно, обращаясь ко мне. — Это всё наид-нак...

— Неважно. — Перебила я её. — Ничего страшного не произошло.

Герцогиня Аннвина сухо рассмеялась.

— Ах, дорогая, всё не так просто, но мне нравится твоё отношение. А теперь я должна предупредить тебя: я не даю пустых обещаний. — Она полностью повернулась ко мне, демонстрируя чёрный корсет с вышитыми цветами, который говорил как о её высоком статусе, так и о каком-то трауре, который она всё ещё носила. — Я знаю, что ты сделаешь всё возможное, чтобы вернуть свою сестру, но я не могу обещать, что ты найдешь её и вернёшься домой. Мэддокс немного на эмоциях из-за всех обстоятельств, но он не так уж не прав. Эйре — самое коварное место во всём королевстве, и при Дворе у всех всегда есть скрытые интересы. Чем больше ты будешь с ними общаться, тем больше испачкаешься. И эту грязь, возможно, никогда не удастся отмыть.

— Я буду тереть изо всех сил, — был мой ответ, потому что это правда. Если речь идёт о спасении моей сестры, всё остальное уже не так важно.

Женщина, прищурившись, несколько секунд разглядывала меня.

— То, что я вижу в тебе... — Она глубоко вдохнула носом. — Надеюсь, я не пожалею.

— Если ваш план поможет мне найти Морриган и свою сестру, то клянусь: взамен я разузнаю всё, что требуется.

Но Игнас усмехнулась.

— Я не об этом.

Глава 11

Чёртова лучшая похлебка за всю мою грёбанную жизнь.

Герой Фионн о рагу из «Бандита и кабана»

Несколько стуков в дверь вырвали меня из раздумий. Я сидела на диване в спальне, прислонившись спиной к кровати, уже несколько часов. После нашего разговора Игнас ушла отдыхать, снова жалуясь на свои бедные ягодицы. Она сказала мне, чтобы я хорошо обдумала всё, что мы обсуждали, и заверила, что, если я передумаю, ничего страшного не случится. Я просто молча посмотрела на неё, и она удалилась с лёгким смешком.

Полтора месяца.

Через полтора месяца я окажусь рядом с Морриган. Что я буду делать, когда увижу её, или что предприму, чтобы узнать, где находится Каэли и как её вернуть? Понятия не имею. Но у меня есть время, чтобы всё спланировать. История Гибернии показала, что даже боги и высшие существа не так уж непобедимы: у всех есть слабые места.

Сможет ли Каэли продержаться так долго?

Если сконцентрироваться, я могу почувствовать биение её сердца, её сладковатую энергию. Мы далеко друг от друга, но она сильная. Я не только защищала её, но и учила выживать. Может быть, мне следовало показать ей больше? Дать больше знаний?

Я задержала дыхание, открыла дверь и увидела Гвен. У неё в руках была тряпичная сумка.

— Я принесла тебе сменную одежду и обувь. Всё моё; думаю, тебе подойдёт.

Я надеялась, что среди этих вещей не будет ни одного платья, но не в моём положении жаловаться. Всё вокруг меня было предоставлено по милости герцогини Аннвина и Братства. И хотя мне не нравилось быть в долгу у кого-либо, чёрт возьми, я умела быть благодарной.

— Спасибо, Гвен.

Блондинка расплылась в широкой улыбке.

— Не за что, Аланна.

Сердце ёкнуло. Я не привыкла, чтобы меня называли настоящим именем. Это казалось неправильным, словно я делала что-то плохое.

— Кстати, у вас с сестрой красивые имена.

Ну, понятия не имею, почему мама назвала меня моим именем, но имя Каэли выбрала я. Я знала, что её будут звать так с того самого момента, как впервые взяла её на руки, всё ещё окровавленную, мокрую от околоплодных вод. Я сама перерезала пуповину

и затем купала её у очага. Она родилась маленькой и худенькой, но схватила мой указательный палец с удивительной силой. «Каэли», — решила я тогда. На вид хрупкая, но стойкая, как вечнозелёный лист. Моя мать, всё ещё не отошедшая после родов, не возражала.

Не спеша уходить, Гвен раскачивалась на пятках.

— В доме очень тихо. Сейдж пытается готовить зелья под присмотром Пвила. Абердин, скорее всего, бьёт Мэддокса головой о какое-то дерево, а мне ужасно скучно. Я подумала, что, может быть, ты захочешь прогуляться со мной. Если только... — она посмотрела на меня сверху вниз, сомневаясь, — ты не из тех, кто любит быть наедине со своими мыслями.

Она произнесла это так, будто это была худшая черта на свете, и я не смогла сдержать улыбку. Нет, мне не нравится быть одной. Я всегда была с сестрой. Без Каэли и дела, которым можно было бы занять руки, меня захлёстывают мысли. И мало когда они бывают приятными.

— Я быстро переоденусь.

Гвен просияла.

— Так и знала, что ты из моей команды. Жду тебя в вестибюле!

К моему удивлению, Гвен выбрала из своих вещей те, в которых я чувствовала себя наиболее комфортно. Вероятно, увидев мои лохмотья, она догадалась, что я не носила обычное нижнее бельё для девушки моего возраста.

К счастью, у меня не было пышной груди, которая требовала бы поддержки, и я никогда не посещала места, где это было бы необходимо.

Это может измениться, если я буду выдавать себя за племянницу герцогини.

Я с облегчением надела чёрные брюки с высокой талией. И выбрала зелёную блузку, которая завязывалась спереди, из такой мягкой ткани, что казалось, будто она ласкает мои руки. Я не разбиралась в высокой моде, но не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы восхититься тем, как ткань переливается на свету. Ботинки были из чёрной кожи и в очень хорошем состоянии. Немного малы, но нестрашно. Гвен даже добавила две пары шерстяных носков, без дыр и заплат. В завершение я надела свой старый пояс с ножнами для кинжала.

В вестибюле Гвен ждала меня с двумя тёмными плащами. С некоторой осторожностью я взяла тот, который она протягивала.

— Это не плащи Охотников, — сказала она, будто прочитав мои мысли. Она изящно набросила свой плащ на плечи и застегнула на шее. — Ненавижу носить их знак. Всем сердцем ненавижу.

Мы вышли во двор, не встретив никого на пути — вероятно, все были заняты своими делами. С тех пор, как дракон исчез с кухни после своей вспышки гнева, ключицы меня больше не беспокоили. Хотя я так и не посмотрела на них в зеркало.

Я уже ненавидела тот факт, что каждое прикосновение в этой области ассоциировалось с ним.

День оставался ясным. Вечерело, и холодный ветерок, словно пришедший прямо с ледников Севера, пробегал по Эйлму. Я завернулась в мягкий и тёплый шерстяной плащ.

Гвен направилась к внешней стене, где двойные двери были распахнуты настежь, как будто любой житель деревни мог попасть в замок. Я увидела конюшню, в которую мы приехали прошлой ночью, слева, колодец в центре двора и отдельно стоящее здание у стены с большой трубой, из которой шёл дым. Возможно, кузница? В замке Сутарлан действительно было всё, что можно ожидать от замка. Только народу маловато. Ни садовников, ни конюхов, и я только сейчас осознала, что не видела слуг внутри. Ни дворецкого, ни экономки, ни горничных.

Только Хоп, брауни, но сомневаюсь, что он считал себя слугой. Больше похоже на то, что он совладелец замка.

Когда мы пересекли внешнюю стену, деревня развернулась перед нами, словно ковёр из белых, синих и коричневых цветов.

Гвен сделала глубокий вдох, как будто её не беспокоил холод, наполняющий лёгкие.

— Эйлм — крупнейший населённый пункт в Аннвине, хотя, сама видишь, это не значит большой. — Мы пошли по дороге, где снег и грязь были утоптаны повозками и телегами. Дорога вела прямо в деревню. — Когда-то это был такой же процветающий город, как Эйре или Гримфеар, с очень плодородными землями. В Аннвине были богатейшие фермы Гибернии. Но теперь… — Она тяжко вздохнула. — Ну, зато здесь мило.

Я тоже слышала об этом. События в Долине Смерти воспевались как один из величайших подвигов Теутуса, местом, где всё началось. В школах детям рассказывали, как бог объявил войну Триаде самым жестоким и прямолинейным образом. Он явился на пир в честь Ксены, богини жизни, домашнего очага и радости. Он убил её без малейшего колебания, а затем протащил её тело из долины до западного побережья Гибернии. А после бросил её труп в море. Там, где кровь богини коснулась земли, жизнь погибла. Таким образом, большая часть Аннвина превратилась в сухую бесплодную пустыню.

Первый король Нессия разделил Аннвин и провозгласил, что те новые пустынные земли будут называться Вармаэтом, что означает «красная мантия».

— Говорят, когда-то тут был самый большой лес Гибернии.

— Он назывался Борестель и был удивительным, красивым и пышным, больше, чем ты можешь себе представить, — сказала Гвен с мягкой улыбкой. — Древний дом фей, где сидхи, люди и всевозможные существа жили в полной гармонии. Деревья были высотой с горы, и внутри них находились целые города, а их корни использовались как мосты для пересечения множества притоков Муирдриса. Там были дома с крышами из стекла; на ветвях висели огни, а жители Борестеля так чтили жизнь и её дары, что, если прислушаться, всегда можно было услышать музыку и шумные празднования.

Я смотрела на неё с изумлением. Образ, который Гвен своими словами нарисовала в моём воображении, был чудесен. Нереален, но прекрасен.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Могу соврать, сказав, что много читаю, но, честно говоря, я засыпаю, едва увидев обложку книги. Зато мне нравится слушать, как Сейдж рассказывает о своих исследованиях.

— Но ведь больше не существует книг, рассказывающих о временах до войны, — сказала я, хотя сама нашла (точнее украла) несколько. Но это не то, что я стала бы всем рассказывать. — Все они были уничтожены.

Гвен легонько толкнула меня плечом, словно заигрывая.

— Они, конечно, запрещены, но не уничтожены.

Я вспомнила библиотеку, которую, кажется, видела прошлой ночью. Если у них есть книги, оставшиеся с довоенных времён, что же скрывается на их страницах? Больше историй о лесе Борестель? Что-то связанное с Островами Огня и их драгоценностями? Может быть, правда, которую Двор скрывал веками?

Упоминается ли там пророчество?

— Могу попросить Пвила разрешить тебе почитать их, — предложила Гвен.

Моё сердце забилось быстрее. Это было бы…

«Любопытство до добра никогда не доводит, дочь. Вспомни эту боль в следующий раз, когда захочешь пойти туда, куда не следует».

Такой была жизненная философия моей матери.

Но знание — это всегда сила.

Я кивнула.

— Я была бы рада, спасибо.

Деревня Эйлм, как сказала Гвен, была маленькой, но, без сомнения, очаровательной. Пока я шла по улицам, чистым и наполненным красками, я поймала себя на том, что глубоко вдыхаю воздух, как и она. Цветы росли на углах зданий и в горшках у дверей домов и магазинов. Дорога от замка вела к единственной площади. Она не была вымощена брусчаткой, и повсюду пробивались сорняки. В центре находился красивый фонтанчик.

Спрятав руки под плащом, чтобы согреться, я краем глаза посмотрела на Гвен. Девушка чуть ли не подпрыгивала от радости, довольная этой простой прогулкой.

— Вас ведь наверняка уже где-то ждут, — предположила я.

— У нас ещё есть немного времени, мы якобы расследуем происшествие на пристани. Но да, нам всегда нужно возвращаться, чтобы не вызвать подозрений. Эти моменты вдали от Эйре, Академии и Охоты очень редки.

— Можно задать тебе вопрос?

Гвен резко повернулась ко мне, как будто удивившись, но через секунду кивнула.

— Конечно.

— Что в твоей жизни появилось раньше: Дикие Охотники или Братство?

— А. — Девушка вдохнула, а затем медленно выдохнула. Мы остановились у журчащего фонтана. На поверхности воды плавали кусочки льда и веточки. По другую сторону фонтана два ребёнка щекотали собаку. — Никто никогда не задавал мне этого вопроса, если честно. Думаю, что... не смогу сказать. Мне кажется, я не выбирала ни одну из сторон осознанно.

— Это две серьёзные и противоположные по своей сути организации. Ты не выбирала ни одну?

— Понимаю, в это трудно поверить, но нет. В моей семье считается, что проходить отборочные испытания Охотников — это наш долг, а не выбор. Ну, они называют это «священной привилегией». — Она рассмеялась неожиданным для меня образом. С сарказмом, без намёка на веселье. Её взгляд был устремлён на волны, образующиеся на поверхности воды. — Так что я всегда знала, что в конечном итоге у меня будет эмблема ворона на груди, независимо от того, что я сделаю или скажу. Иногда мне кажется, что даже если я умру, меня похоронят в униформе, как полагается.

— Похоже, у тебя в семье все очень… принципиальные.

Гвен фыркнула.

— Да, типа того. Что касается Братства... Можно ли говорить, что я выбрала его, если не задумывалась об этом до тех пор, пока не увидела собственными глазами, на что способны Двор и король? Не знаю. Я оказалась на перепутье, с двумя дорогами, на которых было одинаковое количество крови, боли и страданий. Я выбрала тот, который, как мне казалось, позволит мне спать спокойно по ночам.

В её голосе было что-то очень похожее на вину. На раскаяние. Родившись в богатой семье, сам факт, что она оказалась на этом перепутье, уже был необычным. Гиберния не растила людей, которые могли бы принимать такие решения, это было невыгодно королю. А те, кто осмеливался это делать, заканчивали на виселице.

Я понимала, почему сидхи присоединялись к Братству. Они были гонимы и презираемы Двором. Но люди? У них были привилегии просто потому, что родились без магии. Они могли жить в счастливом неведении.

Я немного качнулась к Гвен, едва коснувшись её плеча. По очевидным причинам я обычно избегала физического контакта, так что сама удивилась своему поступку.

— Мне кажется, это очень веская причина.

Блондинка моргнула в замешательстве. Её ресницы были длинными, изогнутыми, того же золотистого оттенка, что и волосы, и едва виднелись на фоне бледной кожи.

— Спать спокойно?

— Иметь чистую совесть.

Щёки Гвен покраснели. Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами, как будто только что открыла во мне нечто новое и удивительное.

— Мне нужно кое в чём признаться, — прошептала она.

— Пожалуйста, только не говори, что на самом деле ты селки.

— Ты кажешься мне невероятной.

Я рассмеялась так громко, что многие присутствующие на площади обернулись на нас. Звук смеха показался мне странным, потому что за всю мою жизнь лишь двое людей могли заставить меня безудержно смеяться. Одной из них была Каэли, хотя, если честно, моей сестре хватало просто встать с постели с заспанными глазами, чтобы меня развеселить.

Гвен шаркала ботинками, как будто очищала подошвы от грязи.

— Не знаю, должна ли я обидеться. — На её губах появилась натянутая улыбка. — Я прощаю тебя только потому, что у тебя прекрасный смех.

— Прости, это не... Я не смеялась над тем, что ты думаешь, просто... — Я указала на себя. — Я обсыпала тебя порошком, который мог сделать тебя инвалидом на всю жизнь, была подозрительной и замкнутой и даже обворовала тебя. Невероятная? Серьёзно?

— Возможно, мы ценим в окружающих разные вещи. Я вижу умную, сильную девушку, способную на всё ради спасения своей сестры. Так что ты права. Невероятная — это не то слово, которое полностью описывает, насколько ты интересна.

Она подмигнула, и я поняла, что Гвен, вероятно, оставляет за собой след разбитых сердец. И дело было не в том, что я считала её слова обманом или лестью. Но получать комплименты, когда я скрываю всю правду о своей сущности, было...

Неудобно.

Потому что я сомневаюсь, что она будет придерживаться того же мнения, если узнает все грани моей жизни.

Мы обошли деревню менее чем за час, и это потому, что Гвен долго и подробно рассказывала о каждой детали, которую видела или о которой думала. Больше всего мне понравилась история про Рагман'дар — существо, о котором упоминали в кноке и которое, как предполагалось, вызывало землетрясения. Эта история понравилась бы Каэли.

Это была легенда гобийцев о принцессе фей, влюбившейся в героя, который оказался демоном в обличии человека. От их союза родилось столь ужасное существо, что принцесса, стыдясь своего дитя, похоронила его заживо. Но вместо того чтобы умереть, это создание росло в одиночестве и страданиях в недрах Гибернии и получило имя Рагман'дар, «дочь без матери».

Вернувшись к центру деревни, Гвен указала на двухэтажный дом. Сад был запущен, а у двери стояла корзина, прикрытая тканью.

— Этот дом тоже принадлежит герцогине, — сказала Гвен. — Здесь жила её младшая сестра с мужем.

— Теперь он пустует?

Она поморщилась.

— Как видишь.

Больше она ничего не добавила, но в её выражении читалось уныние, когда она снова посмотрела на клумбы с сухими листьями.

Мы вошли в единственную таверну Эйлма, «Бандит и Кабан», уже после наступления темноты, и, похоже, там собралась большая часть жителей деревни. Гвен уклонилась от множества дружеских рук, приглашающих её присесть за свои столы.

Когда появился трактирщик с мясным рагу, сыром и ломтями свежеиспечённого хлеба, мой желудок заурчал, требуя пищи. Возможно, разговор с Игнас зажёг во мне огонёк надежды, или прогулка с Гвен оказалась освежающей и неожиданно приятной, но я расправилась со своим ужином за считанные минуты.

Гвен пододвинула ко мне свою миску и жестом попросила у официантки принести ещё. Она весь ужин перекрикивала шум, смеялась над собственными шутками и даже поспорила на три серебряных монеты с мужчиной, который утверждал, что нож,

брошенный вверх, не может упасть в то же место. Он в итоге получил дырку в носке, а у Гвен стало на три монеты меньше.

Я допила кружку пива и встала. Мне нужно было несколько минут на свежем воздухе, подальше от энергии, исходящей от всех этих людей.

— Скоро вернусь.

Она махнула мне рукой, сосредоточенная на истории двух женщин о свинопасе и его свиньях.

Я быстро пересекла таверну, снова надев плащ перед выходом в холодную ночь. Моё дыхание превращалось в пар с каждым выдохом, и, как только я закрыла за собой дверь, шум затих. Теперь тишина в остальной части деревни казалась ещё оглушительнее, но я была этому рада. В воздухе пахло мятой и базиликом.

Я подняла глаза к звёздному небу. Считалось, что именно оттуда пришли Триада и Дракон Ширр. Был ли кто-то, кто смотрел на небо, как я сейчас, в тот самый момент? Видел ли он появление этих мистических существ? Испугался или почувствовал любопытство?

После долгой минуты я вздохнула.

— Если ты хотел поужинать с нами, нужно было просто сказать.

В переулке слева от меня зашевелилась тень, чуть более тёмная, чем остальные.

— Думаю, что дракон, заходящий в «Бандита и Кабана» и заказывающий пиво, вызвал бы большую суматоху.

Я сжала губы, чтобы не улыбнуться.

— Ты уже успокоился?

Он молчал несколько секунд, как будто ему нужно было обдумать свой ответ.

— Прошу прощения за сегодняшнее утро, — произнёс он напряжённым голосом. — Поверь, мне очень стыдно, что ты увидела эту сторону меня.

— И часто с тобой это происходит?

— Годами такого не было. Но я ношу на себе защитные чары, да ещё и этот…

Он не закончил фразу, возможно, подозревая, что я не захочу слышать остальное. «Да ещё и этот наид-нак».

— Оставь свои извинения для брауни. Ты затопил его кухню.

Я по-прежнему его не видела, но, когда он заговорил, я сразу поняла, что он улыбается.

— Технически это сделал Пвил.

Он больше ничего не добавил. Молчание затянулось настолько, что я уже повернулась, чтобы возвратиться в таверну.

Его голос меня остановил.

— Приняла уже своё решение?

Я обратила внимание и на тон, и на форму, в которой был задан вопрос. Голос звучал раздражённо, грубо, Мэддокс едва не выплюнул последнее слово.

Я прекрасно поняла, о чём он спрашивал.

— Да.

— Есть кое-кто, к кому мы можем обратиться; он, возможно, знает мотивы Морриган. Позволь мне отвезти тебя к нему, чтобы точно перепробовать всё, прежде чем ты присоединишься к безумной затее Игнас.

Я всматривалась в тени переулка, но никак не могла разглядеть его лицо, не говоря уже о его выражении. На верхней части стены, где под карнизами крыши скапливалась плесень, свисала тьма, качаясь как маятник. Её переполняло любопытство, она хотела узнать о драконе всё, и если бы я не сдерживала её, она бы уже набросилась на него.

«Ни за что», — сказала я ей.

Тень недовольно заворчала, но подчинилась.

— Почему ты говоришь об этом сейчас?

Его голос стал мрачнее.

— Как ты помнишь, всё быстро накалилось. И я бы никогда не предложил это, будь из этой ситуации другой выход. Но, чёрт возьми, если ты собираешься появиться при Дворе…

Неужели действительно существует кто-то, кто мог бы дать мне ответы? Если эта встреча позволит сэкономить время для спасения Каэли…

— Хорошо. И кто же это?

На этот раз Мэддокс сделал шаг вперёд, и желтоватый свет из таверны слегка осветил его силуэт и профиль. Наконец-то я увидела его глаза, их блеск, их невероятный янтарный цвет. Они были устремлены прямо на меня.

— Последний свидетель Эпохи богинь.

Глава 12

«Искусство быть друидом», несмотря на то, что является частью традиции фей, также известно как «Путь дракона». Первый манускрипт на эту тему объясняет тесную связь между драконами и первыми феями, которые стремились достичь совершенства в управлении магией. Легенды гласят, что феи хранят колоссальные знания о том, как быть друидом; знают всё про их священные травы, камни и хрупкое равновесие между природой и магией.

Из запрещённой книги «Искусство быть друидом»

Я встретила Веледу по пути на кухню. Она несла корзину, полную трав и флаконов. Я разглядела листы берёзовой коры, ягоды остролиста, полынь в винной бутылке, серебряный кубок и даже почку ивовой рябины. Для намётанного по части зелий и заклинаний глаза всё это имело вполне ясный смысл.

— Не сработало, полагаю?

Веледа покачала головой, и каштановые кончики её волос слегка коснулись подбородка. Вспомнился довольно своеобразный запах, который я ассоциировала с ней, — смесь орехов и чёрных ягод. Полагаю, она сама варит мыло.

— Глиняная чаша взорвалась, и Гвен пришлось упасть на пол, чтобы не пострадать.

Она всегда говорила тихо, не доходя до шёпота, но заставляя окружающих прислушиваться. И не то чтобы я могла поклясться, но мне показалось, будто уголки её губ слегка приподнялись. Улыбаясь, я постучала по кубку.

— Серебро тоже не поможет. У вас есть медные котлы?

— Возле камина.

— Хорошо. Я принесу их.

Она ушла, ничего не сказав, хотя я знала, что её пугала мысль о том, что я могу поправить Сейдж или предложить внести изменения в её рецепт. С тех пор как я сказала, что, добавляя столько серы в настойку от мигрени, можно вызывать расстройство кишечника, она стала очень дёрганной. Похоже, целительство было самой слабой её стороной. А для того, чтобы стать друидом, нужно овладеть в совершенстве

заклинаниями, предсказаниями и целительством. Все три занятия основывались на инструментах, которыми издревле пользовались феи: на камнях и травах.

Ещё больше она впечатлилась, когда я сказала, что всему научилась сама. Я опустила часть, где крала запрещённые книги и ингредиенты, которые не могла позволить себе купить.

— Порошки, которые ты бросила на Гвен, называются мороком, и они настолько сложны в изготовлении, что запрещено даже пытаться их приготовить, не имея за плечами хотя бы пятнадцати лет обучения искусству друидов, — возмущалась она. — И ты хочешь, чтобы я поверила, что ты сделала их сама, без наставника, без инструкции, и при этом у тебя остались все пальцы?

Чтобы попытаться её успокоить, я показала кончики трёх своих пальцев, белые и гладкие от глубоких шрамов.

— Я не говорю, что это было легко или что ты не права. Но, может быть, существуют и другие методы обучения.

Ответом мне стали фырканье и прилетевшая в голову книга. Я бы сочла это нападением, если бы не название: «Искусство быть друидом». Уже в первом отрывке описывался трудный путь фей, которые чувствовали этот особый зов, эту потребность соединиться с природой и магией на высшем уровне. Несмотря на то, что все феи рождались с даром управлять одной из четырёх стихий, только самые прилежные, самые настойчивые могли считаться друидами. И, как гласила книга, друиды — это верхушка общества фей. При короле Паральде был совет из шести друидов, которые служили ему личными стражниками, королевскими врачами и элитными воинами.

Я поняла, что Сейдж пыталась мне сказать, бросив книгу. Она думала, что я насмехаюсь над священным действом. К сожалению, я не могла объяснить ей, что настоящая причина, по которой я смогла приобрести навыки друида без наставника, была в том, что в моей крови и в крови Каэли текла уникальная магия. Для моей матери это было просто частью проклятия, но я всегда видела в этой магии благородный инструмент.

Так что я не могла честно всё рассказать, зато могла уберечь бедную Веледу — неизменного подопытного кролика Сейдж — от участи провести следующие недели, обнимаясь с унитазом. Именно это я и намеревалась сделать.

Найти на кухне Хопа не составило труда. Он был в своей комнатке на чердаке, сидел перед крохотным веретеном. Я остановилась у лестницы.

— Можно подняться?

— Здесь слишком мало места для *арда*.

Ардами, «длинноногими», многие маленькие существа называли сидхов и людей.

— Я присяду.

Он не высказал больше возражений, так что я восприняла это как радушное приглашение. Наверху мне пришлось ползти к уголку, где сидел Хоп, очень осторожно, чтобы не споткнуться и не уронить его вещи. Отдельные предметы вызывали у меня глупую улыбку, например, супница, служившая ванной, или вешалка, полная шляп с сотнями пуговиц всех форм и цветов.

Хоп наблюдал за мной, не переставая при этом прясть что-то похожее на шарф.

— Ты не изменилась.

Я рефлекторно оглядела себя. Гвен ещё два раза оставляла у меня в спальне новую одежду. На третий раз мне пришлось вернуть её. Мне не нужно было так много одежды. Мне достаточно было двух комплектов: второй на смену, пока я стираю и сушу первый. Так что, возможно, Хоп имел в виду, что я всегда предпочитаю тёмные брюки и простые блузки.

Я достала из кармана подарок, стараясь не нервничать из-за такой ерунды. Это было мелкое изделие, вырезанное специально для него. Деревянная фигурка размером с мой палец.

— Я сделала кое-что для тебя.

Его маленькие тёмные глаза метнулись к моей руке, и, когда он увидел, что я держала, прялка остановилась. Так как он продолжал молчать, я поспешила объяснить:

— Я заметила, что тебе очень нравится пиво, поэтому решила, что тебе бы понравилась кружка, которую ты легко сможешь поднять.

Каждую ночь без исключения кто-то наливал ему пиво. Насколько я поняла, это было частью древней традиции между брауни и хозяевами дома; в обмен на всю его работу ему предлагали его любимый напиток. И хотя семья Хопа уже многие поколения жила в замке Сутарлан, они продолжали соблюдать ритуал.

Хоп отошёл от прялки.

— Говоришь, сама сделала? Вот этими толстыми пальцами?

— Этими самыми пальцами.

Наконец он взял кружку. Увидев её в его руках с длинными черными ногтями, я расслабилась. Она была идеального размера.

Кухня заскрипела от порыва ветра снаружи, словно пробуждающееся чудовище. Такое частенько происходило, но кухня была единственной комнатой во всём замке, сделанной полностью из дерева.

К моему удивлению, Хоп внезапно топнул ногой.

— Я и с первого раза тебя услышал!

Я немного растерялась, будучи уверенной, что под антресолью никого не было. Герцогиня целыми днями наносила визиты соседям из Эйлма, играя свою роль, а Гвен, Сейдж и Веледа были в библиотеке.

— С кем ты разговариваешь?

— Чтобы разговаривать, нужно, чтобы обе стороны слушали и были услышаны. А этого здесь не происходит! — Он снова топнул ногой, но пол едва задрожал.

Полено в камине треснуло и выбросило несколько искр через тройную арку. Это ещё больше разозлило Хопа.

— Какая же ты глупая! — крикнул он в сторону камина.

Я на четвереньках начала отступать к лестнице.

— Ладно, кажется, я не вовремя. Мне надо вернуться в библиотеку, пока Сейдж не отравила Веледу, так что… эм… до скорого.

Я спешно схватила медный котелок и выбежала оттуда, продолжая слышать всевозможные ругательства от брауни. Я знала, что у него ужасный характер, но не думала, что он разговаривает сам с собой.

Я добралась до библиотеки как раз вовремя, чтобы помешать Сейдж добавить полынь в серебряный кубок и сделать воздух в помещении невыносимым на несколько часов.

И той же ночью я впервые увидела во сне дракона.

В лесу есть дракон.

Или в драконе есть лес?

Он так огромен, что высокие дубы кажутся маленькими кустиками по сравнению с его мощными лапами. Он расхаживает из стороны в сторону, сметая всё на своём пути, его длинный хвост нетерпеливо вихляет. Шипы на его конце оставляют в земле такие глубокие борозды, что человеку не выбраться из них без верёвок.

И вот янтарные глаза, узкие, с вертикальными зрачками, устремляются на меня. Он замирает.

Я приближаюсь, словно заворожённая. Ночью, в свете луны и звёзд его чешуйчатая кожа напоминает отполированный обсидиан. Интересно, она холодная или тёплая на ощупь? Твёрдая и жёсткая или скользкая, как у змей? Из-за его размеров мне приходится полностью поворачивать голову слева направо, чтобы осмотреть его от морды до кончика хвоста. Даже представить себе не могу, какую площадь он займёт, если расправит крылья.

Дракон садится на задние лапы, а затем, вытянув передние, ложится полностью. Морда с ноздрями, в которых я запросто бы поместилась стоя, оказывается в двух метрах от меня.

Он обнюхивает меня, и каждый раз, когда выпускает воздух, у меня щиплет глаза. Он очень горячий и пахнет серой. Я кашляю и обхожу его, чтобы увидеть глаз.

И, несмотря на назойливую мысль, кружащую где-то в глубине сознания, о том, что я уже видела такие глаза раньше, куда больше меня тревожит отражающаяся в них тоска.

Боль.

И тут я понимаю, что он не прилёг отдохнуть, а просто не может больше стоять. Он дышит быстро и тяжело, его огромный живот то поднимается, то опускается.

— Что с тобой? — шепчу я. — Ты болен?

Он издаёт длинный, протяжный стон, полный разных эмоций, словно хочет выразить много всего сразу, но не может. Я всем сердцем хочу понять его, найти причину его страданий и как-то помочь. И, не зная, что ещё сделать, я обнимаю его. Нет, он не холодный и не скользкий. Он очень горячий, но не обжигающе, и чешуя у него шероховатая. Как будто на ней нарисован какой-то узор, но при этом она мягкая. Приятная.

Одно из его крыльев окутывает меня, и я оказываюсь в нём, как бабочка в коконе. Мне совсем не страшно. Инстинктивно я знаю, что, как только захочу уйти, он меня отпустит.

Поглаживаю чешую под его глазом, гадая, чувствует ли он такое лёгкое прикосновение. Его дыхание замедляется, и из его груди доносится низкий, протяжный звук. Почти как… урчание?

Тихо смеюсь.

— Вижу, тебе стало лучше. Раз ты больше не нуждаешься во мне…

Стоит мне сделать шаг назад, как его крыло мягко подталкивает меня в спину. Снова обнимаю его, улыбаясь.

— Хорошо, хорошо. Ещё немного.

Я продолжаю прижиматься к нему, гладя его, пока мы оба не засыпаем.

Проснулась я с неприятным и странным чувством. Словно что-то горячее внутри меня хочет вырваться наружу. Как будто мне не хватает места в собственной коже.

Я побежала к кувшину, чтобы плеснуть воду на лицо. Намочила шею и…

— Держись. Дыши. Пожалуйста, сынок, не забывай…

Отдёрнула пальцы. Я случайно коснулась татуировки, и… Это был голос Абердина? На мгновение мне показалось, что я вижу его, склонившегося надо мной, в оранжевом свете, в котором отчётливо было видно неприкрытую тревогу на его лице, как будто то, на что он смотрел, было...

Я покачнулась и вернулась к постели. Свернулась клубочком под одеялами. С чего-то вдруг мне стало очень холодно.

Глава 13

Народы воды не имеют иерархии, как другие расы. Они не преклоняются перед властью, титулами или коронами. Они уважают только силу. Их трон не наследуется, а завоёвывается кровью. Первой и единственной, кто смог возглавить манан-лир, была Никса Красная.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Гвен выпрямилась на диване и выглянула в окно.

— Они вернулись.

И Сейдж, и я, сидевшие за разными столами в библиотеке, посмотрели на неё. Сейдж задала самый очевидный вопрос:

— Без крыльев?

— Без крыльев, — подтвердила Гвен.

Сейдж так резко захлопнула толстый том, что несколько листов на столе взлетели. Веледа, сидевшая слева от неё, быстро их собрала.

— Они наверняка использовали споры селаго[4].

Я была не столь уверена, но не хотела в четвёртый раз возражать. Споры селаго для чар саракх? Она хотела помочь дракону или свести его в могилу? После семи дней рядом с Сейдж я окончательно убедилась, что эта девушка никогда не станет друидом, и все вокруг это знали, но боялись ей сказать. Единственное, чем она хорошо владела, — это стихия воздуха, потому что родилась с этим даром.

— Бедняга, — Гвен прикоснулась к стеклу. — Он даже летать не может. Если скрывать хвост или заострённые уши непросто, то не представляю, каково постоянно сдерживать такие огромные крылья.

Сейдж, менее сопереживающая по этому поводу, открыла ещё одну из двух с лишним десятков книг, которые принесла на стол. Браслеты на её правой руке зазвенели. Теперь я знала, что среди всех этих украшений было одно очень важное. Мне рассказывали, что такие носят некоторые сидхи из Братства, особенно те, кто выполняет сложные задания. В них, благодаря тщательно подобранным камням и правильно приготовленным травам, скрывались всевозможные защитные чары. Чтобы противостоять гематиту, чтобы скрывать внешность, и средство для крайнего случая...

— Хуже, когда они появляются и нужно заново накладывать чары, — пробормотала фея. Как она выглядит без маскировки? Какие у неё черты сидхи?

[4] прим. редактора: кустарники с сиреневыми цветочками

Гвен и Веледа повернулись ко мне. Я, не обращая на них внимания, встала. Вернула на место книгу, которую читала этим утром, «Двор Паральды». В ней рассказывалось о лесе Борестель, который оказался даже более невероятным, чем описывала Гвен.

— Пойду проверю сумку.

— Не уходи, не попрощавшись! — воскликнула Гвен.

Я замерла посреди зала.

— Ты сказала, что это близко и нужно всего два дня, чтобы добраться туда, и ещё два, чтобы вернуться.

— Прощания важны. Ты даёшь понять другим, что думаешь о них перед отъездом и будешь продолжать думать, даже когда будешь далеко.

Сейдж фыркнула.

— Откуда ты взяла эту сентиментальную чушь?

Я оставила их спорить. В коридоре меня покинули приятны аромат чернил и бумаги с лёгкой ноткой ванили. Мне сразу же захотелось вернуться. Библиотека стала моим любимым местом в замке. Гвен показала мне всё остальное за эти дни, за исключением спальни Абердина и Пвила и комнаты Мэддокса (которая находилась в том же коридоре, что и моя). Герцогиня сама показала мне свои покои, состоящие из трёх комнат, балкона и личной ванной.

Всё в замке говорило о древнем богатстве. В конце центрального коридора находилась чайная комната, освещённая полуденным солнцем, в лучах которого сияли золотые узоры на обоях. Зал для банкетов был настолько большим, что мог бы вместить в себя весь Эйлм. Большой зал с помостом для менестрелей наводил мысли о балах, которые могли проходить здесь в прошлом, когда Аннвин ещё не утратил своего значения. Но библиотека, с двумя этажами полок, мягкими диванами, расписным глобусом и куполом над дубом...

Если бы меня когда-нибудь попросили представить идеальное место, оно было бы похоже на это.

Перед тем как отправиться в свою комнату, я услышала шаги, поднимающиеся по лестнице, и громкий голос Абердина, которого ни с кем не спутаешь. Однако первым в коридоре показался Мэддокс. Я сразу обратила внимание на отсутствие у него крыльев. На мгновение мне показалось, что он стал меньше, но дело было не в крыльях… А в его осанке. Голова опущена, руки безвольно висели вдоль тела.

Абердин шёл прямо за ним. Увидев меня, он натянуто улыбнулся, но эта улыбка не коснулась его карих глаз.

— Ах, ты всё ещё здесь, лайли. Вот видишь, сынок? Она не ушла без тебя.

— С возвращением, — пробормотала я.

Здоровяк попрощался и направился к своей комнате, не забыв бросить последний взгляд на Мэддокса. Взгляд, полный печали.

Когда Мэддокс поднял голову, я застыла. Больше всего меня поразили не тёмные круги под глазами и не бледность его смуглого лица.

Янтарь...

Что с ним случилось?

Цвет его радужек больше не был таким насыщенным; теперь его глаза казались обычными. Они были прекрасного каштанового оттенка, похожего на цвет глаз Абердина, но...

Мэддокс отвёл взгляд, сжав челюсти.

— Отправимся, как только я соберу вещи. Дай мне пару минут.

Он направился ко мне, и я, ошеломлённая, отошла в сторону. Он двигался не так, как раньше. Казалось, без крыльев его движения должны были стать легче и плавнее, но сейчас Мэддокс шёл так, словно нёс на плечах неподъёмный груз. Он прошёл мимо меня, волоча ноги по ковру.

Эхо драконьего стона отозвалось в моём сознании. Я поколебалась, но всё-таки обернулась.

— Ты в порядке?

Я заметила, как он опёрся рукой о стену, прежде чем повернуться ко мне.

— Почему ты спрашиваешь?

Я уловила в его тоне сигнал «не хочу говорить об этом». Но всё же...

— Мы можем отправиться завтра утром.

Очень медленно насмешливая улыбка изогнула губы дракона, обнажив один из тех клыков, которые иногда казались острее обычного.

— Ты волнуешься за меня, *sliseag*?

Его попытка быть язвительным была сильно смазана тем, что спутанные пряди тёмных волос липли к шее и вискам.

— Ты выглядишь так, будто переболел страшной болезнью, а затем тебя заставили бежать на поводке за телегой. Я беспокоюсь, что ты умрёшь на полпути.

Вместо того чтобы обидеться, он только шире улыбнулся, и я с завидным успехом проигнорировала целую гамму неприятных ощущений, которые это вызвало. Было даже оскорбительно, что он мог оставаться привлекательным в таком измождённом виде.

— От меня так просто не избавишься.

Мы отправились через час после того, как Хоп, без конца ворча, собрал нам мешок с едой в дорогу. Я уже не верила его угрюмости. Вчера я нашла на своей кровати красивый мягкий шарф. Я сразу узнала его. Хоп вязал его, когда я принесла ему его миниатюрную кружку. Был ли этот шарф изначально предназначен для меня или нет, уже не имело значения.

Все украдкой косились на Мэддокса, стараясь, чтобы он это не заметил, но плечи дракона были всё время напряжены. Он привёл себя в порядок, его влажные волосы были зачёсаны назад, но это лишь подчёркивало его тёмные круги под глазами.

Он снова надел свои доспехи, но без знака на груди. За спиной у него наискосок висело копьё, а на бёдрах — разные кинжалы. Копьё было плоским с обоих концов. Неужели это его главное оружие? Честно говоря, я ожидала увидеть меч, топор или хотя бы молот. Оружие, предназначенное для больших рук и кровавых расправ. А не инструмент, требующий ловкости, используемый для ударов и опрокидывания.

Игнас подала мне знак.

— Надеюсь, ты найдёшь ответы, девочка. Да-да, не смотри на меня так. Пускай я теряю хороший козырь, но, что бы там ни думал дракон, я не забываю принципы Братства.

— И что же это за принципы?

Женщина слегка наклонилась ко мне, понижая голос, как будто собиралась поведать большой секрет.

— Понимание истины, любовь к истине и отстаивание истины.

— Это же авен.

— Он самый. Теперь мне нужно вернуться в Гримфеар на увлекательнейшую встречу с другими дамами по выбору тканей и цветов для Теу-Биада. — Она закатила глаза. — Так что я надеюсь, что это последний раз, когда я вижу твоё красивое лицо. В противном случае… Моё предложение всё ещё в силе, Аланна.

Эта женщина была очень интересной. Человек, бунтарка, герцогиня, шпионка. На мгновение я подумала, что мне было бы интересно узнать её поближе, узнать её историю.

— Спасибо, герцогиня. — Я протянула ей руку. — За всё.

За то, что дала мне выбор и ниточку надежды.

Мэддокс и я выдвинулись в путь. Я нахмурилась, когда мы прошли мимо конюшни. Мэддокс продолжал идти к той самой дверце, через которую мы вошли в ночь нашего прибытия. Теперь я знала, что здесь находится запасной вход; будь это обычный замок, тут был бы вход для слуг. Но поскольку герцогиня Аннвина очень ценит свою частную жизнь (по понятным причинам), его используют только члены Братства, приходя и уходя. За замком простиралась широкая заснеженная равнина, по которой извивалась река Муирдрис.

— Твоя кобыла и два жеребца прискакали пару дней назад, — сказала я. — Сами по себе.

Я уточнила, потому что увидеть, как трое животных приближаются к конюшне без всадников, было настоящим сюрпризом. Гвен говорила, что Эпона — не обычная кобыла, но это какое-то чудо.

Мэддокс оглянулся на меня через плечо, и мне почему-то легко представилось движение его крыльев при этом, если бы они у него ещё были.

— Нам нужно пройти через лес Спорайн, дальше на юг, и ни одна лошадь добровольно туда не пойдёт.

— Оттуда ли родом Хоп?

Он покачал головой.

— Этот ворчун никогда там не был. Его предки, первые брауни, работавшие в доме Сутарлан, действительно жили в лесу до войны. Потом Спорайн заполнился другими, куда менее гостеприимными существами.

Его взгляд потемнел на этих словах.

— А нет другого, более безопасного пути?

— Есть, но это добавит дней к путешествию. Если, конечно, ты не хочешь плыть по Муирдрису.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Я посмотрела на реку, эту сверкающую ленту с загадочными водами. Никто не путешествовал по Муирдрису, даже несмотря на то, что это река протекала через всю Гиберию и была самым быстрым способом добраться с севера на юг. Никто в здравом уме не станет даже близко подходить к её берегам, если не хочет быть проклятым. Или мёртвым.

С тех пор как Никса, единственная манан-лир, признанная своим народом как королева, потеряла своё могущество и влияние, водные расы вернулись к анархии, которая была у них испокон веков. За исключением некоторых видов, таких как мерроу, остальные стали дикими и разрозненными. Они не представляли собой отдельные общества, даже не собирались в семейные группы. По словам одного моряка в Реймсе, у которого не было одной ноги, под поверхностью всех вод Гиберии шла постоянная борьба за власть.

И единственным, что когда-то сумело их объединить, был голос Никсы.

Мэддокс проследил за моим взглядом.

— Я не раз проделывал этот путь. Уверяю тебя, что ничто и никто не застанет нас врасплох.

Я верила ему. И хотя я видела его боевые навыки лишь однажды, во время небольшой стычки в лесу Робабо, меня убедили исходящие от него сила и уверенность. Он не просто тренированный воин: он дракон.

Тем не менее, осторожность давно стала неотъемлемой частью меня, моей личности, моего образа жизни. В моей жизни чего только не было, и худшими, вне всякого сомнения, были недели, когда мне пришлось прятаться с Каэли в пещерах неподалёку от нуральских рудников в Эремоне. Люди и сидхи были предсказуемыми, подверженными влиянию и в какой-то степени их было легко обмануть и победить.

Звери и демоны, наводнявшие Гиберию, такими не были. Они понимали только язык крови и смерти.

Что бы ни обитало в лесу Спорайн, это явно что-то очень могущественное, раз даже такая кобыла, как Эпона, боится туда ходить.

Мы шли большую часть утра в полном молчании. Даже ослабевший, Мэддокс был намного быстрее меня, его длинные ноги стремительно преодолевали расстояние. Я прикусила язык; меня вполне устраивало идти за ним — так у меня всегда на виду его широкая спина.

И его крепкие ягодицы тоже, что уж тут отрицать. Тело и лицо дракона, на мою беду, неизменно притягивали моё внимание.

К полудню мы достигли края леса Спорайн. Я начала замечать странные детали, например, цветущие клёны. Поскольку сейчас зима, я не ожидала увидеть листья. На самом деле я привыкла к бело-коричневому покрову лесов Хельглаз, где почкам трудно было распуститься весной. Но здесь всё было иначе.

Деревья казались мёртвыми. В высоту они достигали более двадцати метров, но внутри были гнилыми. Кроме того, на их чёрных ветвях качались серые листья. Во-первых, они должны быть зелёными. А во-вторых, они должны были опасть в конце осени.

Когда мы подошли к первой линии деревьев, Мэддокс схватил своё копьё и оглядел длинную полосу леса слева направо. Он был прав: если бы мы решили обойти его, нам бы пришлось делать огромный крюк.

Я посмотрела вглубь леса, по крайней мере на то, что удалось разглядеть. Я увидела полумрак, как будто солнцу было трудно пробиться сквозь крону ветвей, размытые тени и тишину. Много тишины.

Я опустила взгляд на свои ноги. Мои ботинки всё ещё стояли на снежно-земляной тропе, но через пару шагов я ступлю на пепельную землю. Вокруг основания клёнов земля была растрескавшейся, сухой. Как будто давно позабыла, что такое вода, несмотря на близость к реке.

Как если бы…

Когда до меня наконец дошло, я забыла как дышать. Рефлекторно сделала шаг назад.

— Это начало Долины Смерти.

Мэддокс покачал головой.

— Долина на другой стороне реки, это всего лишь побочный эффект от близости к ней.

Я уставилась на дракона, мой разум работал на полную мощность. Он вёл меня на юг Аннвина, к Долине Смерти, чтобы встретиться с… Как он сказал?

«Последним свидетелем Эпохи богинь».

Я отступила ещё дальше от леса. Мэддокс, нахмурившись, обернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Куда ты?

— Ты ведёшь меня к Фионну Несокрушимому.

Я сказала это без вопросительной интонации, потому что не было никаких сомнений. Как я не поняла этого раньше? Почему не задала больше вопросов? Хотя, по правде говоря, мне бы никогда не пришло в голову, что его план заключался именно в этом.

Он ловко вращал копьё между пальцами, как будто оно было из дерева, а не из металла.

— Теперь его так не называют, но да. Если кто-то и знает, что задумала Морриган, и может дать нам хоть какую-то подсказку, так это он. В конце концов, он знал её ещё до того, как она присоединилась к армии Теутуса.

— Нам нельзя так близко подходить к Долине Смерти.

Он приподнял брови.

— Почему?

— Тебе мало того, что её название говорит само за себя? — Я развела руками, указывая на ужасающий пейзаж перед нами. Нервозность заставляла меня пятиться от леса, даже под пристальным взглядом Мэддокса. — И Фионн... Как ты можешь быть уверен, что найдёшь его и что он захочет нас принять? Всё, что я слышала о нём, не внушает особого оптимизма.

Дракон сморщил нос.

— Это во многом зависит от количества виски и от того, чувствует ли он в этот день желание поностальгировать.

Ноги налились свинцом, а сердце билось как крылья колибри. Существовала очень веская причина, по которой ни я, ни моя мать, ни кто-либо из моих предков никогда не ступали на землю Аннвина. И причина эта заключалась в том, что там, среди руин того, что когда-то было оплотом самых храбрых героев Гибернии, скрывалась правда о нас.

Правда, из-за которой нас могли счесть монстрами или пешками. Из-за которой нас либо казнят, либо используют в своих целях.

«Если подойдёшь слишком близко, она притянет тебя, как зов банши. А ты, моя драгоценная Аланна… Ты самая опасная из нас всех».

«Я знала, что это глаза зла».

Мэддокс принял моё молчание за простое сомнение из-за слухов.

— Я знаю, что говорят о долине, но в основном там лишь развалины и воспоминания. Поверь мне, это самое жалкое место в королевстве; единственное, что там осталось, — это деревня На-Сиог. Если и есть о чём беспокоиться, так разве что о склонности Фионна к эксгибиционизму.

Под пронизывающим взглядом дракона я почувствовала себя глупо. Он не понимал, почему меня учили держаться подальше от этого места, и я не могла ему это объяснить.

Но я напомнила себе, что есть кое-кто, ради кого я пройду через все леса, долины и даже реки, если понадобится.

«Ты хочешь, чтобы меня любили. Чтобы меня лелеяли. Но для этого у меня есть ты. Я никогда не променяю тебя ни на кого, Аланна'са».

Заставив ноги двигаться, я подошла к Мэддоксу. Вынула кинжал из ножен, готовая к любому развитию событий.

— То есть помимо того, что у него прескверная репутация, он ещё и голышом периодически разгуливает?

Мэддокс смотрел на меня несколько секунд, возможно, пытаясь понять, скрывается ли что-то ещё за моей нерешительностью.

В итоге он улыбнулся.

— Ты когда-нибудь слышала легенду о Фионне и его юбке из фазаньих перьев?

Я закатила глаза и, игнорируя пустоту в груди, сделала первый шаг в лес Спорайн.

— Почему вам, мужчинам, так нравится сравнивать свои причиндалы с разными предметами?

Мэддокс последовал за мной с тихим смехом, от которого у меня защекотало метку.

— Знаешь, какие длинные перья у фазана? Так вот, говорят, что даже при этом из-под них выглядывал его...

Глава 14

Справа и слева от неё её сёстры Ксена и Луксия начертили общий символ, ведь всё, что начинается, должно завершиться, и все концы дают начало новому. Вдохновлённые странным творением из другого мира, они переплели солнце и луну, а в нижней части, между гостеприимными солнечными лучами и утешением ночи, поместили змею. Они назвали этот символ оив.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Лес Спорайн определённо не жаловал путников. Едва шагнув между мёртвыми клёнами, я почувствовала, что даже двадцати слоёв шерсти не хватило бы, чтобы спастись от этого холода. Это был не зимний холод, а сосредоточение злобы и жестокости. Он пронизывал одежду и кожу, пробирая до самых костей.

Именно это, по всей видимости, случилось с деревьями. Они умерли изнутри.

Как-никак, ненависть то же самое делает с людьми.

Мэддокс остановился и прищурил глаза, осматривая окрестности в поисках чего-то. Его уши двигались вперёд и назад, словно у животных, пытаясь уловить больше звуков; он даже слегка принюхался. Солнечный свет, который мы оставили позади, всё ещё пытался нас догнать, хотя безуспешно. Стоит нам продвинуться немного дальше, и мы погрузимся в этот пугающий полумрак.

— Что случилось? — тихо спросила я.

Он стоял неподвижно, всматриваясь вдаль. Несколько секунд спустя он моргнул и покачал головой.

— Чувствую, что что-то изменилось, но не могу определить, что именно.

И если до этого он шёл впереди, то теперь взмахнул рукой:

— Ты первая.

Развитый за годы в бегах инстинкт самосохранения всколыхнулся. Я нахмурилась.

— Почему?

— Здесь мне нужно всё время видеть тебя перед глазами.

— И снова: почему? Я без проблем могу следовать за тобой, да и ты сам сказал, что здесь нет ничего, что могло бы тебя удивить.

— Ты не собираешься упрощать мне жизнь, да, *sliseag*? — пробормотал он сквозь зубы и ещё раз взмахнул рукой, более настойчиво. — Мне придётся каждые две секунды

оглядываться, проверяя, что с тобой. Мне эти волнения ни к чему, так что будь добра, иди вперёд.

Оставляя в стороне тот факт, что мне нет дела до его переживаний, полагаться на других не в моём стиле.

С другой стороны, я никогда раньше не пересекала мёртвый лес.

— Хорошо, иди за мной. — Я прошла мимо него. — Уж я точно не буду оглядываться каждые две секунды.

— То есть ты признаёшь, что не можешь не замечать моё присутствие, сколько бы ни старалась?

Я не ответила, но боюсь, это правда. Несмотря на своё крупное телосложение, он умел передвигаться бесшумно. И всё же я каждую секунду чувствовала, что он идёт позади меня, на расстоянии одного метра, и, вероятно, спокойно всё видит впереди из-за нашей разницы в росте. Его выдавал лёгкий скрип его кожаных доспехов и неестественное тепло, исходящее от него, словно под одеждой у него скрывался целый костёр. И не будь я уверена, что это невозможно, я бы поклялась, что затылком ощущаю каждый его взгляд.

Я заставила себя сосредоточиться на окружающей обстановке, чтобы не обращать внимания на это чувство. Свет стал таким туманным, таким призрачным, что казалось, будто всё окутано мрачной завесой, размывающей очертания вокруг. Ветви деревьев сгибались, как когти, над нами. Каждый пень или камень напоминал безымянную могилу.

Конечно, здесь не было ни птиц, ни белок, ни стрекоз. Не было ничего живого, кроме нас двоих. И это не самая обнадёживающая мысль.

Мы шли часами, не замечая никаких изменений в пейзаже, не слыша ничего, кроме наших шагов и дыхания; мы не останавливались даже чтобы поесть. Мы вытащили хлеб и сыр из наших сумок и жевали на ходу. По словам Мэддокса, мы должны были добраться до На-Сиог к полудню следующего дня.

— Примерно на полпути есть безопасное место, где мы можем переночевать.

— Лучше не останавливаться, так мы быстрее выберемся отсюда.

Но он категорически отказался.

— Ночью по этому лесу ходить нельзя.

— Хочешь сказать, что ночью здесь ещё хуже? — Я подняла взгляд на купол из чёрных и острых веток, упади которые, превратили бы нас в дырявый сыр. — Я даже не могу сказать, который сейчас час при таком скудном свете.

Пальцы Мэддокса слегка надавили мне на плечо, едва касаясь, чтобы отвести меня от груды камней. Только присмотревшись, я поняла, что это были не камни.

Это были кости.

— Ты узнаешь, когда наступит ночь, поверь мне, — пробормотал он. — Именно тогда звери выходят поиграть.

После этих слов я больше не стала спорить. Теперь я понимала тревожное спокойствие леса; оно напоминало мне Эйлм, когда я смотрела на него с вершины холма в глухую ночь.

Время от времени я украдкой следила за шагами дракона. Не могла иначе, я всю жизнь анализировала других. В какой-то момент почти незаметно мы начали идти бок о бок, и он перекинул копьё через плечи и шею, руки расслабленно опустились. Он больше не волочил ноги, и хотя под его глазами всё ещё оставались тёмные круги, он внимательно следил за всем вокруг, за дорогой впереди и за тем, что мы оставляли позади. *И за мной.*

Он чувствовал себя лучше или просто вынуждал себя держаться из-за обстоятельств?

Логично было бы предположить, что если бы с ним действительно что-то было не так, ни Абердин, ни Пвил (да и Сейдж с Гвен вряд ли бы) не позволили бы ему уйти.

Но что-то подсказывало мне, что дракон не из тех, кто безоговорочно слушается других. Когда он хочет что-то сделать, он делает это. Не спрашивая разрешения. Мне он кажется сильным духом, раз уж, будучи сидхом, внедрился к Охотникам.

Что привело его туда? Вряд ли его история похожа на историю Гвен, потому что, как минимум, он не был человеком. Но одно было очевидно: за его действиями наверняка стояла очень веская причина. Иначе зачем ему мучиться, всё время скрывая свои крылья?

Несколько часов спустя я поняла, что он имел в виду, сказав, что я узнаю, когда наступит ночь. Это считывалось не столько по количеству света, сколько по изменению атмосферы. Ветер начал дуть у самой земли, закручиваясь вокруг корней и камней. Меж деревьев стелился низкий туман, словно гной из заражённой раны.

Вдалеке, но не так далеко, чтобы до нас не дошёл звук, раздался вой. Множество других откликнулись с разных мест.

От этих пронзительных, режущих слух звуков волосы на моих руках встали дыбом.

— Слуаги, — прошептала я, перекладывая кинжал в ведущую руку.

Эти существа являются демонами по своей природе; первыми, кто пересёк портал из Иного мира и превратил день в ночь своими чёрными крыльями. Они составляли основную часть армии Теутуса, и сколько их ни убивай, всегда появляются другие. Своих жертв они не поедают; они делают нечто гораздо хуже: вынимают душу, *оив*, и разрывают её на множество частей. Каждый из этих кусочков отравлен, лишён воспоминаний и сущности человека или сидхе, которому они принадлежали, и из них рождается новый слуаг.

Во время войны слуаги были падальщиками, находящими тела после сражений. Один павший враг означал пять, десять, двадцать новых слуагов в рядах Теутуса. Поскольку они созданы из таких крошечных, деформированных и размытых оивов, сами по себе они слабы и относительно легко убиваемы. Я не раз пачкала руки их гнилой кровью. Проблема в том, что они никогда не нападают в одиночку.

Мэддокс ускорил шаг.

— Следуй за мной, мы уже близко.

Он повёл меня в сторону от тропинки. Крики не прекращались, некоторые звучали слишком близко. Мы начали подниматься по холму, покрытому острыми камнями, которые, судя по форме и расположению, оказались здесь не случайно. Я не заметила нору, пока Мэддокс не указал на неё. Войти можно было только ползком.

Вот эта маленькая тёмная дыра и есть его безопасное место?

Раздался ещё один вой одновременно со звуком ломающейся ветки у одного из ближайших деревьев, и я тут же поспешила упасть на колени. Инстинкты сработали быстрее разума, и вот я уже ползла внутрь с зажатой в зубах рукоятью кинжала.

Коридор был всего метр длиной, и я быстро смогла встать на ноги. Я ничего не видела. Скудный свет из леса не проникал сюда, но темнота никогда не была для меня проблемой. Я отступила назад, пока не прижалась спиной к стене. Хотя бы с одной стороны я была защищена.

Меня озадачило лёгкое дуновение магии, возникшее, когда я вошла, и то, что оно пробудило во мне. Оно скользнуло по моим щекам, как нежное прикосновение, и принесло с собой запах тиса. Я узнала его, потому что это дерево очень полезно для приготовления зелий, особенно самых ядовитых. Порошки, которые я посыпала на Гвен, содержали крошечную часть тисового листка. Однако его ложные плоды можно было есть, и они были очень сладкими.

Это всё какой-то бред – откуда здесь, внутри, мог взяться запах тиса? В мёртвом лесу не было живых деревьев. Ещё и это ощущение в животе...

Я услышала, как Мэддокс бросил внутрь что-то металлическое — копьё, конечно же, — и затем сам зашёл внутрь.

Я не видела его, но знала, что он прямо передо мной.

— Здесь мы будем в безопасности, — сказал он. — Это древний дольмен.

Что ж, это объясняло внешнюю форму. Дольмены созданы не природой, а руками людей или сидхов. Все расы, и магические, и нет, хоронили своих мёртвых в этих священных усыпальницах, которые одновременно служили храмами Луксии, богини смерти.

Это также объясняло запах. Тис известен как дерево смерти.

Я чувствую остатки магии, которая была здесь когда-то.

Магии самой Луксии.

Я мягко потёрла живот. Нахождение в дольмене не объясняло спазмы, которые я чувствовала; мои мышцы словно скручивались сами по себе, реагируя на нечто неизвестное.

— Я думала, что все они были уничтожены первыми королями.

— Только те, которые могли бы напоминать людям, что они сами возвели их в честь богинь. — В его голосе послышалась резкость. — Некоторые находятся в таких местах, куда никто не осмеливается прийти.

Но ты осмелился.

— Меня удивляет, что ты знаешь, что это такое, — добавил он после паузы. — Не многие люди в королевстве слышали о таких древностях. И ты довольно быстро догадалась, что я дракон, хотя уже века прошли с тех пор, как двор уничтожил наш род.

Я открыла рот, чтобы выпалить очередную ложь, но передумала. Стоит ли? Я всегда хранила в тайне большую часть своих знаний и их источник, потому что за это карали смертной казнью. Я не раз была свидетелем, как мало нужно солдатам короля, чтобы осудить человека за распространение лжи и отравление умов.

Но прямо сейчас я разговаривала с ходячей ложью и уже несколько дней жила в замке с очень примечательной библиотекой, из-за которой Двор мог бы приказать сжечь Эйлм дотла.

— Народ Гибернии помнит намного больше, чем думает Двор, — сказала я, потому что это было правдой. Задолго до того, как я научилась добывать информацию самостоятельно, я впитывала её из общения с людьми, подслушивала в тавернах и на площадях, всегда интересуясь о той эпохе до войны, о том почти идиллическом времени, когда, возможно, кому-то вроде меня или Каэли не пришлось бы жить во лжи, вечно скрываясь. — Даже Костолом не смог стереть всё. Ты бы удивился, сколько людей плюнули бы в лицо сидху и при этом прятали у себя дома всевозможные запрещённые предметы и тексты. Я работала на торговца в Реймсе, у которого были карты, датированные до войны, и на виконта Арриана, который устраивал подпольные аукционы и выставлял там всё, что только можно представить. И уверяю тебя, среди покупателей были не только простые фермеры.

— Когда ты говорила, что жила во многих местах, ты не преувеличивала, — пробормотал он с улыбкой. — И всё это ты узнала, потому что каким-то образом раз за разом оказывалась в нужное время в нужном месте или потому что активно искала?

Удивив даже саму себя, я решила снова быть честной.

— Второе.

— Это приятно знать. — Я совсем его не видела, но отчего-то была уверена, что он улыбается, причём это та самая широкая улыбка в тридцать два зуба. — Дай мне руку.

Я инстинктивно сжала пальцы в кулаки.

— Зачем?

— Потому что нам нужно пройти дальше, чтобы добраться до комнаты, а ты ничего не видишь.

— А ты видишь?

— Да, — просто сказал он.

Чёрт.

Наверно, это одна из особенностей драконов. И теперь, зная, что он меня видит, я расслабила руки и выражение лица. Быть искренней уже не казалось такой хорошей идеей, как тогда, когда я думала, что меня защищает темнота. Я неуверенно подняла левую руку, так как в правой всё ещё держала кинжал. Едва я перевела её на несколько сантиметров в сторону, как его пальцы, грубые и горячие, сомкнулись на моих.

Мальчик с тёмными волосами плачет навзрыд, стоя на коленях в огромной, холодной, пустой комнате. Его колени все в крови, пол вокруг стал красным. Пахнет железом и смертью. Перед ним, раскинувшись на полу, лежит прекрасная женщина с длинными серебристыми волосами. Разрез на её шее настолько глубокий, что голова почти отделена от тела.

Её глаза всё ещё открыты.

Он всё ещё чувствует на себе её взгляд.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Его переполняют боль и ярость, и что-то дикое внутри него просится наружу. Мрачный голос гулко звучит в его голове, точно зверь, рычащий изнутри. Это слишком для такого маленького ребёнка.

Мальчик хватается за голову. Он не может, не может... Если зверя выпустить, всё будет напрасно. Он дал обещания; так много, так много обещаний...

Ошеломлённая, я отдёрнула руку. Мэддокс не стал меня удерживать.

— Ладно. Тогда держись за мой пояс. Вот здесь...

Я почувствовала, как он потянули меня за рукав плаща, мои пальцы коснулись жёсткого края его пояса. Не говоря больше ни слова, он пошёл вперёд, и я старалась поспевать за ним.

То, что я только что увидела... Мне знакомы эти эмоции. Я всей душой сопереживала мальчику; меня не отпускало чувство, будто колени всё ещё мокрые, и к горлу подкатывала тошнота от приторного запаха крови.

Когда мы дошли до комнаты, Мэддокс попросил меня отпустить его. Я услышала, как он ходит туда-сюда, а потом как будто достаёт что-то из сумки. Несколько минут спустя он вернулся ко мне и снова взялся за край моего плаща, чтобы повести меня. Я не знала, как себя чувствовать: возмущаться тем, что он так со мной обращается, быть благодарной за то, что он уважает мои желания, даже не высказанные вслух, или злиться на себя за то, что я вот такая-сякая.

— Я разложил одеяла прямо у твоих ног.

Я села на них, радуясь, что мне не придётся ложиться на холодный каменный пол. Я уже достаточно замёрзла, а внутри дольмена было всё равно что снаружи. Каменные стены не только не удерживали тепло, но и было здесь что-то... Не злое, не негативное, просто что-то, что бродило по этому месту и не позволяло появиться теплу. Что-то, что заставляло темноту носиться из угла в угол, как собаку, гоняющуюся за лисой.

— Ты не собираешься разжечь огонь? — Я была уверена, что это будет первое, что он сделает. — Как тогда, когда мы вошли в кнок.

Он ответил не сразу, спустя несколько секунд.

— Лучше не стоит. Дым или запах могут привлечь нежелательных гостей. Они не смогут войти, но я предпочитаю не слушать всю ночь их крики и визги.

Я начала растирать озябшие колени и бёдра. Я запрещала себе задавать вопросы; ведь это не моё дело, и я не хочу, чтобы он думал, будто меня волнует его самочувствие.

Но чёртов стон дракона из моих снов снова прозвучал у меня в голове. Это был всего лишь сон — таким причудливым образом мой разум пытался справиться с беспорядочными мыслями о драконе. И всё же...

— Чары скрывают не только твои крылья, не так ли?

Что-то тяжёлое упало на пол; возможно, одна из сумок.

— Честно, да. Но крылья дракона — это эпицентр нашей силы. Без них... У меня лишь немного более развитые чувства, чем у обычного человека, такие как ночное зрение или обострённый слух.

Он сказал это с такой идеальной, столь точно подобранной ноткой безразличия, что стало очевидно: это полное враньё. Или, возможно, это очевидно только для меня, королевы лжи.

— Тебе, наверное, больно.

По звукам я поняла, что он устраивается неподалёку; его огромное тело двигалось достаточно близко. Похоже, он положил свои одеяла рядом с моими.

— Это… — Он замолчал, вероятно, подыскивая правильные слова. — Чёрт, не буду лгать. Это постоянная мука. Если повезёт, через несколько дней я снова забуду, каково это — иметь их и не пытаться ими двигать.

Моё сердце сжалось от его слов. *«Он даже летать не может».*

«Прости» крутилось на языке. Но почему я должна извиняться? Я была не виновата в том, что произошло в лесу. Будь моя воля, его чары никогда бы не разрушились, и ему не пришлось бы проходить через это. Вот только я не могла это предотвратить.

Но и он тоже не виноват.

Мы поужинали масляными булочками и молоком, которое благодаря бурдюкам всё ещё было тёплым. За одно только это Хоп заслуживал целый набор посуды. Я легла на одеяла, укрывшись плащом до самого носа, и свернулась клубочком, насколько это было возможно. Я почувствовала укол грусти; даже в самые худшие моменты со мной всегда была рядом Каэли. Мы могли прижаться друг к другу и делиться теплом, и никакая ситуация уже не казалась такой ужасной.

Я была старшей сестрой, и, возможно, Каэли никогда не поймёт, до какой степени она, даже будучи всего лишь младенцем, а потом ребёнком, спасала мне жизнь.

Я для себя решила, что непременно скажу ей это, когда мы снова встретимся.

Мэддокс, которому, скорее всего, было прекрасно видно, в какой позе я лежу, вздохнул.

— Наутро ты превратишься в кусок льда.

— Это не первый раз, когда я сплю на улице зимой. Выживу.

— И я должен всю ночь слушать, как стучат твои зубы? Нет уж, спасибо. — Вдруг я почувствовала, как мои одеяла резко приподнялись. — Не двигайся.

— Что..?

Пару секунд спустя огромная спина прижалась к моей. Даже сквозь несколько слоёв одежды жар его тела согревал меня. Меня охватила дрожь, хотя, конечно, я сказала себе, что это от контрастных температур.

— Поверь мне, единственная, кто тут выигрывает, — это ты, — спокойно пробормотал он.

Я должна отодвинуться.

Я *должна*.

Но я осталась на месте и закрыла глаза. Время от времени слышались крики и шум крыльев слуагов, пролетавших над дольменом. У них плохое зрение, они ориентируются благодаря острому обонянию, способному учуять каплю крови за километры. Но даже если бы они нас обнаружили, Мэддокс правильно заметил: к этим священным камням они бы не рискнули приближаться.

Эти твари созданы из искажённого оива. Что с ними станет, если они подлетят слишком близко к древней магии, связанной с богиней?

Я попыталась отвлечься, подумать о лесе Борестель и о том, как он выглядел раньше, но знала, что мне будет трудно уснуть в таких условиях. Я чувствовала дыхание дракона; его спина чуть-чуть давила на мою при каждом вдохе. Я никогда не ночевала ни с кем, кроме матери и сестры, но это не значит, что у меня никогда не было близости с парнем. Когда мы обосновались в Гальснане, мне уже было четырнадцать, и во мне начали пробуждаться всякие разные чувства. Чувства, которых я никогда не просила и которые сначала мне не хотелось контролировать.

Прежде у меня был крайне скудный опыт общения как с противоположным полом, так и с собственным. Я не ходила на балы, ни с кем не дружила, даже не посещала школу. Моим первым и последним другом был старик Ффодор, и всё закончилось так, как закончилось. Осознание того, кем я являюсь на самом деле, и опасность, связанная с общением с другими, были записаны на подкорку. Я не могла держаться за ручку с кем-то, как делали другие девочки, потому что тем самым получала доступ к личным воспоминаниям, порой доводившим меня до слёз. Я не могла влюбиться, выйти замуж и даже иметь детей, ведь для всех было бы лучше, если бы то, что у меня в крови, никогда бы не передалось по наследству.

Нет, лучше не связываться с мужчинами. Большинство молодых людей, с которыми меня пытались свести в Гальснане, казались мне тупыми и грубыми. Я без сожалений захлопывала дверь у них перед носом и продолжала свою жизнь. Но Дугалл…

Мне всё ещё сложно сказать, что именно меня привлекло в нём. Возможно, то, что он вовсе не был заинтересован в браке со мной. Он был на год старше, чуть выше меня и работал в шахтах, как и все остальные мужчины в деревне. Он приходил раз в неделю за травами для своей матери. Он не был разговорчив, но смотрел на меня так, словно моя одежда не была грязной и заплатанной, и приносил Каэли сердолики и аметисты, которые находил. Для жителей Хельглаз эти яркие камни не имели такого значения, как гематит.

Я игнорировала его заинтересованные взгляды несколько лет, пока однажды не узнала, что Дугалл подал заявку на вступление в армию и уедет весной. Тогда я сама подкараулила его ночью у трактира. Мы провели вместе много ночей в следующие месяцы, с негласным соглашением попрощаться на хороших условиях, когда придёт время. Так и вышло. Слёз не было ни с одной стороны, и если я что-то почувствовала, провожая его, так это…

Благодарность. Он открыл для меня секс, всегда заботился о моём удовольствии и позволил познать ту часть жизни, которая, как я всегда думала, будет для меня закрыта. Если мне никогда не суждено иметь семью, то теперь хотя бы я знаю о близости, основанной на взаимной симпатии и уважении.

И главное, он не взял ничего взамен. Его воспоминания были приятными, но моё сердце никогда не трепетало из-за него. От его взгляда не подкашивались колени, и, уж конечно, его улыбка никогда...

— Твоя сестра такая же скрытная, как ты?

Голос дракона, низкий и глубокий, застал меня врасплох. Я думала, что он уже уснул.

Я выбросила из головы все свои мысли, заставляя мозг обработать этот странный вопрос.

— Скрытная?

— Я собирался использовать другое слово, но не хочу, чтобы ты отодвинулась, и я отморозил себе зад.

Я сдержалась, чтобы не толкнуть его локтем, но затем перед глазами сам собой возник образ Каэли. Её манера ходить, подпрыгивая, её радость, когда снег таял весной, и её остроумие, которым она умела удивить всех вокруг. Её дырявая улыбка, когда у неё начали выпадать молочные зубы, и то, как она умудрялась пускать молоко струйками через щели.

— Нет, Каэли не такая, как я, — с улыбкой ответила я. — Она сама радость. И она никогда не перестаёт удивляться. Я заботилась о ней с тех пор, как она была ещё младенцем, и в каждом дне она находила что-то удивительное. Она хорошая.

— А ты нет?

Я не ответила. Что я могла ему сказать? Та, что знала меня лучше всех, всегда утверждала, что я соткана из нитей зла.

Он сдвинул руку и на мгновение коснулся моего бедра.

— Что случилось с вашей матерью?

Этот вопрос... Я могла бы сосредоточиться на фактах и рассказать ему, что сделали Дикие Охотники. Описать всё, что произошло в тот роковой день, который обрёк нас Каэли на тяжёлый, мучительный путь, что почти два года спустя привёл нас на север. Одних.

Однако эта странная близость в дольмене, казалось, развязывала мне язык больше, чем обычно, и я сказала правду:

— Я.

Гробовая тишина за спиной напрягала; я ещё сильнее прижала колени к животу, борясь с пустотой в желудке, в груди, в душе.

— Я не знаю историю, что стоит за этим, и не собираюсь спрашивать, — мягко произнёс он, — но тот, кто способен убить свою собственную мать из дурных побуждений, не воспитал бы такую девочку, какой ты описала свою сестру.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю.

Звучало это так уверенно и категорично, что мне захотелось ему поверить.

Через несколько минут он медленно, шумно выдохнул.

— Что ты делала, если Каэли не могла заснуть?

— Ты смеёшься надо мной?

— Я совершенно серьёзен. У меня бессонница.

Наверно, это было враньё, чтобы сменить тему и разрядить обстановку, но я с радостью подыграла. Это в тысячу раз лучше, чем ковыряться в старых ранах.

— Я рассказывала ей истории. Легенды, бабушкины сказки, всё такое.

— Расскажи мне одну.

Я могла бы напомнить ему, что он не восьмилетний ребёнок, или сказать, что устала и хочу спать. Однако я представила старика Ффодора, сидящего у дверей своего дома, с его костлявыми ногами, вытянутыми к солнцу, и озорным блеском в глазах.

— Ты слышал о крылатых чудовищах с Островов Огня?

Мэддокс, удивившись, тихо рассмеялся. Это был глубокий и насыщенный смех, эхом разнёсшийся по всему помещению. Я почувствовала, как сердце отозвалось на этот звук. Казалось, что если что-то и способно прогнать холод этого леса и дольмена, так это смех Мэддокса.

Метка слегка защекотала.

— Нет, удиви меня.

Я рассказала ему всю легенду, слово в слово, придавая ей ту же интонацию, что и старый Ффодор, словно в этих существах было что-то одновременно ужасающее и завораживающее.

— Они явятся как сны и фантазии и заразят тебя самой ужасной болезнью, из существующих, более жестокой, чем сама смерть: наид-нак.

Он осторожно повернул своё тело, так, чтобы не касаться меня. Я поняла, что он повернулся ко мне лицом, потому что почувствовала это. Давление на затылке, неумолимое осознание того, что на меня смотрят. Каскад мурашек скатился по моей спине, и мне пришлось приложить огромные усилия, чтобы не заёрзать.

— По-твоему, наид-нак — это *болезнь*?

Когда он повернулся ко мне, его голос прозвучал ближе, более интимно. Казалось, будто он шептал мне на ухо, хотя на самом деле даже не прикасался.

— Так меня учили.

Он издал что-то вроде фырканья, причём без намёка на веселье.

— Уверяю тебя, это вовсе не зло. Для народа драконов наид-нак был священен. Это был дар их создателя, Ширра, всем его сыновьям и дочерям. *Дар, sliseag,* а не болезнь.

— Что бы это ни было, неважно. Я не могу… — Быстро поправилась. — Я этого не хочу.

— Я знаю, — ответил он спокойно.

Тогда я почувствовала лёгкое прикосновение к косе, как будто он поймал одну из выбившихся прядей. Это было так мимолётно, что я ничего не сказала, уверенная, что ошиблась. Я не могла представить дракона, наблюдающего за моими волосами и не устоявшего перед желанием их коснуться.

— Но если когда-нибудь тебе станет интересно узнать другую сторону наид-нака, я с удовольствием тебе о ней расскажу. — Он сделал паузу. — И когда ты найдёшь Каэли, у тебя будет для неё новая история.

Глава 15

Теутус прибыл в Гибернию с целой армией демонов из Иного мира. Под его командованием были трое Тёмных Всадников, самые жестокие из всех. Один отвечал за пополнение рядов армии. Другой распространял инфекции и эпидемии среди врагов. Последний не имел ни лица, ни тела и, подобно паразитам, питался своими носителями.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Мы покинули дольмен рано утром, после быстрого завтрака. Мы говорили мало и совсем не затрагивали вчерашнюю тему.

Всё тело затекло, плечо и бедро ныли от долгого пребывания в одной и той же позе. Посреди ночи мне пришла в голову глупая мысль, что, возможно, если я перевернусь во сне, то в итоге окажусь на Мэддоксе. Между этим и постоянными кошмарами, в которых появлялись вороны, змеи и безымянные могилы, я провела большую часть ночи, глядя в пустоту. К счастью, я знала, что дискомфорт и усталость исчезнут через несколько часов.

Мы вернулись на тропу, и всё выглядело так же, как накануне: тихо, жутко, словно огромный спящий зверь, которого лучше не беспокоить.

Через некоторое время дорога слегка свернула влево. Казалось, земля съёжилась в этом месте, обнажив толстые корни, доходившие мне до бёдер.

Пара больших горячих рук сомкнулась на моей талии и подняла меня в воздух. Я перекинула ноги через корень и мягко скользнула на другую сторону. Когда мои ботинки коснулись земли, я, нахмурившись, обернулась, чтобы...

Задыхаясь, я отступила назад.

— Во имя богинь...

Мэддокс перепрыгнул следом, шумно приземлившись, и протянул ко мне руки.

— Что случилось? Ты в порядке?

Когда он понял, что мой взгляд был прикован к чему-то за его спиной, он заслонил меня своим телом и поднял копьё, направив его на...

Даже он задержал дыхание.

Там, в дереве, была вмурована женщина. Её грудь была прижата к стволу. Судя по тому, как гнилая кожа слезала с костей, несчастная была там уже много дней, если не недель. Лохмотья тёмных волос ниспадали на спину, частично скрывая тело. Одна рука

была вытянута в сторону, вися в воздухе в неестественной позе, но остальное... сама кора дерева обхватывала её плечи, бёдра и ноги.

Словно деревянные челюсти.

Её юбки были покрыты засохшей кровью, чёрной, как смола. Возможно, она была ещё подростком, если судить по росту.

Мэддокс опустил копьё, его черты смягчились от печали.

— Лес голоден.

Мне пришлось сглотнуть, чтобы заговорить. Меня не пугали ни смерть, ни кровь, небеса знают, что я видела их слишком часто, но...

Кончиком указательного пальца я едва-едва коснулась выступающего корня дерева.

Девочка бежит, оглядываясь через плечо, охваченная страхом. Она спотыкается. Упав на землю, она слышит приближающийся зловещий смех. Скоро он окажется рядом. Она изо всех сил зажмуривается, её сердце вот-вот остановится от ужаса, и в этот момент её лицо и грудь ударяются обо что-то шероховатое; оно захватывает её в свой плен. Что-то ледяное, обжигающе холодное, оно вскоре проникает под кожу, сквозь её щеки, и живот, и...

Она кричит, кричит и кричит, вспоминая улыбку, которая всегда дарила ей ощущение безопасности, руки, которые держали её даже в самые худшие моменты...

Я разорвала связь. Никто не должен умирать такой жуткой смертью.

— Сомневаюсь, что это был только лес.

Внезапно ветер, появившийся из ниоткуда, встряхнул длинные пряди её волос, как будто лес не собирался успокаиваться, пока не покажет нам весь ужас. Её одежда была разорвана от плеч до талии, обнажая спину. У неё не было позвоночника.

Его вырвали полностью, и я знала, что в тот момент она была ещё жива. Она протягивала руку в поисках какой-то помощи.

— Чёрт, — прорычал Мэддокс. — Дуллахан пробудился.

Моё сердце пропустило удар.

— Что? Дуллахан... покоится здесь?

И словно само его упоминание могло его призвать, я огляделась вокруг.

Возвращаясь в Иной мир, Теутус поступил хитро. Как хороший стратег и завоеватель, он оставил после себя своих самых верных вассалов, чтобы они следили за его делом: Дуллахана, Нукелави и Никто, трёх Тёмных Всадников. Но, не имея войн, в которых можно было бы участвовать, и не имея возможности истреблять людей из-за заключённого Теутусом договора, они уснули. Никто за почти пятьсот лет не видел больше их, но все знали, что они где-то здесь, в Гибернии. Готовые действовать, если будет совершено какое-либо действие против воли Теутуса или Двора.

Их глазами и ушами была сама Морриган, и поэтому богиню также называли Глашатаем. Одно её слово — и смерть обрушится на королевство.

— Похоже, его уже призвали на Теу-Биад. — Мэддокс поднял брови. — Поэтому я и чувствовал что-то странное.

— Теу-Биад празднуют каждый год, почему сейчас... — До меня дошло, пока я говорила. — Пятисотлетие. Уникальное событие.

Именно так говорила леди Болг.

Мэддокс присел и прикоснулся к основанию дерева, обагренному кровью. Он понюхал пальцы, и его выражение стало ещё более мрачным.

— Пойдём, нам нужно спешить.

Он взял меня за руку и потянул меж деревьев, по этой окаменелой земле, растительность которой напоминала колючую спину животного. Я бросила последний взгляд на тело в дереве и мысленно помолилась за оив бедной девочки.

Мэддокс вёл меня, а я и не сопротивлялась. Лишь поглядывала на его серьёзный, решительный профиль.

— Откуда ты знаешь, что его собирались призвать?

Крепкая челюсть Мэддокса напряглась.

— Это не секрет для тех, кто имеет доступ ко Двору. Подготовка к празднику началась ещё летом.

И он, будучи одним из Охотников и находясь под командованием наследного принца, имел тот же статус, что и знать, как та же герцогиня Аннвин. Их Академия находилась почти у самого дворца; я однажды пробралась туда, чтобы украсть кое-что по заказу, когда ещё была слишком мала, чтобы осознавать весь масштаб риска, который я тогда взяла на себя.

— Будут ли пробуждены другие два Всадника?

— На данный момент только Дуллахан и Нукелави. Никому не известно, где дремлет Никто. Но я понятия не имел... — Он повернулся и посмотрел на меня. Казалось, он был зол, но не на меня. На самого себя. И хотя цвет его глаз потерял блеск, дракон не собирался мне лгать. Влияние, которое он оказывал на меня, было таким же, как когда мы столкнулись в Гримфеаре. — Я бы никогда тебя сюда не привёл, если бы знал. Никогда, *sliseag*. Клянусь.

Я отвела взгляд, когда внезапно безо всякой причины мне перестало хватать воздуха. Я выдернула руку из его хватки. Почему он говорил так, будто он ответственен за то, что мы оказались в этой ситуации? Будто он искренне переживал за мою безопасность?

— Ты не привёл меня, я пошла с тобой добровольно. Кроме того...

Ржание лошади прервало мои слова. Мы с Мэддоксом замерли на месте и замолчали. Я даже задержала дыхание, боясь, что этот звук может привлечь ненужное внимание. Очень осторожно, на носочках, я повернулась вокруг себя и осмотрела каждый мёртвый клен, каждую обугленную ветку, каждую щель.

Постепенно до нас начал доноситься топот лошадиных копыт, приближающихся с невозмутимым спокойствием. Вот только с какой стороны? Звук, казалось, исходил отовсюду одновременно. Что, если я побегу в неправильном направлении и окажусь прямо перед конём?

Я повернулась к Мэддоксу, но вопрос замер на моих губах. Рядом никого не оказалось, тропа была пуста. Я стояла одна.

Я огляделась в отчаянии. Он сбежал без меня? Фырканье лошади прозвучало так близко, будто она уже дышала мне в спину, и одновременно так далеко, как если бы она была за километры от меня.

Тьма вырвалась из-под подошв моих ботинок и стремительно поползла вверх по рукам, обвивая мои запястья и каждый палец. Я могла использовать её, чтобы скрыться, но это всегда был последний вариант, крайнее средство; и если кто-то увидит, как я это делаю...

— Дракон! — разъярённо прошептала я. — Я тебя...

Вдруг металлический конец копья возник прямо перед моими глазами. Я схватилась за него обеими руками, не раздумывая, и была поднята в воздух с необычайной лёгкостью, словно весила меньше подушки. Я оказалась сидящей верхом на ветке, спиной к Мэддоксу; его мускулистая рука держала меня за талию, а другая зажала мой рот.

Я не сопротивлялась и не жаловалась, потому что в этот момент появился Дуллахан. Дракон сильнее прижал меня к себе, словно полагал, что, если обнимет меня достаточно крепко, никто не сможет нас увидеть.

Я не могла сказать, что было страшнее: конь или его всадник. Возможно, их вообще не следовало считать двумя разными существами, потому что они не были таковыми. Мощные чёрные копыта пробивали землю на своём пути, разбрызгивая тени. Конь был покрыт не шерстью, а чем-то жидким, вязким, постоянно капающим и блестевшим при малейшем свете. Каждая чёрная капля падала с шипением, словно яд, разъедающий любую поверхность. Животное жадно грызло уздечку, пуская пену, а его полностью белые глаза без зрачков светились.

На нём восседал всадник без головы. В чёрной одежде и потёртом бордовом плаще, он держал в одной руке короткий меч, а в другой...

Я беззвучно ахнула, ужаснувшись, и Мэддокс крепче сжал меня, без слов давая понять, что он видит то же самое.

Предметом, что он держал в своей руке вместо плети, волочившимся по земле и оставлявшим за собой глубокий след, был позвоночник.

Дуллахан медленно прошёл под нами, словно просто прогуливался по лесу приятным прохладным утром. Едкий запах гниения окутал нас, у меня аж слёзы на глаза навернулись.

Всадник исчез вдали, шум копыт постепенно затих, но ни дракон, ни я не двигались и не издавали ни малейшего звука ещё долгое время. И худшим было не это напряжённое ожидание, а то, как мой мозг постепенно осознавал, насколько близки наши тела, насколько интимна была эта поза. Ужас от увиденного начал превращаться во что-то другое, что-то, что тоже держало мои нервы напряжёнными, внимательными, выжидающими. Я хотела бы не обращать на это внимания, но не могла.

И метка горела по-другому. Она посылала волны тепла по всему телу, распространяя дрожь.

В какой-то момент рука Мэддокса скользнула с моего рта и, почти лениво, легла на бедро. Моё уже учащённое дыхание застопорилось. Жар его пальцев обжигал даже сквозь

штаны; я готова была поклясться, что на моей коже останется ожог. Волна возбуждения охватила низ живота.

Эти приятные ощущения заставили меня напрячься.

Что, чёрт возьми, происходит с моим телом?

Почему мне кажется, что оно больше не совсем моё?

Дыхание Мэддокса коснулось моей шеи.

— *Sliseag...*

Нет, нет. Я не хотела слышать его глубокий голос в этот момент. Это было неправильно.

Я перекинула ногу через ветку и спрыгнула. Мне было совершенно всё равно, какое там расстояние и не переломаю ли я себе ноги. К счастью, я приземлилась на корточки, опёршись одной рукой о землю для равновесия, и сразу же пошла в противоположную сторону от той, в которой исчез Дуллахан; к счастью, это была та же тропа, что вела нас к выходу из этого адского леса.

Я услышала, как дракон также спрыгнул с дерева и тяжёлой походкой последовал за мной.

Я чувствовала его взгляд в спину весь этот проклятый путь и решительно его игнорировала.

Дар, как же.

Глава 16

Долина казалась закрученной в водовороте, и в самом её центре раскинулось застывшее на протяжении стольких веков, что никто уже и не помнит его иным, озеро Гленн На-Сиог, в чьих глубинах, говорят, живёт королева манан-лир.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Должно быть, до войны На-Сиог была прекрасна. Если закрыть глаза, можно в своём воображении превратить эти сухие и бесплодные земли в зелёные пастбища. Можно представить, как Муирдрис течёт через всю эту долину, принося и унося жизнь и здоровье, сверкая ярче самих звёзд. Сквозь его прозрачные воды, наверно, было видно белокаменное дно, а вдоль берега росли вереск и камыши. А этот каменный мост, соединяющий восточный и западный берега? Наверняка по нему ходили толпы людей из Аннвина и других мест. А горы, окружавшие деревню, напоминали спящих каменных стражей. И если прислушаться, можно было услышать, как гномы работают там без остановки.

Но случилась война.

И На-Сиог сильно пострадала.

Время близилось к полудню, и на выходе из леса нас встретило ясное небо и огромное солнце, которое застало меня врасплох, ведь я уже привыкла к полумраку. Нам предстояло спуститься по крутому склону между долиной и Хелтерскими горами к деревне, но внизу на расстоянии вытянутой руки уже были видны дома.

Мой взгляд скользнул к каменному мосту и дальше, туда, где находятся озеро, Долина Смерти и последняя насмешка Теутуса над этой землёй.

Густой туман скрывал конец моста и всё, что было по ту сторону. Лишь у самого горизонта, в нескольких днях пути, виднелось начало красных дюн Вармаэта.

Мэддокс подошёл ко мне.

— Это мой самый любимый пейзаж во всей Гибернии, — сказал он, и в его голосе не было слышно ни капли иронии.

Мне совсем не хотелось с ним разговаривать; я всё ещё чувствовала себя странно, но продолжать его игнорировать было бы глупо. У нас было много дел, и я почти во всём зависела от него.

— Тебе нравится очевидное напоминание об ужасах войны?

— Я не вижу ужаса, когда смотрю на эту долину. Я вижу, насколько мы стойкие, насколько сильно мы можем цепляться за своё даже в самых худших обстоятельствах. На-

Сиог должна была стать частью руин и запустения, которые её окружают, но её жители отказались. Ты знаешь, чей двор правил в этой части королевства?

Я кивнула.

— Двор королевы Никсы.

— На-Сиог была деревней манан-лир, водного народа. И остаётся ею. — Мэддокс перевёл глаза на меня, и хотя в них чувствовалась настороженность, его взгляд излучал тепло. — Ты не найдёшь там ни одного человека.

От этого мои губы приоткрылись. Я снова посмотрела на груду коричневатых крыш, которые отсюда казались букетом ромашек.

— Только сидхи?

— Со временем, из-за его труднодоступного местоположения, где жизнь сложна из-за бесплодной земли, На-Сиог превратилась в своего рода святилище, укрытое от внимания Двора и армии. Никто не придёт сюда, — возможно, из-за высокомерия, — поэтому именно сюда мы привозим спасённых сидхов. Здесь они могут исцелиться, жить спокойно, без необходимости постоянно использовать магию, чтобы скрываться. Когда приходят нежеланные гости...

Странный звук, похожий на рог, прервал его объяснение. Мы оба одновременно вскинули головы и увидели приближающуюся крупную птицу с длинной шеей и оранжевым клювом.

— Вовремя, — пробормотал Мэддокс.

Она приземлилась в нескольких метрах от нас. Она отличалась от других птиц грациозностью позы и элегантным изгибом шеи. Я видела таких только порхающими над заливом Эйре — вроде как сады дворца полны ими.

— Это лебедь.

Мэддокс присел и позволил птице клевать из его руки, в которой откуда-то появилось несколько виноградин.

— Её зовут Фира. Она и её стая подают сигнал тревоги, если кто-то пересекает лес или горы.

— Это единственный маршрут?

— Да. Пока никому не пришло в голову попытаться добраться сюда с другой стороны реки, — с усмешкой ответил он.

Когда была съедена последняя виноградина, Фира вновь поднялась в воздух, грациозно скользя над деревней и, к моему удивлению, исчезла в тумане за мостом.

Мы начали спуск под полуденным солнцем, лучи которого, отражаясь от скалистых склонов, согревали землю. Воздух всё ещё оставался холодным, и повсюду лежали кучки талого снега, смешанного с грязью, как будто зима здесь уже была на исходе, но никак не решалась уйти окончательно. Вскоре я вся вспотела.

Почти через час местность начала выравниваться, и группа домов разрослась до такой степени, что я уже не могла их сосчитать. Мы были почти на месте. Я собиралась войти в деревню сидхов.

— Это место отдыха и исцеления, далёкое от Двора, короля и человеческих законов, — сказал дракон, глядя на мою руку, крепко сжимавшую кинжал. Я даже не заметила, как

это сделала, но после слов Мэддокса постепенно ослабила напряжение в пальцах. — Готова?

Я задумалась, мог ли он каким-то невероятным образом знать правду. Мог ли он прочитать по моим глазам; почувствовать, как сильно у меня забилось сердце от одного только вида тумана за мостом.

Нет, это невозможно.

Никто не знает настоящую Аланну.

— Готова.

Войти в На-Сиог было всё равно что попасть в другой мир. Как будто здесь несколько веков назад был создан защитный купол, и мне внезапно повезло увидеть, каким это место было до войны.

Туман на берегу смешивался с серым дымом, выходящим из труб, но воздух был свежим. Я то тут, то там улавливала запахи еды, но как только мы столкнулись с первым жителем…

Я впала в ступор.

Первым, что привлекло моё внимание, был его длинный коричневый хвост, который раскачивался из стороны в сторону, пока сам мужчина возился с вёдрами. На конце хвоста была густая кисточка рыжих волос. Услышав шаги, мужчина повернулся к нам, и я увидела большие овальные уши, тоже покрытые шерстью, и пару маленьких белых рогов, торчащих прямо изо лба.

Фей. Через вырез его зелёной рубашки я увидела, что вся его грудь покрыта тонким слоем рыжих волос. Ему было не больше тридцати лет.

Он улыбнулся и помахал рукой.

— Рад тебя видеть, приятель. — Когда его круглые глаза, полные тепла и дружелюбия, лучше рассмотрели Мэддокса, его улыбка угасла. — Хотя выглядишь ты не очень.

Дракон кивнул.

— А я вижу, что ты всё ещё занимаешься тем, что тебе не положено, Хигель.

Одна из ставней дома резко распахнулась, и длинная пухлая рука замахала в воздухе.

— Вода нужна сегодня, бездельник!

Нисколько не смутившись, Хигель закатил глаза и взял по два ведра в каждую руку, как будто в них были перья, а не вода.

— Надо было послушать отца, когда он говорил мне не иметь дел с матерью. Какой мудрый совет.

Мэддокс улыбнулся, хотя в его позе чувствовалась напряжённость. Фей с любопытством поглядывал на меня, но не задавал вопросов. Я предполагала, что на этом здесь всё и строится: сообщество, где подозревают всех и каждого, не стало бы принимать у себя всех обездоленных сидхов.

Когда молчание неприлично затянулось, фей снова поставил вёдра на землю.

— Ну, выкладывай.

Тихим голосом Мэддокс рассказал ему о нашей встрече с Дуллаханом.

— Что? — вскрикнул Хигель. — Когда он пробудился?

— Предполагаю, несколько дней назад, но он уже нашёл свою первую жертву. — Мэддокс положил руку ему на плечо, они были почти одного роста. — Это была молодая девушка, может быть, даже девочка. В жёлтой юбке.

Фей сильно зажмурил глаза и опустил голову. Его уши поникли, как увядшие цветы.

— Ах, проклятие. Мы искали её вдоль берега, думая, что, возможно… Даже мысли не возникало, что она могла приблизиться к лесу; мы предупреждаем всех новоприбывших о его опасности. Оберон привёл её всего несколько недель назад. — Фей потёр лицо тыльной стороной другой руки. — Бедная, бедная девочка; пусть Луксия примет её в свои объятия.

— У неё была семья?

С закрытыми глазами Хигель кивнул.

— Старшая сестра. Они потеряли родителей больше десяти лет назад по приговору Двора. Сестра по сути заменила ей мать, и они были... очень близки.

Я глубоко вздохнула, переваривая новую информация. Чтобы справиться с дрожью, охватившей всё тело от колен до губ, я снова сжала рукоять кинжала.

— Это не могло случиться несколько дней назад. Её тело было...

— Это то, что делает Дуллахан со своими жертвами: он высасывает из них всё, что может, насухо. Тело кажется давно разложившимся, но кровь была свежей. — Мэддокс бросил хмурый взгляд на деревню. — Вам нужно выставить охрану. Он будет бродить поблизости, пока не отправится в Эйре на Теу-Биад.

Хигель кивнул, хотя печаль отражалась в уголках его глаз и в изгибе его губ.

— Я подниму тревогу. И кто-то должен поговорить с сестрой девочки. — Затем фей переключил внимание на меня и попытался изобразить доброжелательную улыбку. — Мне жаль, что ты оказалась здесь при таких обстоятельствах. Ты ищешь убежища?

— Нет, я пришла за ответами.

Фею этого было достаточно.

— Тогда надеюсь, что ты их найдёшь. А теперь прошу меня извинить, я бы вас проводил, но меня уже заждались.

— Спасибо, Хигель.

Махнув нам, фей снова поднял вёдра и быстро направился к дому на склоне. Увидев фасад, я сразу поняла, что это таверна. На деревянной вывеске, висящей на скрипучих петлях, был нарисован мерроу, пытающийся съесть ноги феи. Прямо под ним было написано «Бестолковая рыба».

— Его отец умер? — тихо спросила я, вспоминая комментарий Хигеля.

Лёгкая улыбка тронула уголки губ Мэддокса, хотя глаза потемнели.

— Для старой Мэй — да. Он живёт на другом конце деревни и управляет единственным постоялым двором. Они не видели друг друга уже около двадцати лет, но не торопись с выводами. Единственное, о чём они говорят, так это друг о друге. Хигель — их единственный сын, и он разрывается между двумя домами, чтобы угодить обоим.

Мои губы дрогнули при мысли об этом.

Мэддокс наклонился ко мне.

— Это улыбка?

— Нет.

— Ах, понятно. А я был готов поклясться, что это она.

— Ты бы поклялся напрасно.

Деревня была больше, чем мне показалось с холма; она растянулась вдоль берега реки. Были дома так близко к Муирдрису, что я даже задавалась вопросом, а не манан-лир ли в них живут. Насколько я знала, этот народ мог плавать в глубинах Муирдриса, но даже для них это было рискованно.

Мы продолжали идти по той же тропе. Мэддокс всё поглядывал на меня, я же пыталась не упустить ничего важного. Я застыла при виде женщины с жабрами вместо ушей. Она держала за руку ребёнка с волосами в виде щупалец. Мерроу. Они поздоровались с Мэддоксом, доброжелательно посмотрели на меня и вернулись к своим делам.

Я на секунду потеряла дар речи, потому что знала: после такого моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Одно дело — собирать слухи, и совсем другое — убедиться в их реальности.

Дальше мой взгляд упал на группу сидхов, сидящих на деревянных скамейках вокруг колодца. Там был мужчина, чьё лицо обрамляли огромные красные лепестки, второй отличался кожей чудесного лаймового оттенка и острыми ушами, а у женщины из висков росли ветки, словно рога. И чем больше сидхов я видела, тем больше восхищалась. Всевозможные оттенки кожи, завораживающие глаза (некоторые совершенно чёрные или белые), хвосты, когти, копыта... Был момент, когда я посмотрела на свои собственные руки — смуглые и гладкие, без ярких цветов или чешуи, — и они показались мне слишком невзрачными.

Мэддокс немного наклонился ко мне.

— Со мной было то же самое, когда я впервые сюда попал.

Я убрала руки за спину и глубоко вдохнула.

— Когда это было?

Вместо конкретного ответа он улыбнулся.

— Давненько.

— Они знают, что ты?.. — Я скосила глаза на его плечи.

— Нет. Они, разумеется, знают, что я состою в Братстве и притворяюсь Охотником, но когда заходит речь о моём происхождении, я всем говорю, что я фей.

— Если это место — надёжное пристанище и ты помог многим из них, почему ты не можешь доверить им эту тайну?

Он слегка нахмурился, как будто не ожидал такого вопроса.

— Дело не в доверии, я просто хочу их защитить. Чем меньше они знают, тем меньше рискуют. Мне не важно, что произойдёт со мной, я могу постоять за себя, но они... Это место священно.

Я уже собиралась задать ещё один вопрос, но вовремя остановилась. Знала, что за этим последует другой вопрос, потом ещё один и ещё. У дракона было столько тайн, которые будоражили во мне ту часть, что чувствовала зуд в пальцах всякий раз, когда я

находила новую книгу. Чем они рискуют? Разве они бы не были рады узнать, что раса драконов не полностью вымерла? Где его семья? Он такой один? Как он попал в Братство?

Будь на его месте Гвен или Сейдж, я бы не колеблясь засыпала их вопросами.

Возможно, при других обстоятельствах я бы и с ним не сдержалась.

Возможно.

Мэддокс провёл меня через всю деревню до постоялого двора на другом краю. Здание было трёхэтажным. Часть крыши была наполовину не достроена, с балками без навеса; вывеска в форме стрелы гласила: «Алая борода». Прямо под ней была нарисована пухлая женщина с румяными щеками, поглаживающая длинную рыжую бороду. Пара маленьких рогов, выступающих из её лба, показались мне до боли знакомыми.

Я снова сжала губы, чтобы не улыбнуться.

— Дай угадаю: мать Хигеля — фея, а отец — мерроу.

Он с улыбкой посмотрел на вывеску.

— Тонко, да? Пойдём, отдохнём и перекусим немного.

Перед первой из трёх ступенек у входа я схватила Мэддокса за локоть.

— Постой. — Я тут же отступила, пожалев о своём порыве. Я никогда никого не касалась, даже через одежду.

— До наступления ночи нам делать нечего, раньше мы Фионна не увидим, — произнёс он через плечо, глядя на меня с чем-то слишком похожим на понимание. — А я хочу есть.

Затем он с размаху открыл двойные двери, и наружу вырвался шумный гул. Несколько голосов радостно его окликнули. Я смотрела, как его широкая спина исчезает внутри, и пыталась заглушить смесь растерянности и тепла, которые поднялись во мне от его слов.

Глава 17

Достойные и прекрасные феи — великие защитники всего, что нас окружает, — рождаются с умением повелевать одной из четырёх природных стихий. Самые могущественные из них называют себя друидами, и я всегда улыбаюсь, когда вижу, как они играют со своими камнями. Ещё раз, оставляю в этих записях свои искренние извинения за неудобства, которые могли причинить мои сыновья и дочери. За каждую невольную вспышку огня я заставлю их посадить дерево.

Запись Ширра, Дракона, в запрещённой книге «Двор Паральды»

Мне очень нравилась атмосфера на постоялом дворе, хоть там и творились странные вещи. Отца Хигеля звали Тантэ. Когда представлялся, он провёл своим плоским светло-синим хвостом по моему бедру, намочил мои штаны и сунул в руку ключ от моей комнаты. Я едва успела заметить его перепончатые пальцы.

— Твоя всё ещё свободна, — сказал он Мэддоксу перед тем, как исчезнуть.

Он был очень занят, потому что на постоялом дворе работало только двое: он и повар. Сам Тантэ отвечал за приём гостей, обслуживание столов и уборку; за час я услышала, как он упоминал Хигеля не менее восьми раз.

— В деревне много людей, которые с радостью помогли бы ему, но он категорически отказывается, — сообщил мне Мэддокс. — Говорит, что ему нужна только помощь сына.

— Его мать поступает так же?

— Нет. Она, напротив, всегда говорит Хигелю, что не нуждается в его помощи. Но стоит ему уйти помогать отцу, как её работники заболевают, кухня горит или обваливается крыша.

Я округлила глаза, но не стала комментировать.

Столовая, должно быть, была самым просторным помещением во всём заведении и к тому же находилась в процессе ремонта. Бревенчатые балки, которые я видела снаружи, теперь находились у меня над головой, с сеткой из канатов и временными настилами, по которым ловко передвигались трое рабочих. Внизу стояло более тридцати тёмных деревянных столов, почти все занятые, с тарелками, источающими пряный и

насыщенный аромат, и небольшими настольными фонарями с горящими свечами внутри. Освещали помещение голубоватый туман снаружи и маленькие оранжевые шарики. Атмосфера была уютной, домашней.

Мэддокс проводил меня к свободному столу. Затем он змейкой прошёл через зал и остановился у группы из шести или семи сидхов. Он тепло поприветствовал всех и наклонился, чтобы поговорить с мальчиком с тёмными волосами и острыми ушами, которому было около восьми-девяти лет на вид. Мальчик с энтузиазмом кивнул, и Мэддокс дал ему две монетки, которые достал из кармана.

— Ты задолжал деньги маленькому ребёнку? — спросила я, когда он вернулся.

— Нет. Я нанял его.

Краем глаза я заметила, как мальчик попрощался с остальными сидхами и выскочил из столовой. Некоторые попытались слегка хлопнуть его по спине или взъерошить волосы, но он ловко увернулся. Сцена меня не удивила, потому что я сама с малых лет выполняла всякие поручения для разных людей. Я только почувствовала лёгкий трепет в груди, подумав, что среди них сейчас могла бы быть Каэли.

— И за чем же он побежал?

Мэддокс загадочно подмигнул мне.

— За информацией.

Мы едва успели сесть, как Тантэ появился перед столом с двумя кружками, и я наконец смогла его рассмотреть. Он был высоким и худым, и в этом, пожалуй, было его единственное сходство с сыном. Хигель унаследовал расу и черты своей матери. У Тантэ же кожа была очень светлого голубого оттенка, который темнел к кончикам пальцев и хвосту. На его щеках были три большие прорези — жабры, — которые открывались и закрывались каждый раз, когда он говорил. Его длинные чёрные волосы были собраны в высокий хвост.

— Официально в «Алой бороде» нет еды для гостей, — сказал он, ставя кружки перед нами. Его голос был мелодичным и немного расщеплённым, словно ему вторило эхо, которое я иногда слышала, когда опускала голову под воду, чтобы вымыть волосы.

Мэддокс небрежно махнул рукой.

— Принеси нам что-нибудь по своему вкусу, здесь всё превосходно. — Он скосил на меня взгляд. — Ты ведь любишь рыбу, верно?

Я нечасто её ела. В Гибернии это была еда, доступная только в прибрежных районах и для состоятельных людей.

— Да, конечно.

Когда я заговорила, мерроу вперил в меня свои глубокие чёрные глаза.

— Ты его *sha'ha*?

— Что?

Мэддокс, который в этот момент делал глоток из кружки, поперхнулся.

— Чёрт, Тантэ.

Мерроу достал из-за пояса тряпку и бросил её Мэддоксу.

— Понятно, — пробормотал он и удалился.

Я наблюдала, как дракон вытирает подбородок и ворот своей чёрной рубашки. Мы оба сняли свои плащи, как только вошли внутрь.

— О чём он говорил?

Мэддокс как будто избегал моего взгляда, пока вытирал несуществующие капли с края стола.

— Ни о чём. Он просто сумасшедший.

Я пристально смотрела на него несколько секунд, но решила не спрашивать его об этом, как не спрашиваю о его прошлом или о его самочувствии. Тем не менее, мой мозг жил своей собственной жизнью, перебирая все древние тексты, которые я читала, все термины на запрещённом языке, которые мне попадались, всё, что могла вспомнить...

И ничего.

Я не помнила, чтобы когда-либо видела или слышала это слово раньше. Но то, как Тантэ произнёс его... Я бросила незаметный взгляд вниз. Моя блузка полностью закрывала ключицы, невозможно было разглядеть...

Я покачала головой.

Примерно через десять минут Тантэ подал нам две щедрые порции запечённой рыбы с овощами и картофелем. Пахло изумительно.

— Если что, я никого не кормлю.

Заметив мой озадаченный взгляд, Мэддокс объяснил:

— Когда Тантэ и Мэй разошлись, они договорились не вмешиваться в дела друг друга. Это значит, что таверна кормит деревню, а постоялый двор предоставляет кров тем, у кого нет дома или кто здесь временно. Так что всё, что ты сейчас видишь в этой столовой, не совсем законно. Просто играй по правилам, как и все мы.

Я не знала, что за рыбу мне подали, но она была восхитительной. Для места, где не должны подавать еду, они справлялись замечательно. Я с удовольствием уплетала картошку, как вдруг тьма быстро шепнула мне предупреждение на ухо. Не раздумывая, я вытянула ногу и сильно толкнула стул Мэддокса. Дракон потерял равновесие и упал назад.

Полсекунды спустя деревянная балка рухнула прямо на то место, где он сидел. Пол проломило от силы удара, щепки разлетелись во все стороны.

Я смотрела на весь этот бардак с нахмуренными бровями. Пыль ещё не осела, как Мэддокс уже бросился ко мне.

— Ты в порядке?

Увидев, что меня не задело, он пристально посмотрел на меня, наклонив голову вбок. Этот взгляд мне совсем не нравился.

Я открыла рот, чтобы ответить, но меня прервал крик сверху:

— Виноват!

Вся столовая одновременно подняла глаза, и я успела заметить, как Мэддокс весь напрягся. Один из рабочих спускался на ремнях безопасности, паря в воздухе, словно он был рождён для этого и гравитация на него не действовала. Солнце очерчивало его фигуру, не позволяя мне рассмотреть его до тех пор, пока он не приземлился рядом с нами. Как только его ноги коснулись пола, он отпустил веревку.

В первую очередь меня привлекла его широкая улыбка. Как будто это не его небрежность едва не обернулась трагедией. Вокруг нас большинство тяжко вздохнули и вернулись к своим тарелкам. Женщина за соседним столом (фея, судя по её оленьим рогам) вытерла рот салфеткой и устроилась поудобнее, с большим интересом наблюдая как за Мэддоксом, так и за виновником событий. И она была не одна такая.

Я пригляделась. Что-то происходило, но у меня не было ни малейшего понятия, что именно.

С виду это был молодой парень, обычный человек. Ни одного признака сидха. Высокий, почти как Мэддокс, но гораздо более худощавый. Длинная коса пепельного цвета свисала через плечо, и было в нём что-то...

Что-то завораживающее.

Он был одет в простые брюки и рубашку, запыленные и пропитанные потом, без каких-либо украшений или отличительных знаков, но хорошего качества. Из оружия виднелось лишь несколько инструментов, висевших на его поясе. В чём же заключалась его притягательность? В его непринужденной позе? В том, как брюки свободно висели на нём, но при этом казались сшитыми на заказ? В хитром взгляде? Я была так поглощена разгадыванием этой загадки, что не сразу заметила, что он тоже смотрит на меня. Мои глаза встретились с парой серебристых глаз. Не серых и не бледно-голубых, а ярких, точно чистое серебро. Они были обрамлены почти невидимыми ресницами того же светлого оттенка, что и его волосы и брови. Всё это, вместе с его бледной кожей, не должно было придавать ему привлекательности. Но он определённо был привлекательным.

Очень.

И он это знал.

Я бы поклялась, что это невозможно, но его улыбка стала *ещё* шире.

— Ну, привет. Оберон и Компания. — Он протянул мне руку; я уставилась на неё. — Лучшие плотники и столяры во всей...

Тогда я наконец поняла, почему Мэддокс выбрал копьё своим излюбленным оружием. Бесшумно и одним движением он ударил Оберона по задней стороне коленей. Парень рухнул на спину, растянувшись на полу.

Кто-то свистнул, впечатлившись. Несколько человек рассмеялись.

— Тараксисины сиськи! — выругался Оберон, перекатившись на бок. — За что?

— Держи свои руки при себе, — сухо ответил дракон.

Сверху крикнули:

— Всё в порядке, начальник?

Парень продолжал ахать и охать, но я была уверена, что он не пострадал. Я видела, как он слегка повернул голову за мгновение до удара, как будто предчувствовал движение. Он *позволил* себя ударить.

Он поднялся, надув губы — жест, которого я никогда не видела у взрослого мужчины.

— Я был так рад видеть тебя, что уронил то, что держал в руках.

Мэддокс невозмутимо прислонил копьё к столу.

— Я думал, ты нашёл золотую жилу среди богачей Эремона.

Оберон, видимо, понял, что его представление не давало нужного эффекта, а потому перестал тереть руки и поставил их на бёдра.

— Мы всегда там, где нужны, — спокойно ответил он.

— Ну да, конечно. — Дракон глубоко вздохнул. — Я уверен, что Хигель скоро тебя найдёт.

— Этот бык на подработке? Зачем я ему?

Пока Мэддокс подбирал слова, я вспомнила, что Хигель говорил нам о пропавшей девочке.

— Это по поводу сестёр, которым ты недавно помог. — Мэддокс понизил голос. — Младшая... Мы нашли её в Спорайне.

Что-то словно покинуло тело Оберона. Или, может быть, вернулось. Казалось, будто до этого момента его окутывало почти прозрачное покрывало, которое скрывало то, что он не хотел показывать, а теперь оно испарилось. Его поза изменилась с расслабленной на напряжённую, почти доминирующую, за считанные секунды. Его веселье улетучилось, как стая испуганных птиц. В его глазах вспыхнуло что-то опасное.

— Дуллахан пробудился, — продолжил Мэддокс.

После мгновения тишины холодная, беспощадная улыбка растянула губы Оберона. Дрожь пробежала по его телу, руки сжались в кулаки с такой силой, что ему должно было быть больно.

— Дуллахан, — повторил Оберон медленно, проталкивая слова сквозь оскал. — Похоже, король спешит собрать гостей на свой любимый праздник. Он и его мерзкий человеческий двор.

В его словах был чистый, смертельный яд, ничем не подслащенный. Мэддокс не возразил.

— По слухам, они собирались отложить это на последний момент. Не знаю, чем вызвано изменение планов, но я это выясню.

Оберон издал сухой смешок.

— Конечно, выяснишь. — После того как он обменялся взглядом с Мэддоксом, в котором было много (очень много) невысказанных слов, парень резко повернулся ко мне. Гримаса, которую он мне подарил, не имела ничего общего с его первоначальной улыбкой. — Мне бы хотелось остаться и узнать, почему такая красивая девушка, как ты, теряет время с таким недоумком, как он, но скромному плотнику нужно вернуться к работе.

Я кивнула.

— Мне жаль.

Его тело на мгновение застыло, как будто он не ожидал моих слов. Он не ответил. Просто смотал веревку, которая обвивала его запястье, и был вновь поднят наверх. Там его встретили ещё двое. Честно говоря, их было слишком мало, чтобы называть это «компанией».

Мэддокс поднял упавший стул, и мы снова сели. Остальные посетители уже вернулись к своим делам, словно моментально позабыли о случившемся. Когда я в следующий раз подняла глаза, Оберона и двух его помощников уже не было.

— Он тоже в Братстве?

Мэддокс фыркнул.

— Он и его друзья действуют сами по себе и всегда отвергали наши методы, к счастью для нас. Нам не нужны задиры и болтуны, нам нужны те, кто хочет изменить мир.

— Но он тоже помогает сидхам, попавшим в беду, разве нет?

Мэддокс, сжав челюсти, вонзил вилку в свою рыбу.

— В большинстве случаев его помощь на поверку оказывается дерьмом, которое нам приходится разгребать. Как я уже сказал, нам не нужны такие, как он.

Кто-то громко расхохотался. На фоне звучала тихая музыка арфы, смешивающаяся с разговорами постояльцев и звоном посуды и стаканов. Через пару столов от нас Тантэ снова вещал о том, что официально тут еду не подают, а две феи терпеливо его слушали. Я задумалась о том, что произойдёт, когда весь город узнает о Тёмном Всаднике.

— Какой он расы?

Мэддокс бросил на меня насмешливый взгляд, в котором, однако, было что-то напряжённое. Эти двое определённо не ладили.

— Тебе так интересно?

— Ну, он пытался убить тебя балкой, летал в воздухе на одной верёвке, я нашла, как минимум, две тревожные личности под одной оболочкой, и он занимается тем же, чем и Братство, не состоя в нём. Это действительно интересно.

По тому, как дракон вытянул свои длинные мускулистые ноги под столом, можно было понять, что мой ответ ему не понравился.

— Он чистокровный фей. Происходит из древнего рода, который считал ниже своего достоинства жениться на представителях других рас, тем более на людях. К счастью или к сожалению, он последний живой представитель своей семьи.

Да, истории о сиротах были очень распространены в Гибернии.

— Почему он не показывает свой образ сидха? По крайней мере, здесь, в На-Сиог?

— Я процитирую тебе его ответ дословно, и потом ты мне ещё скажешь спасибо за то, что тебе не пришлось выслушивать это от него лично. — Он посмотрел на меня с выражением крайней скуки. — В своём истинном облике он настолько прекрасен и неотразим, что не может пройти и двух шагов, как кто-то падает к его ногам, потеряв сознание, какая-нибудь женщина беременеет или какой-нибудь мужчина случайно перевозбуждается.

Я несколько раз моргнула. Мысленный образ, который у меня возник от этих слов, был...

Уф.

Я подумала о странной ауре, которая его окружала, и о том, насколько едва различимыми казались его черты. И даже так он был красив. Возможно, он не преувеличивал. Возможно, феи такой чистоты, чья кровь восходила к временам до войны

и которые жили в легендарном лесу Борестель, были слишком совершенными, чтобы их можно было воспринимать спокойно.

А может, он просто пустозвон.

— Спасибо, — пробубнила я.

Ботинок Мэддокса коснулся моего.

— Не за что.

Под столом тьма ласково обвилась вокруг моих лодыжек, почти как собака, свернувшаяся у ног хозяина. Если бы я могла пнуть её, как сделала это со стулом Мэддокса, то именно так бы и поступила.

Глава 18

Не загадывай желания на падающие звезды. Лучше озвучь их дракону, он гораздо могущественнее.

Забытая народная поговорка

После обеда я привела себя в порядок в комнате, которую мне выделил Тантэ. Она была маленькой, но не могла сравниться ни с одной комнатой на тех постоялых дворах, на которых я когда-либо останавливалась. Здесь даже деревянный пол были отполирован, но больше всего внимания привлекала кровать с красивым белым балдахином. Матрас и постельное белье казались такими мягкими, что мне захотелось нырнуть в них с головой. Дневной свет попадал через прямоугольное окно с одной стороны. Потолочные балки были украшены вьющимися растениями, а на подоконнике радовали глаз маленькие горшочки с хризантемами, пионами и календулой. Также здесь стоял письменный стол со всем необходимым для ведения переписки.

Все вещи в комнате были потёртыми, все ткани многократно постиранными, но видно, с какой заботой здесь следят за порядком. Я даже подумала, не ошибся ли Тантэ, отдав мне свою собственную комнату.

Я как раз заново заплетала косу, когда в дверь постучали. Тьма заранее шепнула мне, кто это. И всё равно у меня неприятно сжалось в животе, когда я увидела на пороге дракона. Зачем он пришёл? Мы же только что вместе обедали. Я провела с ним полтора дня. Почему, чёрт побери, моё сердце забилось чаще при виде него?

У меня возникло абсурдное желание расцарапать свои же ключицы, но я сдержалась.

— Что-то случилось?

Он держал руки за спиной и, заметив моё нахмуренное лицо, улыбнулся.

— Подумал, что, возможно, ты соскучилась по мне, так что... Ладно, ладно! — Он быстро вставил ногу в проём, чтобы я не захлопнула дверь у него перед носом. — Если, конечно, ты не хочешь отдохнуть, есть одно место, которое, как мне кажется, тебе может понравиться.

Моим первым порывом было отказать. Но, открыв рот, я тут же его закрыла. Комната была прекрасна, но мне не хотелось проводить здесь остаток дня. Да и не привыкла я дремать днём, какой бы уставшей ни была. Честно говоря, я сама подумывала прогуляться по деревне.

Единственной проблемой было то, что продолжать проводить время с драконом — большее необходимого — казалось очень плохой идеей.

Я так долго размышляла, что пауза неприлично затянулась.

Мэддокс опёрся рукой о дверной косяк над моей головой и наклонился ко мне. Я из принципа не отступила. До меня донёсся лёгкий запах мыла — смесь лаванды и ромашки, и я заметила маленькие капельки воды между его шеей и плечом. Он тоже помылся.

Я пришла в ужас, когда поймала себя на мысли, что хочу убрать эти капельки пальцами.

Своими пальцами.

— Что-то не так, *sliseag*? Я тебя смущаю?

Его тактика была столь же очевидна, как и у ребёнка, залезшего рукой в банку с печеньем. А я...

Я была не таким ребёнком.

— Я возьму свой плащ.

На этот раз Мэддокс повёл меня по другой улице, там, где дома стояли вплотную друг к другу. С фасадов свисали разноцветные навесы и деревянные корзины, заполненные фруктами, овощами и специями. Продавцы с заострёнными ушами расхваливали свой товар, другие предлагали пакеты, держа их хвостами, а не руками; я с трудом сдержала восторженный возглас, увидев пару мерроу, которые готовили мороженое и коктейли, используя свою магию. Им стоило только подуть на чаши с фруктами, чтобы превратить их в лёд; я полностью понимала маленькую девочку-фею, которая подпрыгивала от нетерпения, ожидая своей очереди.

В палатке с музыкальными инструментами несколько фей исполняли импровизированную мелодию на барабанах и флейтах.

Рынок был узким, сидхи сталкивались друг с другом, переходя от одного прилавка к другому; шум был оглушительным, но жизнь, которая там кипела, казалась мне...

Каэли была бы в восторге.

Моё настроение, поднимавшееся с каждой секундой, вмиг испортилось. Я почувствовала тяжесть в груди, уже знакомое чувство вины, и сосредоточилась на нём. Какими бы удивительными ни были деревня На-Сиог и её жители, я пришла сюда не гулять и веселиться. Отвела взгляд от мороженого. У меня и так немало недостатков, не хотелось бы добавлять в этот список пункт «плохая сестра».

— Что случилось?

Я моргнула, глядя на Мэддокса. Чёрт. Дракон озадаченно наблюдал за мной, как будто заметил перемены в моём настроении. Либо я теряю хватку, либо он слишком внимательно за мной наблюдает. В этот раз я бы предпочла второе.

Я обвела рукой прилавки.

— Откуда у вас всё это?

Он принял смену темы с кривой улыбкой. Что-то подсказывало мне, что так будет не всегда, что дракон не привык оставаться без ответов на свои вопросы. Мысль о том, что он проявляет ко мне уважение, вызвала во мне странное чувство. Если он делал это потому, что мы были почти незнакомыми людьми, связанными обстоятельствами, я могла это понять. Если же он делал это потому, что считал меня хрупкой и не знал, насколько сильно можно давить...

— Выше, возле горного перевала, есть несколько очень плодородных пастбищ, небольшие участки, которые не затронул яд долины. Подниматься туда и возвращаться каждый день, чтобы ухаживать за урожаем, — тяжёлая работа, но несколько семей взяли на себя этот труд.

— А не проще ли было построить жильё наверху?

— Никто не хочет уезжать отсюда. Там есть хижина и сарай, но их используют только как склад и место для ночлега в исключительных случаях. Остальные вещи, которые ты видишь, делают здесь или привозят путники. Прошлым летом Гвен привезла несколько мешков какао, едва ли не став за это героиней.

Мы прошли через весь рынок, который был длиной около пятидесяти метров, а затем свернули на более широкую улицу с утоптанной землёй. Мэддокс остановился перед прямоугольным зданием с огромной круглой трубой, из которой поднимался густой дым. Окон видно не было, но внутри раздавались громкие удары металла о металл. С одной стороны проходил водяной канал, предположительно идущий прямо из Муирдриса, приводивший в движение большое деревянное колесо.

Кузница.

— Сейчас вернусь, — сказал мне Мэддокс. — У него не всегда есть время на приём гостей.

Я кивнула. Мэддокс громко постучал три раза в дверь гигантской колотушкой в форме плескающегося лосося и, не дожидаясь ответа, вошёл.

Я осталась одна, погружённая в свои мысли, пока не почувствовала лёгкое, почти незаметное, подёргивание в ботинке. Опустив взгляд, я увидела, как тьма скользнула из моей тени в узкий проход между двумя домами. Между деревянными фасадами было не более метра, и этот промежуток был затенён.

Какого?..

«Вернись!» — приказала я ей.

Она не послушалась. Я почувствовала, как она удаляется, хоть и медленно, словно...

Словно хотела, чтобы я последовала за ней.

Я огляделась. На этой улице никого не было, все как будто ушли на рынок. Мэддокс мог вернуться в любой момент. Я колебалась, переминаясь с ноги на ногу, но в конце концов тоже шмыгнула в проход между домами. Это даже проходом назвать было сложно; просто случайно образовавшееся пространство. Через несколько метров я оказалась позади домов.

Я нашла тьму на подоконнике одного из окон, она скапливалась в углу. Тьма подала мне знак, словно поманила меня своим тёмным пальцем. Я нахмурилась.

Так не пойдёт. Ты должна следовать за мной, а не наоборот.

Но я, как полная идиотка, всё равно пошла туда. Осторожно заглянув за стекло, я увидела небольшую комнату, полную мебели и прочих предметов. Там было две кровати, сундук с рыжим котом, дремавшим на его крышке, и ваза с красивыми бумажными розовыми цветами. Кто-то шевельнулся, и я с удивлением узнала Хигеля. Он склонился над кем-то, сидящим перед ним, и поглаживал его по спине.

Тьма проникла через щель, и вдруг я услышала:

— ...в любое время. Ты не одна. Обещаю.

Голос Хигеля сопровождался женскими всхлипами — такие звуки мог издавать только кто-то убитый горем; даже трудно представить, что после такого можно оправиться.

Я застыла, чувствуя, как боль этой девушки, имени, лица и даже возраста которой я не знала, проникает в самую душу. Почти не было разницы между тем, что чувствовала она, и тем, что двигало мной последние дни. Мы не знали друг друга, но на мгновение стали сёстрами по несчастью.

Вместо того чтобы почувствовать себя хуже, я только облегчённо выдохнула.

С Каэли такого бы не случилось.

И хотя вернуть сестру незнакомки уже нельзя, я подняла взгляд к небольшому кусочку горы и леса, видневшемуся из окна. Мой взгляд впился в те мёртвые деревья, и перед глазами вновь возник тот кошмарный образ, что привёл меня в ужас. Такие демоны, как он, не чувствуют так, как чувствовали бы люди, сидхи или другие существа Гибернии. Для них чужие жизни ничего не значат. Ничего не стоят. Нас не нужно оберегать или защищать, потому что для них мы всего лишь инструменты, еда, а то и просто украшения.

Я не заметила, как крепко сжала кулаки, пока не стало больно. Ногти вонзились в кожу, и я была даже благодарна за эту боль.

Тьма прокралась внутрь дома и теперь обвилась вокруг одной из ножек стула, на котором сидела девушка. Всего в нескольких сантиметрах от её обнажённой лодыжки тьма остановилась, и я поняла, что она колеблется.

Я почувствовала её немой вопрос.

Она уже делала так раньше, хотя обычно я заставляла её вернуться, спрятаться и не лезть. В первые разы, когда она была меньше, я была настолько удивлена, что не знала, что делать, ведь эта сила, учитывая её происхождение и природу, считалась опасной. Она была чистым злом.

И я примерно такая же.

«Ты, моя бедная Аланна… Ты самая опасная из всех нас».

Я прислонилась спиной к деревянной стене и закрыла глаза.

Вперёд.

Как только тьма коснулась кожи её лодыжки, дыхание девушки стало прерывистым. Я вспомнила те немногие мгновения, которые удалось спасти из воспоминаний погибшей девочки. Я отсекла страх и мучения, которые она пережила, и вместо этого передала её последние хорошие воспоминания. Эти несколько мгновений покоя перед тем, как её жизнь была оборвана, те образы, которые напоминали ей о сестре: её запахе, её песнях и о тех моментах, когда они шли, держась за руки.

Постепенно рыдания стали утихать.

— Милая?

Меня так напугал второй мужской голос, что я чуть не ударилась головой о стену. Это был Оберон. Он тоже находился в комнате. Должно быть, он был вне моего поля

зрения. Я услышала его шаги, довольно лёгкие для его телосложения, и его полный ярости голос:

— Я найду его, слышишь? Я добьюсь справедливости. Он и отвратительные люди, которым он служит, заплатят за каждую каплю крови, пролитую Тали. Клянусь.

— Оберон… — В голосе Хигеля прозвучал упрёк.

Я приказала тьме отступить, пока мы не услышали что-то лишнее или, что ещё хуже, забрали что-то от девушки, какую-то эмоцию или мысль, которые не принадлежали нам. Мы и так уже слишком вторглись в её личное пространство. Я надеялась, что это хоть чем-то помогло. Я пыталась передать ей только приятные ощущения, такие как тепло домашнего очага зимой, хотя даже не была уверена, что она сможет связать это с чем-то, что напоминало ей о сестре.

Но если это хотя бы на капельку уменьшит боль потери...

Возвращаясь ко мне, тьма нежно коснулась моего подбородка.

Я вернулась как раз вовремя, чтобы увидеть Мэддокса, уже направившегося в сторону рынка — очевидно, в поисках меня. Должно быть, он услышал мои шаги своим драконьим слухом, потому что он обернулся и пристально посмотрел на меня.

Его брови сошлись на переносице.

— Я думал, что...

Я закуталась в плащ.

— Просто осматривалась. Ну, так что? У него есть время на гостей?

Дракон глубоко вздохнул. Вместо того чтобы высказать то, что думает, он жестом позвал меня следовать за ним.

— Идём.

Внутри кузницы было темно и пахло раскалённым железом и горящим углём. Мне это место не понравилось. Оно напоминало мне поле боя, залитое кровью. Я прищурилась от искр, что летали в воздухе, и с любопытством осмотрела помещение.

Каменный пол был покрыт сажей, а кирпичи на стенах почернели от огня. Везде висели деревянные щиты с различными символами: трискель, крест, древо жизни, даже авен и оив. Окон не было, и в помещении было душно, поэтому мне пришлось снять плащ. Возле входа стоял деревянный стол с наполовину растопившейся свечой, кусками заплесневелого хлеба и покрытым пылью кувшином. У двух табуреток не хватало ножек, и я не понимала, как они всё ещё стояли.

Задние стены были неровными, словно тот, кто клал кирпичи, решил положить больше с одной стороны и меньше с другой. В центре находился кузнечный горн. Огонь внутри него был чистой лавой и окрашивал всё в оранжевый, почти красный свет. Энергия водяного канала приводила в движение огромный молот и подавала воздух на огонь. К счастью, прямо сейчас они не использовались. Иначе, полагаю, шум стоял бы такой, как если бы гигант стучал по воротам замка во время шторма.

Звуки ударов исходили от мужчины среднего роста, но очень крепкого телосложения. Он ковал кусок металла на наковальне, и искры разлетались во все

стороны. Он был весь в поту и в чёрном кожаном фартуке, обнажавшем его мускулистые руки.

Мэддокс свистнул, чтобы привлечь его внимание. Мужчина остановился и посмотрел на меня своими тёмными глазами.

— Подойди, лайли. Скажи, нравится ли тебе размер.

Я подошла посмотреть, над чем он работает, хотя мало что понимала в его деле. То, что я видела, напоминало просто деформированные куски металла.

— Зависит от того, для чего это, — осторожно ответила я. Не хотелось бы обидеть кузнеца, в руках у которого очень тяжёлый молот.

Мужчина поднял брови и посмотрел на Мэддокса.

— Я испорчу какой-то сюрприз?

Я повернулась к дракону, который, старательно избегая моего взгляда, смотрел на наковальню.

— Это кинжалы. Для тебя.

Я сразу же начала отказываться, но он стоял на своём.

— Не воспринимай это так серьёзно, это не подарок, — заверил он, будто всё дело было именно в этом. — Я одолжу тебе их на время. Если мы ничего не добьёмся здесь и тебе придётся отправиться ко Двору, они тебе понадобятся.

И всё же...

— Я думала, Игнас хочет, чтобы ее племянница была скромной девушкой, впервые вышедшей в свет.

Уголки губ дракона слегка изогнулись.

— Ты просто ещё не знаешь Игнас и её методы.

Я снова посмотрела на куски металла, теперь уже пытаясь представить себе кинжалы, которые кузнец выкует с помощью молота, холода, жара и своего мастерства. Моё сердце забилось быстрее. Когда я украла кинжал у Гвен, меня поразила его лёгкость, специально рассчитанная для женских рук, и смертельная острота его лезвия. Я завидовала тому, что она владела таким красивым и эффективным оружием. А теперь у меня будет своё собственное?

Чувство вины снова попыталось захлестнуть меня, подобно лавине, но я быстро загасила его в себе.

— Ладно. Только на время.

Это не символический подарок; это то, что мне понадобится, то, что поможет мне защитить себя и проложить себе путь во Дворе или где бы то ни было.

Мэддокс лишь широко улыбнулся, как будто это я ему приготовила подарок, а не он мне, и кивнул кузнецу.

— Она должна будет скрывать их под платьем, так что добавь ремни и застёжки. И новый пояс для ножен, — протараторил он, как будто боялся, что я передумаю.

— Разрешишь взглянуть на твои руки? — спросил кузнец.

Мои ладони уже вспотели от жара, так что я вытерла их о штаны перед тем, как протянуть кузнецу. Я задержала дыхание, думая, что он их схватит, и мне показалось, что

Мэддокс наклонился вперёд. Однако мужчина просто внимательно осмотрел их своими маленькими глазками. Если он и заметил следы от ногтей, то ничего не сказал.

— Эти руки принадлежат человеку, которому не чужд физический труд, — прокомментировал он. — Травничество?

— Вы очень наблюдательны.

— Это моя профессия. А скажи, Мэддокс, ты собираешься представить меня как положено или позабыл все манеры, когда шагнул через порог?

Дракон переступил с ноги на ногу.

— Аланна, это Ойсин, лучший кузнец во всей Гибернии. Ойсин, это Аланна. Она временно сотрудничает с Братством.

— Никто не соглашается добровольно жить в тени и идти против Двора, если у него нет на то веской причины. Какая бы ни была у тебя, вот совет кузнеца, которого никто не спрашивал: капля помощи значит больше, чем море сострадания.

Я застыла, растерянная, особенно когда он ничего больше не добавил.

— А, э-э… Спасибо?

— Если не возражаешь, могу я ещё посмотреть твой пояс? И мне нужно будет снять с тебя мерки.

Ойсин скривился от ужаса, когда я положила пояс возле наковальни, весь мятый и обгоревший. Да, мой пояс переживал не лучшие времена.

Я вытащила кинжал из ножен, чтобы облегчить пояс, и Ойсин вздрогнул. Он смотрел на него так, будто я только что открыла перед ним сундук, полный сокровищ. Его маленькие глаза распахнулись так, что я впервые за время нашего знакомства увидела белки.

— Это…

— Семейная реликвия. Кинжал из гобинской стали.

Ойсин вышел из-за своего рабочего места. Я с трудом скрыла удивление, увидев под фартуком покрытые шерстью ноги, заканчивающиеся чёрными копытами. Как у козла, у него выходили вперёд суставы, из-за которых казалось, что его колени согнуты назад.

Ну да, он явно сидх.

— Можно? — прошептал он, протягивая руки почти с благоговением.

— Конечно.

Кузнец-фей не спеша изучал мой кинжал, отмечая каждую филигрань на рукояти, каждый символ на лезвии. Он провёл пальцем по острому краю и улыбнулся, когда порезался. Это было бы жутковато, если бы не слёзы, выступившие из его глаз.

— Никогда раньше не видел гобинскую сталь, кроме как на рисунках в рукописях, — признался он. Достав из кармана платок, кузнец аккуратно положил на него кинжал, чтобы тот не издал ни звука. — Формула была открыта великим Гобом Ледяным Молотом. Говорят, он спустился в самые недра мира, чтобы найти необходимые материалы. Не знаю, правда ли это, но это объясняет, почему её до сих пор не удалось воспроизвести. — Вдруг он нагнулся, чтобы его глаза оказались на уровне края стола, как будто это давало ему новую перспективу. — Многие думали, что это изобретение станет

решающим в войне. И оно помогло, да. Но его оказалось недостаточно. Ничего не было достаточно.

Да, считалось, что король Гоб создал его, приложив немало сил и ума, как противовес гематиту. Изобретение, призванное уравнять силы на войне, начатой Теутусом. Его появление было неизбежно. Так же, как люди уничтожали сидхов с помощью гематита, сидхи нашли способ ответить им тем же. В случае с гобинской сталью ходили слухи, что если человек выживал, то чувствовал жжение от пореза всю оставшуюся жизнь. Как будто оружие навсегда врезалось в его плоть.

Я подумала о принце Бране и о том, что сказала мне Сейдж: теперь я самая разыскиваемая сидха в королевстве. Неудивительно. Я сделала его калекой.

Ойсин последний раз провёл пальцем по рукояти.

— Не знаю, как он сохранился до наших дней, но спасибо, что показала его. Используй его с умом.

И тогда, как будто прочитав мои мысли, Мэддокс улыбнулся во все зубы. Это была искренняя улыбка, полная веселья.

— Аланна уже мастерски его использовала.

Мы встретились взглядами, и я не смогла сдержать улыбку, заигравшую на моих губах. Даже если бы я захотела, её уже невозможно было скрыть. Брови дракона приподнялись, и его собственная улыбка постепенно исчезла.

Он остался стоять с открытым ртом.

Вздохнув, я забрала свой плащ и пояс.

— Спасибо, Ойсин.

— Тебе спасибо, лайли. Можешь прийти за заказом завтра.

На выходе из кузницы Мэддокс встал у меня на пути. Оперевшись на дверь, чтобы я не смогла её открыть, он наклонился ко мне, внимательно разглядывая, как если бы я была головастиком, а он — трёхлетним ребенком.

— Это что, улыбка? Для меня? Из-за того, что я сказал?

— Никакого флирта в моей кузнице, Мэддокс!

Глава 19

Огни Бельтайна горят с такой силой, что согревают сердца тех, кто проходит сквозь них.

Из запрещённой книги «Четыре праздника на весь год»

Ночь быстро опустилась на На-Сиог. Или же время летело незаметно, пока Мэддокс показывал мне окрестности деревни. Он так и не смог уговорить меня купить что-нибудь на рынке, даже восхитительное мороженое, приготовленное с помощью запрещённой магии. В какой-то момент я села и начала плести ленты вместе с двумя старушками-мерроу. На низких столиках перед нами стояли латунные светильники с ароматическими свечами. Обе женщины пили чай с отвратительным запахом, как будто отвар из рыбьих костей, и я постаралась максимально вежливо отказаться от предложенной мне чашки. Тем временем подол моего платья всё норовила зажевать коза, а я делала вид, что не замечаю этого.

Напротив меня Мэддокс рубил дрова из трёхметрового ствола и раздражающе улыбался.

— Мы готовимся к Бельтайну, — сказала одна из женщин, представившаяся как Секвана. На вид ей могло быть от девяноста до ста пятидесяти лет. Её волосы были похожи на красные водоросли, даже казались скользкими на ощупь.

Я напрягла мозги, вспоминая, что я знаю о Бельтайне. Когда-то, при правлении Триады, было четыре священных праздника: Самайн, Имболк, Бельтайн и Лугнасад. Все они были запрещены после войны; одно упоминание о них каралось смертной казнью. Молва гласила, что Бельтайн Теутус запретил в первую очередь, как будто что-то в этой дате вызывало у него особую ненависть. Я задумалась, есть ли в библиотеке замка Сутарлан книги на эту тему.

— Вы празднуете начало выпаса скота? — предположила я. Если я правильно помнила, это было где-то между весной и летом. То есть впереди ещё два месяца, так что они начали подготовку довольно рано.

Обе мерроу рассмеялись, и я почувствовала, как по моему телу пробежала волна приятных мурашек. Их голоса, даже немного охрипшие от возраста, звучали так мелодично, что слушать их было одно удовольствие.

— Мы чествуем огонь, свет и размножение, — сказала Секвана, откидывая волосы через плечо и случайно окропляя меня каплями воды (по крайней мере, я надеялась, что это просто вода). Я заметила, что у неё нет ушей, а лишь гладкие отверстия.

— Вы имеете в виду сезон размножения животных?

Новый взрыв смеха.

— Я говорю о желаниях и страстях, которые есть в каждом из нас. — Пока я пыталась осмыслить её слова, коза таки оторвала кусок моего платья. — Мы благодарим природу за все её дары, за плоды и изобилие. Когда эта долина ещё не была проклята безумным богом, здесь разводили самый большой костёр, сидхи и люди со всего королевства приходили вместе прославлять жизнь.

Её подруга, Цето, вздохнула так печально, что маленький плавник, тянущийся по её черепу ото лба до затылка, приподнялся, раскрываясь.

— Я всё ещё помню, как мы обменивали речные жемчужины на яблоки. А теперь всё стало сводиться к этим отвратительным деньгам, грязному и мерзкому золоту.

Изумлённая, я оглядела Цето с ног до головы.

— Вы это помните? Вы тогда жили?

— Я была всего лишь мальком, но я не забыла те времена.

Секвана наклонилась ко мне.

— Она не помнит, где оставила своё нижнее бельё, но прекрасно помнит события пятисотлетней давности.

Я едва обратила внимание на слова Секваны, меня зацепило сказанное её подругой.

— Что такое яблоки?

Они снова рассмеялись, и я уже не была уверена, то ли они это делали по-доброму, то ли свысока, насмехаясь надо мной. Сердце нервно застучало, я невольно стала искать взгляд Мэддокса. Наши глаза встретились.

— Талтай!

Мальчик из постоялого двора бежал к нам с такой скоростью, что, завернув за угол, едва не упал, поскользнувшись. Мэддокс схватил его за плечи, чтобы тот не врезался в его ноги. Мальчик прошептал что-то ему на ухо, и на лице Мэддокса заиграла лёгкая улыбка.

— Ты молодец. Теперь можешь идти домой.

Мальчик фыркнул, как будто идея пойти домой была совершенно абсурдной, и снова убежал.

— До свидания, Цето! До свидания, Секвана! До свидания, *sha'ha* Мэддокса!

Дракон тихо выругался, мерроу же замерли с лентами в руках и уставились на меня. Их глаза без белков, были, мягко говоря, встревожены.

— Ну надо же, — произнесла Секвана.

— И я о том же. Ну надо же, — добавила Цето.

Не успела я и рта открыть, как Мэддокс встал рядом со мной.

— Пойдём, *sliseag*. Нам пора.

— *Sliseag?* — Секвана казалась потрясённой. — О чешуя королевы… Ну ты даёшь, парень!

Дракон чуть ли не выдернул стул из-под меня, чтобы я поскорее встала. Я передала ленты Секване, немного переживая, что моя работа была ужасной и ни на что не годилась.

— Вы знаете, что это значит? — прошептала я, не торопясь выпрямляться.

Мэддокс нетерпеливо махнул.

— Аланна.

Мерроу переглянулись и улыбнулись друг другу. Их улыбки, хоть и не выдавали ничего конкретного, заставили меня почувствовать себя маленькой девочкой, заходящей в комнату, где взрослые внезапно замолкают.

Секвана протянула мне руку с острыми ногтями и перепончатыми пальцами.

— Возвращайся на Бельтайн. У меня внук женится, надо как-то затмить воспоминания о войне.

Я приняла её руку после секундного колебания. Задержала дыхание, но вскоре поняла, что тьма не показала (или не захотела показывать) ничего страшного в этой пожилой женщине.

— Я постараюсь.

— Ты обязательно должна прийти. — Она притянула меня к себе и прошептала на ухо; её журчащий голос напомнил звук воды, ударяющейся о небольшие камни в реке. — Тогда мы расскажем тебе всё, что тебе будет интересно узнать.

Я едва поспевала за быстрыми шагами Мэддокса, направившегося в другую сторону деревни, туда, где находилась таверна матери Хигеля. С наступлением темноты у дверей повесили фонарики. Туман стелился по земле, обвивая наши ноги и расползаясь клочьями, когда мы проходили сквозь него. В воздухе витал сладковатый запах.

Я хмуро смотрела на затылок дракона. Не знай я наверняка, что он пришёл в На-Сиог только вместе со мной, то подумала бы, что он успел распространить всевозможные слухи и уговорил всех разыграть меня. Мне не нравилось, что все здесь знают что-то, чего не знаю я.

И ещё больше мне не нравилось то, что я даже спросить никого не могу, потому что это привело бы только к нежелательным разговорам и ситуациям.

Музыка, свет и голоса доносились из таверны «Бестолковая рыба». Мелодия была печальной, наводившей тоску. За этот день я насчитала около тысячи сидхов, живущих в На-Сиог. Мало для такого обширного региона, как Гиберния, но гораздо больше, чем я могла себе представить вначале. Их много, очень много, их можно встретить по всему королевству. Они скрываются изо дня в день, живя в страхе быть раскрытыми.

По мере того как мы приближались к таверне, голоса становились громче, смешиваясь с криками и некоторыми весьма красочными ругательствами. Мэддокс остановился на полпути и поднял голову к тёплому свету, льющемуся из окон и освещающему землю и сухую траву. В следующую секунду оттуда вылетел табурет, причём прямо на меня.

Дракон схватил меня за руку и притянул к себе; я уткнулась носом в его грудь. Табурет разлетелся на куски о каменную стену позади нас.

— Ай! — нарочно вскрикнула я.

Я надавила руками на его живот, пытаясь оттолкнуться, но не получилось. Мэддокс крепко держал меня за талию. На случай если он с первого раза не уловил намёк, я толкнулась сильнее. Он сжал меня ещё крепче.

Стиснув челюсти и напомнив себе, что не стоит втыкать ему яйца в глотку, ведь он мне ещё пригодится, я откинула голову назад, чтобы взглянуть на него. И на мгновение,

совсем на краткий миг, я готова была поклясться, что его глаза вновь обрели янтарный блеск.

Я приоткрыла губы, но стоило мне моргнуть, блеск исчез.

— Почему ты всегда так пахнешь? — прорычал дракон. Он казался раздражённым, и в его голосе слышалась двойственность, которая насторожила меня.

Когда он так говорил, он, казалось, не был самим собой. Этот Мэддокс, не знающий, что такое личное пространство, явно отличался от того Мэддокса, который спал рядом со мной в дольмене, уважая мои границы.

— Отпусти меня, Мэддокс.

Он наклонил голову набок. Серёжка качнулась.

— Ты впервые назвала меня по имени.

— Поздравляю. Отпусти меня, если не хочешь, чтобы первый раз стал заодно и последним.

Его взгляд, серьёзный и сосредоточенный, остановился на моих губах.

— Интересно, стоит ли мне воспринимать твои угрозы всерьёз. Я задаюсь этим вопросом с тех пор, как ты напала на меня в лесу Робабо. Кстати, это было больно.

Я старательно изображала скучающий вид, никак не обращая внимания на то, что его большой палец скользил по моей талии вверх и вниз. И от этой случайной ласки мои здравые мысли постоянно уплывали.

— И ты решил, что сейчас лучшее время для проверки?

Из таверны донёсся звук бьющегося стекла. Мэддокс повернул голову и отпустил меня. Отступил на пару шагов, сжимая и разжимая кулаки, словно не знал, что с ними делать, или словно пытался сбросить онемение.

Когда он посмотрел на меня из-под своих длинных тёмных ресниц, я была уверена, что он собирается извиниться.

Дверь таверны распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Мужчина вылетел наружу как мешок с картошкой, перекатился по склону и оказался перед нами, растянув руки и ноги в разные стороны и уткнувшись носом в холодную землю.

Я бы подумала, что он мёртв, если бы не тот звук, который он издал.

— Уходи домой, старик! — прорычал вышедший на улицу один из мужчин.

— Не могу поверить, что старая Мэй до сих пор даёт ему в долг. Я бы ему и кирпича не доверил.

Ругаясь между собой, они скрылись внутри таверны, мы с Мэддоксом и слова произнести не успели. На их месте появился взволнованный Хигель.

— Прошу прощения, — извинился парень, словно это он вышвырнул мужчину. — Мужики сегодня не в настроении. Новость о Тали...

Мэддокс поднял руку.

— Всё в порядке, Хигель. Я с ним разберусь.

Фей кивнул в знак благодарности и, бросив последний взгляд на лежащего лицом вниз мужчину, закрыл дверь. Голоса и музыка внутри продолжались, словно ничего не произошло.

— Что ж, — выдохнул Мэддокс, слегка пнув мужчину в рёбра. — Как раз вовремя.

Как раз вовремя?!

Я задумалась. Но это невозможно. Неужели это он?

— Да быть того не может, — прошептала я.

С ленивым стоном мужчина заёрзал на земле. Он несколько раз пытался подняться на ноги, один раз даже ухватившись за штаны Мэддокса. Я сделала несколько шагов назад. Когда он наконец выпрямился, я увидела, что он весь покрыт грязью, от кончиков редких белых волос и доходящей до груди неухоженной бороды до сапог, из которых торчал чёрный палец. При слабом свете луны и на фоне таверны я даже не могла разглядеть черты его лица.

Он стоял, покачиваясь, и смотрел на нас. Я чувствовала на себе его пристальный взгляд.

Внезапно он отрыгнул прямо в лицо Мэддоксу.

Дракон отвернулся, сморщив нос.

— Чудесно. Именно так я и представлял себе сегодняшний вечер.

Не говоря ни слова, мужчина развернулся на пятках и, каким-то чудом не упав, пошёл прочь.

— Лучше поторопимся. Когда у него забирают виски, он просто идёт спать.

Я не верила своим глазам. Что это вообще такое?

— Это шутка такая?

— К сожалению, я серьёзен.

— Это и есть легендарный герой Фионн Несокрушимый? — Я указала на сгорбившуюся, покачивающуюся фигуру, с которой что-то капало (надеюсь, виски). — Тот, кто сражался верхом на Ширре во время войны и бросил вызов самому Теутусу?

— Самый что ни на есть. Хотя теперь его называют Фионном Слюнтяем.

Я сжала кулаки так сильно, что ногти снова впились в кожу.

— И ты думаешь, что этот несчастный как-то мне поможет? Он едва стоит на ногах.

— В его защиту скажу, что у него всегда были проблемы с чувством равновесия. В основе его техники боя на самом деле было алкогольное опьянение.

Мне дико хотелось вонзить кинжал в один из его красивых глаз, но я была хорошей девочкой и просто повернулась спиной. Гнев кипел во мне, как вулкан, готовый извергнуться. Я чувствовала себя такой...

Мэддокс догнал меня и встал на моём пути, заставив остановиться.

— Послушай, я знаю, что это выглядит плохо, — признался он. — Я даже не могу сказать, что он тень того, кем был когда-то, потому что это было бы оскорблением его тени. Но он последний бессмертный, последний из фианов, сама Тараксис даровала ему вечную жизнь. Он родился и жил ещё до появления Морриган.

Упоминание богини отрезвило меня. Да, я пришла сюда, чтобы узнать о ней, готовая на всё, чтобы спасти Каэли. Но может ли это ничтожество сказать мне хоть что-то? Неужели я проделала весь этот путь, подойдя так близко к Долине Смерти, совершенно напрасно?

Я подняла глаза к небу, игнорируя дракона.

Подумала о сестре Тали.

Нет, хотя бы ради неё это путешествие того стоило.

— Ладно, — огрызнулась я, снова разворачиваясь и следуя по следам грязи, которые оставлял за собой этот "великолепный" герой, — но если он разденется, я ухожу.

Глава 20

Однажды юная дева-фея влюбилась во сне в прекрасного юношу. Но когда она нашла его наяву, он оказался лебедем. Для неё это не стало препятствием, ведь любила она его по-настоящему. Настолько сильным было её чувство, что она сама превратилась в лебедя. Говорят, все лебеди королевства — их потомки.

Из запрещённой книги «Легенды и мифы»

Фионн Слюнтяй двигался зигзагами к Муирдрису, направляясь к каменному мосту, через который сегодня утром пролетала Фира. Не раздумывая, начал переходить его, топая по камням и напевая под нос песенку, посвящённую чьим-то титькам — кажется, некой Молли.

Так же, как и перед входом в лес Спорайн, я посмотрела на свои собственные ноги, прежде чем ступить на мост. Мне представлялось, что от каждого шага по мостовой волна вибрации поднимается вверх по ногам, предостерегая. Туман становился всё плотнее и поглотил Фионна на середине моста.

Мэддокс шагнул ко мне, не касаясь, но очень близко.

— Туман рассеется, когда мы дойдём до другой стороны, — сказал он.

— Сколько раз ты переходил на тот берег?

— Несколько.

Ну, по крайней мере, он знал, *что* там, хотя этого места не было ни на одной карте. Мы следовали за Фионном, слушая его фальшивое пение, пока я не почувствовала, как мои ботинки снова коснулись земли. Через два шага туман действительно рассеялся, открывая перед нами совершенно иной пейзаж.

Это была центральная часть долины, и всё пространство занимала равнина. На юге возвышались Эремонские горы с нуральскими рудниками, а вокруг на многие километры простиралась лишь сухая земля. Освещённая тусклым лунным светом долина, куда ни посмотри, напоминала кладбище. Возможно, поэтому то немногое, что здесь было, сильно выделялось.

В нескольких километрах от нас, в направлении, куда, шатаясь, шёл Фионн, возвышались остатки какой-то постройки. За ней скрывался тёмный массив, который я не могла различить отсюда. Почва здесь была такой же сухой и потрескавшейся, как в Спорайне; трещины появлялись там, где мы ступали, словно это была не земля, а хрупкий лёд. Мы шли по следам Фионна, который проделал своего рода тропу своими

расхаживаниями из стороны в сторону. Внезапно я заметила отблеск справа и поняла, что приток Муирдриса течёт в сторону постройки. Тогда я вспомнила, что где-то здесь, среди этой бесплодной местности, должно быть озеро. Гленн На-Сиог. В центре которого...

— Что-то случилось? — внезапно спросил Мэддокс.

Оказывается, я снова неосознанно схватилась за кинжал.

— Не каждый день удаётся прогуляться там, где убили трёх богинь.

Он кивнул и огляделся вокруг, словно пытался увидеть это место моими глазами.

— Что ж, Теутус убил Ксену на глазах у многих свидетелей, а смерть Тараксис ознаменовала конец войны. Но многие утверждают, что ему так и не удалось поймать Луксию.

— Она тоже мертва.

Я почувствовала его взгляд на себе.

— Почему ты так уверена?

— Если бы я была богиней и моих сестёр убили, во всём мире не нашлось бы ни одного проклятого места, где виновный мог бы спрятаться.

Дракон убрал копьё за спину.

— В это я могу поверить.

В нескольких метрах от нас Фионн споткнулся о свои ботинки и чуть не упал. Мы остановились, пока он восстанавливал равновесие. В очередной раз пустив шептуна, он возобновил шаг.

— Он в курсе, что мы идём за ним? — спросила я.

— О да. — Мэддокс слегка улыбнулся. — Не недооценивай его.

Постройка оказалась сгнившими развалинами. Остатки крыши были изрешечены дырами и покрыты плесенью, остальные части обрушились. Из четырёх стен сохранились три. Когда-то в этом здании должно было быть как минимум три этажа и множество комнат. Возможно, это было что-то вроде особняка? Вокруг валялся всякий мусор: опрокинутые бочки, сломанные колёса телег, пустые мешки, помятые крепления. Фионн лавировал между ними, как будто знал, где что находится, направляясь к разбитому проёму, где, вероятно, когда-то стояла большая дверь.

Внезапно поднялся лёгкий ветерок, и я услышала...

Я всмотрелась в темноту за зданием и остолбенела. Мой взгляд бегал по обширному пространству, пытаясь убедиться в реальности увиденного. Это были... кипарисы. Густая и обширная роща кипарисов, которые не были мертвы, как клёны в лесу Спорайн. Они росли со стороны одной из разрушенных стен, касаясь её и проникая своими корнями в её трещины, и простирались по холму вниз. Я не заметила этот спуск издалека.

Я сделала несколько шагов, чтобы посмотреть, до куда доходит роща; последнее из деревьев, самое высокое и могучее из всех, располагалось прямо перед озером. Как будто бросало ему вызов.

Я смотрела на спокойную воду, красивую, серебристую. Даже рябь не тревожила ровную гладь. Кто-то неосведомлённый подумал бы, что здесь нечего бояться. Озеро было почти идеальной круглой формы; в центре его находился небольшой островок с сухой землёй и парой зелёных пятен. Холм Тинтагель.

Только увидев его, я потеряла контроль.

Одышка.

Притяжение.

Бушующая тьма.

Я зажмурила глаза и мысленно досчитала до десяти.

Нет. Нет.

Я пришла сюда не за этим.

Это не моя судьба.

Я почувствовала, как Мэддокс встал рядом, и мысленно ухватилась за него, чтобы вернуться в реальность. Вдохнула, улавливая его аромат — свежие поленья, подкинутые в пламя очага. Я даже ощутила исходящее от дракона тепло. В тот момент мне было всё равно: если бы мне пришлось обнять его или даже вцепиться руками и ногами, чтобы избавиться от этого невыносимого притяжения тьмы, я бы так и сделала.

Отвернулась от озера и указала на кипарисы.

— Почему они живые?

К счастью, мой голос не был дрожащим или напряжённым.

— Потому что это не совсем деревья.

Я нахмурилась. Мне они казались самыми обычными деревьями. Высокие, стройные, с мелкими чешуйчатыми листьями, зелёные, словно их ежедневно поливает дождь. Но раз уж они смогли укорениться в этом месте, вполне логично, что это не обычные деревья.

— А что это тогда?

Мэддокс тоже смотрел на них.

— Это долгая и печальная история, а у нас, похоже, нет времени.

Из здания послышался стук, за которым последовал треск. Фионн вошёл внутрь и, похоже, был настроен и дальше крушить всё вокруг, как в таверне.

Мы с Мэддоксом направились к нему. Хотя эти руины не защищали от холода, Фионн устроил здесь что-то вроде жилища. И это очень лестный термин. Когда-то стены были побелены, но почти всё обвалилось, обнажив влажные и покрытые плесенью камни. Корни кипарисов проникли внутрь, внося свою лепту в общую картину разрушений.

В углу, где стена была более целой, в беспорядке лежали одеяла и подушки. Прямо за ними виднелись остатки винтовой лестницы, и я задалась вопросом, как он может спать спокойно под этими шаткими досками.

Не было ни столов, ни стульев, ни какой-либо мебели. Зато были маленькие стопки книг на треснувших каменных постаментах. Меня тут же потянуло к ним, но я удержалась. Хотя любопытство всё же каким-то образом взяло верх, и я провела пальцами по холодной стене.

Десятки голосов — мужских, женских, детских. Они смеются, празднуют что-то. Треск огромного костра и радостно-требовательный стук медных кубков по деревянному столу.

Когда я убрала руку, эхо всё ещё оставалось, отражаясь от стен и оставляя во рту горькое послевкусие.

Фионн что-то искал среди одеял на своём импровизированном ложе, но из-за позы то и дело выдавал отрыжки. Мэддокс подошёл к нему.

— Боюсь, сегодня сон придётся отложить. Мы пришли...

Внезапно этот грязный и неустойчивый старик двинулся быстро. Он выпрямился и, повернувшись к Мэддоксу, сделал то, что я сама много раз делала: открыл ладонь и дунул ему в лицо какой-то порошок.

Полсекунды спустя дракон рухнул навзничь. Я подумала, что удар его огромного тела об землю окончательно разрушит эти руины.

— Ты не знаешь, зачем пришла, — прорычал Фионн. Его голос был похож на шуршание гравия под подошвой. Он немного тянул слова, но это, возможно, объяснялось опьянением.

Я выхватила кинжал из ножен и встала в боевую стойку. Я переводила взгляд между ним и Мэддоксом. Нечто очень похожее на страх сжало мою грудь, но, заметив, что дракон всё ещё дышит, я слегка выдохнула. Впрочем, это ещё ни о чём не говорит. Мало ли, что там был за порошок; Мэддокс может быть живым, но уже никогда не проснуться.

На нём много чар.

Он дракон.

Он не может...

— Что ты с ним сделал?

Фионн проигнорировал меня и поднял плоский камень, под которым оказался тайник с бутылками. Он выбрал одну, наполовину наполненную тёмной жидкостью.

— Клянусь, если он не откроет глаза...

— И что ты мне сделаешь? Убьёшь меня? — Он издал сухой, резкий смех, пронзительный, как крик петуха, и этот звук отразился от уцелевшего потолка. Когда Фионн устал смеяться, он двинулся ко мне, в зону, освещённую лунным светом. — Это всего лишь немного хмеля, но драконы очень чувствительны. Он хорошенько поспит, а когда проснётся, будет очень зол.

Ему известно, что Мэддокс — дракон. Надеюсь, это значит, что ему можно доверять. Ведь Мэддокс уже не раз сюда приходил. Но почему тогда Фионн его вырубил?

— Ты, как и я, знаешь, что лучше ему не присутствовать при этом разговоре, — сказал он мне.

Моё сердце забилось быстрее.

— Ты мог бы просто попросить его оставить нас наедине.

Он фыркнул.

— Дракона, который только-только обрёл свою пару? Ну да, конечно.

У меня душа ушла в пятки. Я несколько раз моргнула; рука с кинжалом дрогнула. Фионн, разумеется, заметил это.

— Да ты серьёзно влипла, не так ли?

Успокоив дыхание, я снова подняла кинжал.

— Это не твоё дело. Я пришла спросить о Морриган.

— Ах, прости за мою невежливость. Совсем забыл, что отвечать на вопросы красивых незнакомок — это моя обязанность, — язвительно ответил он.

Тут он шагнул в свет, и я смогла его разглядеть по-настоящему. Помимо грязных волос и бороды, цвет которых трудно было различить, одежды в лохмотьях и сгорбленной позы, я обратила внимание на его глаза: с ними было что-то не так, но не знаю, что именно. Опущенные веки казались слишком тяжелыми.

У меня возникло странное чувство, будто я уже видела его раньше, хотя это было невозможно.

Я медленно опустила кинжал.

Передо мной был тот, кто видел рождение и смерть Триады.

— У тебя его глаза, — внезапно произнёс он.

Его слова стрелой пронзили самое сердце.

«Я знала… Я знала, что это глаза зла».

Так значит, она всегда была права? Где-то в глубине души я надеялась, что она говорила это из ненависти… из страха, который из поколения в поколение передавался в нашей семье.

Я жадно сглотнула; вдруг стало казаться, что стены стали намного больше и постепенно сжимались вокруг меня.

— Знаю, — прошептала я.

Фионн внимательно посмотрел на меня ещё раз, прежде чем пройти мимо с бутылкой в руке.

— Спокойно, девочка, ты разговариваешь с тем, кого меньше всех в Гибернии на свете интересуют пророчества и избранные дети. Идём. Поговорим, пока этот чурбан не проснулся.

Глава 21

Гиберния содрогнулась в тот день, когда Дикая Охота, воины-фианы и Дракон Ширр, вошли в «Узкий барабан». Хозяин таверны так и не оправился после этого.

Из запрещённой книги «Легенды и мифы»

Я шла за Фионном через рощу, спускаясь к озеру. Он безостановочно пил из бутылки, словно мучился ужасной жаждой, которую мог утолить только алкоголь. Я, скрестив руки, смотрела на кипарисы, и моё сердце сжималось от тревоги. Мне казалось, что за мной наблюдают. Нечто похожее я чувствовала в дольмене, как будто что-то ещё было в воздухе. Нечто неосязаемое, могущественное скользило по моей коже, давая понять, что я здесь нежеланная гостья.

Несколько раз я колебалась, подгоняемая тьмой, но, когда увидела конец рощи, всё же решилась. Протянув руку, я прикоснулась к коре одного из кипарисов.

С криком упала на колени. Рукой схватилась за грудь. Кончики пальцев жгло, как если бы я слишком долго держала лёд. Резкая боль пронзила руку. Тёмные пятна затуманили зрение, всё кружилось.

В какой-то момент чёрный палец ноги Фионна оказался рядом с моим коленом.

— Познакомилась с Голлом, да?

Я не могла ответить. Агония сковала горло. Фионн с любовью похлопал по кипарису, делая ещё один глоток из бутылки.

— Я говорил, что никогда не брошу вас на съедение стервятникам, и сдержал слово. В конце концов, единственное, с чем я не смогу смириться, единственное, что я не позволю забрать, это покой моих друзей. — Он икнул. — Вы были хорошими людьми, не получившими бессмертных даров, как я, но ваши души и сердца вечны. — Икнул. — Видите? Мои ногти так и не восстановились после всех похорон.

Я оперлась на руки и глубоко вдохнула. Волна боли вновь пронеслась от руки к кончикам пальцев, почти как если бы возвращалась в землю. Если в этом замешана какая-то магия, то вполне возможно, что мне не кажется.

Но это было похоже на смерть. Смерть, полную страданий, ненависти и отчаяния.

Что-то коснулось моего подбородка. Фионн поднял моё лицо, глядя с мрачным удовольствием.

— Знакомься, девочка, это фианы.

Я сглотнула, и тут до меня дошло. Кипарисы — священные деревья — были могилами. И под ними покоилось войско фианов. Разрушенное здание, должно быть,

было их штабом — местом, где они тренировались, жили и куда приглашали дворы для решения конфликтов. Сообщество, полное храбрых и смелых мужчин и женщин, которые отказали Теутусу, когда тот обратился к ним за помощью на войне. Несмотря на то, что они были людьми и смертными, они сражались на стороне Триады.

И теперь они здесь.

По одному кипарису на каждого из фианов. Целый лес из них.

Я с трудом поднялась на ноги. Тьма продолжала тянуть меня в разные стороны, с любопытством, с настойчивостью, граничившей с отчаянием. Здесь было что-то, что притягивало её сверх меры, и отнюдь не озеро.

— Почему тут так много магии? — Я потёрла пальцы. Они внезапно стали очень чувствительными, как будто изрезанные. — Такое ощущение, что их оив...

— Настолько полон злобы, что вот уже пятьсот лет они не могут обрести покой? — закончил за меня он. Он снова пошёл вперед, повернувшись ко мне спиной. — Да, так бывает, когда у тебя отнимают всё, за что ты боролся, и потом топчут это у тебя на глазах.

Я держала руки поближе к телу, пока завершала переход через рощу. Во мне смешались уважение и страх к тому, что Фионн создал здесь. Он не просто похоронил своих товарищей: он сделал всё возможное, чтобы они не ушли насовсем. И жил рядом со всеми этими... я даже не знала, как это назвать. Это хуже, чем воспоминания. Это постоянная пытка.

Фионн поставил бутылку у подножия последнего кипариса, который стоял в некотором отдалении от остальных. Озеро находилось в пятидесяти метрах от серой, пустынной земли.

— Жди здесь, — буркнул он.

Я не стала возражать. Даже это расстояние уже было слишком опасным для меня, хотя я старательно не смотрела на островок. Особенно когда Фионн начал снимать с себя одежду по пути к озеру. Я разинула рот, увидев пару бледных ягодиц, и поспешила зажмуриться.

Я думала, что он просто притворяется безумцем, пока не услышала плеск воды. Я снова открыла глаза и увидела, как он без колебаний ныряет под воду. Я не знала, что меня больше удивляло: то, что он так рисковал своей жизнью, или то, что он умел плавать.

Но, конечно, он не мог умереть, и родился в то время, когда Муирдрис и Вах были безопасными.

Я села на безопасном расстоянии от кипариса и бутылки. Обхватив колени руками, я отвернулась, когда Фионн начал выходить из озера. Мне не хотелось проверять, правдива ли легенда о перьях фазана.

Когда он вернулся, к счастью, на нём снова были штаны. Влажная кожа блестела. Он был крепким мужчиной. Если бы не его осанка и поведение... Он плюхнулся рядом со мной и тут же поднял бутылку, словно боялся нечаянно протрезветь.

— Знаю, что ты бессмертен, но я думала, что все воды Гибернии кишат дикими манан-лирами.

Он цокнул языком.

— Если в этом озере что-то и осталось, уверяю тебя, я его совершенно не интересую. — Затем он немного повернулся к кипарису и поднял бутылку в молчаливом тосте. — *Diord Fionn, daid.*

Diord Fionn. Боевой клич фианов. Я много где слышала его, даже в некоторых театральных постановках и уличных пародиях, но скорее как насмешку, а не священный клич героев.

— Что ж. — Он опустил бутылку между нами и отряхнул руки. — Давай разберёмся во всём. Ты — недостающее звено, верно? Та, кого все искали.

Я не считала себя потеряшкой, но именно так, видимо, это воспринимали он и остальная часть королевства.

— Похоже, что так.

— Я знал одного из твоих предков. — Я насторожилась. — Он пришёл сюда, полный сомнений. Думал, что придёт и возьмет меч. — Он указал на островок, но я устояла перед искушением посмотреть.

Я не знала этого. Моя мать никогда ничего не рассказывала; она была уверена, что весь наш род следовал правилам. Я думала, что стала первой, кто ступил в Долину Смерти.

— Почему же он этого не сделал?

— Потому что поговорил со мной. — Фионн состроил странную гримасу. Я не сразу догадалась, что это была улыбка, потому что борода скрывала половину его лица. — Я просто напомнил ему о том, с чем он столкнётся, если сделает это. Последствия. Ответственность. Это не просто слова. Так что я понимаю, почему он предпочёл уйти.

И всё же, мысль о том, что кто-то из моих предков, кто-то вроде меня, дошёл до этого места с таким намерением… Зачем?

Сердце сильнее забилось в груди. Я, наверное, впервые за всю свою жизнь могу свободно говорить на эту тему. Не нужно вовремя прикусывать язык или придумывать оправдания. Это казалось чем-то неправильным — нечто похожее я испытала, когда Гвен назвала меня моим настоящим именем. После всех тех суровых, болезненных уроков, что преподнесла мне жизнь, я не могла избавиться от чувства, что, становясь самой собой, я совершаю преступление.

— Так, значит, ты не веришь в пророчество?

— Я потерял всё в той войне, девочка. Верю ли я, что однажды придёт такой весь из себя расчудесный сукин сын, вытащит меч из камня и спасёт нас всех? — Он разразился громким раскатистым хохотом, в котором не было ни капли веселья. В его смехе чувствовались боль и разочарование, накопленные за пять веков, и было мучительно это слушать. — Эпоха богинь мертва и похоронена. Остались только безумцы, танцующие на её могиле!

Что-то внутри меня напряглось от этих слов. Как будто два кусочка пазла не сходились, несмотря на то, что были созданы друг для друга.

— Чтобы произошли изменения, Гибернии нужно гораздо больше, чем пустые надежды, — добавил он. — После войны здесь побывала бесконечная череда дураков, пытавшихся вытащить меч. Разумеется, у них ничего не вышло. Даже если бы один из них

и вытащил меч, на что они рассчитывали? Верить в то, что одному герою под силу спасти нас от последствий многовековой ненависти и тьмы, мягко говоря, наивно.

Я была с ним согласна. Сама всегда так думала. Как может весь этот груз королевства, всё то, что не функционировало нормально на протяжении пятисот лет, возложить на плечи одного-единственного бедолаги? На кого-то вроде меня или Каэли? Мы не только не обладали достаточной для этого силой, мы были... всего лишь Аланной и Каэли. Какие бы способности мы ни унаследовали, что мы могли со всем этим сделать? Даже если бы мы превратились в жаждущие крови тени, в беспощадных убийц, чем бы это помогло сидхам? Проблема не только в жестоком короле, но и во всём королевстве, полном людей, убеждённых, что Триада хотела их поработить и что сидхи — это худшие существа, когда-либо созданные. Что своей магией и способностями они обрекли людей на тьму, на рабство. Теутус и многочисленные короли Нессии поселили в головах своих подданных эту ненависть, и новые поколения росли с этим чувством, глубоко укоренившимся в них.

И кто-то вроде меня должен был изменить это только потому, что смог достать меч из камня?

— Скажи мне, — произнёс Фионн, — что тебе известно о пророчестве?

Я глубоко вдохнула, задрожав.

— Много, очень много веков назад Гиберию населяли только люди. Однажды три богини и Дракон спустились с небес и принесли с собой магию. Так появилось четыре волшебных народа: феи, которые заботились о земле и природе; гномы, почитающие север и горы; манан-лиры, хозяева всех вод, и драконы, народ огня, потомки девяти сыновей Ширра. В Гибернии на протяжении долгого времени царили мир и процветание, пока однажды по земле не прошла трещина, через которую бог-демон пришёл со своим войском из Иного мира. — Я подумала о Толл-Глор. Вторжение тьмы, полагаю, можно было ощутить по всей Гибернии. Мрачный Фионн молча слушал меня. — Хотя его намерением было завоевать королевство, он влюбился в одну из богинь, Тараксис. Он преклонил колено перед ней и её сестрами, и спустя некоторое время они поженились. Их любовь породила трёх особенных детей. Прямых наследников крови двух совершенно разных богов. Никсе, королеве манан-лир, пришло видение в тот день, когда крестили детей. Теутус обезумел, полагая, что от него скрывают что-то важное: он похитил Никсу и подверг тысячам пыток, чтобы заставить её признаться в том, что она видела. И поскольку Никса так и не сдалась, он лишил её самого ценного — того, благодаря чему она смогла объединить водный народ и возглавить его. Он лишил её голоса. — Краем глаза я заметила, что Фионн напрягся. Его взгляд, холодный и жёсткий, был устремлён на озеро, а рука сжимала бутылку с такой силой, что удивительно, как та ещё не разбилась. — Пророчество гласило, что Теутус умрёт от руки собственных потомков, поэтому он приказал убить тройняшек. Одна из тёток младенцев, богиня Ксена, сумела спасти одного из них.

— Это была не Ксена, — резко перебил меня Фионн. — Продолжай.

Я моргнула.

— Что ж, кто-то спас одного из тройняшек, от которого и пошёл мой род. После этого разразилась война. Теутус убил богинь, обезглавил Дракона Ширра и затопил Огненные Острова. Он уничтожил всё и всех. Удовлетворившись результатом, он пришёл сюда, в Долину Смерти, и воткнул свой меч в останки места, где обручился с Тараксис. И сказал…

— «Больше он мне не нужен, ибо я избавился от всех, кто стремился меня уничтожить. В доказательство моего подвига я оставляю его здесь. И взять его сможет только тот, в ком течёт моя кровь».

Я уставилась на Фионна, немного ошеломлённая.

— Я не знала точных слов.

— Я был там, когда он их произнёс.

Мы замолчали на какое-то время. Звук трубы прорезал воздух, и Фира появилась над кипарисами, плавно спускаясь к озеру. За ней следовали десятки лебедей. Они приземлились на спокойную водную гладь, грациозно скользя по ней.

Наконец, я задала вопрос, уже давно не дававший мне покоя:

— Почему он женился на Тараксис и завёл с ней детей, если опасался своих потомков? Как он мог убить младенцев из-за какого-то пророчества?

Фионн сделал большой глоток из бутылки, прежде чем ответить.

— Теутус был богом-завоевателем из Иного мира. Он всегда был таким. Когда он прибыл, Триада и Ширр уже обосновались здесь. Магия распространилась по Гибернии. И хотя не всем людям нравилось делить королевство с сидхами, большинство были счастливы в годы правления Триады. И вот, по какой-то извращённой воле судьбы Теутус был очарован Тараксис. А она им. Они были светом и тьмой, танцующими друг вокруг друга, и все, кто наблюдал за ними, знали, что это не могло закончиться ничем хорошим. Даже Луксия не хотела приходить на крестины своих племянников, потому что предчувствовала грядущую беду. В итоге мы оказались правы. — С потерянным взглядом он высматривал остатки алкоголя на дне бутылки. — Жаль, что так произошло. Жаль, что мы не ошиблись. Они не смогли доказать нам, что любовь сильнее всего на свете.

Я не ответила. Опустив подбородок на прижатые к груди колени, я задумалась.

— В общем, оставим этих глупых богов. Ты не кажешься такой нерешительной, как твой предок, значит, ты пришла сюда не из-за пророчества. Ты упомянула Морриган.

Я рассказала ему всё, что случилось. Рассказала о Каэли, о нашей жизни, о вечных перебежках с места на место и о роковой встрече с Морриган в Гримфеаре. Я ничего не скрывала. С ним это было не нужно.

Он сидел хмурый, слушая мою историю, что могло означать как сосредоточенность, так и недовольство, или и то, и другое.

— Знаешь, кто возглавлял первых настоящих Диких Охотников? — Вопрос заставил меня моргнуть. Я покачала головой. — Морриган. Можно сказать, это было в её духе. Вся Гиберния была наслышана о её кутежах, которые длились неделями. Отсюда и пошло название. Она и её друзья могли выпить весь алкоголь в деревне и заснуть в свинарнике, а могли выпустить в лесу тех, кого считали преступниками, и потом охотиться на них.

Я не понимала, какое это имело отношение к тому, что я только что рассказала, но решила быть терпеливой. Мне нужны от него ответы, любые крупицы информации.

— Звучит весело. Представляю, как их обожало всё королевство, — саркастично отметила я.

— Хоть в это и трудно поверить, у них было довольно много сторонников. Сидхи и люди, которые считали, что Охотники очищают больше, чем загрязняют, знаешь ли. И когда началась война, Дикие Охотники выступили на стороне Триады.

— Что? Но Морриган была… Она же была в армии Теутуса.

— Да, представь лица её друзей и близких, когда она перешла на другую сторону. — Его борода задрожала. Он допил остатки алкоголя; это плохой знак? — Дикие Охотники ещё задолго до войны не раз влипали в неприятности. Иногда им спускали это с рук, иногда нет. В один из особенно неприятных случаев Морриган доставила неудобства тому, кому не следовало, и её наказали, запретив касаться, проклинать или вредить медведям всю её жизнь. Ни прямо, ни косвенно. Некоторые сказали бы, что это очень дерьмовое проклятие.

Медведи. Каэли превратилась в медвежонка. Но…

— Я не понимаю. Причём тут моя сестра? Как Морриган могла превратить её в медвежонка, если ей запрещено что-либо делать с ними?

Мужчина посмотрел на меня из-под своих тяжёлых век, скрывавших глаза.

— Кто сказал, что это была Морриган?

— Хочешь сказать, что моя сестра... сама это сделала? — Голова пошла кругом от одной только мысли. Я вспомнила яркий белый свет, окруживший тело Каэли, *чистый* свет. — Она сама превратилась, чтобы защититься? Это бессмыслица, Каэли ничего не знала о проклятье Морриган.

— Магия иногда действует по своей воле, чтобы защитить своего носителя. Не говоря уже о вашей уникальной и чертовски сложной родословной, о которой даже я знаю не так много.

Да, наша уникальная и чертовски сложная родословная. Мне было стыдно признаться, что я тоже знала немного. Моя семья никогда не вела никаких записей из страха, что те могут попасть в чужие руки. Я знала только то, что рассказывала мне мать, а она знала то, что ей рассказывала её мать. Вот только бабушка сошла с ума задолго до своей смерти. Сколько информации могло быть искажено?

— Насколько мне известно, никто в моей семье не мог менять облик. Мы всё время пользовались камнями трансмутации, чтобы скрыться.

— У Тараксис и её сестёр была такая способность.

Ааа. Тараксис, богиня любви и охоты. Порой я забываю, что она тоже положила начало нашему роду. И если кто-то должен был унаследовать её великие способности, так это Каэли, несомненно.

— Какого цвета были глаза у богини?

— Зелёные, как отполированные изумруды.

Я улыбнулась. Глаза щипало, хотя я знала, что не пролью ни единой слезинки. Я потянулась к светлой энергии Каэли и, почувствовав её, изо всех сил постаралась передать ей сообщение: *«Видишь? Я была права. Ты хорошая. Ты вся состоишь из прекрасного».*

Каэли — наследница доброй и щедрой богини.

Я же наследница бога, пришедшего всё уничтожить.

— Скажи мне, как я могу спасти Каэли? Где найти Морриган? Какие у неё слабости? Как...

— Не могу, — перебил меня Фионн. Что-то в выражении моего лица ему не понравилось, потому что он выругался. — Не смотри на меня так, чёрт возьми. Твой предок должен был предупредить тебя, что я больше не решаю проблемы, понимаешь? Я уже пять веков не покидал эту проклятую долину. Остальная Гиберния пусть хоть утонет, я даже не замечу.

Значит, я была права. Визит к Фионну оказался напрасным. Я запрокинула голову и блуждала глазами по тысячам звёзд, мерцавших в ночи. Я должна была почувствовать разочарование, но во мне кипела только горечь.

«Герцогиня будет рада», — подумала я.

— Я ничего не знаю, — пробормотал он тихо, почти неохотно. — Морриган... Имей в виду, она никогда не делает ничего просто так. Она бы не забрала твою сестру, чтобы просто убить или пытать её. Сомневаюсь, что она знает, кто она, но, должно быть, её привлекло то, что Каэли смогла сменить облик.

Я должна была злиться на него, намного сильнее, чем на Мэддокса за напрасную поездку в На-Сиог, но не могла. Возможно, в тот момент у меня не было сил на такое мощное чувство, как ярость. Я вся была пронизана страхами. Страхом того, что Морриган узнает, кто такая Каэли. Страхом того, что она расскажет королю, и тот довольно потрёт ручки. Страхом того, что они могут с нами сделать.

Она жива. Она сильная. Она выдержит, пока я её не найду.

— Существует много историй о том, как ты стал бессмертным, — заметила я, через силу заставив себя переключиться на другую тему.

По тому, как он выдохнул, я поняла, что он тоже был рад поговорить о чём-то другом.

— А тебе как кажется, какая из них правдивая?

— Точно не та, что про лосося.

Фионн взглянул на меня с весёлым блеском в глазах.

— Неужели? Так… просто? — поразилась я.

— Просто? Тот чёртов медведь чуть не убил меня! Его когти вспороли мой живот, и все мои кишки вывалились наружу. Вот здесь, на этом берегу. — Он указал на изгиб озера. — Я уже был одной ногой в могиле, когда появились Тараксис и Ксена.

— Ты сразу догадался, что перед тобой были две богини?

— Я понял, что они не могли быть смертными, это было очевидно. Ксена всё ещё оставалась в облике лосося, а на Тараксис был только лук и колчан с золотыми стрелами. Больше *ничего*.

Мысль о моей прародительнице, разгуливающей обнажённой перед умирающими мужчинами, едва не вызвала у меня улыбку.

— Должно быть, это было довольно мило, учитывая обстоятельства.

Он пробормотал что-то неразборчивое.

— Я не жалуюсь.

— Так лосось, которого ты спас от медведя, был самой Ксеной, богиней жизни. Ты подозревал это? Поэтому ты рискнул своей жизнью?

— Совсем нет. Я узнал об этом позже, когда понял, что всё это было частью испытания, чтобы проверить, смел ли я сердцем. Нет, я просто увидел бедную, несчастную рыбу, которую несло течением прямо в лапы голодного медведя. И это меня возмутило. Я тут же решил, что не позволю лососю умереть только потому, что он не может махать плавниками сильнее. Какие шансы у него были против течения реки или медведя? Что в этом справедливого?

Что-то подсказывало мне, что Фионн знал, что побудило его на такой глупый поступок. В тот день он увидел нечто большее, чем просто лосося, борющегося с течением. И именно за это богини его вознаградили.

— Что ты почувствовал, когда тебе даровали бессмертие?

Он покачал головой. Его волосы и борода высохли, теперь я могла видеть их истинный цвет: белый. Абсолютно белый. Учитывая, что Фионну было явно не больше сорока, когда его старение остановилось, вряд ли это седина.

— Ничего. Я не почувствовал никаких изменений. И с тех пор их вообще не было. Вот что такое бессмертие, девочка. Ты остаёшься таким, какой есть, день за днём, век за веком. Застывший в одном состоянии.

Я поставила себя на его место и поняла, что после такого сокрушительного удара не остаётся надежды и радости. Теперь понятно, почему он стал отшельником и циником. Его история нашла отклик где-то в моём сердце.

Однажды я тоже прошла через это; я помню ту глубокую грусть, ощущение, что всё было неправильно, *совсем* неправильно.

Мои ключицы начало покалывать. Внезапно в долине раздался рёв, донёсшийся до нас сквозь рощу кипарисов. Лебеди на озере забеспокоились и захлопали крыльями.

— Ну наконец-то, чёрт возьми, — пробормотал Фионн. — Я уж думал, что убил его.

Я прищурилась.

— Ты сказал, что хмель просто усыпит его.

— Так и есть, но это дракон, подавленный множеством слоёв магии. Он так ослаблен, что на него жалко смотреть. — Фионн встал, и я услышала, как хрустнули его кости. — Если бы не это, я бы уже искал хорошее укрытие, чтобы не стать кучкой пепла.

Я тоже встала. Мне хотелось поскорее уйти от озера.

— Как ты узнал, что мы…? Ну, *наид-нак…*

Чёрт. Почему я это спрашиваю?

К счастью, Фионн не прокомментировал мою запинку.

— Похоже, ты удивительно мало знаешь о наид-наке и наречённых воинов-драконов.

— А ты, видимо, знаешь много.

— Было время в Гибернии, когда нельзя было поднять глаза и не увидеть дракона, парящего в небе. Если тебе в этот день улыбался лепрекон, то ты мог встретить одного из

Девяти. Если ты был удачливым ублюдком, то, возможно, видел издалека легендарные золотые чешуйки самого короля огненных существ.

Я резко вдохнула. Это звучало чудесно.

— Ширр, Дракон. Ты видел его?

— Я держал голову этого мерзавца, когда он напивался и блевал, больше раз, чем могу вспомнить.

Что это, чёрт возьми, значит? Они были друзьями? Ширр, конечно, мог принимать человеческий облик, но чтобы он напивался и блевал по углам...

— ФИОНН!

Гневные шаги Мэддокса приближались. Мой желудок скрутило по непонятной причине.

Пока злой Мэддокс до нас не дошёл, бессмертный наклонился ко мне и прошептал на ухо:

— Не знаю, какие у тебя планы, да и всё равно, если честно, но желаю удачи. Она тебе ещё понадобится, если ты всерьёз надеешься держать что-то в секрете от дракона, недавно нашедшего свою пару.

Глава 22

Внимание, внимание.
Сообщаем, что старший сын Пятого, Адданк, и его могущественная спутница, воительница Ноксия, снова стали родителями близнецов. Первым, что сказала повитуха, приняв младенцев, было: «У нас заканчиваются имена».

Из запрещённой книги «Легенды и мифы»

На то, чтобы успокоить Мэддокса, потребовалось немало времени, особенно потому, что это пыталась сделать только я. Фионн совершенно не сопротивлялся, пока дракон тряс его из стороны в сторону, орал ему в лицо и ругал на все лады. И при этом бессмертный улыбался и бросал на меня взгляды, от которых мне становилось не по себе. Больше всего меня поразило, что Мэддокс ни разу не воспользовался своим копьём: он хотел выпустить пар, но не причинить реального вреда.

Между приступами ярости дракон подошёл ко мне и проверил, всё ли со мной в порядке. Он не поверил мне, когда я сказала, что мы просто разговаривали и что бессмертный вёл себя прилично (я предпочла не упоминать, что Фионн раздевался). Мэддокс осмотрел меня с головы до ног, а когда обошёл вокруг, чтобы взглянуть на меня сзади, я пригрозила ему кинжалом.

В его глазах полыхал огонь. Я уж думала, они реально загорятся. Это заставило меня задуматься о том, что, возможно, эта вспышка гнева разрушит защитные чары и перечеркнёт все труды Пвила. Я заметила движение позади Мэддокса.

— Ты снова теряешь контроль, — напомнила ему. — Ты говорил, что ненавидишь показывать эту сторону себя, помнишь?

Он сжал кулаки так сильно, что на это было больно смотреть.

— Я сказал, что мне жаль, что ты это увидела.

— Извини, но я устала и не хочу ждать, пока ты успокоишься.

Его брови сдвинулись.

— Почему?..

Я сделала шаг назад как раз в тот момент, когда Фионн выплеснул ведро воды на спину Мэддокса. Дракон закрыл глаза и поджал губы. В отличие от прошлого раза, над кожей не поднялись клубы пара. Возможно, потому что, как сказал Фионн, дракон был подавлен множеством слоёв магии.

— Это не был *ríastrad*, — проворчал он, сплёвывая капли воды. — Я просто зол из-за того, что ты меня усыпил.

Фионн пожал плечами.

— Предпочитаю лишний раз не рисковать с этими драконьими лихорадками.

Мэддокс смерил его взглядом, но нападать больше не стал. Вытерев лицо плащом, он махнул мне.

— Идём, *sliseag*. Сразу предупреждаю: какой бы уставшей ты ни была, я не отпущу тебя, пока ты не расскажешь мне всё, что произошло, во всех деталях. — Он бросил последний презрительный взгляд на Фионна. — Даже если придётся описывать каждую его отрыжку.

Я немного нерешительно подняла руку, чтобы попрощаться с Фионном. Бессмертный что-то пробормотал и ушёл обратно в свои развалины.

— С тобой точно всё в порядке? — снова спросил Мэддокс. Он подозрительно посмотрел на мои руки.

Чёрт, ничего не ускользнёт от его внимания.

— Ты был прав.

— Знаю, — мгновенно ответил он раздражённым голосом, но затем уточнил: — Насчёт чего?

— Это всего лишь жалкое место скорби, руин и воспоминаний.

Я кратко рассказала ему, что произошло, конечно же, умолчав о своем происхождении и пророчестве. Если он узнает, какими способностями я обладаю, то быстро сложит два и два. Нет никакой другой расы, которая может управлять тьмой так, как это делаю я. И даже я была аномалией в своей семье.

Мы перешли мост, и я с облегчением выдохнула, ступив на восточный берег и оставив позади странный туман, Долину Смерти и холм Тинтагель.

В «Бестолковой рыбе», похоже, продолжалось собрание, но мы направились по дороге к постоялому двору на другом конце деревни.

И, возможно, из-за всего, что произошло, я не смогла сдержать любопытства:

— Что такое *ríastrad*?

Мэддокс огляделся по сторонам, прежде чем ответить, и это уже дало мне много подсказок. Мы шли рядом, он замедлил шаг, чтобы идти в ногу со мной. Чем дальше мы отходили от таверны, тем тише становилось. Мы прошли мимо дома Цето и Секваны; стулья всё еще стояли снаружи, ожидая своих хозяек для очередного вечера плетения лент.

— У всех сидхов из двора Ширра была одна и та же проблема; чем больше огня они носили в себе, тем труднее им было управлять своими эмоциями. Чувства, такие как гнев, страх или желание, заставляли температуру тела быстро подниматься. — Я чувствовала его взгляд на себе, но сосредоточилась на Муирдрисе и отражении звёзд. — Наиболее подвержены этому были драконы мужского пола, прямые потомки Девятерых. Это своего рода лихорадка, которая вгоняет в безумие. Это могло быть воинственное безумие перед битвой или…

Он замолчал. Я скосила на него взгляд и заметила, как он криво улыбается, обнажив один из своих клыков. Что-то шевельнулось у меня в груди. Ключицы начали слегка пульсировать, почти приятно.

Я знала, что не должна этого делать, знала, что он скажет дальше, и что лучше не касаться этой темы, но…

— Или?..

Мы остановились. Луна отражалась на его чёрных волосах голубыми бликами, в её свете сверкнула серьга, когда дракон наклонился ко мне.

— Или сексуальное безумие, — прошептал он, его свежее дыхание коснулось моего носа, а широкие плечи заслонили весь мир. — Говорят, что оно могло длиться днями, в зависимости от того, что стало триггером. Днями, в которые их родные должны были следить за тем, чтобы они ели, потому что единственное, о чём могла думать пара, — это продолжать удовлетворять друг друга. Есть примета, что после безумия дракона его спутница обязательно будет беременна близнецами.

По изгибу его губ я догадалась, что последнее было шуткой. Проблема была в том, что моё богатое воображение тут же нарисовало яркую картинку. Образ огромных чёрных крыльев с фиолетовой окантовкой, раскинувшихся на кровати. Забыть о еде? Я знала, что такое секс, мне он нравился, но я никогда не чувствовала такого порыва, как это безумие. Мне нравилось узнавать, что может происходить в интимной обстановке, но я никогда не смотрела на Дугалла с ощущением, что хочу удовлетворить его любой ценой.

Мои губы слегка приоткрылись при этих мыслях, и благодаря воображению…

Взгляд Мэддокса впился в мои губы. Я не контролировала своё дыхание. В животе возникло горячее, голодное ощущение, и если бы оно опустилось чуть ниже…

Дракон сделал ещё один шаг ко мне. Он был так близко, что его бёдра касались моих.

— *Sliseag…* — прошептал он.

«Удачи тебе, если ты всерьёз надеешься держать что-то в секрете от дракона, недавно нашедшего свою пару».

Слова Фионна помогли мне прийти в себя и отодвинуться. Я смотрела по сторонам — куда угодно, только не на Мэддокса. Как лепрекон.

— И это случилось с тобой в замке? Риастрад?

Мне показалось, что он пошатнулся, как будто его всё ещё тянуло к тому месту, где я стояла. Так близко, что если бы я подняла подбородок чуть выше…

— Да, — вздохнув, ответил он. Он продолжал смотреть на меня, наклонив голову, оценивая дистанцию, которую я создала между нами. Несколько секунд спустя он снова шагнул вперёд. — Самый эффективный способ выйти из этого транса — это облиться холодной водой. И отойти подальше от того, что спровоцировало вспышку безумия.

Я кивнула, но была слишком занята самоистязанием, чтобы ответить что-либо. Мы больше не разговаривали по дороге, и дракон не замедлял своих шагов. За этот день и ночь произошло уже слишком много всего, и я была настолько измотана, что даже ни разу не посмотрела на его крепкую задницу.

Попрощавшись с Тантэ и Хигелем, мы направились к нашим комнатам, которые, к счастью, находились в разных коридорах. На прощание я пробормотала: «Спокойной ночи», но даже сама не расслышала своих слов, и попыталась ускользнуть.

— Аланна, — позвал меня Мэддокс.

Я наполовину обернулась. Он не сдвинулся с места. Светильники на стенах тускло освещали коридор, придавая дереву медовый оттенок.

— Мне жаль, что ты не нашла тут ответы. Правда.

На самом деле я узнала здесь много чего интересного, но, конечно, не раздумывая променяла бы всё это на единственную надёжную подсказку о том, как вернуть Каэли.

— Я не сдамся.

Он кивнул.

— Знаю. И, если позволишь, я помогу тебе.

— Ты знаешь, что ничто не обязывает тебя это делать, правда? — сказала я, подняв брови. — Ни тебя, ни кого-либо ещё из Братства. Потому что я пойду до конца, чтобы спасти свою сестру, и мне всё равно, если это привлечёт ненужное внимание, раскроет меня перед Двором и королём или сделает мишенью. Возможно, я не буду действовать так тихо и незаметно, как привыкли вы.

Он тихо засмеялся.

— Иногда незаметность переоценивают. И ты права.

— В чём?

— В том, что меня ничто не обязывает.

Окинув меня взглядом напоследок, он скрылся в своей комнате. Я же ещё долго смотрела на светильники в коридоре.

Перед тем как уйти, мы заглянули в кузницу. Сказать, что Ойсин великолепно справился со своей задачей, — значит ничего не сказать. Мало что могло сравниться по красоте с этой парой кинжалов, они уступали разве что новорождённой Каэли. У одного кинжала было прямое лезвие, у другого — изогнутое. Оба сделаны из сверкающей стали толщиной всего три сантиметра в самой широкой части, сужаясь к кончику, настолько острому, что едва я коснулась его большим пальцем, как на подушечке выступила капля крови.

Я положила палец в рот, слишком заворожённая рукоятками, чтобы почувствовать боль. Их дизайн… Изящные линии, похожие на чешуйки, тянулись от основания лезвия к рукояти, распускаясь в гроздья завитков, образующих гарду. На изогнутом кинжале было несколько аметистов в форме полумесяцев, а на прямом — один красный камень в центре. Надеюсь, это не рубин; его стоимость могла бы прокормить половину На-Сиог на год вперёд.

Кинжалы идеально лежали в моей руке, настолько лёгкие, что мне не терпится попробовать несколько бросков. Поверить не могу, что Ойсин создал нечто настолько восхитительное всего за один день.

— Ты, наверно, знаешь лучше меня, но на всякий случай поясню: этот будет полезен для бросков и ударов, — сказал мне Ойсин. — А этот отлично подойдёт, чтобы перерезать кому-нибудь глотку.

Я улыбнулась как безумная, не в силах сдержаться.

— Они идеальны.

Мэддокс возвёл глаза к потолку.

— Я уже начинаю жалеть об этом.

— Вот тебе портупея и ножны; я не смог использовать ничего из твоего старого пояса. Эти ремни предназначены для бёдер, — пояснил кузнец. — Кожа мягкая, не должна натирать.

— Большое спасибо.

— Надеюсь, ты дашь им достойные имена. А теперь, не порадуешь ли старика? Я хотел бы посмотреть, как ты метаешь кинжалы.

Я охотно кивнула.

— У вас есть мишень?

Ойсин указал на один из щитов, висевших на стене. Я едва сдержала смех, увидев, что в качестве “яблочка” был герб королевской семьи: коронованный ворон. Щит был так изрешечен, что клюв уже и не видно.

Я переложила прямой кинжал в правую руку. Ойсин хлопнул в ладоши.

С резким свистом, рассекающим воздух, мой новый кинжал вонзился почти до рукояти. Я поняла, что переборщила с силой, когда щит ударился о стену и упал на пол. Он покатился по кузнице, как сломанное колесо, пока не ударился о сапоги Мэддокса.

— Борода старой Мэй, — пробормотал Ойсин.

Мэддокс поднял щит, вынул кинжал, и оба они внимательно рассмотрели новую дыру. Я не просто попала в сердце ворона.

Ворона не осталось вообще.

Они оба посмотрели на меня. Ойсин с широко раскрытыми от восхищения глазами; Мэддокс — как будто пытаясь соотнести этот удар с моим ростом.

— Ну что ж, думаю, ты только что выиграла главный приз.

Я собрала все свои новые вещи и забрала кинжал из рук Мэддокса, стараясь делать вид, будто ничего такого не произошло.

— Что бы это ни было, лучше потратьте его на новые мишени.

Глава 23

Помни, если когда-нибудь окажешься в беде и потеряешь свои вещи, оглядись по сторонам. Природа полна обезболивающих и лекарств, и для каждого яда есть противоядие. Огонь может прижечь раны, а пресная вода, льющаяся прямо из источника, — самое простое и эффективное средство, которое только можно найти.

Из запрещённой книги «Искусство быть друидом»

Чем дальше мы отходили от долины, тем больше наблюдалось признаков жизни и растительности. Крутые склоны Хелтера вокруг нас были покрыты орешниками, рябинами и соснами. Вдалеке пели птицы, и запах листвы наполнил мои ноздри, давая осознать, чего не хватало в На-Сиог.

С наступлением сумерек небо окрасилось в розовые и пурпурные тона. Должно быть, мы проходили через центральную часть гор, потому что местность стала ровной, и мои бёдра и колени, горящие от напряжения, почувствовали заметное облегчение. Обратный путь будет на два дня дольше, но идти через лес уже не вариант.

— Немного дальше есть хорошее место для ночлега, — сказал Мэддокс, который, казалось, внимательно следил за каждым моим движением. — Там есть...

Его слова прервались, когда он наступил ботинком в скрытую среди низкой травы лужу грязи. Вода разбрызгалась во все стороны, и я отскочила.

— Фу. — Я прикрыла нос рукой и осторожно обошла лужу. — Сегодня мы оставим между твоим и моим одеялами как минимум двадцать метров.

Он не ответил. Всё его внимание было сосредоточено на этой луже.

— Да вытащи ты уже ногу!

Он пошатнулся, как будто его кто-то толкнул. Из грязи начали всплывать пузыри, которые, лопаясь, разносили зловонный запах.

— Чёрт, — буркнул Мэддокс. — Отойди, *sliseag*. Мне кажется, это пейсты.

— Пейсты? — Я подняла брови. — В горах? Разве они не обитают в прибрежных болотах?

Дракон теперь держал ногу обеими руками и тянул со всей силы. С громким хлюпом ему удалось освободить её. Проблема была в том, что вместе с ногой вылезли и пейсты.

Пейсты, часто встречающиеся в Гибернии, были мерзкими тварями: наполовину гигантскими червями, наполовину разъярёнными змеями. Туловище размером с

человеческую руку было белым и покрыто гнойниками, а вдоль спины росли ядовитые шипы, торчащие во все стороны. Они не были смертельно опасными, но я знала людей, заражённых пейстами, которые молили о смерти. В довершение этой ужасающей картины, их две головы раздвигались, открывая пасти, полные треугольных зубов. Я всегда задавалась вопросом, как они испражняются.

По крайней мере шесть или восемь таких вылезли из грязи, двое из них зацепились за сапог Мэддокса. Похоже, настало время испытать моё новое оружие.

Я метнула прямой кинжал и пригвоздила одного из пейстов к земле. Его визг походил на крик лисы. Это был очень неприятный звук. Я вытащила из пейста оружие и снова метнула, заметив, что в менее чем полуметре от меня находятся ещё два пейста.

Они были быстрыми, и если бы они снова зарылись в землю, мне было бы очень трудно предсказать, откуда они выпрыгнут.

Кривым кинжалом я ловко отсекла одну из голов, избегая брызг любой жидкости, которую они могли выделить. Краем глаза я заметила, что у Мэддокса не было проблем с ними. Я моргнула, удивившись, когда один конец его копья раздвинулся со щелчком, открыв наконечник в виде стрелы. Мэддокс начал протыкать пейстов, как будто накалывал их вилкой с тарелки.

Через пару минут вокруг нас лежало множество кусков пейстов, и зловоние стояло невыносимое. Мы оба дышали с трудом.

— Мои новые кинжалы! — простонала я, глядя на их лезвия, покрытые вонючей слизью.

Посмотрев на Мэддокса на другом конце лужи, опирающегося на копьё, и его сапог, который был полностью в слюне пейстов, я не смогла сдержать смех.

— Ну, и что бы ты без меня делал? За тобой нужен глаз да глаз!

Его губы, пусть неохотно, но тоже изогнулись в улыбке.

— Я не против, если это означает, что ты всегда... Аланна!

Он и тьма закричали мне одновременно. Меня это удивило, поэтому я среагировала медленнее обычного. Крик раздался слева. Пейст взобрался по стволу дерева и, оттолкнувшись, стремительно летел ко мне, его пасть была так широко раскрыта, что могла проглотить мою голову целиком.

Я подняла кинжал, но понимала, что не успею раньше, чем он доберётся до меня. Поэтому инстинктивно зажмурила глаза.

Я почувствовала лёгкий порыв воздуха и услышала тихий щелчок. Крик постепенно затих.

Когда я снова открыла глаза, это слизистое отверстие находилось всего в нескольких сантиметрах от моего носа, а серебряный наконечник копья торчал из его бока, пройдя насквозь.

Тяжело дыша, Мэддокс вытащил копьё и воткнул его в землю между нами. Дракон стоял близко, и я не понимала, как он так быстро добрался до меня.

— Ещё чуть-чуть и не успел бы, — выдохнул он.

Тут пейст дёрнулся последний раз, попытался вскрикнуть. И прямо перед нашими лицами он взорвался.

Мои ресницы стали такими липкими, что я едва смогла их открыть. Я протёрла рот рукавом, но тошнота, как огненный шар, уже поднималась по пищеводу.

Мэддокс передо мной был в таком же состоянии, если не хуже, потому что он плевался, будто ему что-то попало в рот.

— Эта гнида нас отравила! — воскликнула я. — Дай подумать. Корень жергона помогает от большинства ядов, но...

— Пойдём. — Дракон схватил меня за руку и потащил в сторону. — Лучше поспешить.

Я пыталась идти за ним, но в итоге уткнулась пятками в землю и опёрлась о рябину, чтобы опорожнить желудок. Я бы смутилась, если бы не жжение, начинающееся на тех участках кожи, куда попала слизь.

Мэддокс не дал мне времени закончить. Он подхватил меня на руки и побежал, заглушая мои протесты и не обращая внимания на то, что я закрыла рот рукой, чтобы меня не вырвало прямо на дракона. Как его самого ещё не скрутило?

До меня донёсся шум воды. Через несколько метров деревья расступились, открывая небольшую лагуну.

Мэддокс осторожно поставил меня у камня и начал расстёгивать застёжки на моём плаще.

— Снимай одежду.

Я чувствовала себя так, будто кто-то заставил меня выпить целую бочку крепкого алкоголя, а затем скатил по склону холма. Тем не менее, я попыталась оттолкнуть его руками.

— Что ты делаешь? — выдавила я. Мой рот будто был полон соломы.

— Нам нужно немедленно вымыться. Или ты хочешь страдать от рвоты, поноса и ожогов на коже всю оставшуюся жизнь?

Его лицо уже было покрыто волдырями и гнойниками, особенно на лбу и скулах.

— Мы не можем туда войти, — сказала я, указывая на лагуну. — Это опасно.

— Не бойся, я с тобой.

Я попыталась выразить одним взглядом всё, что думаю по этому поводу, но острая боль в животе не давала дышать. Я согнулась, ошеломлённая внезапным спазмом; меня снова тошнило.

Я почувствовала пальцы дракона, пытающиеся стянуть с меня одежду.

— У тебя уже появляются волдыри. Или ты сама раздеваешься и заходишь в воду, или это сделаю я. Выбирай.

Я сглотнула то, что поднималось по моему горлу (вероятно, остатки ужина), и оттолкнула дракона. Пошатываясь, я развернулась к нему спиной.

— Не смотри.

Корчась от боли, я коснулась шеи, снимая плащ. Обожжённая кожа была очень чувствительной. Я тряхнула ногами, чтобы скинуть сапоги. Снимая блузку и обнажая грудь, я впервые в жизни пожалела, что не надела нижнее белье. Можно было бы принять предложение Гвен и купить себе бюстгальтер и чулки.

Когда я сняла штаны и осталась только в хлопковых трусах, кожа на лице опухла, горела, а губы, казалось, вот-вот лопнут, как тот пейст. Я не чувствовала холода, и это было очень плохим признаком.

Я услышала плеск и обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть полностью обнажённого Мэддокса, ныряющего в лагуну. Боль на мгновение исчезла, когда я успела разглядеть его ягодицы перед тем, как он погрузился в воду. Подняв голову из воды, он провёл руками по лицу и волосам, но оставался спиной к берегу.

— Заходи, — скомандовал он.

Я не стала жаловаться на температуру воды, обычную для горных вершин в конце зимы. Я шагала решительно, стиснув зубы, пока вода не покрыла мою грудь. Там я остановилась. Я не умела плавать и предпочитала держаться ближе к берегу. Вдохнув глубже, я погрузилась с головой под воду.

Облегчение было мгновенным, словно бальзам друида, нанесённый прямо на раны. Жжение начало утихать, и острая боль в животе постепенно прошла. Я продержалась под водой столько, сколько смогла, прежде чем вынырнуть на поверхность.

— Боги, — выдохнула я, — это прекрасно.

Я сделала чашу из ладоней и выпила несколько глотков. Пресная вода успокоила бурю в моём желудке, и, когда я ощупала шею, сдирая волдыри, которые начали появляться, я поняла, что воды Муирдриса обладают невероятными свойствами. Никогда раньше я не видела такого быстрого эффекта.

Мэддокс продолжал стоять спиной ко мне, энергично полоща рот. Вода доходила ему до бёдер. Я скользнула взглядом по его широким мокрым плечам и заметила, как влага обрисовывает его чётко очерченные мышцы. Потом вспомнила, что я вообще-то приличная девушка, и тоже повернулась спиной.

Я снова и снова умывала лицо, аккуратно протирая ресницы, чтобы убедиться, что на коже не осталось этой мерзости. Когда я снова опустила руки в воду, передо мной появилось вытянутое лицо с белыми глазами.

Я вскрикнула и отскочила назад, поскользнувшись на глинистом дне лагуны.

Мэддокс мгновенно оказался рядом и закрыл меня своей спиной, взмахом руки убрав меня за себя. В тот момент мне было всё равно, как это выглядит. Вода не была моей стихией, а кинжалы остались на берегу.

— Что случилось? — Он бросил короткий взгляд через плечо. — Ты в порядке?

— Кажется, это был афанк.

— Возможно.

Афанки походили на гигантских бобров, покрытых чешуей, только намного хуже. Они захватывали водоём и убивали всех, кто вторгался в их владения.

Продолжая внимательно осматриваться вокруг, я подошла к Мэддоксу ближе, но не касаясь его.

— Это то место, о котором ты говорил? Для ночлега?

— Да, здесь есть небольшая пещера в скале, я был там раньше.

— С нашей удачей, боюсь, мы там встретим беатахта.

Мэддокс фыркнул, как будто мой комментарий показался ему забавным.

— Давай, окунись в последний раз и выходи. Я прослежу, чтобы тебя никто не тронул.

Я стремительно нырнула на секунду и тут же встала. Перекинула мокрые волосы через плечо и отжала их, наблюдая за широкой спиной Мэддокса.

— Не смотри.

— Ты уже это говорила.

— Это напоминание.

— Теперь ты меня заинтриговала, — сказал он, положив руки на бёдра. — У тебя там что-то особенное?

Не считая тьмы, что следует за мной повсюду и жаждет крови?

Если бы я стояла перед ним полностью обнажённой и позволила тьме вырваться наружу, обвив руки и спускаясь вниз, как кнуты, сомневаюсь, что его бы заинтересовала моя грудь. И по какой-то причине эта мысль меня разозлила.

Я поспешила к берегу, надеясь больше не нарваться на страшную морду афанка.

Мне очень хотелось ударить что-нибудь.

Я услышала резкий вдох, за которым последовала ругань. Резко обернулась. Этот паршивец, оказывается, не послушался и посмотрел на меня. Вода едва прикрывала мои полупрозрачные трусы, хотя взгляд дракона был устремлён выше, на мою спину. И тогда я вспомнила, что волосы я перекинула вперед, оставив всё на виду.

Его ноздри раздувались.

— Кто это с тобой сделал?

Я сжала губы, сопротивляясь желанию вернуть волосы на место. Теперь это не имело значения. Он уже всё видел.

— Один из твоих товарищей, солдат.

Понимание озарило его лицо. Он так крепко сжал кулаки, что все вены на руках проступили.

— Что произошло?

Я опустила взгляд на синие линии на его ключицах, но при виде них мне стало неуютно, и я снова повернулась к Мэддоксу спиной. Скрестив руки на груди, я сосредоточилась на каплях воды, стекающих с моих волос на поверхность. Его вопрос вызвал неприятные воспоминания: детский плач, мои мольбы...

— Я пыталась убежать от проверки гематитом в Эйре, но нас обнаружили солдаты. Я уже думала, что смогла их запутать в переулке, как вдруг почувствовала выстрел в спину. Солдат забрал у меня Каэли и бросил истекать кровью.

Я услышала плеск воды — Мэддокс подошёл ко мне. Я не сдвинулась ни на миллиметр. Несмотря на ледяную воду, от него исходил жар. Дракон коснулся моей шеи, спины, шрамов. Я чувствовала его взгляд. Знала, что это уродство: запутанная сеть разорванных и розоватых тканей, покрывающая верхнюю часть моей спины, от левой лопатки до середины позвоночника. Гематит успел распространиться прежде, чем я выдернула стрелу. Даже моя особенная родословная не помогла полностью излечить все повреждения; было чудом, что я вообще выжила. Убегая с Каэли, я не могла должным образом залечить раны.

Голос дракона прозвучал низко, мрачно:

— Это старые шрамы.

— Мне было двенадцать, а Каэли — всего несколько месяцев. Наша мать только умерла, и мы приехали в Эйре в поисках убежища. Это было ошибкой.

— Как ты вернула сестру?

Я не могла рассказать ему, что перехватила солдат, прежде чем они доставили её во дворец, и ослепила их тьмой. Навсегда. Если бы тот ублюдок был с ними, он бы уже был мёртв. Но он передал мою сестру и продолжал патрулировать улицы в поисках других сидхов. Будто двух напуганных девочек ему было мало.

— Я умею пробираться в нужные места. Воспользовалась моментом. Столичные солдаты слишком самоуверенны: они даже мысли не допускали, что кто-то пойдёт за ними.

— Ты была серьёзно ранена, — заметил он.

— Я справилась. И не так давно я встретила того, кто ранил меня и забрал Каэли, на севере. Он приехал в деревню, где мы жили, в Гальснан. Я его узнала, а он нас — нет.

— И что ты сделала?

В его голосе не было ни капли упрёка.

— Свела счёты.

Мэддокс замолчал на несколько секунд, и я затаила дыхание в ожидании, что он снова коснётся шрамов. Но он этого не сделал. Вместо этого он немного наклонился к моему плечу и прошептал на ухо:

— Ты поступила правильно. Не то мне пришлось бы тратить время, которого у меня нет, на его поиски, чтобы воспроизвести эти раны на его спине. Только он, в отличие от тебя, не выжил бы.

Его губы мельком коснулись верхней части моего уха, и я с трудом сдержала дрожь, пробежавшую по телу и заставившую затвердеть мои соски.

Я не должна чувствовать тепло и слабость в коленях от его слов. В конце концов, это всего лишь иллюзия. У него нет причин так яростно защищать меня, кроме древней магии, что нас связала. А это не настоящие чувства.

Поэтому я была бы дурой, если бы наивно обрадовалась мысли, что есть кто-то в этом мире, кто готов биться за меня. Что он бы действительно рванул прямо сейчас на поиски того солдата, будь тот ещё жив.

Но так уж вышло, что я сама разбираюсь со своими мертвецами.

— То же самое ждало бы тебя, окажись у меня под рукой кинжалы, — пробормотала я. Не дожидаясь ответа, я вышла из воды и не стала ни прикрываться, ни ускорять шаг. — У тебя сейчас за спиной афанк.

Это была настолько очевидная ложь, что меня удивил последовавший резкий всплеск воды, как будто дракон поверил и реально обернулся.

В пещере остались следы прежних посещений Мэддокса или других членов Братства: нарубленные дрова, трут, латунные чашки. Мы устроились и ужинали в тишине. Дракон хмурился по причинам, которые мне были абсолютно безразличны

(абсолютно, без сомнения), я же заняла себя тем, что очищала кинжалы, пока даже острый нюх мыши не определил бы, что они были испачканы в слизи пейстов. Треск огня между нами помогал сосредоточиться.

Пока Мэддокс, конечно, не решил открыть рот. Он что-то черкал в маленьком кожаном блокноте, лежащем на его коленях.

— Теперь, когда ты их использовала, нужно дать им имена.

Я ответила, не поднимая глаз:

— Я не собираюсь называть свои новые оружия Пейст Первый и Пейст Второй.

— Это было бы оригинально, без сомнения.

Прежде чем снова воцарилась тишина, я указала на его копьё.

— Как его зовут?

Его карандаш остановился на секунду.

— Я выполню любое твоё желание, если ты сможешь угадать.

— Мне ничего от тебя не нужно.

Он медленно провёл языком по нижней губе, его лицо озарила мальчишеская улыбка.

— Ты ранишь моё самолюбие.

— Сомневаюсь.

— Мне его подарили на пятнадцатилетие. Его выковал Ойсин, поэтому оно такое совершенное и хранит пару секретов.

— И назвал ты его?.. — настаивала я. Возможно, мой голос выдал моё любопытство, но мне всегда особенно сильно хотелось узнать именно то, что от меня пытались скрыть.

— Знаешь, я предпочитаю оставлять некоторые секреты при себе, хотя бы для того, чтобы уравновесить чашу весов. Взамен я не буду настаивать на том, чтобы ты рассказала, о чём говорила с Фионном, когда старик меня усыпил; и почему ты так стремительно убегала оттуда, как будто услышала крик банши. — Он внезапно поднял голову и поймал мой взгляд. Моё сердце на мгновение остановилось. В свете костра казалось, что его глаза вернули себе цвет, который был до заклинания. Словно в них полыхала первозданная магия, и он был уже не просто Мэддоксом, а каким-то совершенно другим существом, читающим меня как открытую книгу и наслаждающимся каждой страницей. — Как тебе такое, *sliseag*?

Глава 24

У людей странные обычаи. Мужчины распоряжаются землями, деньгами и прочими богатствами. А женщины... они — собственность.
Многие переняли образ жизни сидхов и Триады, основанный на уважении и равенстве. Другие же упорно продолжают жить печальной жизнью. Я верю: придёт день, когда мы всем сможем понять друг друга.
А если нет, я выбью всю дурь из их узколобых голов, чёрт возьми!

Запись Гоба Ледяного Молота в запрещённой книге «Эпоха богинь»

Сказать, что герцогиня Сутарлан была взволнована моим возвращением, — значит ничего не сказать. Как только письмо от Пвила прибыло в её особняк в Гримфеаре, ей понадобилось всего полтора дня, чтобы вернуться в замок и приготовиться к, как она это называла, «шёлковому сражению». Хотя она повторяла раз за разом, что сожалеет о том, что поездка в На-Сиог не принесла результатов, её глаза сияли убийственным блеском, словно она разглядывала старое оружие, которое нужно наточить и смазать.

Гвен и Веледа благополучно пережили попытки Сейдж постичь искусство друидов, а Пвил и Абердин, когда мы вернулись, тут же окружили Мэддокса, проверяя, всё ли с ним в порядке. Хоп с недовольным выражением лица выхватил у меня сумку и ушёл на кухню, не сказав ни слова, что в переводе с его языка означает: «Как я рад, что ты вернулась, я очень волновался».

На следующий день после возвращения герцогини она постучала в мою дверь довольно рано. Она была одета в то, что, я была уверена, носила только в замке: комплект из ночной сорочки и халата чёрного цвета с золотой вышивкой, а также шёлковые туфли, которые почти не издавали звука при ходьбе. Её волосы всё ещё были уложены в тугой и аккуратный пучок, но в такой одежде она казалась гораздо менее грозной.

Я окинула взглядом себя: обычные брюки и блузка, которые после ночи под одеялами выглядели помятыми.

— Мда, — вздохнула герцогиня, критически осматривая меня. — Это мы тоже исправим. Пойдём, дорогая. У тебя гости.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Герцогиня повела меня по центральному коридору в чайную комнату, стены которой были украшены золотыми узорами. Все свечи были зажжены. Большая люстра в центре, отражавшаяся в зеркале в изящной раме на стене, висела над двумя великолепными диванами из орехового дерева, обитыми золотым бархатом. Диваны стояли друг напротив друга, между ними находился мягкий столик, также покрытый бархатом. На деревянных спинках диванов были вырезаны улыбающиеся сидхи.

На одном из диванов сидела девушка, смотревшая на дверь. Едва мы вошли, она вскочила на ноги. В свете свечей её волосы сияли словно чистое золото. Мы с ней пристально разглядывали друг друга. Она нервно теребила перчатки. На вид ей было примерно столько же лет, сколько и мне, но на этом сходство заканчивалось. Если я была низкой, то она высокой. Мои растрёпанные волосы не шли ни в какое сравнение с её золотыми локонами, собранными в сложную прическу. Она была одета в изысканное платье кремового цвета с длинными рукавами и корсетом, расшитым розовыми узорами, который так поднимал её грудь, что я поражалась, как она вообще в нём дышит. Широкая юбка платья подчёркивала её стройную талию и чрезвычайную тонкость запястий.

Если убрать причёску и юбку, девушка станет похожа на веточку. Хрупкая, ломкая.

Герцогиня вошла в комнату и посмотрела на нас обеих.

— Давайте познакомимся. Моя дорогая племянница, это Аланна, девушка, о которой я тебе говорила. Аланна, это Плумерия. Твоя другая ты.

Я снова внимательно осмотрела девушку. Не знаю, носила ли она каблуки, но она была на голову выше меня.

— Очень приятно, мисс Аланна, — прошептала она; её голос был едва слышным дрожащим шёпотом.

— Начинаю сомневаться в вашем плане, герцогиня.

— Глупости. Садитесь, поговорим.

Я заняла свободное место на диване, а герцогиня села рядом со мной. Плумерия несколько раз поправила юбку, прежде чем опуститься со всем присущим ей изяществом, потому что в таком платье невозможно просто взять и сесть. Я испытывала смесь уважения и страха перед тем, как элегантно она выглядела в столь ранний час.

— Не позволяй внешности Плумерии тебя обмануть. Никто при Дворе не видел её с детства, и мы все знаем, что у многих детей волосы темнеют с возрастом.

Это правда, но...

— А люди из Эйлма? Что, если кто-то из них придёт на Теу-Биад и увидит, что племянница герцогини...

— Здесь её тоже никто не знает, — перебила меня герцогиня.

Но как такое возможно? Я снова внимательно осмотрела девушку. Хотя её внешний вид был безупречен, было очевидно, что ей не хочется быть здесь. Несмотря на то, что это был дом её тёти и, казалось бы, её наследие, она выглядела более неуместно, чем я, как будто это она была здесь чужой.

Я знала только одно — герцогиня считала её глупой и с нетерпением ждала возможности заменить её мной. И теперь мне казалось, что на это может быть больше одной причины.

— Ты, наверно, всю жизнь ждала своего выхода в свет, — заметила я. Она не сводила глаз со своих рук на коленях и вздрогнула, когда я заговорила с ней напрямую. — Разве это не лишит тебя шанса на хорошее будущее?

Я никогда не была так близка к высшему обществу, как прямо сейчас в этой комнате, но знала основы. Жизни всех дочерей знатных семей вращались вокруг дебюта и поиска хорошего мужа. Им не нужно было беспокоиться ни о работе, ни о деньгах или пропитании, ни о том, замёрзнут ли они, найдут ли их Дикие Охотники. Их задача — быстро и удачно выйти замуж, чтобы как можно скорее начать рожать детей. Никогда им не завидовала.

После нескольких мгновений раздумий девушка открыла рот, но герцогиня не дала ей заговорить.

— Мы уже всё обсудили. Не беспокойся о будущем Плумерии. Всё продумано.

Затем она принялась перечислять всё, что мне нужно знать о её племяннице: как она двигается, делает реверансы, танцует, позволенные и запрещённые ответы, манеры за столом, этикет и даже то, как она смотрит. Оказывается, молодые дворянки пользовались секретным языком ресниц.

Ничто из этого не было для меня проблемой.

— Мне просто нужно провести с ней время и понаблюдать. У меня хорошо получается подражать.

Герцогиня лукаво улыбнулась.

— Это я знаю. Но, как тебе известно, я предпочитаю говорить прямо. На этот раз ты не будешь играть перед обычной публикой. Ты не будешь глупенькой продавщицей, на которую никто не обращает внимания. Ты станешь наследницей герцогини, рождённой править одним из четырёх герцогств королевства, и место, куда мы отправимся, полно кровожадных чудовищ, куда страшнее Спорайна. Один неверный шаг — и даже я не смогу собрать твои останки.

Мои босые ступни медленно утопают во влажном песке. Это ощущение просто волшебное. Мельчайшие золотисто-белые песчинки проникают меж пальцев и щекочут кожу. Я оглядываюсь назад и, хотя мне кажется, что я гуляю уже долго, следы начинаются всего в нескольких метрах.

Я знаю, что это сон, потому что я на открытом воздухе, в самом воздушном и полупрозрачном платье, которое я когда-либо видела. Я даже не знала, что такое платье может существовать. Поэтому оно не может быть реальным. И хотя я клянусь, что никогда бы не надела что-то подобное, всё равно с трепетом провожу пальцами по его бокам. Оно насыщенного зелёного цвета, как листья берёз весной, и на ощупь похоже на холодное масло. Мои ноги попеременно то обнажают, то скрывают два разреза, доходящие до бёдер.

«Никогда бы не надела ничего подобного», — думаю я, теребя более плотные полосы ткани, охватывающие мою талию и грудь и оставляющие большую часть тела на виду. Но я не могу отрицать, что это красиво. Нет ни корсетов, ни ремней, ни каблуков, ни необходимости скрывать ключицы платком.

Второй примечательной деталью сна является Мэддокс, сидящий вдали на песке. Его мощные, удивительные крылья, не скрытые чарами, сейчас сложены и касаются земли. Он расслабленно опустил руки на колени и смотрит на воду.

Он тоже одет гораздо менее формально, чем обычно, и в стиле, который я никогда не видела на мужчине. Босой, в свободных чёрных штанах и белой рубашке, не застёгнутой и с рукавами, закатанными до локтей. Мой взгляд бесцеремонно скользит по его обнажённым мускулам и татуировке на ключицах, идентичной моей.

Тёплый солёный ветер меняет направление и теперь дует мне в спину. Спустя несколько секунд Мэддокс выпрямляется и поворачивается ко мне. Он не встаёт и не делает никаких движений, но я прекрасно чувствую, как его взгляд скользит по моей фигуре, с головы до ног и обратно.

Я останавливаюсь перед ним. Его губы чуть приоткрыты, и выражение лица... У меня учащается пульс. Его глаза полностью янтарные; они светятся изнутри.

Поскольку Мэддокс в моём сне не спешит заводить разговор, я указываю на его крылья.

— Тебе не больно? — Вся нижняя часть крыльев смялась, распластавшись по земле.

Он моргает несколько раз, как будто выходит из транса. Его глаза оглядывают береговую линию, по которой я пришла, словно он что-то ищет. Затем уголки его губ слегка приподымаются.

Он чуть подёргивает крыльями, разбрасывая песок вокруг.

— Они сделаны из мембраны, гораздо более гибкой, чем кажется, что позволяет отлично маневрировать во время полета. — Его голос звучит хрипло, как бывает, когда долго не говоришь или когда тебя переполняют сильные эмоции. — Хочешь проверить?

Одно из его крыльев разворачивается у плеча и приближается ко мне. У меня уходит несколько секунд на осознание того, что он приглашает меня прикоснуться к ним.

Это ведь сон, так какая разница?

Я касаюсь пальцами жёсткой части, которая издалека кажется пятью вытянутыми пальцами. Это чистая кость. Я спускаюсь ниже и ахаю, коснувшись мембраны. На ощупь как самая качественная кожа.

— Она очень мягкая, — шепчу я.

Он не отвечает. Его взгляд прикован к моим пальцам; я даже готова поклясться, что его скулы покрылись румянцем. Беззастенчиво улыбаюсь. Увидеть смущённого Мэддокса — это зрелище, достойное внимания.

Сажусь рядом с ним и наслаждаюсь видом на море, о существовании которого я даже не подозревала. Вода здесь бирюзовая и настолько прозрачная, что хорошо видно дно.

Я глубоко вдыхаю солёный воздух.

— Удивительное место.

Меня никогда не тянуло к побережью, но это место не имеет ничего общего с берегами Гибернии. Море Вах всегда бурное и грозное, и никто не приближается к его берегам из-за диких манан-лир. Но этот пляж... Как и с платьем, я не могу отрицать приятные искорки в груди, когда вижу столько красоты и ярких красок.

Мэддокс смотрит на меня так пристально, что его взгляд почти обжигает.

— Ты знаешь, где находишься?

Да, в своей постели, сплю.

Изгибаю губы в саркастичной усмешке.

— А ты?

К моему удивлению, он медленно кивает.

— Это мой дом. Дагарт.

Это название пробуждает отголоски воспоминаний, но я не могу за них ухватиться. К тому же...

Хмурюсь.

— Почему в своём сне я оказалась у тебя дома, если никогда не видела этого места?

Мэддокс отвечает полуулыбкой и внезапно подаётся вперёд. Он опирается одной рукой на песок и наклоняется, пока его лицо не оказывается в нескольких сантиметрах от моего. Я не вижу ни моря, ни неба, только Мэддокса, и чувствую тепло и восхитительный запах, исходящие от него.

Мой взгляд опускается с его глаз к губам, и я невольно задаюсь вопросом, почему я впервые вижу настолько отчётливый сон, что могу даже сосчитать волоски на его челюсти. Почему мне кажется, что моя кожа действительно впитывает солёный воздух. Почему от мысли, что от поцелуя нас отделяет одно малейшее движение, моё сердце совершает всевозможные кульбиты.

Это самый странный сон, который у меня когда-либо был.

И я думаю, что хотела бы остаться в нём намного дольше.

Когда Мэддокс говорит, его дыхание касается моих губ. Я почти уверена, что чувствую запах виски.

— Кто сказал, что мы сейчас в твоём сне?

Я резко поднимаю взгляд. Дракон смотрит на меня так, будто бросает вызов; я забываю как дышать.

— Это всё нереально, — шепчу я. Не может быть. Я пожирала его глазами и бесстыдно трогала его крылья.

Он тихо смеётся, демонстрируя свои красивые зубы, и его лицо становится не просто привлекательным, а убийственно красивым. Он спокойно убирает непослушные пряди моих волос за ухо и оставляет руку там, ласково касаясь моей щеки.

Его золотые глаза снова находят мои губы.

Низ моего живота пульсирует в ответ.

— Думаю, теперь моя очередь посетить тебя. Мне не терпится узнать, куда ты меня приведёшь. И на будущее предупреждаю. — Он нежно проводит большим пальцем по уголку моих губ, оставляя огненный след. — В следующий раз, когда ты появишься в моих снах, я не буду джентльменом и не позволю тебе долго оставаться в этом платье.

С резким вдохом я проснулась в своей комнате, одна, свернувшаяся клубочком под одеялами. Шум волн, лижущих берег, всё ещё звучал в моих ушах, как и стон дракона.

Какого чёрта?

Почему мне снилось нечто настолько странное... и о нём? С тех пор, как он ушёл из Эйлма, вскоре после возвращения из На-Сиог, я так гордилось собой за то, что смогла выкинуть его из своих мыслей. Слишком занятая делами с герцогиней, я не беспокоилась о нём и его словах в пещере в горах. То, что он подозревает меня, уже само по себе плохо, поэтому я предпочитала не подливать масла в огонь; дистанция пойдёт мне на пользу.

Подсознание сыграло со мной злую шутку.

Пока я не повернулась в постели, я не заметила, что засунула руку под блузку, касаясь своих ключиц. Я резко убрала её.

Моё обучение, запланированное герцогиней, не ограничивалось временем, проводимым с её племянницей. За эти дни я узнала, что она очень дотошна, одержима деталями и заранее продумывает всё, что может пойти не так. Полагаю, только так можно выжить при Дворе.

Когда она увидела мои новые кинжалы и ножные ремни, её глаза загорелись.

— Ты умеешь ими пользоваться?

— Конечно.

— Ах, но умеешь ли ты пользоваться ими в платье?

На моё удивлённое выражение лица она тихо рассмеялась и похлопала меня по руке.

— Нам предстоит гораздо больше работы, чем я думала.

Гвен принесла мне пример платья, которое мне предстояло носить во время Теу-Биада. Оно, вероятно, принадлежало ей самой, потому что в платьях Плумерии я выглядела бы как ребёнок, играющий во взрослую. Я обнаружила, что оно состояло не из одного куска ткани, а из множества слоёв. Большинство из них даже не были видны, скрытые под верхним слоем, так что я не понимала, зачем они вообще нужны.

— Подъюбники нужны не для красоты; это необходимый элемент, — настаивала герцогиня. — Представь, что ты упадёшь, юбка задерётся, и все увидят, что на тебе нет нужных нижних юбок?

— Что, люди при дворе не будут счастливы увидеть мою промежность?

Я вскрикнула, получив пощёчину. После чего герцогиня приказала Гвен и Веледе научить меня одеваться. При дворе со мной будут служанки герцогини, которым можно доверять и которые будут помогать мне во всём, но я должна казаться привыкшей ко всем этим нарядам и знать, куда что надевается.

Туфли на каблуках были абсурдными. Кто бы их ни придумал, он, казалось, забыл, что у женщин пять пальцев на ногах. Когда я встала, меня качнуло, и девушкам пришлось поддержать меня. Чёрт возьми! Придётся тренироваться ходить в них.

Наконец, я прикрепила ремни к бёдрам, разместив тонкие кожаные ножны, которые изготовил для меня Ойсин: две на внешней стороне правого бедра, одну на левом. Затем вложила кинжалы в ножны. Их вес придавал мне уверенности и сил — то, что мне понадобится при Дворе.

Я с неохотой посмотрела в зеркало. Платье было красивым, но оно не совсем подходило мне; возможно, дело было в тенях, которые не гармонировали ни с чем.

Голубоватый цвет делал меня ещё более бледной. К тому же, прямой вырез обнажал ключицы и проклятую татуировку.

Герцогиня возвела руки к небу, увидев нас.

— О Триада, что вы тут устроили?

Гвен растянулась на диване во весь рост (который, впрочем, был не шибко большим). Плумерия стояла у окна, прямая как тростник. Они раздвинули диваны и столики к стенам, освободив пространство в центре комнаты и открыв вид на весь коричневый ковёр с вышитыми птицами. Веледа сидела на стуле у стены в роли зрителя.

— Неважно, я готова.

— Это мы ещё посмотрим. Подойди.

Её проницательный взгляд орлицы исследовал меня, задержавшись на ключицах.

— С этим, конечно же, нужно что-то делать. А теперь покажи, что умеешь. Атакуй меня.

Со своего стула Веледа наклонилась вперёд в ожидании. Я недоверчиво открыла рот.

— Что вы сказали?

Гвен выпрямилась на диване.

— Не лучше ли сначала всё объяснить?..

— Молчать, юная леди.

Блондинка снова откинулась на спинку, пробурчав что-то себе под нос.

— Хотите, чтобы я использовала кинжалы или...

Должна признать, я растерялась.

Герцогиня подняла бровь.

— Что сочтёшь нужным.

Я не хотела причинить вред герцогине Аннвин и испортить весь план, поэтому слегка согнула колени и решила, что просто сбить её с ног будет достаточно.

— Можно начинать? — спросила я.

— Да, дорогая, пока я не состарилась.

Я рванула к ней, но забыла про каблуки. Моя лодыжка подвернулась, и я покачнулась в сторону. Герцогиня схватила меня за руку, и я подумала, что она поможет мне восстановить равновесие, но она положила другую руку мне на плечо, надавила, и я внезапно оказалась в воздухе.

Я рухнула на ковер. Лицо герцогини нависло надо мной. Её губы скривились в презрительной усмешке.

— Жалкое зрелище.

Я потёрла плечо, морщась. Она… Она была сильной. Намного сильнее, чем казалась.

— Это мой первый раз на каблуках.

— Ах, правда? Ни за что бы не догадалась.

Она протянула мне руку, чтобы помочь встать, и я осторожно приняла её помощь.

— Ты поступила правильно, Игнас, — раздался глубокий мужской голос, полный снисходительности. — Ты показала себя благоразумной и верной. А ты знаешь, что я очень ценю верность, правда?

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Женщина стояла на коленях и смотрела исключительно на свои собственные руки, аккуратно сложенные на коленях, не выдававшие ни малейшего признака бури внутри неё. Ей хотелось подняться. Хотелось подойти к нему, взойти на те ступени, что их разделяли, и заставить его заплатить. Она бы нанесла ему столько ударов, что весь трон окрасился бы в красный, а потом выставила бы его тело на всеобщее обозрение, чтобы...

Она незаметно сделала глубокий вдох.

Успокоила своё сердце.

Есть вещи важнее бесполезной мести.

— Да, ваше величество.

Я встала. Гвен поднялась с дивана. Она смотрела на герцогиню с неодобрением.

— ...прежде всего. Пусть научится ходить на каблуках и носить платья. А потом уже дерётся сколько захочет.

Мне хотелось бы возразить, но я всё ещё приходила в себя после того, что мне показала тьма. Тот голос… Он принадлежал королю. Герцогиня почему-то стояла перед ним на коленях. И всем сердцем желала ему смерти.

Я прочистила горло.

— Дайте мне немного времени привыкнуть ко всему этому, а потом посмотрим, кто кого уложит на лопатки.

Её глаза блеснули.

— Договорились.

Последующие дни я посвятила наблюдению за каждым шагом и жестом Плумерии и Гвен. Последняя облачалась в свои лучшие наряды, спрятав воительницу под множеством слоев атласа. Если у меня и оставались сомнения в её знатном происхождении, то полная трансформация в благородную даму их окончательно развеяла. Как-то раз пришла Сейдж, но, увидев нас, тренирующихся с веерами из перьев, развернулась и тут же исчезла. Веледа, напротив, присутствовала всегда, когда могла. Хоть она и по обыкновению сидела тихо большую часть времени, её любопытные глаза не упускали ни одной детали.

Я научилась держать равновесие на каблуках и ходить на них бесшумно. Также мне пришлось столкнуться с тем, что корсет сильно ограничивает дыхание, что кинжалы выскальзывают из шёлковых перчаток и что при Дворе постоянно пьют просяное пиво.

Спустя неделю герцогиня рассказала мне о тайных карманах в платьях.

— Я уже приказала сшить все необходимые наряды для Теу-Биад по твоим меркам. Когда они прибудут, Хоп придаст им окончательный вид. Смотри.

Она провела руками по юбке, разглаживая складки, и через мгновение у неё между пальцами оказался кинжал. Он был тоньше моего, около десяти сантиметров в длину. Казалось, он идеально подходил для того, чтобы вонзить его между костями и мышцами, как иглу.

— Быстро и тихо, видишь? Даже если тебе придётся использовать оружие на приёме, мало кто заподозрит леди. Важно незаметно вытащить его и быстро спрятать обратно. Потом притворись удивлённой; если нужно, упади в обморок.

И с очередным движением юбки кинжал исчез. Затем она показала мне разрезы между складками платья, на уровне бёдер. Они были сделаны так искусно, что не были видны ни при ходьбе, ни при сидении, но позволяли рукой добраться до ножен.

— Изысканно, — пробормотала я. — Сколько дам прячут такие сюрпризы под своими платьями?

Герцогиня ахнула в ужасе.

— Никто, дорогая! Мы всего лишь нежные хрупкие женщины. Наши руки не созданы для того, чтобы держать оружие.

Я закатила глаза.

— Разумеется.

Она несколько раз показала мне, как использовать складки платья, чтобы скрыть свои движения; я поняла, что мне придётся много практиковаться, чтобы научиться прятать кинжалы таким образом — на ощупь, не глядя. Честно признаться, меня переполняло волнение от этих занятий. Было что-то захватывающее в том, чтобы осваивать эти скрытые техники. Корсеты и каблуки больше не казались такими ужасными. Я думала, что если овладею ими полностью, они станут для меня ещё одним видом брони.

Той, что приведёт меня к Каэли.

Герцогиня в последний раз спрятала свой кинжал и направилась к двери.

— Пойдём. Я хочу ещё раз увидеть, как ты справляешься со столовыми приборами.

Я тяжело вздохнула, следуя за ней. Эта часть занятий меня совершенно не вдохновляла. Женщина ухватилась за дверной косяк и, оглянувшись через плечо, предупредила:

— Лучше всегда держи в голове мысль, что у всех при Дворе под одеждой есть сюрпризы. Оружие, намерения, трупы, секреты. Все что-то скрывают, дорогая.

Глава 25

Клянусь под омелой и дубом, что всё, что я собираюсь изложить и подтвердить на этих страницах, является правдой. И несмотря на величие многих деяний, о которых вы здесь прочтёте, поверьте мне. Ещё более вели́ки те, кто их совершил.

Примечание автора к «Эпохе богинь»

— Я разработала заклинание, которое замаскирует татуировку. Оно также изменит цвет твоих глаз и поможет против гематита, если потребуется.

— Пвил же проверил это заклинание, да?

Сейдж медленно повернулась ко мне. Её тёмные глаза сулили мне страшные муки.

Худенькая Веледа прошла между нами, в руках у неё было книжек шесть минимум.

— Простите, — пробормотала она, кладя их на стол.

С дивана у окна — своего излюбленного места в библиотеке — улыбнулась Гвен.

— Ты не сможешь вечно предотвращать кровопролитие, Вел.

Девушка ответила на удивление дерзко:

— Лишь бы не в библиотеке.

Мы с Сейдж вновь обменялись враждебными взглядами (я не доверяла её друидским умениям, и её это оскорбляло до глубины души) и взялись за книги. Среди них была «Двор Паральды», которую я бы с удовольствием продолжила читать, если бы не занятия с герцогиней. Самая тонкая, больше похожая на брошюру, чем на книгу, называлась «Легенды и мифы», обложку которой украшала иллюстрация с четырьмя всадниками на лошадях с длинными рогами на лбу. Самая толстая же книга...

Я затаила дыхание.

«Эпоха богинь».

Самая запрещённая из всех запрещённых книг. Её автором был один из самых могущественных друидов всех времён, Огмий, который погиб на войне, защищая Триаду. Считалось, что в книге описаны все важные события с тех пор, как богини и дракон сошли со звёзд.

Говорят, что в Гибернии существует лишь один экземпляр, и он находится в руках короля. С неким благоговением я провела рукой по обложке из коричневой кожи, на которой было всего два выгравированных золотых символа: авен и оив.

Дверь библиотеки скрипнула, и вошли Абердин, Пвил и герцогиня.

— Доброе утро, дамы, — громогласно произнёс Абердин. — Мы не помешали?

— Как будто это имеет значение, — ответила герцогиня. — Располагайтесь поудобнее, нам сегодня предстоит обсудить несколько исторических вопросов.

Гвен улизнула быстрее кошки, а Сейдж бросилась к самому мягкому креслу. Пвил подошёл к столу и улыбнулся мне.

— Великолепно, правда? — сказал он, указывая на книгу.

— Она настоящая?

Он покачал головой. Его всегда растрёпанные волосы качнулись из стороны в сторону. За ухом у него держалась сигарета.

— Боюсь, это не слишком точная копия. Но, по крайней мере, нам повезло узнать часть её содержания. Давай, садись.

Мы все уселись вокруг стола, поверхность которого была завалена бумагами, чернильницами, перьями и потушенными подсвечниками. Утренний свет лился через стеклянный купол над нашими головами; в Аннвине стоял ясный и прекрасный день, почти предвещающий весну. Гвен уговаривала меня прогуляться по окрестностям, но герцогиня приказала пойти в библиотеку.

Пвил и Абердин сели рядом и взялись за руки под столом; Веледа заметила это и улыбнулась. Интересно, каково это — расти с двумя людьми, которые так открыто любят друг друга?

Герцогиня села во главе стола, и я почувствовала лёгкое покалывание в ключицах. Мне хотелось почесаться, но я сдержалась. Я сильно сомневалась, что прикосновения к ним и странные сны как-то связаны, но решила не искушать судьбу.

— На самом деле, я не знаю, зачем вы все здесь собрались. Где Гвен? Проклятая девчонка, даже слышать ничего об истории не хочет, сразу убегает в ужасе. В общем, моя цель сегодня — прояснить любые вопросы по поводу Теу-Биада. В этом году он будет отличаться от предыдущих, и даже я не знаю всех деталей, поскольку король лично подготовил несколько сюрпризов, но праздник всегда следует определённым шаблонам. И я из тех, кто считает, что знание — это сила. Ты согласна, дорогая?

«Знание — сила», — прозвучал в моей памяти голос Ффодора. Моё сердце забилось чаще.

— Да, — прошептала я.

Пвил наклонился вперёд.

— Думаю, будет уместно начать с самого начала.

Герцогиня сделала неопределённый жест запястьем, как раз в тот момент, когда дверь снова заскрипела.

— Тогда всё в твоих руках. Ах, Мэддокс, ты вернулся.

Все стулья, кроме моего, заскрипели, когда присутствующие повернулись, чтобы поприветствовать дракона. Спустя две недели он снова вернулся к нам. Я не знала точной причины его отъезда, только то, что это как-то связано с Охотниками. Возможно, ему нужно было отчитаться в Академии или выполнить приказ своих господ. Однако Гвен и Сейдж не уехали вместе с ним.

Хоть я и могла расспросить у девушек подробности, делать этого я не стала.

— Я встретил Гвен в вестибюле, и она сказала, что вы собираетесь проторчать здесь всё утро.

— Всё в порядке, сынок? — спросил его Абердин.

Если дракон и ответил что-то, я этого не услышала. Он занял стул справа от меня, его крупное тело буквально поглощало пространство, и игнорировать его было невозможно. Зачем он уселся? Почему не пошёл отдыхать?

— Привет, *sliseag*, — тихо произнёс он.

«В следующий раз, когда ты появишься в моих снах, я не буду джентльменом и не позволю тебе долго оставаться в этом платье».

Я закашлялась. Чёртово подсознание.

— Привет.

— Ну что, уже научилась умирать как истинная леди? — Сарказм сочился из каждой его фразы. Было ясно, что ему не нравилось моё участие в роли Плумерии.

— Да, теперь я знаю, как отравиться на изысканном ужине, как задохнуться от слишком тугого корсета, как проткнуть себе глаз спицей от веера и...

Кто-то громко кашлянул. Все, особенно Пвил, наблюдали за нами с поднятыми бровями. На лице Абердина смешались одновременно веселье и признание своего полного бессилия в данной ситуации

— Прошу прощения, — пробормотал Мэддокс.

Едва мы перестали быть в центре внимания, как он снова прошептал:

— Думаю, ты скучала по мне.

Игнорируй его.

Не поддавайся на его игры.

— Вот как? И что же навело тебя на эту мысль?

Его взгляд на долю секунды опустился к моим губам, как во сне.

— Назовём это интуицией.

Я наблюдала за ним с самым утончённым и безукоризненным выражением безразличия. Он был одет полностью в чёрное, как всегда, и пах так, будто провёл много дней в пути: лошадьми, потом и свежим воздухом. Его запах должен казаться мне неприятным, но… нет.

Пвил начал коротко излагать то, о чём я уже говорила с Фионном: прибытие Триады и Ширра в Гиберию, создание четырёх рас сидхов, расцвет магии в королевстве и её падение с приходом Теутуса из Иного мира, вознамерившегося поработить себе всех. У меня свело живот, когда он затронул тему пророчества и последующих событий.

Я вспомнила горькие слова Фионна: *«Все, кто наблюдал за ними, знали, что это не могло закончиться ничем хорошим».*

Пвил замолчал, его рот открылся, но из него не вышло ни звука. Мужчина сидел неподвижно несколько секунд, его длинные изящные пальцы касались стопки книг. Абердин нежно погладил его по бедру.

— Во время войны произошло много ужасных вещей, — продолжил Пвил. — В конце концов Тараксис сдалась Теутусу, умоляя о пощаде. И так, со смертью Триады, всё закончилось. Выживших находили и убивали, и продолжают убивать в наши дни. Теутус,

как и обещал, короновал сына королевы Луахры, Нессию I. Он объявил его королём всей Гибернии, и Двор людей остался единственным из всех. Теутус позволил демонам бродить по Гибернии, как всегда мечтал, и запретил всё, что связано с сидхами. Он не только определил, что будет единственным богом, которому можно поклоняться, но и оставил чёткие указания в договорах о том, какой он хотел видеть новую Гиберию: никаких сидхов, никакой магии рас и ни одного воспоминания о Триаде. И, удовлетворённый результатом, он вернулся в Иной мир. — Пвил со вздохом откинулся на спинку стула. — Эпоха богинь закончилась, и наступила Эпоха королей.

Было удивительно слушать эту историю целиком, а не собирать по кусочкам из разных текстов. Было странно сидеть в этой комнате, когда рассказывали о моём происхождении и о том, почему столько поколений были обречены на несчастье. Хотя никто особо не смотрел на меня, я всё равно чувствовала себя так, словно за каждым моим движением следят, и я должна изо всех сил стараться казаться нормальной. Как я могу чувствовать себя виноватой за то, что произошло пятьсот лет назад?

Мой род — лишь одно из многих печальных последствий. Мы с Каэли — такие же жертвы давних событий, как и все остальные сидхи.

Вот только ты можешь что-то сделать, чтобы это исправить, а остальные — нет.

Лучше бы я сбежала с Гвен. Сейчас мы бы уже были далеко от замка, наслаждаясь лучами солнца и свежим воздухом.

— Однако одна легенда всё же остаётся, — вмешалась герцогиня. Она подняла в воздух «Легенды и мифы» и помахала книгой. — О ней говорят только шёпотом, потому что тот, кого услышат, закончит на виселице. Эта легенда гласит, что не все младенцы погибли от рук Теутуса. Один был спасён. Неизвестно, как и куда исчез этот ребёнок, но есть надежда, что его род выжил до наших дней, и его потомок когда-нибудь решит исполнить пророчество и спасёт всю Гиберию.

Несколько секунд не моргала, не глотала, даже дышать не осмеливалась.

После напряжённого молчания, когда каждый погрузился в свои мысли, Сейдж внезапно выплюнула:

— Абсурд. Если бы такой род существовал, он бы оставил следы. Мы бы знали.

— Ну, есть те, кто говорит, что именно поэтому первой умерла Ксена, — сказал Абердин. — Теутус пропитал долину её кровью, потому что именно она спасла одного из младенцев.

— Отличная теория. Звучит правдоподобно, — согласился Пвил.

Сейдж смотрела на них так, будто они сошли с ума.

— Что же тут хорошего? То есть ключ к спасению Гибернии якобы существует, но просто скрывается ото всех.

Абердин наклонил голову в сторону.

— Возможно, он просто не знает.

— Ты бы мог не заметить, если бы у тебя в венах текла кровь богов?

Мужчина согнул свои огромные руки, демонстрируя мышцы и татуировки.

— А вдруг? — пошутил он.

Его самодовольная ухмылка показалась мне очень знакомой: у Мэддокса была такая же. Пвил поднял очки и потёр переносицу.

— Не позорь меня, дорогой.

— А вы что думаете? — спросила Сейдж у герцогини. — Верите ли вы, что существует пятая раса с божественной кровью, или это всего лишь сказка, чтобы сидхи не падали духом?

Я внимательно наблюдала за женщиной. Свет падал на её лицо, подчёркивая седые пряди в её пучке и морщины на её лице. При всей её удивительной энергичности она уже давно немолода. Она не только унаследовала герцогство, но и заняла высокое положение в Братстве, постоянно рискуя быть раскрытой и убитой, поэтому я задавалась вопросом, не было ли ей когда-нибудь слишком тяжело.

Хотелось ли ей когда-нибудь другой жизни.

Игнас Сутарлан задумчиво поглаживала корешок книги.

— Божественная кровь или сказка? Хмм... — И внезапно, как будто очнувшись от транса, она моргнула и поставила книгу обратно на полку вместе с остальными. — Думаю, это всё неважно. Есть ли наследник или нет его, на нашу ситуацию это не влияет. Наше прошлое, наши намерения и планы не меняются. Мой дедушка всегда говорил, что умные люди сосредотачиваются на том, что у них в руках, а глупцы тратят время на мечты о большем. Братство выживало всё это время, не надеясь на помощь какого-то мифического наследника из особенного рода. Сказки не спасают жизни.

Сейдж хлопнула по столу, улыбаясь.

— Именно!

Абердин и Пвил обменялись весёлыми взглядами.

— Мы предпочитаем верить. Это красивая легенда.

— Я тоже, — внезапно сказал Мэддокс. — Честно говоря, было бы здорово, если бы появился кто-то, кто избавил бы нас от этой работы.

Герцогиня и Сейдж одновременно закатили глаза. Я опёрлась предплечьями на стол и подняла брови.

— Прошу прощения, герцогиня, но разве мы не собирались говорить о Теу-Биаде?

Наконец, разговор свернул на менее болезненные для меня темы. Годовщина войны, как я уже знала, длилась три дня. Три дня, в которые все придворные, элитные воины (такие как Дикие Охотники) и некоторые знатные демоны собирались в замке по приглашению королевской семьи. Они оставались там на три ночи, а на четвёртый день все отправлялись к Толл-Глору. Празднования заканчивались краткой речью короля у портала в Иной мир.

— Каждый день празднования посвящён одной из трёх богинь, — объяснила герцогиня. — Первый день — Ксене, богине жизни; второй — Луксии, богине смерти; и третий, оставляя лучшее напоследок, — Тараксис, богине любви и несчастной жене Теутуса.

— Им ни в коем случае не отдают почести, — уточнил Пвил. — Это ежегодная насмешка над их смертями, придуманные лживые истории и преувеличение или искажение многих фактов о войне.

Я кивнула.

— Я знаю. Слышала об этом.

Герцогиня посвятила всё утро рассказу о том, как обычно проходит празднование. Начиналось всё с парада элит, прибывающих ко Двору по Дороге Луахры, чтобы простой народ мог хотя бы мельком, хотя бы издалека увидеть знать. Затем официальный приём и первый бал, за которым следовали развлечения первого дня. Второй день проходил по-разному, но третий всегда завершался театральным представлением, изображающим сцену, как Тараксис погибает и Теутус вонзает меч в камень на холме Тинтагель.

— Как я уже говорила, в этом году всё будет по-другому. Как минимум, будут присутствовать Тёмные Всадники. Мы уже знаем, что Дуллахан пробудился, так что Нукелави появится скоро, если его ещё не разбудили.

К полудню мы сделали перерыв на обед. Все собрались на кухне, где Хоп заканчивал тушить ягнёнка с морковью, луком-пореем, капустой и картофелем. Он сидел верхом на Дедалере, посыльном кабане замка, чтобы доставать до котла. Тем временем животное с аппетитом поедало кожуру, разбросанную по полу.

Я села между Гвен и Сейдж, с одной стороны моё ухо терзал звонкий смех, а с другой — мои рёбра подвергались случайным тычкам. Мне это не показалось таким уж неприятным, как могло бы. Пвил тихо рассказывал что-то Веледе, отчего она всё время улыбалась, а Мэддокс и Абердин горячо спорили о том, что вкуснее — говядина или ягнёнок.

Я закрыла глаза на мгновение и мысленно потянулась к энергии Каэли.

«Вот бы ты сейчас была здесь».

— Ты так и будешь наступать на ноги бедной Веледе, или мы можем перейти к риннце-фада?

Девушка поспешила заступиться за меня:

— Нет, не волнуйтесь, это было всего пару раз. У Аланны получается всё лучше и лучше...

Последние слова она произнесла чуть более высоким тоном, словно сама не верила своим словам. Очевидно, герцогиню так просто не обманешь. Она сделала знак Гвен, игравшей на арфе в углу, чтобы та продолжила нежную мелодию. Гвен держала инструмент между ног, её маленькие пальцы касались двенадцати струн с мастерством профессионального музыканта. Веледа ловко подхватила ритм и начала скользить по большому залу так, словно родилась для этого.

Тем временем я позволяла себя вести и старалась не спотыкаться о собственные ноги, которые вдруг показались какими-то чужими, будто не они были со мной последние двадцать лет. Я бы поклялась, что даже тьма за занавесками огромных окон смеялась надо мной.

Осознание того, что у меня плохо получается танцевать, привело меня в уныние. Почему это так сложно? И что может быть приятного в том, чтобы вторгаться в личное

пространство других людей (и своё собственное) подобным образом? Повезло хотя бы в том, что герцогиня позволила мне сначала попрактиковаться в брюках, чтобы я могла хорошо видеть свои шаги и правильно выучить хореографию. В помощь мне Веледа тоже надела брюки, одолженные у Сейдж, демонстрируя длинные стройные ноги. Гвен присвистнула при её появлении, и Веледа покраснела от шеи до лба.

Её аромат орехов и чёрных ягод уже вскружил мне голову, как вдруг поверх музыки раздался голос:

— Теперь я верю, что поездка того стоила.

Пальцы Гвен застыли на арфе, и мы все обернулись к двери, ведущей внутрь замка.

Полированный мраморный пол нежного кремового цвета отразил две фигуры. Мои глаза-предатели скользнули к более высокой из них. Мэддокс. Он шёл с нарочитым равнодушием, засунув руки в карманы чёрных штанов. Я могла пересчитать по пальцам одной руки все наши встречи с тех пор, как мы вернулись из На-Сиог (и за всё это время у меня больше не было странных снов). И хотя это шло вразрез со всем, что я знала о драконе, но меня не отпускало ощущение, что он меня избегает. Или, может быть, это было связано с той темой, которую все так активно обсуждали, как будто хотели, чтобы я услышала, но я всё время была “слишком занята” и не обращала внимания.

Прямо сейчас он смотрел на меня с полуулыбкой, но меня не волновало, что он увидел меня похожей на неуклюжего утёнка. Нет. Вовсе нет.

Как вдруг я поняла, кто произнёс слова про стоящую поездку, и подняла обе брови. Оберон стоял рядом с ним, в высоких сапогах, узких брюках, синей рубашке и облегающем кожаном жилете, и широко улыбался. Его длинные пепельные волосы были собраны в высокий хвост, а виски украшали несколько косичек.

Хотя внешне он был неотличим от человека, что-то всё-таки выдавало в нём сидха.

— Смотрите, что прилив принёс на берег, — пробормотала герцогиня.

Оберон сделал глубокий поклон.

— Всегда приятно вернуться к вам, Игнас.

— Да-да.

Руки Веледы медленно отстранились от моей талии, и я посмотрела на неё. Её всегда спокойное и добродушное лицо сменилось маской... гнева? Добрая Веледа вдруг разозлилась? Ни с того ни с сего?

Она направилась к вновь прибывшим спокойными, но решительными шагами. Улыбка Оберона слегка дрогнула, это было едва заметное движение уголков губ.

— Сколько лет, Вел! Тебе идут эти брюки...

Его слова оборвались сдавленным возгласом. Мэддокс отступил, и струны арфы издали ужасный звук, словно Гвен не удержала пальцы.

Веледа отошла в сторону, и Оберон рухнул на пол, обеими руками сжимая пах и побледнев ещё сильнее.

— Чёрт, — всхлипнул он, корчась от боли.

Улыбка Мэддокса теперь была растянута до ушей.

Стиснув кулаки, Веледа смотрела на Оберона сверху вниз. Думаю, все мы задержали дыхание, ожидая её следующих слов — чего-то, что могло бы дать нам подсказку, почему

она это сделала. Но она продолжала молчать. Разжав кулаки и сделав глубокий вдох, она вышла из зала.

Я поспешила за ней, слыша, как герцогиня весело воскликнула:

— Неужто первый раз сталкиваешься с последствиями своих действий, дорогой?

Я догнала Веледу в конце коридора. Не стала её останавливать, просто шла рядом. Одного взгляда на её лицо было достаточно, чтобы понять, что внезапная вспышка гнева прошла так же быстро, как и появилась. Теперь девушка выглядела подавленной.

— Это был один из лучших ударов коленом, что я видела в своей жизни.

— Да ладно, я ведь не воительница, как вы.

Воительница? Я считала себя в лучшем случае просто той, что умеет выживать.

— А хотела бы?

Постепенно она замедлила шаг, пока не остановилась. Мы оказались у узкого окна с видом на Муирдрис.

— Что?

— Все эти недели ты проявляла большой интерес к моим тренировкам. Я даже видела, как ты практиковала некоторые движения, когда думала, что никто не смотрит.

Она молчала, глядя на меня как олененок на волка, что казалось нелепым, учитывая, что мой нос едва доходил до её подбородка.

— Я могу помочь тебе улучшить технику разбивания яиц, — заверила её с улыбкой. — В худшем случае ты заработаешь себе странную репутацию. В лучшем — почувствуешь себя сильнее.

Она моргнула от неожиданности.

— То, что произошло...

— Это твоё дело, — перебила я её. — Ты не обязана рассказывать, если не хочешь.

Она задумалась на несколько секунд.

— Ты ведь предлагаешь это не из жалости, правда?

Неуверенность в её голосе тронула меня до глубины души.

— Ни в коем случае. Мне кажется, это может быть весело. Или я ошиблась, и тебе это не интересно?

— Нет, ты права. Я всегда хотела научиться. — Она ещё пару секунд колебалась, прежде чем уверенно кивнуть. При свете окна сбоку её каштановые волосы как будто переливались золотом. — Буду рада, если ты меня научишь, Аланна. Спасибо.

— Не благодари. Взамен тебе ещё придётся потерпеть мои наступания на ноги.

Глава 26

Некоторые из самых сладких ягод растут среди самых острых шипов.

Популярная поговорка в Гибернии

Дни и ночи сменяли друг друга, пока продолжалась моя подготовка. Зима, наконец, уступила место весне в ветреный день, и Мэддокс теперь чихал на каждом углу. До Теу-Биада оставалось меньше двух недель. Платья уже прибыли в замок. Мои глаза чуть не вылезли из орбит, когда я увидела, что их больше десяти. И это не считая нижнего белья, ночнушек, аксессуаров и украшений.

— Я думала, праздник длится всего три дня, — произнесла я, глядя на груду открытых сундуков и разложенных тканей в спальне герцогини. Хоп уже принялся за создание знаменитых карманов-убийц.

— Четыре. Не забудь про паломничество. А что?

— Когда мне понадобятся все эти наряды?

— Ах, дорогая. Поверь мне, ты всё это наденешь.

В один из дней с утра, когда небо затянули чёрные тучи, мы с Веледой вышли потренироваться в сад позади замка. Он был не таким ухоженным, как полагается в герцогской резиденции. Кусты не имели чётких форм, хотя один подозрительно напоминал даэг-ду, высасывающую кровь из несчастной жертвы, а сорняки уже начали поглощать ножки мраморных скамеек. Под подошвами хрустели сухие листья, и в воздухе пахло сыростью. На небольшом участке, где не было ни растений, ни скульптур, где когда-то танцевали или собирались для беседы, теперь располагалось стрельбище.

На одном конце стояли различные соломенные мишени. Кто-то (подозреваю, что Гвен) украсил одну из них, сделав её человекоподобной и увенчав короной из веток.

Я уже научила Веледу, как правильно держать кинжалы, чтоб самой не порезаться. Поставив её в середине поля, гораздо ближе к мишеням, чем обычно, я начала показывать, как выполнять броски. У девушки были все необходимые задатки, и я не сомневалась, что она без проблем освоит технику метания кинжалов. Эти задатки есть не у всех, как, например, у меня с танцами. И несмотря на её всегда скромное поведение и стремление избежать конфликтов, было видно, что Веледа — прирождённая воительница. Чего стоит один только её великолепный удар по промежности Оберона, после которого тот ещё несколько дней приходил в себя.

С тех пор фей оставался в замке, проживая в другом крыле. Я не знала точной причины его приезда, особенно учитывая то, что о нём рассказывал Мэддокс.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Несколько дней назад я случайно услышала голоса из кабинета в моём коридоре. Это было не впервые. Я не раз видела в замке членов Братства: они приходили и уходили, приносили информацию, проводили встречи, наслаждались отличной едой от Хопа и продолжали свою работу.

Однако в тот день я услышала голос Мэддокса и не смогла удержаться.

Тьма проникла под дверь, и я услышала всё.

— Не понимаю, чем же вызваны ваши сомнения? — спросил Оберон, иронично растягивая слова. — Большинство из тех, кто присоединяется к Братству, делают это по тем же причинам. Или по куда более худшим.

— Какими бы ни были причины, мы не поощряем глупые поступки, к которым ты тяготеешь, — голос Мэддокса был полон язвительности.

— Позволю себе не согласиться. Я слышал, что девушка с красивыми глазами собирается выдавать себя за придворную даму. Разве это не кажется вам безумием?

Затем я услышала громкий удар, вероятно, по столу, и рык Мэддокса:

— Оставь её в покое! Тебя это не касается.

Оберон только засмеялся, и я подумала, что он самый настоящий придурок, каким мне его и описывали. Абердин и герцогиня тоже казались раздражёнными. Я вскоре отошла, так как спор только разгорался, и мне не хотелось, чтобы меня застали.

Бормотание вывело меня из раздумий.

— В-Вел?

Мы обе обернулись. Пвил стоял на садовой дорожке с корзиной в руках. Его лицо выглядело так, будто он только что увидел афанка, пожирающего лошадь, а не нас.

Девушка чуть не уронила кинжалы, но я крепко держала её запястья.

— Папа, — прошептала она.

— Что ты... — Он сглотнул, с сигаретой, покачивающейся на губах, и, казалось, только сейчас осознал, что я стою прямо рядом. — Доброе утро, Аланна.

— Доброе утро. Что-то случилось?

— Нет, нет, конечно, нет. — Он взял сигарету пальцами и выпустил дым с неубедительной улыбкой. — Должен признать, вы застали меня врасплох. Не каждый день видишь, как твоя дочь учится обращаться с оружием.

В его словах был какой-то подтекст, но я не могла его полностью считать. Возможно, чрезмерная опека?

Внезапно пальцы Веледы вновь обрели силу. Она уверенно держала мой изогнутый кинжал и, как мне показалось, даже выпрямила спину.

— Это всего лишь основы самообороны.

— Конечно, конечно. Просто... — Его глаза смотрели сквозь очки на руки его дочери. — Будь осторожна, хорошо?

Я решила вмешаться, возможно, потому что чувствовала себя ответственной. Идея была моя, и мне никогда не пришло бы в голову, что я могу поставить Веледу в такую ситуацию. И я даже предположить не могла, что Пвил окажется из тех отцов, которые надевают своим детям двойные колготки, чтобы не простудились.

— Мы двигаемся очень медленно, — заверила я.

— Хорошо, я продолжу свои дела. Мелисса уже должна быть готова к сбору, а Мэддоксу она нужна, иначе его свалит весенняя депрессия. Ох уж эти драконы!

Он ушёл, улыбаясь и легко шагая, раскачивая корзину, словно ребёнок, идущий за покупками. Но оставленное им впечатление было очень странным.

Я посмотрела на Веледу, которая тоже наблюдала за уходом своего отца.

— Всё в порядке?

Девушка вздохнула и затем слегка улыбнулась.

— Ты ведь знаешь, что Абердин и Пвил не мои родители, правда?

— Ну... Я думала, может быть, один из них всё же...

— Нет. — Она покачала головой. Сегодня она заплела волосы, насколько хватило длины, в косу, хотя несколько каштановых прядок всё же выбилось. — Мой отец был феем, а мать — человеком. Они жили изолированно на севере Аннвина, почти на границе с Хельглаз. Когда мне не было и года, они умерли от сидховой лихорадки. Я бы умерла от голода или холода, если бы Абердин не услышал мой плач.

Она рассказала эту историю быстрым бесстрастным тоном, и я не осуждала её. Если бы мне пришлось рассказывать об обстоятельствах смерти моей матери, я бы чувствовала себя при этом так, будто вытаскиваю занозу из пальца.

— Поскольку я полукровка, в моих венах так мало магии, что я не могу управлять ни одной стихией; я никогда не смогу стать друидом. В общем, я по сути обычный человек, — сказала она, указывая на свои округлые уши. — Но главное то, что Аб и Пвил взяли меня под свою опеку без вопросов. Для меня они настоящие родители, я не помню ничего, что было до них. Они воспитали меня с такой любовью, с такой теплотой, что лучше и представить нельзя. Я всегда была здесь, в этом замке, с ними. Я даже никогда не выходила за пределы Эйлма, и честное слово, я всегда была счастлива здесь. Я счастлива, я...

— Слушай. — Я осторожно потёрла её плечо. Её лицо было воплощением растерянности; словно она не хотела чувствовать то, что чувствует. — Ты ничего плохого не делаешь. Наверно, Пвила чуть не хватил удар, потому что ты внезапно перешла от перекладывания бумажек к метанию ножей в соломенного человека. Я не вправе давать советы, тем более семейные… И здорово, что ты благодарна Пвилу и Абердину за то, что они приняли тебя в семью. Но если они, как ты сама говоришь, для тебя настоящие родители, может быть, стоит попробовать быть откровенной по поводу своих чувств.

Она закрыла глаза и запрокинула голову. Вдали раздался гром, от которого содрогнулась земля.

— Я сама ещё не разобралась в своих чувствах.

Её слегка ворчливый тон заставил меня улыбнуться.

— Ну, мне кажется, что сейчас ты чувствуешь себя немного узницей в этом замке.

Она открыла глаза и взглянула на тёмно-серое небо, украшенное облаками.

— Узницей, — прошептала она.

Когда она посмотрела на меня, то сделала это так, словно только что осознала, с кем разговаривает.

— Это останется между нами?

— Конечно, Вел. — Я заметила, что по-семейному сократила её имя, но не придала этому значения. Отступила назад и указала на мишени. — Попробуй ещё немного размять руку.

Оказывается, мы обе отлично умеем делать вид, будто ничего не произошло. Спустя двадцать минут раздался гром, и дождь обрушился с неба. Веледа торопливо прикрыла голову капюшоном, и мы побежали к замку. Едва добравшись до каменных ступеней входа, мы уже промокли до нитки.

В прихожей мы встретили Плумерию, которая только вошла или собиралась выйти. Она была так же изысканна, как всегда, в простом платье кобальтового цвета, подчёркивающего её светлую кожу и золотистые волосы. Длинные рукава заканчивались там, где начинались элегантные белые перчатки.

— Благословенна Ксена, — тихо выдохнула она, отступая назад, когда я начала отряхиваться по-собачьи.

— Я пойду к себе, — прошептала Веледа, — мне нужно переодеться.

Я отжала волосы на красивый пол с цветочными узорами, мысленно обещая потом почистить его, чтобы Хоп не добавил слишком много перца в еду, как он сделал с Абердином, когда тот устроил беспорядок на кухне.

— Аланна, я как раз тебя искала.

Я обернулась к Плумерии.

— Да? Герцогиня хочет, чтобы мы снова практиковали реверансы?

Моя спина так до конца и не восстановилась после прошлого занятия.

— Нет. Речь обо мне. Я хотела бы поговорить с тобой.

Несмотря на то, что в её голосе всё ещё слышались дрожащие нотки, из-за чего казалось, будто она на грани обморока, всё же недели, проведённые вместе, позволили ей привыкнуть ко мне. Или мне просто хотелось так думать.

— Конечно. Говори.

Она кивнула в сторону двери.

— Прогуляемся?

Я моргнула.

— Ну...

— У меня есть зонтик, — добавила она, покачивая тем, что держала в руках. Зонт был того же оттенка, что и её платье, и я не сразу его заметила.

Я отдавала себе отчёт в том, что это всё довольно странно: Плумерия захотела поговорить со мной наедине, да ещё и под ливнем. Но затем я вспомнила разговор с Веледой, и мне подумалось, что, может быть, в такие дни многих тянет раскрывать душу; я же являюсь исключением, поскольку мне хотелось лишь оказаться поближе к огню и насладиться вкусом великолепного какао с молоком, приготовленного Хопом.

Зонт Плумерии предназначался только для одного человека, так что нам пришлось прижаться друг к другу сильнее, чем при обычном разговоре. Если ей было неудобно (и, вероятно, было), она хорошо это скрывала. Шум дождя, стучащего по натянутой на спицы ткани, создавал вокруг нас своеобразное одеяло, изолируя нас двоих от всего остального мира. Мы направлялись к кузнице.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Брызги воды из-под моих подошв разлетались во все стороны, и я заметила, что подол платья Плумерии уже промок. Надеюсь, сегодня она не в своих обычных туфлях на каблуках.

Я решила проявить терпение и ждала, когда она захочет начать разговор.

— До Теу-Биада осталось совсем немного, и я действительно думала, что ты отправишься туда, ко Двору, выдавая себя за меня.

— Всё к этому ведёт.

Мы прошли мимо окна, из которого лился яркий оранжевый свет. Скорее всего, это свет камина из зала, который находился по ту сторону коридора от кухни, где Абердин дремал при любом удобном случае.

— Помнишь, как ты спрашивала меня, не перечеркнёт ли план моей тёти все мои шансы на хорошее будущее при Дворе?

— Помню.

Герцогиня тогда не дала ей ответить — это я тоже помню.

— Так вот, мой ответ: нет, он ничего не перечеркнёт. Напротив, ты снимаешь с меня страшный груз.

Я поперхнулась.

— Ч-что?

— Я хотела рассказать тебе об этом с самого начала, но тётя запретила. Эта тема довольно болезненная для нас обеих, но… — Её красивые губы, идеального розового оттенка сжались в тонкую линию. — Мне кажется несправедливым отправлять тебя ко Двору, не рассказав тебе об этом. Кто-то рано или поздно поднимет эту тему, пускай даже завуалированно, и ты должна быть готова.

Если это так важно для создания идеальной маскировки, почему же герцогиня мне не рассказала? Правда ли это что-то настолько серьёзное, что может поставить под угрозу весь план?

Мы прошли к укрытию под дубом, росшим у замка. Под его кроной стояла старая скамейка. Мы сели, воспользовавшись тем, что деревянная поверхность осталась сухой. Взгляд Плумерии устремился ввысь к замку, мокрые камни которого теперь казались чёрными.

— О том, что я собираюсь рассказать, знают совсем немногие за пределами Двора. Король очень беспокоился о том, чтобы правда не вышла наружу, будь то из-за стыда или гордости. Дворянам запрещено говорить об этом, но я всё вижу по лицу тёти, когда она возвращается из Гримфеара или Эйре, словно её покусали какие-то злые ведьмы. — Плумерия внезапно смяла платье пальцами в перчатках. Это было наибольшее проявление эмоций, которое я наблюдала у неё, с тех пор как мы познакомились. — Пятнадцать лет назад объявили, что королева Дектера и несколько дворян умерли от страшной эпидемии. Вся столица была закрыта на карантин, пока опасность не миновала.

Мне тогда было очень мало лет, но я слышала эту историю. Говорили, что из-за внезапной смерти королевы король погрузился в скорбь, затянувшуюся на многие месяцы. Потом он отказался жениться снова, ссылаясь на то, что у него уже есть два

здоровых сына, достойные наследники. Многие считали это актом любви мужчины, который не смог забыть свою жену.

Я сомневалась, что Нессии вообще знакомо это чувство.

— Никакой эпидемии не было, — подтвердила Плумерия. — Король долго подозревал свою супругу. Ему никогда не была важна супружеская верность, но преданность — да. До него дошли слухи, что Дектера симпатизировала сидхам, что она тайно помогала повстанцам, и он начал искать доказательства измены. И нашёл. Не только её, но и нескольких дворян из её ближайшего окружения. Включая моих родителей.

Я была в шоке. Услышав голос, которым она произнесла последние слова, я внимательно посмотрела на неё. В её глазах не было слёз, было что-то гораздо хуже — глубокая и тёмная пустота, та, которая появляется не за одну ночь, а после многих лет боли, одиночества и злости. Если это случилось пятнадцать лет назад, Плумерии было всего лишь пять. Совсем маленькая девочка. И я хорошо знала, что такие травмы делают с маленькими детьми.

— Незадолго до того, как всё стало известно, тётушку предупредили о расследованиях короля. Зная, что нам не удастся замести следы или сбежать, не поставив под удар других, мама попросила мою тётю обвинить их. Таким образом, тётя осталась верной подданной в глазах короля, и мы с ней смогли спастись.

Я зажмурилась.

— Ох, Плумерия...

— Тётя сначала отказывалась, но затем смогла взглянуть на ситуацию глазами мамы и увидеть, что наше дело всегда важнее всего остального. Нам не было смысла героически умирать, ведь тогда герцогство Аннвин перешло бы в другие руки, и это поставило бы под угрозу штаб Братства.

Я наклонилась вперёд, опустив лицо на руки. Неужели герцогине пришлось обвинить свою собственную сестру перед королём? Внезапно я вспомнила, как тьма показала мне её, стоящую на коленях перед троном, полную гнева, но вынужденную скрывать это.

«Ты поступила правильно, Игнас. Ты показала себя благоразумной и верной».

«Есть вещи важнее бесполезной мести».

— Король похвалил её, сказав, что надо спиливать гнилые ветви, чтобы спасти дерево, — продолжила Плумерия. — Затем он собрал всех обвинённых и их семьи и устроил показательное наказание. Мои родители... — Она судорожно вдохнула, её руки задрожали. — Они... Они были...

Я не раздумывая обняла её. Да, она была слишком худой. Да, она всегда пахла цветами и всем, что вызывало ассоциации с хрупкостью. Но если когда-либо я думала, что Плумерия Сутарлан была слабой личностью, я очень ошибалась. Всего лишь в пять лет она перенесла больше боли, чем большинство людей за всю свою жизнь.

— Король заставил тебя присутствовать при этом?

Её волосы коснулись моего подбородка, когда она кивнула.

— Все родственники предателей были там. Это было... было... — Она запуталась в своих собственных словах, не в силах выразить их. Затем отстранилась и встретилась со мной взглядом. — Я не могу вернуться ко Двору. Едва выхожу. из дома, как чувствую, что мне не хватает воздуха. Я уже два года откладываю свой дебют, и несколько месяцев назад пришло письмо с печатью дворца, официальное приглашение на Теу-Биад. Тётя всё искала выход, как вдруг Мэддокс, Сейдж и Гвен привели тебя. — Её пальцы коснулись моих, и я порадовалась, что на ней были перчатки. Не уверена, смогла бы я вынести её страдания в тот момент. — Спасибо. Я знаю, что ты делаешь это ради своей сестры. И я каждую ночь молюсь, чтобы тебе удалось её вернуть. Но хочу, чтобы ты знала, что, заняв моё место, ты спасла мне жизнь. Потому что я бы умерла при Дворе, я это знаю. Я бы не выдержала. Одна только мысль об этом...

Я чувствовала, как её дрожь передавалась от её рук к моим. Как я и подозревала, у герцогини было больше одной причины, чтобы заменить свою племянницу. Это и есть настоящая причина. Я появилась в нужный момент и с правильными мотивами.

Было бы нагло с моей стороны обижаться на то, что у неё есть скрытые интересы и что она просто использует меня. Она делает это, чтобы защитить единственного оставшегося родного человека, и я это понимала и уважала.

Ты первая скрыла правду.

Я крепче сжала руки Плумерии, вспоминая тот дом в деревне, который мне показала Гвен и который казался пустым. Он и был пустым, во всех смыслах.

— Если кто-нибудь при Дворе осмелится сказать хоть слово о твоей семье, обещаю, он за это заплатит.

— О нет, не стоит подвергать себя опасности.

— Не переживай, дорогая, я знаю, как, не привлекая к себе внимание, сделать так, чтобы кто-то пожалел о том, что решил встать с кровати этим утром.

Она раскрыла глаза в изумлении.

— Сейчас ты как никогда напоминаешь мою тётю.

Глава 27

Драконы видят только один цвет, когда они только-только встретили свою пару: цвет своего партнёра.

Из запрещённой книги «О народе драконов»

— Пожалуйста, — взмолилась Гвен, сложив руки и тем самым подчеркнув свою немаленькую грудь. — Скажи мне, как ты украла мой кинжал? Мне дико интересно.

Наверное, во всей Гибернии не сыскать ни одного существа, которое могло бы устоять перед хлопаньем её длинных светлых ресниц.

— Самое важное — выбрать подходящий момент, — объяснила я. — Ты была отвлечена, да к тому же у тебя была ослаблена бдительность, ведь я провела несколько часов связанной, и ты считала меня безобидной. Кинжал был лёгким, ты бы не заметила его отсутствие, но вот меч, например, я у тебя незаметно вытащить не смогла бы.

Обе девушки — и высокая с растрёпанной каштановой косой, и низенькая с платком на голове, чтобы волосы не лезли на лицо, — согласно кивали на каждое моё слово. Боги, поверить не могу, что я обучаю их воровству. Однако, вместо того чтобы смотреть на меня как на преступницу, они казались очарованными. За окном свирепствовала буря, которая уже несколько дней сотрясала Эйлм.

Я описывала Сейдж и Гвен свои любимые приёмы; например, притвориться, что спотыкаешься, испачкать человека и затем предложить отряхнуть его одежду, или, если кто-то настолько глуп, чтобы оставить что-то ценное на столе или стуле, незаметно это забрать. Пока я говорила, мои ключицы вдруг начало покалывать. Теперь я уже знаю, что это значит.

Закончив объяснять, как маскировать свои действия, я отошла и показала им ожерелье.

Гвен поднесла руки к шее и воскликнула:

— О, Тараксис! Опять?

Я вернула ей украшение с улыбкой.

— Тебя легко отвлечь.

— Почему бы тебе не попробовать украсть у меня?

Мэддокс стоял у двери в большой зал, той самой, через которую он вошёл в прошлый раз с Обероном, только теперь облокотившись на дверной косяк и скрестив руки. Впервые за несколько дней он обратился ко мне напрямую. Его тёмные волосы были зачёсаны назад, как будто он неоднократно проводил по ним пальцами. Сапоги и

брюки у него были те же, что и всегда, но рубашку он на этот раз надел тёмно-синюю, подчёркивавшую его загорелую кожу. Вырез на груди был зашнурован, но всё же не полностью скрывал ключицы.

Я быстро отвела взгляд.

— Ты следил за нами, так что теперь я не смогу тебя удивить.

— Уверен, у тебя есть и другие приёмы.

Что-то внутри меня кричало, что надо просто проигнорировать его и продолжить практиковаться с девушками, с которыми мне, честно говоря, было весело. Дракон избегал меня уже много дней без видимой на то причины и не имел права просто так требовать моего внимания.

Другая часть меня отчётливо осознавала, что перемены в его поведении раздражали меня больше, чем следовало бы, и что своей реакцией я только усугубляю ситуацию.

— Зачем дракону грязные приёмы?

Один уголок его губ приподнялся.

— Ты не поверишь, нужны.

Не делай этого, не делай этого, не делай этого...

— Хорошо. — Я жестом попросила его подойти. — Давай удовлетворим твоё любопытство раз и навсегда.

— Интересные слова, — пробормотал он, подходя ко мне.

Окинув его беглым взглядом, я убедилась, что оружия при нём нет. К ремню, обхватывающему его бёдра, не были прикреплены ножны. Я передала свои кинжалы Веледе. Тьма в моей душе скакала от счастья; пришлось напомнить ей, что я не буду использовать ни магию, ни силу своего рода.

Только кое-какие грязные приёмы, как он и просит.

Гвен сжала губы в попытке сдержать улыбку. Они с Мэддоксом переглянулись, после чего она взяла Вел за руку и потащила её к двери.

— Мы с Вел пойдём за напитками и закусками. Скоро вернёмся!

Предательницы.

Мэддокс закатал рукава рубашки, обнажив мускулистые предплечья. Я, наверное, выглядела не слишком свежо после нескольких часов тренировок. Капли пота стекали по моей шее.

— Что я должна у тебя украсть?

Он лениво моргнул.

— Это я оставляю на твоё усмотрение.

Учитывая, что на виду у него не было ничего заметного, ни одного браслета или кольца, он знал, что поставил мне непростую задачу. А я знала, что это был всего лишь предлог, чтобы приблизиться.

Я до сих пор понятия не имела, зачем он вернулся после нескольких дней отсутствия.

Поначалу мы кружили друг вокруг друга. Оба понимали, что одно из главных условий в поединке — внимательно наблюдать за противником. Мы уже проводили

время вместе, и я знала, как он двигается. К тому же он сохранил некоторые драконьи способности даже под воздействием подавляющих чар.

Пальцы зудели от желания сразиться с ним по-настоящему. Что бы тогда было? Если бы я смогла выпустить на волю всё, что во мне есть, и использовать против него? Если бы его не сдерживала магия? Был бы он достойным соперником? Победила бы я?

Я выбросила это из головы. Всё равно никогда не узнаю.

В конце концов, он первым устал ждать.

Я уклонилась от удара, который летел прямо мне в лицо, проскользнула под рукой Мэддокса и легонько похлопала его по колену.

— Какой нетерпеливый, — пропела я.

Он развернулся, снова становясь лицом ко мне.

— Так и знал, что ты будешь ловко ускользать.

Ну, это всё, что я могла делать в данном случае. Уклоняться. У меня никогда не было серьёзной подготовки, только то, чему я училась по опыту, да и нельзя ему показывать, что я способна выдерживать его прямые удары, иначе вызову подозрения.

Мэддокс снова и снова нападал на меня, а я уклонялась каждый раз. Пока мы перемещались по большому залу, прыгая, приседая и даже катаясь по полу, пока сверкающие молнии освещали пол и стены, я понимала, что он делает то же, что и я. Сдерживается.

Я убрала выбившуюся прядь с лица, не сводя глаз с дракона. На мне уже была не пара капелек пота, я вся вымокла насквозь. Наше слегка учащённое дыхание эхом разносилось по огромному помещению, которое, казалось, веками не видело больших праздников.

Тьма уже давно шептала мне, что делать, и я знала, что она права. У дракона лишь слегка блестели лоб и виски. Под моим взглядом он выпрямился, вставая в защитную стойку. На его лице расцвела широкая улыбка.

— Устала, *sliseag*?

Он был слишком красив. Возможно, мой мозг просто поплыл от всех этих прыжков, но я впервые признала, пусть и мысленно, что он самый красивый парень, которого я когда-либо видела. И, вероятно, дело не только в его чертах, а в том, что он вызывал во мне. Я видела более прекрасные лица, но он...

Это всё из-за нашей связи.

Она делает его особенным.

Но дракон казался мне невероятным ещё в Гримфеаре, когда у меня были с собой камни трансмутации. Я вспомнила тот момент: он снял маску, чтобы поговорить с Каэли, и я подумала, как это жестоко — охотнику иметь такую красивую улыбку.

Тогда нас ничего не связывало.

Так что теперь я оказалась в затруднительном положении, потому что было абсурдно продолжать отрицать, что дракон, стоящий передо мной, с его слишком длинными ногами, широкими плечами и таким взглядом, будто я — произведение искусства, которое должно быть оценено по достоинству...

Меня тянуло к нему.

Как ни к кому другому.

И, возможно, его внешность играла в этом самую незначительную роль.

Мэддокс нахмурился. Я надеялась, что ни одна из мыслей не отразилась на моём лице, только лёгкая нерешительность.

— Что происходит?

Нет, нет. Нужно отогнать все эти мысли.

— Где ты был все эти дни?

Чёрт. Даже не знаю, что хуже.

Вместо того чтобы самодовольно усмехнуться, как я ожидала, Мэддокс открыл рот и замешкался.

— Эм, я... Честно говоря, я как раз искал тебя, чтобы рассказать.

Я насторожилась.

— Что?

— Когда мы вернулись из На-Сиог, я не переставал думать о том, что весь этот путь мы проделали зря. Я чувствовал себя виноватым, что мы покинули долину, так и не узнав ничего о твоей сестре. Поэтому я решил... — Он перенёс вес с одной ноги на другую. — У меня не было ничего, понимаешь? Ни одной зацепки. Но когда я в форме Охотника, люди охотнее говорят. Так что я обошёл все места, где, по слухам, когда-то бывала Морриган: дома удовольствий, грязные таверны, даже загородные поместья некоторых аристократов.

Моё дыхание перехватило.

— Что ты узнал?

Он тяжело выдохнул.

— Ничего. Никто ничего не слышал и не знает, где её искать. Поэтому я заставил всех здесь молчать. Не хотел, чтобы ты снова обманулась в своих надеждах. Прости.

Я не знала, что думать. Была ошеломлена.

— Ты был в отъезде больше двух недель, чтобы компенсировать поездку в На-Сиог?

Он кивнул.

— Эпона была не в восторге, если честно.

Я смотрела на него, не в силах скрыть изумление. Уже и не помню, когда последний раз кто-то делал для меня что-то подобное. Да, Мэддокс списывает всё на собственное чувство вины, но он бы не испытывал его изначально, если бы не переживал за меня. И в трактире у Тантэ он сказал, что всегда готов предложить мне помощь, если я захочу её принять, но это...

Возможно, мне стоило бы разозлиться из-за того, что он не взял меня с собой, но никакого раздражения я не испытывала. Лишь тёплое, приятное чувство разрасталось в центре...

Мэддокс сделал шаг ко мне.

— Аланна?

Обуреваемая эмоциями, я встряхнула головой.

— Хватит разговоров.

На этот раз я первая пошла в атаку. Знала, что он остановит мой кулак до того, как тот достигнет его живота, но прикосновение его пальцев к моему запястью было электризующим. Это ощущение распространилось по всей руке, и я задумалась, не вырвалась ли одна из молний с неба, чтобы пролететь через нас. Я выкрутила руку, и он был вынужден отпустить меня. Повернувшись, я ударила его по голени.

Хотя он откинул ту ногу назад, с места не сдвинулся. И вдруг я оказалась в опасной близости — менее чем в двадцати сантиметрах от него. Увидела, как его локоть направляется к моему боку, и ничего не предприняла.

У меня перехватило дыхание, рёбра заныли. Чёрт. Если его удар так силён, когда он сдерживается…

Мэддокс тут же навис надо мной; удержав меня на месте.

— Чёрт, Аланна, я...

Я сильно толкнула плечом ему в грудь, сделав то же самое, что герцогиня сделала со мной; только мне пришлось приложить гораздо больше сил. Почувствовала дикое удовлетворение, когда его сапоги оторвались от пола, и он перелетел через меня как мешок.

От удара его огромного тела о пол задрожали канделябры. Свечи замерцали. Возможно, это ощущалось даже в других частях замка, в том числе там, куда ушли Гвен и Веледа. Я бы запереживала за спину дракона, будь это кто-то другой, но, судя по рычанию, он скорее сердится, чем мучается от боли.

Я отступила, тяжело дыша. Мои рёбра ныли.

— Как тебе вид с нового ракурса?

Что-то опутало мои лодыжки и толкнуло вперёд. Я упала на грудь дракона, мои руки оказались на его плечах, а наши носы — в нескольких сантиметрах друг от друга. Я увидела своё ошеломлённое лицо в отражении его карих глаз. Наглец улыбнулся мне прямо в лицо, а затем перекатился, как тогда в Робабо, оказавшись сверху. Не знаю, что было менее комфортно: холодная земля в лесу или твёрдый мрамор большого зала.

Я боролась изо всех сил, но он легко поймал мои запястья и вытянул руки над головой. Его хватка была крепкой и не давала мне сдвинуться ни на сантиметр, но боли не причиняла. И хотя мой разум вопил, что эта поза унизительна, моё тело...

Моё тело рассказывало совсем другую историю.

Его взгляд скользнул по моему лицу, от лба до подбородка.

— Предпочитаю этот вид, — прошептал он. — Он вызывает у меня сладко-горькие воспоминания.

Наше дыхание было синхронным, мы были полностью прижаты друг к другу — от торса до бёдер, а наши ноги были переплетены. Тепло, исходящее от него, было настолько сильным, что проникало под мою одежду, заставляя забыть о том, что ночью мне приходится укутываться до самой макушки, что снаружи свирепствует ледяная буря, бьющая по стенам.

Заставляя забыть о том, что подобные эмоции никогда не были первостепенными в моей жизни.

— Вижу, ты решила завершить бой, — сказал он, приподняв бровь.

Я фыркнула.

— Ты не дрался по-настоящему. Ты просто играл со мной.

— Мне кажется, это было взаимно.

— Посмотри на себя и на меня.

На этот раз его губы раздвинулись в улыбке медленно, нерешительно. Почти как если бы он хотел сказать: «Поверь мне, я уже не раз тебя разглядывал».

— Я никогда не судил противника по его размеру, а ты доказала, что являешься опасной штучкой.

Я не знала, обидеться мне на это описание или гордиться тем, что он осознал, что я не беззащитна. Эта неопределённость уже была признаком того, что я в очень, очень большой беде. Любой другой мужчина, назвавший меня «опасной штучкой», провёл бы остаток своей жизни поющим сопрано в уличных театрах.

Я немного пошевелилась и поняла, что это была плохая идея, как только мои бёдра потёрлись о его. Я почувствовала выпуклость. Честно говоря, не знаю, как могла не заметить раньше, учитывая, что он был очень твёрдым, словно под штанами прятал кинжал.

Он пробормотал что-то, прозвучавшее как проклятье. Моё дыхание стало прерывистым. Сердце билось так сильно, что дракон наверняка чувствовал это даже через одежду.

— Похоже, ты победил, — сказала я. Прозвучало ли это дрожащим голосом? — Теперь можешь меня отпустить.

Он сделал это. Его пальцы скользнули по моим запястьям, лаская нежную кожу внутренней стороны рук до того места, где начиналась блузка. Это были мужские пальцы, шершавые, тёплые, и они оставили после себя огненный след.

Я медленно опустила руки, почти не ощущая холода мрамора. Положила ладони на его грудь, по обе стороны от выреза рубашки, но не толкнула. Просто оставила их там, чувствуя кожу под ней, его учащённое дыхание, явно не от нашей тренировки, и твёрдые мышцы, которые, как я думала, мне приснились. Даже без брони он казался огромным, внушительным, смертоносным. И вся эта сила сейчас нависала надо мной.

С ним я не чувствовала себя беззащитной, что было бы логично и разумно.

С ним я чувствовала себя...

— *Sliseag...* — прошептал он.

От того, как он смотрел на меня, я позабыла как дышать. Полуопущенные веки, чуть приоткрытые губы и что-то первобытное во взгляде. Даже если его глаза из-за магии выглядели не так, как должны, что-то внутри меня всё равно отозвалось. Не в ключицах, которые следовали ритму моего сердца, а глубже, где-то в желудке.

Мэддокс нежно обхватил ладонью мою щеку. Прикосновение почти обжигало, посылая раскалённые волны по всему телу. С моих уст сорвался тихий стон. И дракон, словно внезапно потеряв силы, опустил лоб на мой, наши носы соприкоснулись, а губы делили один воздух.

— Когда я просил тебя украсть что-то у меня, — прошептал он на моих губах, — я имел в виду что-нибудь материальное.

Мои пальцы, любопытные и неугомонные, пробрались в вырез его рубашки. И как только я коснулась его обнаженных ключиц, меня едва не затопило волной эмоций. Это было не просто желание, это была мучительная смесь голода, жажды и нестерпимой нужды в нём. Это было настолько мощное, настолько всепоглощающее чувство, что оно могло свести с ума любого. Было ли оно моим? Или его? Как бы то ни было, кто вообще мог устоять перед этим?

Внезапно Мэддокс схватил меня за запястье и отстранил от своей кожи.

— Пока нет, — прорычал он.

Вихрь голодного желания, хоть и отступил, но всё же оставался во мне. Возможно, он нашёл схожие чувства и объединился с ними, не знаю. Но я обхватила шею Мэддокса свободной рукой и притянула к себе.

Наши губы встретились. На мгновение, повисшее между нами, я почувствовала, как тело дракона застыло. Словно, несмотря на всё, что нас окружало, несмотря на всё, что творилось между нами, он не ожидал этого. Если это правда, то он ещё больший дурак, чем я думала.

Он быстро перешёл к активным действиям. Опустился на меня, не придавив, но всё же теперь я чувствовала его всем телом. И не стану отрицать, это было восхитительное ощущение.

Дракон целовал меня жёстко, и я не хотела иначе. Войдя во вкус, Мэддокс наклонил голову и углубил поцелуй, раскрыв губы, и я поняла, что никогда, никогда ещё не чувствовала ничего подобного. Моя кожа покрылась мурашками, пока его язык играл с моим; я едва могла думать о чём-либо, тело двигалось инстинктивно. Всю меня тянуло к нему, к его аромату, его теплу, к давлению его руки на моей талии. Он сжал меня крепко, грубо смяв ткань моей блузки, и я вновь застонала.

Пару раз дёрнувшись, я смогла распутать наши ноги и раздвинула колени. Когда его член, большой и твёрдый, прижался к низу моего живота, мы оба одновременно застонали.

Он оторвал губы от моих и посмотрел на меня пьяным взглядом. Я его понимала. У самой голова кружилась так, будто я выпила бутылку виски залпом.

Он облизнул губы, словно хотел и дальше чувствовать мой вкус, и я ощутила приятную дрожь между ног.

— Клянусь, это не входило в мои планы, — пробормотал он. Его голос был таким хриплым, таким низким, что откликался вибрациями у меня в груди.

Да какая к чёрту разница, что он там планировал?

Я провела пальцами по его шелковистым волосам, извиваясь; я жаждала ощутить трение, в котором дракон мне пока отказывал. Не выдержав, он застонал, его бедра прижались к моим, вдавливая в мраморный пол. Я зажмурилась и, честное слово, увидела звезды, сверкающие за закрытыми веками.

— Поцелуй меня снова, — выдохнула я, касаясь губами его скулы, — пока мы не вспомнили о благоразумии.

В его взгляде было что-то беспощадное; он словно пронзал меня насквозь.

— Если я это сделаю, то не могу обещать, что мы ограничимся одним только поцелуем. Не знаю, смогу ли я удержаться. Я уже на грани того, чтобы сорвать с тебя всю одежду прямо здесь, войти в тебя и трахать до тех пор, пока мы оба не забудем свои имена. И мне будет наплевать на то, что твои крики разнесутся по всему замку или что кто-то может войти сюда в любую минуту.

Я сглотнула. Если это была угроза, она не произвела на меня того эффекта, на который он рассчитывал. Ничуть.

Его серебряная серьга поймала свет свечей и ослепила меня на мгновение. Это напомнило мне о другой ситуации, когда мы оказались в этой же позе, и тогда это было не так весело.

«Сейчас я так же чертовски влип, как и ты».

«Не волнуйся, я не буду требовать от тебя больше, чем сам готов дать».

Я крепко зажмурилась, и реальность обрушилась на меня, как буря снаружи. Постепенно она начала тушить огонь, воспламенивший мою кровь и захвативший мои мысли.

У меня есть причины находиться в секретном штабе Братства, но точно не ради интрижки с драконом — Диким Охотником. На самом деле это крайне плохая затея.

Я убрала руки с его тела и волос, перестала сжимать его бёдра своими. Мэддокс уловил перемену в моем настроении и отстранился. Внезапно пол показался мне невыносимо холодным.

Поднимаясь, я чувствовала взгляд Мэддокса на себе, но сосредоточилась на том, чтобы поправить блузку и успокоить сердцебиение. Ведь на самом деле ничего особенного не произошло. Это всего лишь пара поцелуев.

Очень *страстных* поцелуев.

Но не более того.

Его подошвы скользнули по отполированному полу.

— Аланна...

— Не нужно ничего говорить. — Я направилась к скамье, на которой лежали мои пустые ножны. Надеюсь, я хорошо скрывала дрожь в коленях. — Это была ужасная идея, и мы правильно сделали, что остановились.

— Теперь мне тем более кажется, что нам нужно поговорить.

Кажется, он стиснул зубы.

— Зачем? — Я резко повернулась к нему. Нас разделяло более десяти метров, но я всё ещё ощущала его присутствие так, словно он был в шаге от меня. — Разве что-то изменилось? Твои цели, мои цели — они стали другими?

Нет, и он это знает. Его взгляд, опустившийся к полу, беспокоил меня, заставлял чувствовать себя неуютно в собственной коже.

— Всегда ли всё должно сводиться к целям? Разве нет места для чего-то большего?

Что-то в его тоне дало мне понять, что этот вопрос был обращён не только ко мне. Но мне не хотелось об этом думать. Я попыталась выдавить что-то убедительное, но получилось только:

— Ты знаешь ответ.

Не поднимая взгляда, он лишь неясно, отстранённо кивнул.

И ничего больше.

Я развернулась и, не оглядываясь, вышла из зала.

По пути в свою комнату я услышала шёпот, доносившийся из библиотеки. Резко распахнув дверь, я с мрачным удовлетворением отметила, как Гвен и Веледа подпрыгнули на своих местах и уставились на меня широко распахнутыми глазами. Сейдж, погружённая в книгу, не замечала ничего вокруг.

— Что-то я заждалась закусок, — сказала я. — Даже начала беспокоиться, не случилось ли с вами чего. Может, вы поскользнулись на кремовых пирожных Хопа и теперь лежите на полу и стонете от боли, не в силах подняться.

— Боже! Закуски! — воскликнула Гвен. Это было слишком наигранно. Хорошей воровкой ей не бывать. — Мы совсем забыли. Начали говорить о... о чём мы говорили, Вел? О мыле?

Вторая девушка поспешно кивнула.

— О мыле.

— И вот нас занесло сюда. Сами не понимаем, как это случилось. Но если ты голодна...

Голодна? Вряд ли я смогу проглотить хоть крошку.

— Уже нет. Пойду приму ванну, но сначала мне нужно забрать свои кинжалы.

Они лежали на столе, как будто их изучали. Я вернула их в ножны, а затем бросила то, что держала в руке, перед Гвен.

— Передай это дракону от меня.

Они с Веледой замерли. Блондинка осторожно взяла предмет двумя пальцами и подняла его. Серебряная серьга покачивалась перед её ошеломлённым лицом.

— Как, чёрт возьми, ты её сняла?

Я отошла к двери, чтобы они не заметили румянца на моих щеках.

— Я же говорила. Важен отвлекающий манёвр.

Глава 28

Гейсы стали естественной частью жизни сидхов. Это не магия, которой можно научиться или обучить, а часть невидимых законов, введённых Триадой и Ширром. Гейс может быть проклятием, благословением или даром. Он может быть запретом или обязанностью. Наиднак — самый мощный гейс, известный на сегодняшний день. И сопротивление ему как таковому чревато последствиями.

Из запрещённой книги «О народе драконов»

Буря бушевала над Эйлмом ещё несколько дней, оставляя после себя поваленные деревья, разрушенные заборы, затопленные дома и грязь, а заодно и постоянное чувство беспокойства во мне. Впервые я полностью понимала Гвен. В то время, когда мне больше всего нужно было выйти на прогулку и подышать свежим воздухом, я была вынуждена бродить по замку, приказывая тьме охранять каждый уголок, как трусиха. К счастью, дракон казался так же мало заинтересован в нашей встрече, как и я, потому что пересекались мы только за общими трапезами.

К счастью, сразу после такой бури наступает лучшее время для поиска ночдов — идеальных грибов для разоблачающих зелий.

Так что Гвен, Веледа и я оказались по щиколотку в грязи, следуя за Сейдж, которая клялась и божилась, что ночды растут возле дубов за холмом Эйлма. Дедалера шла за нами, бурча и оставляя следы копыт рядом с нашими; уже через некоторое время она скрылась, вероятно, в поисках чего-то более интересного, чем мы.

— Когда вам надоест копаться в этой грязи, я могу провести вас туда, где растут настоящие грибы, — сказала я. — Те, которые можно увидеть и потрогать.

Сейдж сделала глубокий вдох, что выглядело немного пугающе, честно говоря.

— Хотите идти с ней? — сказала она, обращаясь к Гвен и Веледе. — Вперёд. Если не доверяете мне, следуйте за девушкой, которая ни разу в жизни не открывала книгу друидов.

— Нет, нет, пожалуйста. Следуйте за ней. Она знает, что делает. Поэтому мы уже три часа возимся в грязи.

Головы Гвен и Веледы поворачивались то туда, то сюда. К этому моменту они, должно быть, уже сто раз пожалели, что согласились на эту прогулку.

— Я просто хотела подышать воздухом и собрать... — пожаловалась Гвен.

Что-то зашевелилось в кустах у подножия дубов, и Веледа закрыла рот Гвен ладонью. Это прозвучало как пощёчина.

— Молчи.

Я подняла брови.

— Что? Трюфели? — спросила я.

Утром она ныла, что зима закончилась и теперь они больше не смогут наслаждаться трюфелями.

— О нет, — прошептала Веледа.

С громким рёвом что-то большое и тёмное выскочило из кустов прямо на меня. Единственная причина, по которой я не потянулась за кинжалами, заключалась в том, что я узнала это существо в последний момент.

В следующий момент я лежала в грязи, а Дедалера обнюхивала меня сверху донизу. Я схватила один из её клыков, пытаясь оттолкнуть её, но это было всё равно что пытаться сдвинуть корову.

— Да ты издеваешься! — закричала я.

Надо мной появилась насмешливая физиономия Сейдж. Вокруг неё Гвен и Веледа изо всех сил старались не рассмеяться.

— Здесь, что ли, находятся те самые настоящие грибы, о которых ты говорила? — сыронизировала Сейдж. — Ну, что-то я не вижу ни одного.

— Как только выберусь отсюда, умру от смеха, какая ты забавная, — сухо ответила я.

К моему удивлению, её выражение смягчилось. Искренняя и очень красивая улыбка изогнула губы Сейдж, пока она смотрела на меня, лежащую в грязи, с Дедалерой, толкающей меня со всех сторон. Кто бы мог подумать. Оказалось, что мне стоило всего-то быть сбитой кабаном, чтобы эта девушка опустила свою защиту.

Она протянула мне руку в толстой садовой перчатке.

— Ну давай, вставай. И больше не произноси слово на букву «т» при Дедалере. Она сходит с ума.

— Не то слово.

Приняв её руку, я уже не думала о её красивой улыбке. Сильным рывком я утянула её в грязь вместе со мной, но она упала на бок и наполовину испачкалась смесью грязи, веточек и, вероятно, нескольких жучков. Вид её, всегда такой строгой и непоколебимой, замаранной таким образом, вызвал у меня смех.

Она посмотрела на меня с выпученными глазами.

— Даже не смей.

Я одарила её широкой улыбкой и, наклонившись к ней, выдохнула:

— Трюфели.

Не могу сказать, кто из них взбесился больше — Дедалера или Сейдж. Последняя попыталась бросить в меня ком грязи, я попыталась увернуться, и в итоге мы начали кататься по земле, выясняя, кто из нас выйдет грязнее. Или, по крайней мере, так это восприняла я. В какой-то момент Гвен попыталась нас разнять, но в итоге сама упала в грязь, и, решив, что это нечестно, толкнула Веледу, вовлекая её в нашу возню.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Не знаю, как и когда это случилось, но я смеялась до слёз, практически задыхаясь, пока лепила грязевые комки и кидала их в остальных. Несколько ударов я получила в спину. Один из них угодил мне в затылок, и холодная грязь потекла по моей спине. Гвен завизжала:

— У меня червяк в лифе! — Она попыталась стянуть с себя блузку, подпрыгивая на месте, но только больше пачкалась. Тем временем Вел усердно пускала струи грязи через отверстия в ботинках. — Я чувствую, как он там шевелится! Клянусь!

Сейдж метнула грязевой комок ей в голову. Она явно строила себе баррикаду из грязи, за которой собиралась прятаться от снарядов. Впервые я почувствовала страх за её подруг.

— Ты уверена, что это не трюфель? — закричала я ей.

Веледа и Сейдж снова залились смехом. В какой-то момент Дедалера поняла, что мы просто четыре сумасшедшие и никаких трюфелей тут нет, а потому улеглась в середине лужи, вытянув лапы в стороны, и перестала обращать на нас внимание. Я уже собиралась завершить свой шедевр — грязевой ком размером с арбуз, — когда высокая и широкая тень заслонила мне обзор и всё поле битвы.

— Это вы называете поисками грибов? Не знал, что это так весело.

Абердин. Я обернулась, но из-за того, что он был очень высокий, а я стояла на коленях, и солнце светило прямо за его спиной, я не смогла разглядеть его выражение лица.

— Пусть поднимет руку та из вас четырёх, кого я воспитал, пожалуйста.

Веледа робко подняла руку. Понимаю, почему Абердин не сразу её узнал. Мы все выглядели как бесформенные грязевые кучи.

— Не ожидал такого от тебя, — осудил её мужчина. — Что ты делаешь в центре? Лучше бы заняла оборонительную позицию. Взгляни на Сейдж: ей не хватает только катапульт.

— Они были в планах, — откликнулась Сейдж.

Вел встала с тяжёлым вздохом.

— Я поддалась эмоциям. Это больше не повторится.

— А ты что тут делаешь? — прогремел он, развернувшись ко мне. — Грязевая гора? Как ты собиралась это поднять?

Ему ответил другой голос.

— Да они вообще головой не думали.

Мэддокс. Он стоял возле одного из дубов, в стороне от нашей грязевой возни. Мне сразу бросилось в глаза то, что он одет в чёрное с ног до головы, включая доспехи и униформу. Не видела его в этом с тех пор, как мы покинули На-Сиог. Его выражение лица было непроницаемым.

И Сейдж, и Гвен кое-как поднялись на ноги, заметив то же, что и я.

— Что происходит?

— Жаль прерывать вам веселье, но боюсь, наши каникулы закончились.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Я лежу на лугу, наблюдая, как по голубому небу медленно плывут пушистые белые облака. Лёгкий ветерок треплет мои волосы, чуть щекоча. Вдалеке слышится музыка и смех. Кажется, я узнаю весёлые голоса Гвен и Веледы и громкий голос Абердина. Герцогиня кого-то отчитывает, а Сейдж, вероятно, читает в тени какого-нибудь дерева.

«Это могло бы быть хорошее место», — думаю я.

Место для нас.

Для...

Голос за моей спиной заставляет меня вздрогнуть. Голос знакомый, полный горечи и обиды.

— Уже позабыла про сестру?

Я сажусь и оборачиваюсь.

— Мама.

Она стоит в одном из своих неизменных чёрных платьев и с тёмными кругами под глазами, которые всегда были у неё вместо украшений, на пороге единственного дома, в котором мы жили втроём, в Тельмэ. Этой гнилой деревянной конструкции не может здесь быть, ведь я сама своими руками разрушила её.

Но, конечно, моей матери, взирающей на меня с неодобрением, тут тоже не должно быть. Я сама закапывала её могилу.

— Посмотри на себя. Ты уже не помнишь ничего из того, чему я тебя учила.

Моё сердце сжимается от боли.

— Я помню.

Мать качает головой, красивые рыжие локоны покачиваются следом. Такие же, как у Каэли.

— Я всегда знала, что ты станешь нашей погибелью, но хотя бы надеялась, что твоей любви к сестре будет достаточно, чтобы защитить её. Меня ты не защитила.

— Я не… Я пыталась, но...

Дома уже нет. Моя мать, пугающе худая, направляется ко мне. Я задыхаюсь от ужаса, видя кровь, пропитывающую её волосы, стекающую по её красивому лицу и пачкающую зубы.

— Ты снова совершила ошибку и сожалеешь? Это ты скажешь Каэли, когда она будет умирать?

Я отступаю, убегая от неё. Убегая от этих тонких рук с чёрными ногтями. Убегая от её слов, которые раздирают незаживающие раны. Уже нет ни музыки, ни смеха, ни места, где я могла бы скрыться.

Мать хватает меня и сильно трясёт.

— Ты хотя бы будешь плакать на её могиле, раз уж на моей не плакала?

— Прости...

Она цокает языком, по которому ползают черви.

— Ты сделала ровно то, что я всегда от тебя ожидала.

И затем она с силой толкает меня в пустоту.

Когда я вошла на кухню, приглушённые разговоры, доносившиеся оттуда, прекратились. Три пары глаз обратились ко мне: герцогиня, Пвил и Абердин.

Я указала на коридор.

— Могу зайти позже.

— Всё в порядке, Алланна, проходи, — пригласил меня Пвил. — Прости нас, мы обсуждали предстоящие недели. Мы немного обеспокоены.

Это не было ложью, но и правдой тоже. Будь это на самом деле так, они бы не замолчали при моём появлении. Конечно, я никак это не прокомментировала. Я села на ближайший к камину стул, чтобы подсушить волосы. Я провела более часа в ванне, тщательно оттирая грязь, прилипшую к коже и волосам. Выйдя из тёплой воды, я завернулась в полотенце и легла в кровать. Сон настиг меня быстро, но, проснувшись, я почувствовала себя ещё более уставшей.

— Из-за Теу-Биада?

— Да, и потому что ребята сейчас на Охоте. До их возвращения мы не знаем о них почти ничего, разве что в редких случаях получаем от них весточку.

— Вы долгое время не видите их?

Абердин кивнул.

— Обычно это продолжается несколько недель, но иногда бывало, что затягивалось на месяцы. Однажды мы не слышали ничего о Мэддоксе почти целый год. Это было...

Он тяжко вздохнул, и его возлюбленный ласково сжал его руку. Тонкая бледная рука Пвила на татуированной коже Абердина создавали красивый контраст.

Я попыталась представить себе год без новостей о Каэли, и голова закружилась. Несколько раз моргнув, я взяла из плетёной корзины булочку с кунжутом. Она была ещё тёплой.

Как же Абердин, Пвил и герцогиня познакомились с Мэддоксом? Быть может, его история похожа на историю Веледы? Возможно, он осиротел в детстве, будучи драконьим отпрыском, одним-единственным в жестокой Гибернии. Будь у него живая семья где-то, другие драконы, я бы об этом уже услышала, не так ли? Герцогиня упоминала, что всех троих приняли в Охотники естественным образом. С историей Гвен всё понятно. Это был её долг. Но что насчёт Мэддокса и Сейдж? И зачем ему так рисковать, когда о сущности дракона могут узнать в любой момент?

Я задавала себе эти и другие вопросы с тех пор, как оказалась здесь. И знала, что, пока на мне нет татуировки авена, они никогда не будут полностью откровенны со мной.

И меня это более чем устраивало. Так будет легче вернуться к своей жизни, когда я найду Каэли.

— Они выживут, как всегда, — уверенно сказала герцогиня. — Они знают, что делают.

Пару минут спустя те, о ком шла речь, появились в дверях, чтобы попрощаться. Гвен, с кинжалами с красными рукоятками на бёдрах и с эмблемой Диких Охотников на груди, едва волочила ноги. Тусклые глаза Мэддокса нашли меня.

— Алланна, можешь уделить мне минуту?

Я нахмурилась от такой формальной просьбы и использования моего имени. Решила не отказывать ему перед всеми, чтобы не вызывать подозрений, и вышла следом за ним из кухни, чувствуя на себе взгляды всех остальных.

Мэддокс привёл меня в гостиную, где всегда горел камин. Несколько ковров различных форм и размеров покрывали весь пол, а перед очагом стоял низкий столик и три длинных дивана вокруг. Мэддокс сел на один из них, и я поняла, что не стоит рассчитывать на простое «будь осторожна и прощай».

Я выбрала диван с другой стороны от столика. Дракон сидел, широко расставив ноги, упираясь предплечьями в колени и сцепив руки. Его большие пальцы словно бы боролись друг с другом.

Я глубоко вздохнула. Мы не разговаривали после случившегося в большом зале, и теперь находиться с ним наедине было очень неловко.

— Что-то не так?

— Пока ты во дворце, держись подальше от принца Брана.

Сначала я была немного озадачена, особенно из-за серьёзного и даже требовательного тона его голоса, но затем вспомнила о произошедшем на пристани.

— Он меня не узнает, — заверила я его. — Он так и не увидел меня без камня трансмутации.

— Не будь слишком самоуверенной. Принц намного хитрее, чем многие думают. Его отряд называют гончими, потому что, заметив добычу, они не перестанут преследовать её, пока не поймают. Все они точное отражение своего командующего.

Да, я слышала много анекдотов в тавернах по этому поводу; людям Гальснана нравилось сочинять грязные шутки о принце и его пристрастии к гончим. Мне всегда казалось, что таким образом золотой мальчик пытался придать себе значимости. Если кто-то повсюду кричит о своём величии, уме или опасности, в конце концов, в это начинают верить.

— Что скажешь о своём командующем? Сетанте. — Плечи Мэддокса напряглись, и всё его тело замерло. Даже большие пальцы рук перестали двигаться. — Вся Гиберния говорит о его жестокости. Люди восхваляют его за количество голов сидхов, которые он повесил на стенах Эйре.

Дракон помедлил с ответом.

— Сетанта — наследник, ему нечего доказывать.

— Хочешь сказать, что Бран некомфортно чувствует себя в тени своего брата? — Я фыркнула. — Да, это тоже обсуждают на каждом шагу. Гвен даже сказала ему это лично.

Он вскинул голову, ошеломлённый.

— Что?

— Принцу, на пристани, — напомнила я. — Она сказала, что его неуверенность не делает его привлекательным. — Я тихо рассмеялась, вспоминая это. Гвен сразу мне понравилась. — Думаю, эта самоуверенность возникает сама собой, когда состоишь в отряде будущего короля.

Мэддокс кивнул, но ничего не добавил. Спустя несколько секунд молчание стало невыносимым, и я встала.

— Ну, если это всё... — Я замялась. — Надеюсь, у тебя всё будет хорошо.

Я уже почти достигла двери, когда услышала его тяжелые шаги по ковру. Мужские пальцы обхватили мою руку, останавливая.

— Пожалуйста, Аланна, будь очень осторожна при дворе. — Я была озадачена. Что это за странные нотки в его голосе? Мольба? Может, это просто такой свет от камина, но его лицо выглядело полным тревоги. — Пообещай мне. Пообещай, что будешь осторожна.

Я ничего не понимала. Склонив голову набок, я искала правильные слова.

— Я еду туда, чтобы найти свою сестру. Пока я не найду её и не обеспечу ей безопасность, будь уверен, со мной ничего не случится.

Его пальцы сжались на моём плече; он не спешил меня отпускать. Если он и хотел сказать что-то ещё, то не мог выразить это словами. Часть эмоций даже передалась мне. Они были очень сильными. Поэтому я смягчилась.

Я коснулась его предплечья. Хотя нас разделяла ткань униформы, я всё равно ощутила тепло его кожи.

— Обещаю, Мэддокс. Я вернусь в целости и сохранности. — И тут же, решив разрядить обстановку, я сменила тон. — К тому же ты всегда сможешь прийти сам и убедиться, что я в порядке. — Поскольку он продолжал пристально смотреть на меня, я добавила: — Мы ведь наверняка пересечёмся. Или Охотники не общаются с придворными?

Он моргнул. Будто вышел из лёгкого транса.

— Да, конечно. — Он осторожно отпустил мою руку и отступил на шаг. И было ощущение, что всё, что произошло за последнюю минуту, было плодом моего воображения. — Пойдём. Сейдж и Гвен, наверно, уже заждались меня.

Сейдж не было, но Гвен ждала его у лестницы, ведущей в конюшни. Её обеспокоенные глаза пробежались по нам обоим. Что бы она ни искала, она это не нашла, судя по тому, какой напряжённой выглядела её поза.

— Ты всё взял? — спросила она у Мэддокса.

Не глядя на неё, он ответил:

— Да.

— Ты уверен, что ничего не забыл?

Он обошёл её, направляясь к лестнице. Деревянные ступени скрипнули под весом дракона, и он скрылся из виду. Что-то внутри меня затрепетало, как испуганная птичка-колибри, при мысли о том, куда он уходит. Возможно, это просто Абердин заразил меня своим беспокойством, ведь головой я понимала, что дракон прекрасно справлялся все эти годы и сейчас тоже справится.

К тому же мне предстояло пройти свои собственные испытания.

Гвен поджала губы.

— Если я скажу тебе сейчас кое-что важное, ты сможешь это запомнить на будущее?

— Постараюсь.

— Он полный придурок! — раздражённо воскликнула она. — Порой мне кажется, что у него в голове одни опилки, и лучше бы он держал при себе некоторые свои грязные

шуточки, потому что они ужасно неуместны. Он упрямый и слишком высокого мнения о себе. Но в то же время... Он тот, кого хочется видеть рядом, когда всё плохо.

И тут, неожиданно, она налетела на меня с объятьями. Этот жест так напомнил мне о Каэли, что в горле встал ком. Они с Гвен поладили бы друг с другом.

— Удачи, Ланн. Уверена, если бы Сейдж не была такой замкнутой, она бы пожелала тебе того же.

Её волосы пахли слишком хорошо для охотницы. Я закрыла глаза и насладилась их запахом.

— Ланн?

— Это твоё официальное уменьшительное имя. Возражения не принимаются.

— Я не возражаю. Мне нравится.

Глава 29

Триада нашла красивый холм у устья реки Муирдрис и сказала:
«Здесь. Здесь мы построим наш новый дом».

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Я и забыла, как прекрасна Эйре.

Это неудивительно, учитывая, что в последний раз, когда я посещала столицу, я была гораздо больше озабочена выживанием, чем оценкой красоты её улиц и зданий.

Карета герцогини громыхала по идеально выложенной брусчатке, направляясь к площади Согласия, откуда начинался парад знати. Мы приехали в город несколько дней назад, чтобы уладить последние детали, и с тех пор я не покидала скромного особняка, принадлежащего Игнас, в лучшем районе Эйре. Герцогиня хотела, чтобы моё торжественное появление случилось в первый день Теу-Биада. Всё, что я видела из окон, меня восхищало, но ничто не могло сравниться с роскошью и элегантностью, царящими во дворце и его окрестностях.

Улицы были широкие, и по обеим сторонам стояли железные фонари. Не было ни одного обветшалого фасада, ни грязных тропинок, ни бродячих животных. Все улицы, по которым мы проезжали, были заполнены плотно прилегающими друг к другу домами и магазинами. Здания были двух, трёх или четырёхэтажные, с изогнутыми балконами из мрамора, золотыми ставнями и разноцветными черепичными крышами. Даже деревья не росли хаотично, а были посажены в круглые цветочные клумбы с низкими белыми стенками. Одно дерево через каждые два здания. Два здания, одно дерево, два здания, одно дерево, и так далее.

В Эйре ничто не существовало случайно.

Я уже сталкивалась с богатыми людьми. До определённой степени я привыкла к вычурным нарядам и блестящим туфлям. И всё же, глядя на уровень богатства и роскоши жителей Эйре, я чувствовала себя не в своей тарелке. Я видела много тех самых заведений, которые существовали только здесь и казались мне вершиной помпезности: *кафе*. Они не имели ничего общего с типичными тавернами Гибернии с липкими полами, куда люди приходили отвлечься после тяжёлого рабочего дня. В кафе же стояли изящные стальные столики и стулья, и там подавали только деликатесы, такие как шоколад, пирожные и, конечно же, кофе. Один из самых дорогих продуктов во всей Гибернии, так как его выращивали только в определённой области Эремона.

Знать и богачи сидели там не потому, что устали или были голодны, а чтобы обсудить сплетни и поддаться чревоугодию. Мне это казалось неплохой идеей. Не нравилось мне только то, что всё это доступно лишь приближённым к королю.

Улицы были украшены для этого события. Везде были флажки и плакаты с гербом королевской семьи (золотая ворона в короне на красном фоне) и их цветами. Передвижные лавки продавали всевозможные сувениры по случаю Теу-Биада: от красно-золотых шарфов до печенья в форме ворон. Дети радостно прыгали в ожидании, пока их родители (или няни) купят им что-нибудь. В разных уголках площади барды исполняли песни, одобренные двором, воспевающие Теутуса и королей Нессий. Люди улыбались. Вокруг звучал смех.

Я неделями готовилась к этому, как будто на войну собиралась, а для них это время праздника. Дни счастья и радости. Это казалось мне настолько абсурдным, что я время от времени выпадала в осадок.

Герцогиня, устроившаяся среди шёлковых подушек на сиденье напротив меня, вздохнула.

— Знаю. Столица как будто живёт в совершенно другой реальности, нежели остальная часть королевства. И если ты задаёшься вопросом, понимают ли они это, — сказала она, кивая в сторону людей на улицах, — то ответ — нет. По крайней мере, большинство из них даже не догадывается.

Я осторожно кивнула. Горничные герцогини сделали мне красивую причёску — низкий пучок, который выглядел простым на первый взгляд, но на него ушло более двух часов, и теперь из-за стянутых волос у меня началась мигрень. Я не знала, что женщина может носить так много шпилек на голове и не упасть от их тяжести, но оказалось, что может.

Всё чтобы продемонстрировать длинные золотые серьги, ради которых мне пришлось проколоть уши.

Игнас наклонилась к окну.

— Мы почти прибыли. Хорошо. — Она взяла меня за руки. Так как на мне были короткие прозрачные перчатки, украшенные маленькими бриллиантами, я отреагировала спокойно. — Играй свою роль и постарайся выяснить всё, что сможешь, о своей сестре, не вызывая подозрений. Ты должна покинуть этот дворец точно такой же, как вошла; оставаясь моей племянницей. А если обнаружишь что-то интересное, мы обсудим это наедине, вдали от любопытных глаз и ушей.

Я мягко сжала её ладони, улыбаясь.

— Если вы повторите это ещё раз, я вас убью.

Моя угроза, конечно, не произвела никакого эффекта. Вместо этого герцогиня решила ещё раз проверить, чтобы мои платье и причёска были безупречны. Мы выехали на гораздо более гладкую дорогу, скорость уменьшилась, и карета, наконец, перестала грохотать.

Моё сердце сжалось. Если всё пойдёт по плану, я буду ближе к Каэли, чем была последние два месяца. Моя сестра, возможно, сейчас прямо здесь. Всё зависит от планов

Морриган, которая, по словам герцогини, всегда делала, что хотела, даже на официальных мероприятиях.

Я иду к тебе, леэки.

Дай мне ещё немного времени.

Выглянув из-за шторки кареты, я увидела, что площадь Согласия уже была переполнена. В назначенный час знать разделится по разным королевским каретам, и начнётся парад. Герцогиня поедет с другими женщинами своего ранга, я — со своего, так что мы не встретимся до прибытия во дворец.

Герцогиня коснулась моих ключиц, где не было ни следа татуировки. Мне показалось, или у неё дрожат пальцы?

— Ни при каких обстоятельствах не теряй этот кулон.

Я приложила руку к камее. Так как незамужним девушкам не разрешалось носить кольца, защитный амулет мне решили повесить на кулон. Это было старинное украшение, передававшееся семье Сутарлан из поколения в поколение. Когда Плумерия увидела его на мне, перед отъездом из Эйлма, она грустно улыбнулась и сказала, что мне очень идёт.

Сложись обстоятельства иначе, его бы носила она. Но поскольку я должна играть её роль, Пвил наложил чары на камею. Пока я носила этот кулон, мои глаза казались просто тёмными, татуировка была невидима, и я могла выдержать прикосновение или порез гематитом. Хотя последнее имело свои нюансы, конечно, так как эффект будет временным. Но у меня будет достаточно времени, чтобы не вызвать подозрений и успеть скрыться. А затем я почувствую всю накопленную боль.

«Будет мучительно, но не смертельно», — заверил меня Пвил.

Дверь кареты открылась, и слуга подал руку в перчатке.

— Герцогиня Аннвин.

Окинув меня строгим взглядом напоследок, она спустилась первой, с достоинством, которое мог дать лишь многолетний опыт отыгрывания этой роли. Она была в чёрном, как и всегда, продолжая носить траур по своей сестре, но платье на ней, доходившее до щиколоток и покрытое кружевом от шеи до запястий, было прекрасно. На голове у неё был одна из её обычных шляпок, отделанная рядом жемчуга по краю. Мне эти головные уборы казались ужасными, но, видимо, считались очень модными среди придворных дам.

Слуга снова подал руку.

— Леди Сутарлан.

Это теперь я. По крайней мере, на три ночи и четыре дня.

Я глубоко вздохнула, успокаивая бурю, что разрасталась в моей груди. Приняла руку, как меня учили: едва касаясь пальцами, чтобы минимизировать контакт с прислугой.

Я спустилась по трём ступеням с чуть опущенной головой, одной рукой придерживая подол платья. Мои каблуки застучали по мостовой площади, и мне показалось, что шум несколько стих. Подняв голову, я поняла почему.

Практически вся знать Гибернии смотрела на меня. Вернее, не на меня, а на Плумерию Сутарлан. Дочь предателей. Девочку, которая пряталась в Аннвине больше пятнадцати лет и не хотела ничего даже слышать о Дворе.

Да, они глазели без стеснения.

Весь этот фестиваль надменных лиц, нарядных платьев, перьев и драгоценностей на мгновение ввёл меня в ступор, но я не подала виду. Приняла руку герцогини с мягкой улыбкой, и она тут же повела меня к группе дам. Пронеслась очередная волна шепотков. Они внимательно изучали каждую деталь моего облика в поисках недостатков, и теперь я была благодарна за то, что меня подняли на рассвете и тщательно подготовили.

Подол моего платья волочился по земле, а лёгкие ткани парили вокруг при каждом шаге. Всё было слишком: причёска, платье, драгоценности... И без характерного фиолетового оттенка моих глаз я совсем не была на себя похожа. Однако теперь, увидев остальных девушек, я поняла, что мой наряд был достаточно скромным. По крайней мере, я не носила павлиньи перья в причёске и не надевала платье такого цвета, в котором кожа казалась пепельной.

Игнас решила, что для своего первого появления я должна надеть красное платье, чтобы угодить королевской семье. Увидев его на кровати, я потеряла дар речи. С одной стороны, я ненавидела то, что оно собой представляло, и ту роль, которую оно должно было исполнить. С другой, я не могла отрицать, что это был изысканный наряд.

Корсет был в форме сердца и открывал значительную часть моей груди (которая, благодаря корсету, казалась намного больше, чем была на самом деле), а также плечи и руки. На спине вырез углублялся и опускался до бёдер. Бесчисленные маленькие драгоценные камни украшали корсет, образуя изящные узоры, которые спадали к юбке и терялись среди складок. На юбке были пришиты слои более светлой красной ткани, небольшие вокруг талии и увеличивающиеся в размере до самого пола. Благодаря каблукам я казалась немного выше, а моя талия — осиной.

Горничные уверяли, что я выглядела прекрасно. Мне же юбка напоминала гигантскую красную гвоздику, но я воздержалась от комментариев.

Герцогиня представила меня тем, кого называла «близкими подругами». Две графини, похожие на близнецов, с острыми носами и глубокими морщинами вокруг губ; полная маркиза с улыбкой, напоминавшей волчью, и, конечно же, Катриона Болг. Я узнала её как по высокомерному взгляду с поднятым подбородком, так и по выдающейся родинке на верхней губе.

Когда Игнас рассказывала мне о разных дворянских семьях, я узнала, что леди Болг была герцогиней Гримфеар. Я с трудом в это поверила. Почему кто-то вроде неё лично занимается поручениями? Да, она всегда была в сопровождении слуг, но…

Хотя все дамы приветствовали меня как подобает, и я изощрялась в реверансах, напряжение можно было резать ножом. Или одним из моих кинжалов.

Госпожа Болг скептически осмотрела меня с головы до ног.

— Это Плумерия? Кажется, раньше она была... В общем, более миниатюрной.

Кто-то хихикнул. Вместо того чтобы вспылить, как обычно, Игнас спокойно улыбнулась.

— Это легко объяснить: в последний раз, когда ты её видела, она была совсем ребёнком, и все мы знаем, что память тебя уже подводит, дорогая. О, Бриджит, это сапфиры? Какое сияние!

Эта Бриджит, одна из графинь, так вытянула руку, что я подумала, она вывихнет локоть. Разговор перетёк к драгоценностям. Я игнорировала все взгляды, которые, казалось, вонзались в мою кожу, точно ядовитые дротики. Неужели Плумерия должна была с этим столкнуться?

Вскоре пришло время рассаживаться в кареты. Герцогиня указала мне на мою и поцеловала в щёку.

— Наслаждайся поездкой, моя дорогая Плум.

— Спасибо, тётя. Взаимно.

Все королевские кареты для парада были одинаковыми. Их тянули два белых коня, на козлах сидели кучер и лакей, а внутри было место для четырёх человек. Не было никаких занавесок, а вот окна заметно больше обычного. Должно быть, это специально так задумано, чтобы мы могли видеть народ и они могли видеть нас.

Ещё один слуга помог мне подняться. Внутри уже сидели две девушки, вместе, так что я заняла оставшееся место, мысленно гордясь тем, как аккуратно я приподняла платье, чтобы не наступить на него, и как прочно держалась моя причёска. Я перестала чувствовать рёбра и грудь уже больше часа назад.

Девушка напротив меня была прекрасна, просто образец юной аристократки: изящные черты лица, глаза с густыми ресницами, фарфоровая кожа и тонкие губы. Её длинные светлые волосы мягкими волнами спадали на плечи, а платье цвета слоновой кости только подчёркивало её красоту. Однако её взгляд был пустым. Как будто заглядываешь в бездну и понимаешь, что всего один неверный шаг отделяет тебя от смерти.

Она смотрела на меня так, словно я была куском грязи. Какая прелесть.

Рядом с ней сидела девушка не менее красивая, но с более округлыми глазами, которые (по крайней мере, на первый взгляд) придавали ей более дружелюбный вид. Её кожа была намного смуглее, как у меня, с густыми бровями и длинными чёрными волосами, стянутыми назад с помощью заколок.

Так как никто не собирался демонстрировать те превосходные манеры, которые у них якобы были, я взяла инициативу на себя:

— Доброе утро. Я...

— Мы знаем, кто ты, — прервала меня девушка напротив. — И меня поражает, что у тебя хватило наглости прийти. Ты разве не должна до конца жизни гнить в своём Аннвине?

Я была готова к чему-то подобному, хотя ядовитость её слов зашкаливала. Благодаря Плумерии, меня это не застало врасплох.

— Не знаю, как можно считать позором то, что наследница герцогства Аннвин прибывает на Теу-Биад, — ответила я спокойно. — И, как видишь, гнить я ещё даже на начинала.

Её губы презрительно скривились, обнажив белые и ровные зубы.

— Удивительно, с какой лёгкостью ты провозглашаешь себя наследницей, учитывая обстоятельства, которые привели тебя к этому. Хотя, если подумать, для тебя как раз-таки всё вышло очень удачно, не так ли? — Она повернулась к другой девушке, которая

внимательно наблюдала за мной, словно ожидая, что я начну жонглировать в любую минуту. — Если бы её родителям не содрали кожу живьём как предателям, она бы сейчас не сидела здесь с нами. Если уж на то пошло, позволили бы дочери сестры герцогини вообще приехать на Теу-Биад?

Смуглая девушка ухмыльнулась так, что все мои сомнения исчезли. Она не была доброй, она была из того же теста, что и блондинка.

— Да, но она бы шла последней в очереди.

Живьём содрали кожу.

Плумерия видела, как сдирают кожу с её родителей.

«Не поддавайся на их ужасную провокацию», — думала я, наблюдая за этими двумя. Было бы до смешного легко позволить тьме соскользнуть с бархатного потолка кареты и обвить их хрупкие шеи. Одно резкое движение — и прощай. Ещё больше удовлетворения я получила, если бы достала свои кинжалы и вонзила их прямо в сердца этих двух стервятниц. Их кровь была бы красной или чёрной, как у монстров?

Разумеется, я не могла сделать ни того, ни другого, поэтому просто моргнула и улыбнулась.

— Тем не менее, я здесь. С вами. И можете не представляться, поздно уже. Я потом выясню, кто вы.

Больше они ничего не сказали, хотя взглядами убили меня тысячу раз. Мне было комфортно в тишине; в данных обстоятельствах так даже лучше. Я довольствовалась тем, что смотрела в окно, наблюдая, как заполняются остальные кареты.

Через несколько минут лакей закрыл дверь, и послышались голоса кучеров, понукивающих лошадей.

Дорога Луахра была впечатляющей. По ней могли двигаться одновременно четыре кареты, и всё равно оставалось место. Она была посвящена королеве, которая, по легендам людей, договорилась с Теутусом, чтобы спасти весь человеческий род от тирании сидхов. Для них она была героиней.

По краям дороги стояли толпы граждан, энергично машущих руками и выкрикивающих хвалебные слова. Над зданиями в самом престижном районе столицы возвышались зубчатые башни Академии. Я пыталась определить, какие мы по счёту, но видела только наших лошадей и заднюю часть кареты перед нами. Герцогиня говорила, что парад идёт в порядке иерархии, так что наша карета, в которой ехали дочери самых знатных семей, не могла быть далеко от начала. Я знала, что парад возглавляют два отряда Диких Охотников верхом на лошадях. Значит, где-то в этом длинном шествии были Мэддокс, Гвен и Сейдж.

Группа детей пыталась бежать рядом с каретами, держа в руках вертушки, пока несколько солдат не заставили их вернуться в толпу. Вопреки моему опыту с ними, они были учтивы...

Оглушительный взрыв сотряс карету, и стёкла окон выбились внутрь. Ухватиться было не за что, я оказалась на полу между скамьями, мои колени запутались в складках платья, и я одной рукой оперлась о дверь, чтобы не удариться головой. Две другие девушки вскрикнули, цепляясь друг за друга.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Мы остановились. Я уловила запах пороха. Взрыв? Весёлая суматоха быстро сменилась мрачной, пугающей атмосферой. Всё началось с испуганного крика и переросло в целую серию визгов, которые разносились повсюду. Послышался гул сотен шагов — люди стремились убраться подальше.

Наш кучер что-то прокричал, но я не расслышала. Я пыталась подняться, но это чёртово платье совершенно не подходило для этого.

Дверь резко открылась. Я вцепилась в раму, чтобы не упасть, и, вскинув голову, увидела перед собой пару тёмных глаз и остриё меча. Мужчина был в капюшоне, и при виде меня на его лице застыла зловещая усмешка.

— Ты пойдёшь с нами.

Он схватил меня за запястье, стиснув до боли, и попытался вытащить наружу. Я сопротивлялась, конечно, стараясь освободить ноги из-под юбок, чтобы упереться по обе стороны двери.

Я не успела. Сильный удар в спину выбросил меня прямо в объятия этого незнакомца.

Первое, на что я обратила внимание, это неприятный запах. От него разило порохом, чем-то кислым и страхом. Я почувствовала это по тому, как его руки не могли найти способ правильно удержать меня, и по тому, как его глаза метались из стороны в сторону.

Карета перед нами перевернулась, и из неё доносились крики о помощи; лошади яростно рвали упряжь. Из одного из зданий справа — похоже, там была какая-то лавка, — валил густой чёрный дым. Белый навес был охвачен огнём, и повсюду валялись осколки стекла. Люди продолжали бежать и кричать.

Всё это никак не входило в план, и я не знала, как действовать. Если бы я сейчас раскрыла свои способности или показала оружие, всё бы пошло насмарку. Меня бы увидели слишком многие. Но мне совсем не хотелось быть похищенной (или что бы там ни замышлял этот незнакомец), пока я выдаю себя за Плумерию.

В какой-то момент нападавший решил поставить меня на колени перед собой, грубо схватив за волосы. Двое других мужчин в тёмной, мешковатой грязной одежде приблизились к нам. У них тоже было оружие, а лица скрывали капюшоны. Увидев меня на земле, они замерли.

— Что, чёрт возьми, ты делаешь? — вскрикнул один.

— Пусть познают на собственной шкуре! — Тот, что держал меня, так сильно потряс рукой, что наверняка выдернул несколько прядей волос. — Пусть потеряют то, что считают ценным!

Затем он приставил меч к моему горлу. Это был не гематит, но даже представители магических рас погибают, если их обезглавить обычной сталью. Тьма нетерпеливо зашевелилась под подолом платья, напоминая мне, что я могла бы покончить с ними быстрее, чем осядет пыль.

Я уже не была уверена, что смогу обойтись без неё.

— Нам нужно уходить, — сказал третий. — Я не собираюсь здесь оставаться...

Он не успел закончить фразу. Стрела пробила его спину и вышла из груди. Он упал лицом вперёд уже мёртвым.

— Твою ж!.. — Другой пустился бежать.

Вместо того чтобы отпустить меня и попытаться спасти свою жизнь, оставшийся мужчина отступил к карете, вероятно, пытаясь прикрыться, и потянул меня за собой. Он толкнул меня к колесу и снова приставил кончик меча к моей груди.

— Я убью её! — взревел он. — Клянусь святой кровью трёх богинь, я убью одну из этих узурпаторов!

Святой кровью… трёх богинь? Кто эти люди и чего они добиваются?

Сквозь дым появились фигуры, приближающиеся к нам. Мои ключицы начало покалывать; защита делала метку невидимой для всех остальных, но не лишала её сил. Нападавший, занервничав, переступал с ноги на ногу; остриё его меча упиралось мне в грудь. Я замычала. Если этот идиот не будет осторожен, он может случайно меня убить.

— Вы меня слышите?!

Ответ прорезал воздух свистом. Я подумала, что это была ещё одна стрела, и как я, так и мужчина ожидали её спереди. Однако она пришла сверху. Я ощутила лишь толчок, когда его тело, падая, задело меня и скользнуло мимо колеса. Я схватила его меч, пока он не свалился мне на колени, и отступила так далеко, как только могла.

Оглянувшись, я поняла, что это была не стрела. Мужчина был пронзён серебряным копьём в живот. Он держался за него обеими руками — то ли пытался вытащить, то ли просто инстинктивно схватился — и бормотал что-то невнятное, пока кровь текла по его подбородку.

На мгновение он напомнил мне мать в моём последнем сне, и у меня скрутило живот.

Первая фигура, появившаяся из дыма, заставила меня напрячься. Неизвестный мне Дикий Охотник направлялся ко мне уверенным шагом, осматривая окрестности безучастными глазами. Он пнул мужчину, умершего от стрелы, а затем посмотрел на меня.

— С вами всё в порядке, миледи?

— Думаю, да. — Может, мне стоит заплакать? Плумерия к этому моменту уже бы упала в обморок. — Я не понимаю, что произошло.

— Несомненно, трагичный случай.

Этот голос... Моё сердце, уже потрясённое случившимся, замерло. Я бы никогда не забыла этот голос. И то, как его обладатель хотел убить нас с сестрой, наслаждаясь каждым моментом.

Принц Бран будто бы явился из снов. Если бы я ничего о нём не знала, его красота лишила бы меня возможности действовать. Его белоснежные волосы были идеально уложены, а кожа напоминала мраморные статуи на площади Реймс. В его чертах было такое совершенство, что оно казалось пугающим — глаза слишком овальные, губы слишком полные, челюсть слишком точёная. Единственным изъяном был странный шрам на его скуле.

Он был одет по-королевски: чёрные ботфорты, белые штаны, красный бархатный жилет и такого же цвета камзол. Пуговицы и эполеты на его плечах были из золота, а бахрома колыхалась в такт его изящной походке. На бедре висел меч.

Принц безразлично взглянул на упавшего мужчину и лужу крови вокруг него. Охотник быстро отступил по его указанию, и я поняла, что он состоит в отряде младшего принца и служит ему. Принц осмотрел меня, лежащую на земле с мечом в руках, и мужчину, который чудом оставался жив.

В прошлый раз, когда мы были в подобной ситуации, он обещал мне всевозможные страдания.

Принц элегантно протянул мне свою ладонь.

— Встаньте, моя дорогая леди. Люди нашего круга не должны находиться среди таких негодяев.

Я выпустила меч и приняла его руку. Любое дрожание или странное движение можно было списать на только что пережитое нападение, а не на присутствие передо мной принца, виновного в том, что моя сестра оказалась в когтях Морриган. Я услышала взволнованный шёпот, доносившийся из кареты за моей спиной.

— Благодарю вас, ваше высочество, — ответила я, хотя тот уже снова перевёл своё внимание на умирающего.

— Не стоит благодарности, парад был невероятно скучным. — Затем он повернул голову, чтобы крикнуть через плечо: — Правда, брат?

Брат? Я начала искать глазами наследного принца. Сначала я увидела Гвен с красным кинжалом в руке. Не глядя на меня, она отошла к другому охотнику. Прямо за ней шёл ещё один мужчина в красном камзоле, похожем на тот, что был на принце Бране, и я затаила дыхание.

Мужчина был высок, гораздо крупнее, чем я могла себе представить, и...

Когда я подняла глаза к его лицу, всё вокруг на мгновение остановилось. Это было похоже на то, как если бы ось, на которой держался весь мир, сломалась, и небо с землёй зашатались. Или произошёл ещё один взрыв? Может, я всё ещё не пришла в себя после первого. Может, на самом деле меня ударили по голове, и я лежу в карете, видя сумасшедшие сны.

Потому что мужчиной, который приближался ко мне, одетый как наследный принц Гибернии, был Мэддокс.

Глава 30

При его создании они использовали материал, напоминавший им о далёком доме, том, что за пределами звёзд. Безупречный белый мрамор.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

— Скучным я бы это не назвал, если честно.

Я сосредоточилась на дыхании.

Держа руку принца Брана и глядя в глаза Мэддоксу — нет, принцу Сетанте, — я думала только о том, что надо продолжать дышать.

Я решила, что сейчас не время для чего-либо другого.

Ни для попыток понять, что происходит.

Ни для поисков объяснения в глазах Гвен.

Ни тем более для того, чтобы потребовать объяснений у него самого.

Я сосредоточилась на тьме, обвившей мои ноги, и на выживании. Как я делала всегда.

Наследный принц держался так, будто родился для этих нарядов, а не для униформы Диких Охотников. Хотя, о чём это я? Так и есть. В отличие от Брана, он носил тонкую золотую диадему с замысловатым узором, выделявшуюся на фоне его чёрных волос. Видя обоих братьев вместе, я вспомнила, что о них говорили. Если Бран был изящным и почти эфемерно красивым, то его старший брат отличался развитой мускулатурой и грубой, тёмной привлекательностью.

Брана называли Серебряноволосым.

А Сетанту — Потрошителем. Из-за его оружия.

Гвен вынула копьё из умирающего, и тот упал на бок. Затем она вернула его своему капитану, который безэмоционально осматривал сцену.

«И назвал ты его?..»

«Знаешь, я предпочитаю оставлять некоторые секреты при себе, хотя бы для того, чтобы уравновесить чашу весов».

Чтобы уравновесить наше положение... или скрыть от меня, кто он на самом деле.

Мои пальцы сжались на руке принца Брана, но его внимание было сосредоточено на незнакомом мне охотнике. Принц опустился на колени рядом с умирающим и снял с него капюшон. Время замедлилось, едва показались уши, напоминающие оленьи.

Фей. Это была спланированная атака сидхов.

Улыбка Брана могла бы осветить весь город в ночи.

— Вы только поглядите, что у нас тут. А остальные? — спросил он у охотника.

— У них был небольшой, плохо организованный отряд. Мы преследуем тех, кто сбежал. Они далеко не уйдут, мой капитан.

— Разумеется. Кому вообще пришло бы это в голову, во время Теу-Биада… Что скажешь, брат? Нет лучшего украшения для этого праздника, чем пара свежеотрезанных ушей сидхов.

Его… его брат, занятый тем, что вытирал кровь с копья платком, в ответ лишь небрежно бросил:

— Пусть решает дама.

Сияющие глаза Брана остановились на мне. Они были такими голубыми, такими чистыми, что я почувствовала, как они пронизывают мою душу. Я напомнила себе, что он не знает, кто я, ведь на самом деле он никогда не видел моего лица.

Что бы сделала Плумерия на моём месте?

Нет, лучше спросить: что бы сделала дама при Дворе на моём месте?

Проглотив ком в горле, я бросила презрительный взгляд на сидха, напоминая себе, что он уже мёртв, мысленно вознесла за него молитву, а вслух произнесла:

— Лишь бы не запачкал моё платье.

Мне показалось, что наследный принц сжал челюсти, но я не могла быть уверена. Гвен развернулась спиной ко мне и наблюдала за толпой, где десятки солдат пытались остановить панику и обеспечить порядок.

Бран громко рассмеялся, его смех был многогранен в своей холодности и жестокости. Когда принц снова перевёл взгляд на меня, казалось, он смотрит другими глазами. Он изучал меня с настоящим интересом, хотя моя внешность уже не была такой опрятной, как несколько минут назад. Его взгляд задержался дольше всего на моём декольте. Мне хотелось верить, что его взволновал небольшой порез, оставленный мечом.

— Вы привлекли моё внимание, леди...

— Сутарлан. Плумерия Сутарлан.

Понимание отразилось на его лице.

— Аннвин по-прежнему любит скрывать свои сокровища, не так ли?

Это комплимент?

Складывалось впечатление, что моё тело мне больше не принадлежит. Приходилось прилагать огромные усилия, чтобы не переводить взгляд постоянно на Гвен и на *него*. Тьма, никогда не терявшая бдительности, ласкала мои колени, впрыскивая немного адреналина, что немного меня взбодрило.

Я отвела взгляд от принца, чувствуя стыд.

— Вы мне льстите, ваше высочество.

— Без сомнения, это и была моя цель. Как насчёт того, чтобы я лично проводил вас во дворец? Я хотел бы возместить ущерб, причинённый этими тварями, чтобы вы могли насладиться остальной частью парада.

«Пока ты во дворце, держись как можно дальше от принца Брана».

Ну, мы пока ещё не во дворце.

— Это... Это было бы... — Я на мгновение сделала вид, что задыхаюсь от переполняющих меня эмоций. — Это было бы огромной честью для меня.

Его улыбка была преисполнена чистого тщеславия.

— Эльфин, позаботься о нём, хорошо? — сказал он, указывая на сидха. — Добавь его к моим подаркам отцу. Прости, брат, но в этот раз я забираю себе все лавры и благосклонность дамы. Надеюсь, ты не против.

Я не стала смотреть на выражение лица наследного принца, когда тот ответил. Это было выше моих сил.

— Ничуть. Всё бывает в первый раз.

Мышца дёрнулась на щеке Брана, но улыбка не исчезла. Он предложил мне руку, и когда я приняла её, повёл меня к передней части парада. Я не отрывала взгляд от дороги, ни разу, даже когда мы проходили мимо Гвен, и Бран прошептал ей:

— Сегодня ваш черёд убирать этот беспорядок.

Когда мы обходили перевёрнутую карету, я услышала, как сидх застонал от боли. Очевидно, он всё ещё был в сознании и чувствовал, как ему отрезают часть тела. Я постаралась исподволь несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы ослабить стянутый узел из тревоги и ужаса в животе и не думать о том, что я сама приказала сделать это.

Похоже, что-то изменилось во мне, незаметно от меня самой. Хотя я никогда не наслаждалась чужими страданиями, прежде я не принимала их так близко к сердцу. Впервые я почувствовала такую эмпатию к незнакомцу лишь потому, что он был сидхом, как будто теперь я была в том же положении. Как будто мы разделяли одну судьбу.

Проходя мимо другой кареты, я увидела лицо Игнас, прижатое к стеклу рядом с лицами других дам. Любопытство сменилось ужасом, когда она увидела меня рядом с принцем Браном.

Хотелось бы мне верить в искренность её переживаний, но на языке остался горький привкус.

Несколько солдат держали лошадей в передней части парада. Они, видимо, не сочли угрозу серьёзной, потому что большинство охотников не сдвинулись с места, ожидая на своих чёрных скакунах. Я прошла мимо десятков охотников, которые старались скрыть своё любопытство, глядя на принца, возвращающегося с дамой.

Двое солдат помогли мне взобраться на лошадь принца, великолепного гнедого жеребца с заплетённой гривой. Конечно, мне пришлось сесть боком, ведь леди не могла ездить верхом иначе.

Когда Бран сел позади меня, я почувствовала, как волосы на моём теле встали дыбом от отвращения. Ключицы горели, но я была уверена, что это из-за гнева, кипящего внутри меня. Я не хотела смотреть вокруг, меня это не интересовало.

— Первый раз на лошади? — спросил он, слишком близко к моему уху.

— Да.

— Не волнуйтесь, со мной вы в безопасности.

— Конечно, ваше высочество.

Мы снова двинулись в путь, хотя я заметила, что большая часть охотников осталась позади, отойдя в сторону, чтобы позволить каретам продолжить путь. Они, должно быть, состояли в отряде другого принца.

Зрителей стало гораздо меньше из-за взрыва, но многие всё ещё выглядывали из окон и с балконов. Чем ближе мы подъезжали ко дворцу, тем больше становилась толпа. И с ней увеличивалось количество указующих пальцев и любопытных взглядов, пытающихся угадать, кто же эта леди, едущая вместе с принцем. За моей спиной Бран улыбался, смеялся и радостно приветствовал всех, наслаждаясь вниманием.

Из кареты я бы не смогла увидеть, как в поле зрения постепенно появляется дворец. Улица Луахра становилась всё уже, пока не осталось место только для проезда карет. Мы миновали дома и магазины. Слева и справа простирались ухоженные сады с живыми изгородями. Брусчатка сменилась плиткой коричневого и белого цветов, выложенной красивыми узорами. Впереди нас ждали огромные железные ворота, распахнутые настежь. Я не сомневалась, что это был первый вход во дворец, украшенный гематитом. Принц тихо описывал мне всё вокруг, указывая то сюда, то туда, с оттенком педантичности в голосе.

Через ворота мы въехали во внутренний двор, и я впервые смогла увидеть во всём великолепии обитель королевской семьи — чудо из белого мрамора, с изящными окнами, отражающими солнечный свет, красивыми арками и колоннами на каждом шагу. По обе стороны двора находились огромные водоёмы с фонтанами в центре, в которых постоянно струилась вода. Два других пути огибали основное строение, украшенные живыми изгородями различных форм. Повсюду плавали лебеди. Бран продолжал двигаться прямо к остроконечной арке, ведущей внутрь дворца.

За несколько метров до входа он остановил лошадь и спешился. Его руки обхватили мою талию, чтобы помочь мне спуститься. Я опёрлась на его плечи, потому что это было логично. Меня охватило отвращение, и не только потому, что это был он. В отличие от других людей, его тело не излучало никакого тепла. Всё равно что прикасаться к трупу.

— Полагаю, вы приехали вместе с герцогиней Аннвин?

Остальные члены его отряда тоже спешились, и конюхи начали уводить лошадей. Кареты подъезжали следом.

— Да.

— В таком случае вы можете подождать её здесь, она скоро прибудет. Боюсь, я вынужден отлучиться по срочным делам, — сказал он, оглядывая своих охотников.

Он намерен присоединиться к тем, кто разыскивает сидхов? Привезти ещё больше подарков королю?

— Конечно. Я не хотела бы отнимать у вас больше времени.

Он наградил меня взглядом, полным снисхождения.

— Напротив, это был приятный поворот событий. — Не дожидаясь, пока я подам ему руку, он взял её и наклонился, чтобы поцеловать мои пальцы. Я напрягла живот так, что мышцы свело судорогой. — Надеюсь увидеть вас на приветственном балу сегодня вечером, леди Сутарлан.

— Я тоже, ваше высочество.

Когда он ушёл со своим отрядом, я смогла выдохнуть весь воздух, застрявший в моих лёгких. Если кто-то и наблюдал за мной, то наверняка подумал, что я взволнована из-за внимания принца.

Дворяне начали выходить из карет, и герцогиня вскоре нашла меня, подойдя так быстро, как только позволяли рамки приличий.

— О, моя дорогая Плум! — Она бросилась меня обнимать, воспользовавшись близостью, чтобы прошептать: — Не знаю, что ты сделала, но теперь о тебе говорит весь Двор.

Она не заметила, что я не обняла её в ответ. Когда она отстранилась, я посмотрела ей в глаза.

— Несколько мятежных сидхов попытались напасть на знать на параде. Один из них выдернул меня из кареты, и вся жизнь пронеслась у меня перед глазами. Боюсь представить, что он собирался со мной сделать. К счастью, принцы прибыли вовремя. *Оба* принца.

Её взгляд застыл на мгновение — единственный признак того, что она поняла мой намёк. Я продолжала играть свою роль, пока нас окружали её подруги, требуя, чтобы я рассказала обо всём в мельчайших подробностях. Я сделала это, как сделала бы любая другая леди, взволнованная и возбуждённая. Не сомневаюсь, что это самое интересное событие в их жизни за последние годы.

Мои «любезные» спутницы вскоре присоединились ко мне. Госпожа Болг обняла блондинку.

— Моя милая, милая Реанн. Скажи мне, ты испугалась? Твоё платье не пострадало?

— О, мама, это было ужасно. Когда я увидела, как это чудовище утащило Плумерию...

Глаза девушки внезапно наполнились слезами, и все бросились её утешать, словно жертвой была она. А когда увидели, что её платье порвано осколками стекла, истерия достигла невероятных высот.

Конечно, как же иначе. Она была дочерью Катрионы Болг и наследницей герцогства Гримфеар. Яблоко от яблони недалеко падает.

Не переставая болтать, группа вошла во дворец. Никого не смутило, что я смотрела на всё так, будто видела впервые; видимо, списали на то, что Плумерия покинула двор, когда ей было пять лет. Однако я не могла сосредоточиться на задании так, как следовало бы. Я знала, что нахожусь в великолепном вестибюле, полном изогнутых лестниц; на первый взгляд их было более десяти, все они вели на верхние этажи и в разные части дворца. Свет заливал помещение через окна в глубине, отражаясь от золотых перил и белого мрамора колонн.

К нам тут же подошла горничная. Это была Йора, которая помогала мне готовиться утром и работала на герцогиню.

— О боже, — прошептала она, увидев меня; её руки взметнулись к щекам.

Герцогиня нетерпеливо махнула рукой.

— У нас нет времени. Наши комнаты готовы?

— Да, конечно. Следуйте за мной.

Йора была не единственной горничной. Было несколько других, одетых в скромные белые платья; они сновали среди знати, разыскивая своих господ. Многие люди уже поднимались по разным лестницам. Инстинктивно я стала искать светлую шевелюру Реанн Болг и заметила её на противоположной лестнице. Она тоже смотрела на меня и улыбнулась, давая понять всё, что мне нужно было знать.

Йора привела нас на третий этаж и, если я не слишком отвлеклась, в правое крыло дворца. Я приказала себе осмотреться, хотя бы запомнить путь от моей комнаты до главного входа. Тем не менее, даже глядя на своё отражение в полированных полах и слушая эхо наших каблуков, я не была там на самом деле. Чёрное пятно заполняло моё поле зрения, напряжение пронизывало мои вены.

Я была в других местах, в других временах.

Чувствовала себя глупой, раненой, виноватой, задохнувшейся. Всё сразу.

«Лучше всегда держи в голове мысль, что у всех при Дворе под одеждой есть сюрпризы. Оружие, намерения, трупы, секреты. Все что-то скрывают, дорогая».

— Вот здесь, — наконец сказала Йора. — Комната герцогини Аннвин и комната леди Сутарлан.

Я несколько раз моргнула.

— Это моя?

— Да, госпожа.

Я резко открыла дверь. И, конечно же, она не скрипнула; она скользнула так легко, что я едва не выпустила её из пальцев.

— Дорогая...

Я подняла руку, чтобы остановить Игнас, прежде чем она осмелилась бы последовать за мной внутрь.

— Нет. Сейчас не время.

Сжав губы, Игнас бросила взгляд на Йору. Девушка сделала глубокий реверанс.

— Я пойду на кухню, чтобы приготовить для вас поздний завтрак.

Ещё до того как её шаги окончательно стихли, женщина шагнула ко мне. Высокомерие покинуло её лицо.

— Значит, ты его видела? Видела наследного принца?

Я застыла в изумлении.

— Вы смеётесь надо мной?

— Мне нужно, чтобы ты ответила на вопрос, девочка. Он... Ну, ты знаешь... — Она запиналась, как никогда раньше. Я смотрела на неё со смесью ярости и безразличия. Знала ли я эту женщину на самом деле? — Ты знаешь, кто он? Принц?

Я захлопнула дверь перед её носом. Заперла тяжёлый засов под ручкой, закрываясь ото всех. Конечно, не последовало ни стука, ни криков, требующих впустить её. Это не то место. Насколько я знала, в этих комнатах обычно несколько дверей. Я нашла одну в стене справа от себя и поспешила закрыть и её тоже. Пока я искала другие входы, всё вокруг сливалось в размытую массу золотых предметов, тканей, мебели и самой большой кровати, которую я когда-либо видела. Тьма указала мне на балкон на противоположной

стороне комнаты. Мало интересуясь красивыми видами, я проверила стеклянные двойные двери и задёрнула шторы.

Убедившись, что никто не войдёт без моего разрешения, я рухнула на месте. Ковры и платье смягчили удар. Моё дыхание было неравномерным, в груди — ноющая рана. Эту боль я слишком долго игнорировала. Неуклюже сняв туфли, я прижала руку к животу.

Дышать было бы легче без этого проклятого корсета, но для его надевания и снятия требовалась целая армия.

Я устремила взгляд на два скрещённых меча, вышитых на ковре, и попыталась упорядочить свои мысли.

Во-первых, я не собиралась поддаваться тревоге, как это случилось по прибытии в Эйлм. Я отказывалась думать, что что-то ещё способно причинить мне такую же боль, как похищение сестры. Это было совершенно несравнимо.

Во-вторых, я тщательно перебрала всё, что знала о драконах. Нашу встречу в Гримфеаре, события в лесу Робабо.

«Вы реально состоите и в Дикой Охоте, и в Братстве?»

«Боюсь, что да».

«Знает ли король, что среди Диких Охотников есть сидхи и что драконы не вымерли?»

«Нет. И мы намерены позаботиться о том, чтобы он так и не узнал, sliseag».

Ничего из этого не было ложью. По какой-то непонятной мне причине, которую я даже не могла себе вообразить, он был драконом, который состоял в Дикой Охоте и Братстве… и был наследным принцем.

И королевская семья не знала об этом. Они не могли знать, это противоречит всему, на чём основываются их тирания и царство ужаса. Как принц Бран, с его непомерной жестокостью по отношению к сидхам, мог спокойно общаться со старшим братом, зная, что тот один из сидхов?

«Сетанта — наследник, и ему нечего доказывать».

Это всё было каким-то бредом. Задыхаясь, я потянула за корсет и услышала треск за спиной — в моей руке оказалась половина платья. Я смотрела на красивую ткань между пальцами, на украшения, образующие спирали, похожие на узор на моих ключицах. Вскочив на ноги, я с силой сорвала с себя платье. Затем схватилась за корсет, не обращая внимания на боль от туго затянутой шнуровки и косточек, вонзившихся в кожу, когда я потянула изо всех сил. Я услышала намного больше звуков разрывов, чем должно было быть. В обычных обстоятельствах я бы сочла это предупреждением, но сейчас я могла думать только о том, как освободить свою кожу от многочисленных слоёв ткани.

Я бросила всё на пол и, задыхаясь, смотрела на них. Тьма была повсюду, и она не сдерживалась в своих порывах. Чёрные пальцы, похожие на мои, превращали изысканный наряд в непонятную груду тряпок, ломали косточки корсета на части, раздирали украшения. Когда тьма поняла, что я за ней наблюдаю, она повернулась ко мне. Я редко отпускаю контроль над ней, но сейчас она поднялась и приняла форму девушки рядом со мной. Она была моего роста, моей комплекции и закипала от злости, точно как я.

Потому что это и была я.

Оставшись лишь в чулках и подвязках, с камеей на груди, я пошла в соседнюю комнату, единственную без двери, только с красивой золотой аркой. Я стремительно подошла к умывальнику и окунула лицо в воду. Если бы была приготовлена ванна, я бы погрузилась в неё целиком. Я намочила шею, затылок и грудь и зашипела, когда влага коснулась раны и защипала.

Я посмотрела на своё отражение в зеркале, полуголая и мокрая. Даже если бы я хотела, тени за моей спиной было невозможно игнорировать. Их было много. Очень. Я даже сбилась со счёту.

Одна из теней завыла у самого моего уха. Это был тот самый гортанный звук, который ты никогда не захочешь услышать, исходивший из самой бездны, звучавший как вечное проклятие. Это был стон человека, который не нашёл покоя в смерти. Потому что я не позволила ему этого.

— Знаю, — ответила я. Выставив руки по обе стороны таза, я склонила голову. Капли стекали с моих волос и лица на поверхность воды. — Знаю, что я великая лгунья и не имею права так себя чувствовать.

Однако самое интересное в чувствах и эмоциях — это то, что они не следуют логическим схемам. Сколько бы я ни напоминала себе, что остаюсь (что должна оставаться) той же Аланной, которая убежала из пекарни, я не чувствовала себя полностью собой. Не такой, как привыкла.

Я не могла забыть ужины в замке.

Хитрую улыбку Хопа, когда он подливал пиво в свою кружку.

Тихое посапывание Гвен на диване в библиотеке, пока мы с Сейдж и Веледой читали в тишине.

Взгляды, полные любви, между Абердином и Пвилом.

То, как Мэддокс целовал меня, словно весь мир начинался и заканчивался мной.

Существовал ли Мэддокс на самом деле?

«Клянусь, это не входило в мои планы».

Он сказал мне это дважды: в лесу Робабо, когда заставил меня ехать с ним, и в тот вечер в большом зале.

Я не знаю, сколько времени провела в ванной. Когда вернулась в комнату и раздвинула шторы, уже вечерело. Впечатляющий вид на устье Муирдриса, впадающего в Вах, с шумным городом Реймсом вдали не поразил меня так, как мог бы при других обстоятельствах.

Я поняла одно. Независимо от всего остального, Братство и я договорились о сотрудничестве для взаимной выгоды, но они и глазом не моргнув отправили меня в львиную клетку без жизненно важной информации.

Если бы я не справилась с эмоциями, меня бы разоблачили прямо там, на параде, на глазах у сотен людей и принца Брана в полуметре от меня.

Они поставили под угрозу мои шансы вернуть Каэли.

И это я не могла им простить.

Глава 31

У гномов особое отношение к труду. Вместо того чтобы чередовать работу и отдых, как делаем мы, они предпочитают делать всё без меры. Работают без меры и отдыхают без меры. Не знаю, что из этого меня пугает больше.

Запись Паральды Утреннего Бриза в
запрещённой книге «Наследие короля»

Я спрятала остатки платья, которое разодрали мы с тьмой, в один из трёх шкафов в комнате. Шкафы были полны одеял, подушек и ароматных мыл. Я спрятала следы моей маленькой истерики как можно дальше. Надев шёлковую ночную рубашку, с продажи которой бедная семья могла бы питаться целый месяц, я впервые осмотрела комнату.

На пространстве между кроватью и диванами, которые обозначали зону гостиной, можно было устроить бал. Кровать была такой высокой, что забраться на неё — это целый акробатический трюк. В комнате было два туалетных столика: один напротив окон с двумя узкими ящиками, а другой рядом с кроватью, с ещё одной умывальной чашей, стаканами и узорчатыми полотенцами.

Тьма зашипела на меня из угла. Она суетилась у стены с золотыми лепными украшениями, в центре которой висела картина одного из королей Нессия, судя по короне. По тому, как его изобразили, поставившего одну ногу на груду деформированных костей среди обломков, я предположила, что это был Костолом.

Тьма скользнула за край картины и внезапно исчезла.

Я протянула руку к лакированной раме, как вдруг раздались тихие стуки.

Я направилась ко второй двери, которую заперла, как только вошла в комнату. Она соединяла мою комнату с комнатой герцогини. Я отодвинула засов, и дверь отворилась автоматически.

Женщина быстро заняла дверной проём, словно опасалась, что я снова её прогоню. Она окинула меня взглядом с головы до ног, но никак не прокомментировала ни наряд, ни влажные волосы. Посмотрев мне в глаза, она всё поняла без слов и жестом указала на свою комнату.

— Скорее сюда. Приветственный бал через час.

Йора и две другие служанки вознесли молитвы богам, увидев, сколько работы им предстоит. Следующие шестьдесят минут я была манекеном из плоти и крови. В какой-то момент Игнас поставила передо мной поднос с чаем, пирожными и парой бутербродов, и я

заставила себя поесть. Пустой желудок никому не помогает, а мне нужны все имеющиеся силы, чтобы пережить первый вечер во дворце.

Одна из девушек прошла по комнате, зажигая настенные светильники. Она просто поворачивала ручку, и технология, украденная у гномов, творила чудеса. Нурал-газ — топливо, открытие которого приписывали королю Гобу и его двору, — был бессовестно присвоен людьми. А точнее королём и его ближайшим окружением. Я видела улицы и дома, освещённые нуралом, только в Эйре и Реймсе. Из-за этого и ещё из-за множества магазинов, которые никогда не закрывались, Реймс называли городом без ночи.

Я не просила, но Йора взяла зеркало в полный рост, стоявшее возле шкафа, и поставила его передо мной, пока её помощницы завершали последние штрихи. Для приветственного бала они выбрали серебристо-голубое платье. Юбка плотно облегала мою талию и была украшена бриллиантами, образующими лучи солнца сверху донизу.

Сверху шло то, что я назвала бы самым длинным жакетом в мире. Ряд маленьких пуговиц тянулся от груди (кажется, аристократки никогда не упускали случая показать декольте) до талии. Герцогиня предупредила меня раз двадцать, что пуговицы сделаны из гематита и их лучше не трогать. На бёдрах ткань расходилась и шла поверх юбки как накидка, образуя маленький шлейф сзади. Она была бледно-голубого оттенка и при ходьбе раскрывалась, демонстрируя серебро и бриллианты.

Я пригладила длинные рукава, которые заканчивались изящным вырезом на костяшках, пока Йора подправляла два завитка у моих висков.

Когда герцогиню устроил результат, она отпустила служанок, и мы остались одни. Тишина заполнила комнату. Вдалеке можно было услышать гул голосов, смех и тихую музыку, свидетельствующую о начинающемся празднике.

Игнас встала рядом со мной, и мы вместе отразились в зеркале.

Две великие лгуньи и множество теней вокруг нас.

Я встретила её взгляд в отражении и подумала: «Дай мне правдоподобное объяснение. Что-то, во что я смогу поверить и что поможет мне не чувствовать себя так плохо из-за всего этого».

Через несколько секунд она открыла рот, и моё сердце забилось быстрее, уверенное, что она действительно сейчас скажет правду. Но она развернулась на каблуках и направилась к двери.

— Пойдём. Никто не простит нам опоздание в первый день.

Дворец казался мне лабиринтом из широких коридоров, высоких потолков, окон и лестниц. Уже стемнело, когда мы с герцогиней присоединились к группе дам, спускавшихся на нижний этаж. В тот момент я снова вошла в роль её обожаемой племянницы, держала за её руку и улыбалась.

Наконец, один из коридоров вывел нас в бальный зал. Я старалась не раскрывать рот от удивления, но это было трудно. Зал был настолько велик, что мог вместить всю знать и прислугу, и никому не было бы тесно. Потолки были высотой в три-четыре этажа. Вдоль стен по бокам располагались многочисленные колонны и небольшие лестницы, ведущие к десяткам лож. В некоторых из них уже были люди, часть из них забрались настолько

высоко, что я могла различить только цвет их одежды и руки, указывающие вниз. Всё было из белого мрамора, и декор прямо-таки кричал о богатстве и величии королевской семьи.

Повсюду встречались золотые вороны: на колоннах, будто готовые взлететь, на концах длинных столов с изобилием еды, словно желающие клюнуть что-нибудь, на балюстрадах, канделябрах и перилах. Многие колонны были украшены искусственными лианами, сверкающими в свете ламп. Тяжёлые красные гардины свисали с высоких лож, закреплённые толстыми верёвками, и покачивались от сквозняка, проникающего через открытые стеклянные двери с обеих сторон. Они были стратегически распределены, чтобы создать иллюзию более уединённых зон, отделённых от остального зала.

Чем дальше я проходила в зал, тем больше мне казалось, что я попала в кошмар, замаскированный под мечту.

— Не пробуй ничего, что предлагают те, кто одет в королевскую ливрею, и не бери ничего со столов, — прошептала мне Игнас. — Иногда они подмешивают в блюда порошок белладонны.

Я быстро отвела взгляд от смородиновых и миндальных пирожных. Даже я осторожно использовала белладонну. Неправильное применение могло привести к смерти.

— Я думала, король ценит своих придворных, — пробормотала я.

— Он их не убивает, просто обеспечивает весёлую ночку.

Если герцогиня об этом знала, и это было обыденным делом на подобных празднествах, почему же тогда так много мужчин и женщин пили и ели без сомнений? Возможно, им нравился галлюциногенный эффект. Или же они предпочитали рискнуть, лишь бы не наскучить королю. Как бы то ни было, атмосфера быстро скатывалась к чему-то более тёмному и неопределённому.

В конце зала находился помост, перед которым возвышалась широкая лестница всего из пяти ступенек. С болезненным трепетом в груди я узнала *его*. Увидела в отражении глаз герцогини.

Красная ковровая дорожка вела вверх по ступеням прямо к трону. Он оказался гораздо более аскетичным, чем я представляла, выполненным из того же белого мрамора, из которого было сделано всё вокруг, с высокой спинкой, увенчанной спиралями, обвивающими корону, ворона и... меч. В мире существовал лишь один меч, который, по мнению Двора, заслуживал там находиться: священный меч Теутуса.

Прямо над троном, словно следя за всей залой своими пустыми глазницами, висел гигантский череп с вытянутой мордой, полной зубов, и двумя длинными рогами, закрученными вокруг себя. Это всё, что осталось от великого Ширра, того самого Дракона. Я знала, что они сохранили его голову как трофей, но не знала, что она выставлена в бальном зале. Как будто это одна из забав.

По размеру она напомнила мне дракона из сна; в таких огромных ноздрях мог бы поместиться человек целиком.

На входе в зал поднялся шум. Люди расступались, формируя проход; некоторые даже толкались. Разговоры стихли, хотя оркестр в углу продолжал играть.

До меня дошёл резкий запах. Я прижала пальцы к носу, сморщившись от отвращения. Это был запах солёной воды, гнилых корней и разлагающегося мяса. И он напомнил мне о...

Тьма кричала мне немедленно уйти оттуда, и я успокаивала её, ласково похлопывая по своей юбке. Герцогиня шепнула мне:

— Они здесь.

Настал момент, когда демоны присоединились к празднику. Снова возникло волнение в толпе, на этот раз у стеклянных дверей, ведущих в сад. И кто-то закричал с верхних ярусов.

Первым я увидела Дуллахана. Восседая на своём адском коне, он прошёл сквозь стеклянные двери так же, как в Спорайне. Спокойно, медленно, наслаждаясь зрелищем. Дамы поднимали свои платья, чтобы на юбки не попали чёрные брызги от его коня, и отскакивали подальше от позвоночника, который демон тащил за собой. Пустое пространство на его плечах создавало странную оптическую иллюзию, как будто всё размазывается, когда ты пытаешься присмотреться к тому месту, где должна быть голова. Легенды гласили, что голова всегда при нём, только хорошо спрятана, ведь это его единственное слабое место.

Призрачный хохот, отдалённо напоминающий смех, раздался с высоких потолков. Тёмное пятно перемещалось по лепнине с нечеловеческой скоростью, запрыгивая в разные ложи и пугая там людей. Наконец, оно приземлилось на пол и растянулось, приняв форму трёх прекрасных женщин с красными глазами, которые лишь слегка прикрыли грудь и бёдра лохмотьями из чёрной ткани. Центральная женщина улыбнулась одной из придворных дам напротив, обнажив острые клыки, уже сочащиеся кровью, и та упала замертво.

Даэг-ду, демонические вампирши. Даже появление одной из них сулило гибель целого поселения. Хотя им запрещено убивать людей, это не мешает им питаться и создавать любовников-рабов. Некоторые умирали из-за их бесконечных оргий крови и секса, но это были сладкие и добровольные смерти, не нарушающие договоров.

Звуки копыт донеслись со входа. Появился самый опасный из Тёмных Всадников, Нукелави. Также известный как Старый Ник, виновный в гибели многих сидхов на войне — он распространял болезни, целые эпидемии. Именно он уничтожил Гоба и Паральду. И хотя я видела изображения Тёмных Всадников, ни одно из них не передавало того, что он вызывал при взгляде на него: чувство пустоты, удушья, абсолютного небытия.

Как и Дуллахан, всадник и конь были едины. Но в отличие от Дуллахана, Нукелави не мог слезть с коня. В какой-то момент демон и зверь слились воедино. Спина коня тянулась вверх и соединялась с туловищем демона. Они были существом с четырьмя ногами, двумя головами и двумя руками, которые доставали до пола. Но худшее, безусловно, заключалось в том, что у них не было кожи или шерсти. Все их мышцы, сухожилия и кости были обнажены, представляя собой пульсирующую массу желтоватых вен и токсинов.

По очевидным причинам проход, который создавали для Нукелави, был гораздо больше. Оба Всадника встретились в центре зала и направились к трону. Даэг-ду присоединились к ним; никто из демонов не утруждал себя разговорами.

Сколько бы люди ни утверждали, что демоны были их спасителями, ни один из придворных не выглядел довольным их появлением. Они постоянно оглядывались через плечо, настороженные, и в толпе виднелось немало бледных лиц. Те, кто осмелился попробовать угощения, лишились аппетита; конечно, с таким зловонием трудно думать о еде. Несколько слуг прошли мимо нас, неся на руках женщину, упавшую в обморок. Я узнала родинку на её губах.

— Я же предупреждала её, — пробормотала герцогиня.

Я нашла взглядом её дочь Реанн, которая совершенно не выглядела взволнованной. Она не удосужилась сопровождать мать и увлечённо обсуждала что-то со своей спутницей, темноволосой девушкой из кареты. Очевидно, этот разговор был намного важнее самочувствия её матери.

Прошли минуты, и, не дождавшись прибытия других демонов, я начала терять терпение. Я наклонилась к уху Игнас.

— Где она?

Герцогиня прекрасно знала, о ком я спрашивала.

— Она должна была уже прийти. Но, как я и говорила, у неё свои собственные правила.

Среди толпы, в такой атмосфере я не могла настроиться на энергию Каэли. Но если бы она была во дворце, я бы это знала. Я бы это почувствовала.

Вдруг по всему залу раздались глубокие звуки горнов, и все гости обернулись к помосту. Музыка смолкла. Разговоры прекратились. Голос прогремел:

— Преклоните колени и поприветствуйте его величество, короля Нессию Руада VIII!

Все придворные, и даже те слуги, которые несли подносы, поспешили опуститься на колени. Единственными исключениями были демоны; полагаю, они склонятся лишь перед Теутусом. Я знала, что должна смотреть в пол и держать шею как можно ниже, пока король не даст разрешение подняться; я репетировала этот поклон в замке столько раз, что мне пришлось принимать обезболивающее.

Но когда я услышала тяжёлые шаги, раздававшиеся сразу отовсюду, тьма, свернувшаяся возле моих кинжалов с момента появления демонов, встрепенулась.

Я приподняла подбородок на несколько сантиметров, достаточно, чтобы увидеть поверх других склонённых тел. Заметила фигуру короля вдали. Он был высок и широк — возможно, из-за белой меховой мантии, накинутой на плечи. Я знала, что ему около шестидесяти лет, но он двигался ловко и уверенно, его походка была твёрдой. Одна рука лежала на рукояти меча, покоящегося на его поясе. Он не удостоил взглядом своих подданных, пока направлялся к трону. С такого расстояния я не могла различить его черт, только тёмные волосы и густую бороду. И, конечно же, корону. Если она была сделана из золота, должно быть, к ней добавили что-то, чтобы она так сверкала, создавая впечатление, что она не отражает свет, а поглощает его. Верхние концы короны были как

минимум в четыре пальца длиной. По мере его движения я замечала проблески других цветов: красного, синего, зелёного.

В тот момент, когда король поворачивался, чтобы сесть на трон, герцогиня сильно ущипнула меня за руку, и я снова уставилась в пол. Я чувствовала её возмущение, но никак не реагировала.

Прошло несколько долгих, бесконечно долгих секунд абсолютной тишины, когда никто не смел даже дышать громче, чем полагалось. Наконец, грубоватый голос короля разнёсся по всему залу:

— Прошу, встаньте.

Все повиновались, кто-то быстрее других. В зале было много пожилых людей, которым помогали подняться.

Тишина продолжалась. Король наклонился вперёд, опираясь предплечьями на колени. Его кольца сверкали в свете ламп. Из моих лёгких как будто вышибло весь воздух, когда я увидела, как сильно король похож на *него*.

— Я призвал вас, и вы откликнулись, — произнёс король. Ему даже не нужно было повышать голос, чтобы его услышали. — По нашей ежегодной традиции мы собрались здесь, чтобы отпраздновать особенное событие в нашей истории. Но в этом году, в отличие от предыдущих, к нам присоединились два великих героя, которые помогли нам ровно пятьсот лет назад. — Он указал на Всадников. — Спасибо, что пришли, господа.

Демоны не ответили, но это, похоже, не смутило короля.

— Сегодня, по причинам, которые вы узнаете позже, меня особенно тянет поностальгировать, — продолжил он. Его голос звучал как голос строгого, но справедливого отца, человека, которым восхищаются, который намного выше по положению, но общается с каждым на равных. Это очень опасная комбинация. — Знаете ли вы, что когда я был мальчишкой, я осмелился спросить у своего отца, почему мы год за годом отмечаем окончание давней войны? Я считал, что это однообразие утомительно.

Зал взорвался смехом, словно все заранее отрепетировали эту реакцию. Даже герцогиня тихо хихикнула. Я заставила свои губы растянуться в улыбке, хотя вышла скорее жуткая гримаса.

— Получил я тогда знатный щелбан по пустой голове, и мой отец, Нессия VII, сказал мне нечто, что навсегда запечатлелось в моём сердце: «Мы не празднуем окончание войны. Мы празднуем начало нашей свободы». Тот момент, когда люди впервые взяли свою судьбу в свои руки и, несмотря на то, что были окружены силами, которые не понимали и с которыми не могли соперничать, одержали победу. И всё это благодаря ему, нашему истинному повелителю. — Кто-то рядом со мной вздохнул от волнения. — Это нечто, что стоит помнить, не так ли?

Толпа отозвалась одобрительным гулом. Даже на таком расстоянии я заметила улыбку, появившуюся за его густой бородой.

— Я так и думал. Чёрт побери, теперь я чувствую, что хочу нарушить расписание, которое мои секретари и видеру так тщательно разрабатывали на протяжении многих месяцев, и уже сейчас раскрыть вам большую тайну. Как ты думаешь, Зекрия?

Из теней на дальнем конце помоста появилась тёмная фигура, словно вышла прямо из стены. Как долго он там стоял? Ничего не было видно, кроме чёрной мантии, скрывающей его с головы до ног. Под капюшоном виднелась лишь бесконечная тьма.

Видеру. Один из трёх, служащих королю. Если верить легендам, когда-то они были друидами. Могущественные феи, которые соблазнились обещанием запретной силы от Теутуса и покинули двор Паральды. Приняв силу, они стали демонами, в них больше не было ничего от сидхов. Я знала о них только то, что они получили бессмертие. Но их бессмертие не было даром доброй богини.

Видеру Зекрия наклонился к королю и прошептал что-то ему на ухо. Король с энтузиазмом хлопнул по подлокотнику трона.

— Прекрасно! Пусть войдут мои сыновья!

Тот же голос, что объявил о появлении короля, звучащий, судя по всему, с одного из балконов, крикнул:

— Преклоните колени и поприветствуйте его высочество наследного принца Сетанту Руада и его высочество принца Брана Руада!

Возможно, я упала на колени слишком сильно, потому что боль прострелила от колена до бедра, заставляя меня стиснуть зубы. Я приняла эту боль с удовольствием, особенно когда первый из принцев направился к трону. Перед ними можно было не опускать взгляд, так что я видела, как он выходит на помост из-за гардины, где, видимо, была дверь. Красный шёлковый сюртук плотно облегал его плечи, будто вот-вот готов был лопнуть. На наследном принце были чёрные узкие штаны, высокие сапоги и та же самая корона, которую я видела утром.

За ним следовал Бран, одетый почти так же, но с некоторыми отличиями. На его груди было меньше знаков отличия, и полы сюртука были короче; не говоря уже о разнице в росте и комплекции.

Оба остановились справа от трона и поцеловали руку короля с множеством колец на пальцах. Ни я, ни кто-либо другой в этом зале не могли не заметить, что улыбка короля Сетанте была намного шире, чем Брану, и что первого он по-отечески похлопал по щеке, в то время как второму просто протянул руку.

После формальных приветствий король встал. Увидев его рядом с наследником, я не могла не отметить, насколько он высок на самом деле. Хотя я слышала всякие восхваления короля на улицах, я всегда считала их преувеличенными. В моём воображении он был худым и сгорбленным, как если бы его внешний облик отражал всю ту гниль, что таилась внутри него, и тяжесть многих поколений ненависти. К сожалению, как и в случае с замком и всей Эйре, внешность обманчива.

Король положил руку на плечо Сетанты, и они оба сделали несколько шагов вперёд, к самому краю помоста.

— Сегодня вы станете свидетелями самого важного момента для меня, для моего дорогого сына Сетанты и, надеюсь, для всех вас. Мне настоятельно советовали не делать этого во время Теу-Биада, так как это не вписывается в традиции, но вы уж меня простите. В конце концов, король перед вами — всего лишь слуга Гибернии и гордый отец, — сказал он, приложив свободную руку к груди. Нельзя было отрицать, что даже я

чувствовала себя в какой-то степени очарованной его словами. Этот человек был одарённым оратором. То ли от природы, то ли после многих лет практики, но он знал, как двигаться и говорить, чтобы привлечь внимание всех и звучать убедительно, вызывая доверие, как великодушный правитель, который не рубит головы из-за одних лишь подозрений и не снимает кожу с отцов на глазах у дочерей. — Итак, мне радостно сообщить вам, что через несколько месяцев, в осеннее солнцестояние, я отрекусь от трона в пользу моего первенца и света моего сердца, моего сына Сетанты.

Он взял руку своего сына и поднял её.

Бальный зал буквально взорвался от аплодисментов, восторженных возгласов, слёз, ликования и едва скрываемых перешёптываний. Меня несколько раз толкнули от волнения, и я растерянно переглянулась с герцогиней. По её лицу было видно, что для неё это тоже стало сюрпризом.

Я почувствовала прикосновение к ключицам и, рефлекторно вскинув руку, коснулась камеи. Невидимое ощущение не покидало меня, пока я не повернула голову обратно к помосту.

Он смотрел на меня. Хотя для всех остальных принц просто рассеянно глядел вперёд, на толпу, я знала это.

И единственная мысль, которая пронеслась в моей кружащейся голове, была о том, что я чуть не переспала с будущим королём.

Глава 32

Оберон и Компания — лучшие плотники и столяры во всей Гиберии. Приходим без промедления и устраняем любые катастрофы. Мы всегда там, где нужна наша помощь.

Объявление в газете для джентльменов Эйре

После объявления короля музыка возобновилась, центр зала освободили, остались только танцующие пары. Реанн была на седьмом небе от счастья, потому что ни один танец она не оставалась без внимания. Она переходила из одних объятий в другие, и это казалось ей самым восхитительным событием этого вечера.

Герцогиня отвергала все предложения молодых людей, которые подходили ко мне, и я не понимала почему. Возможно, потому что теперь многие придворные смотрели на меня иначе, ведь я стала девушкой, которая привлекла внимание одного из принцев. Возможно, она сделала это из сострадания, избавив меня от этой пытки после всего, что произошло за день. Однако я не возлагала особых надежд на последнее; эта женщина строго расставляла приоритеты.

Король спустился с трибуны, чтобы поговорить со Всадниками, стоявшими у стены вместе с тремя видеру. Что касается принцев...

— Леди Сутарлан.

Мы с герцогиней резко остановились. Мы направлялись в сторону короля, надеясь подслушать что-то интересное.

Принц Бран улыбнулся мне. Он, не стесняясь, осмотрел меня с головы до ног; в его глазах блеснуло одобрение.

— Сегодня утром вы показались мне очаровательной, несмотря на обстоятельства, но сейчас… должен признаться, что при виде вас я забываю, как дышать.

Я посмотрела на него так, будто солнце вставало и садилось у него над головой.

— О, Боже... Я…

Бросила взгляд на герцогиню, как подобало застенчивой племяннице, которой только что прилюдно сделали комплимент.

Игнас присела в величественном реверансе.

— Ваше высочество. Я и представить не могла, что удостоюсь чести говорить с вами, и тем более, что вы окажете моей племяннице такую любезность, как сегодня утром. Не знаю, как вас благодарить.

Принц ожидал этих слов, я поняла это по движению его бровей.

— Тогда, надеюсь, вы не будете против, если я украду вашу племянницу на следующий танец?

— Для нас это честь. — Герцогиня мягко подтолкнула меня в спину. — Иди, Плумерия. Покажи принцу свои таланты.

В её голосе не было иронии, но я всё равно её уловила. Я никогда не стану отличной танцовщицей, это было ясно, но Веледа потратила много сил (и почти стёрла ноги), чтобы я могла двигаться хотя бы сносно. Я умела танцевать все придворные танцы, не падая и не наступая партнёру на ноги, и это уже было достижением.

Когда принц взял меня за руку, все взгляды были прикованы к танцевальной зоне. Я отметила, как горделиво приосанился Бран, и решила воспользоваться этим.

— Прежде чем мы начнём, я должна признаться вам в одном ужасном секрете, ваше высочество. — Его взгляд стал пристальнее, пока я набирала воздух. — Я ужасно танцую.

Как я и ожидала, его грудь вздулась от гордости.

— Это не проблема. Просто позвольте мне вести, и всё будет хорошо.

— Тогда я в ваших руках.

Это ему понравилось ещё больше. Клянусь Триадой, этот парень был как книга, небрежно оставленная открытой на столе, доступная для чтения каждому проходящему.

К моему разочарованию, принц не солгал. Его шаги были лёгкими, он не пропустил ни одного такта, а его руки держали крепко и ласково, когда он вёл меня. Под его руководством мне было несложно следовать за музыкой. Я даже осмелюсь сказать, что любой, кто видел нас вместе, подумал бы, что я всю жизнь занималась танцами. Каждый раз, когда верхняя юбка взлетала при повороте, бриллианты, скрытые под ней, переливались на свету.

И так как я пришла сюда не только для того, чтобы танцевать с принцем, обделённым отцовской любовью, я решила испытать свою удачу.

— Могу я задать вам вопрос?

— Разумеется.

— Как вы знаете, это мой первый Теу-Биад. Я в восторге от всего, что увидела за сегодня, даже поверить сложно во всё это великолепие. А когда вошли демоны, это было... — Я сделала вид, что мне не хватает слов, чтобы выразить свои эмоции. — Однако была одна демоница, которая интересовала меня особенно, но её здесь нет...

Он сжал губы, чтобы сдержать насмешливую улыбку.

— Морриган. Да, похоже, она отказалась выполнить настоятельную просьбу моего отца прибыть вместе со Всадниками.

Я заморгала, опечаленная.

— Значит, я не смогу её увидеть? Я столько слышала о Призрачной Королеве...

Рука на моей талии подтолкнула меня немного вперёд, сокращая допустимое расстояние между танцующими и делая ещё более очевидным тот факт, что между нами не возникло никакого тепла, характерного для людей, находящихся в близком контакте. Несмотря на перчатки, я чувствовала холод его пальцев.

— Я бы не терял надежды, леди Сутарлан. Больше всего на свете Морриган обожает устраивать эффектное появление, и у неё ещё есть время для этого.

На это я и надеялась, потому что не знала, что делать, если чёртова богиня решит не появляться.

— Надеюсь, это не слишком смело, но... Вы можете говорить со мной на «ты», если хотите, ваше высочество.

Он наклонил голову набок, и свет упал на шрам на его щеке. Принц воспользовался одной из музыкальных пауз, чтобы тихо прошептать:

— Тогда я буду называть тебя Плумерия. А когда мы будем одни, ты можешь звать меня Бран.

Когда мы будем одни. Самоуверенно.

Слава трём богиням, его близость так мучила меня, что жар отвращения поднялся с груди на щёки в самый подходящий момент. Улыбка принца была полна удовлетворения.

Другая пара подошла слишком близко и толкнула нас. Удар был несильным, но Бран охнул и повернулся, прижимая руку к боку, ближе к подмышке.

Место, куда я ударила его кинжалом.

Разумеется, рана ещё не зажила.

Я прижала руки к груди, изображая беспокойство.

— Ваше высочество!..

— Ох, прости, братишка, — сказал танцор, который натолкнулся на него. — Ты же знаешь, у меня две левые ноги.

При звуке это голоса моё сердце сжалось, как будто в него тоже воткнули кинжал. Оно забилось так сильно, что кровь зашумела у меня в ушах. Все нервные клетки, что оставались спокойными во время танца, ожили.

Мэддокс… Точнее, Сетанта смотрел на младшего брата небрежно, как будто с тем не происходило ничего такого: лоб не был покрыт испариной, а бледная кожа не приобрела зеленоватый оттенок.

Боль, должно быть, была ужасной, потому что Бран не мог даже ответить на поддёвку.

Партнёрша Сетанты сделала шаг вперёд, и её светлые локоны колыхнулись. *Реанн.* Сетанта пригласил её на танец?

— Вам нехорошо? Позвать врача? — участливо спросила я.

Сетанта махнул рукой в воздухе.

— Нет-нет, мой брат ненавидит врачей. Я ведь прав? Немного свежего воздуха и глоток виски помогут ему почувствовать себя лучше. Вы бы не могли помочь ему, леди Болг?

Девушка охотно закивала.

— Да, конечно

И, одарив меня самодовольным взглядом, она встала между мной и Браном, схватив его за руку, противоположную раненому боку. Принц стиснул зубы, явно злясь, что всё это происходит на глазах у стольких свидетелей. Возможно, поэтому он позволил Реанн проводить его к одной из стеклянных дверей, выслушивая её непрекращающийся шёпот. Перед тем, как они добрались до двери, я заметила несколько фигур в чёрном, следовавших за ними. *Охотники.* Вероятно, охраняющие своего капитана.

Краем глаза я увидела перчатку, и сердце подпрыгнуло к горлу.

Он не посмеет.

Он не такой дурак.

— Позвольте пригласить вас на следующий танец, леди Сутарлан?

Я посмотрела на его руку как на змею. Я не могла отказать, и он это знал. Когда я вложила свою руку в его, ощутив пронизывающую до плеча волну, я взглядом дала ему понять, что на самом деле обо всём этом думаю.

В другом месте и в другое время ты был бы уже мёртв.

Он прикрыл веки и сглотнул… как будто ответил: «Я знаю», и это ошеломило меня больше всего. Я невольно отметила глубокие тёмные круги под его глазами. Это из-за заклятий или, может, тяжесть вины не давала ему спать последние дни?

Как и Бран, он не солгал. Танцы не были его сильной стороной. А учитывая мои посредственные таланты в танцах и напряжённость между нами, мы вдвоём больше походили на дуэлянтов в вечерних нарядах, чем на танцующих. К счастью, то ли из уважения, то ли из осторожности остальные пары отступили от нас подальше.

Мелодия была медленной и нежной. Я пыталась абстрагироваться от внешних раздражителей. Я старалась не обращать внимания на тепло его тела, теперь вдвойне ощутимое из-за прохлады, и его запах, который оставался неизменным даже здесь. Как же это всё неправильно! Я должна воспринимать Мэддокса совсем по-другому, ведь он оказался не тем, за кого себя выдавал.

И моё тело должно реагировать иначе теперь, когда я знаю правду.

Его правая рука была слишком низко, почти на шве, разделяющем корсет и юбку, но ни одна приличная леди не осмелилась бы поправить наследного принца.

После поворота он притянул меня обратно слишком резко, и я врезалась в его грудь. Красная шёлковая ткань не скрадывала его мышцы, это было как удар о мебель.

— Как ты? — прошептал он.

Оттенки в его голосе… Чёрт, казалось, будто его это искренне волнует.

Я отстранилась на приличную дистанцию и, не глядя на него, ответила:

— Поздравляю с предстоящей коронацией, ваше высочество.

Он слегка вскинул голову от моих слов, как будто я назвала его гнусным чудовищем, а не высочеством. Он поджал губы и окинул взглядом зал, словно старался не смотреть на меня.

— Ладно. Если мне придётся танцевать с тобой всю ночь, чтобы ты сказала, как ты себя чувствуешь, я это сделаю. Оркестр будет играть, пока вся королевская семья не удалится, так что я не спешу.

И я поняла, что он сделает это. Этот мерзавец не постесняется пойти на шантаж, пустить слухи или ещё как-нибудь создать для меня проблемы. Его саркастичный тон был мне так хорошо знаком, что я едва не прикусила язык до крови.

Когда я смогла говорить, не выдавая поток проклятий и грубостей, я проскрежетала:

— Это не очень хорошая идея.

— Из-за них? — Кивком головы он указал на группу придворных, внимательно наблюдающих за нами. Я бы не удивилась, если бы увидела Игнас, потерявшую сознание,

как леди Болг-старшая, из-за всего внимания, что я привлекла. — Не волнуйся, в данный момент твоя ценность для всех этих несчастных растёт в геометрической прогрессии. Можешь не благодарить.

— Думаю, моя ценность и так уже возросла после танца с принцем Браном.

Я почувствовала, как его пальцы сжались на моей спине при упоминании брата.

— Ты забыла всё, что я тебе сказал, когда мы прощались?

— Прощались? Но ведь мы с вами разговариваем впервые, ваше высочество.

Его маска идеального королевского безразличия слетела на мгновение, когда он одарил меня испепеляющим взглядом.

— Перестань.

— Перестать? Что вы имеете в виду? — Я заморгала в притворном замешательстве. — Извините, но моё воспитание не позволяет мне обращаться иначе к будущему королю.

Что-то вспыхнуло в глубине его глаз. Золотая искорка.

И хотя про себя я злорадствовала от того, что мне удалось вывести его на эмоции, я всё же не глупа. Не стоит провоцировать скандал посреди бального зала.

— Держись от него подальше, — произнёс он голосом на октаву ниже, чем мгновение назад.

— Знаете, будь я невинной и робкой юной леди, я бы даже подумала, что вами движет ревность, ваше высочество.

Он смотрел на меня несколько секунд, прежде чем его лицо озарила медленная улыбка, лишённая веселья, но полная других, более тёмных эмоций.

— Ты даже не представляешь, насколько иронично думать, что я могу ревновать к Брану.

Я нахмурилась от его слов. Музыка подходила к концу. Во время последнего поворота он прошептал мне на ухо:

— Мне всё равно, с кем ты танцуешь первый танец, главное, чтобы последний был со мной.

Мэддокс, Сетанта или кто бы он ни был, проводил меня до места, где стояла герцогиня, а затем исчез в толпе.

Десятки дам окружили нас в тот же миг.

— Она танцевала с обоими принцами за один вечер!

— Что он тебе сказал?

— А вдруг он уже выбирает будущую королеву?

Не знаю, как я выдержала следующие несколько часов. Как и предполагала, те, кто попробовал еду, теперь смеялись гораздо громче, танцевали с совершенно неподобающей развязностью или исчезали за портьерами и в садах. Пухлый мужчина с румяными щеками (если не ошибаюсь, виконт Эремон) позволил одной из даэг-ду увести себя из зала.

Ближе к полуночи король снова поднялся на помост и громким хлопком добился тишины, за исключением нескольких особенно возбуждённых гостей, которых тут же утихомирили.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

— На протяжении многих лет в такие вечера мы устраивали разнообразные представления. Мы все знаем о мерзости Триады, знаем, сколько бед они принесли. Но в этот раз, на пятисотлетний юбилей, я решил преподнести вам нечто особенное. Я бы хотел, чтобы все присутствующие смогли улицезреть, пусть даже не в полной мере, величайшие подвиги того времени. Чтобы мы могли почувствовать себя частью тех событий. Готовы ли вы?

Весь зал ответил единогласным воодушевлённым «да». Король поднял руку и указал на одну из нижних лож. Постепенно свет в зале стал угасать, и остались только небольшие фонари, освещающие мраморные перила и женщину, стоящую там. Ложа находилась всего в двадцати метрах от места, где мы стояли с герцогиней, так что мы сразу поняли, что она не была одной из приглашённых гостей. Она даже не могла быть частью двора.

Она дрожала как лист и крепко держалась за перила. Глазами, полными чистого ужаса, она смотрела на собравшихся придворных. И когда рука, появившаяся позади неё, грубо схватила её за волосы, все увидели её заострённые уши.

Я остолбенела. Как сидха оказалась в этой ложе?

Мужчина, стоящий за ней, огромный и одетый в чёрное, приставил нож к её горлу и заговорил громким, поставленным голосом:

— Ты, осмелившаяся плести заговоры за моей спиной, дабы привести меня к погибели, захотела спасти одного из моих палачей? Неужели думала, что сможешь остаться безнаказанной?

О нет.

Это... театральное представление о том, как лес Борестель стал бесплодной пустыней.

Если сидха должна была что-то ответить или ещё как-то поучаствовать в представлении, у неё не вышло. Слёзы струились по её щекам, орошая нож и чёрные перчатки её захватчика.

— Пусть это послужит предупреждением твоим сёстрам о том, что ждёт их и прочих тварей.

И одним ловким движением он перерезал горло сидхе от уха до уха. Кровь хлынула струями, залила перила и потекла вниз, дождём забрызгав некоторых придворных. Те, вскрикнув, поспешили отойти подальше.

Мужчина и сидха исчезли из ложи, и я в этом странном гуле, охватившем мою голову, надеялась, молилась, чтобы это было частью спектакля. Фальшивые уши, фальшивый нож, фальшивая кровь.

Но это было слишком реально.

Мужчина появился на лестнице, ведущей к ложе. Ножа больше не было, но он тащил что-то за собой. Дойдя до низа, все увидели, что это было. Он тянул сидху за ноги. Когда он начал двигаться по залу, все расступились, кроме меня. Я была так ошеломлена, так поражена увиденным, что герцогине пришлось потянуть меня за руку, чтобы увести с его пути.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Густой красный след крови прочерчивал путь от ложи, через зал, к помосту. Там мужчина бросил тело к ногам короля.

«Хоть бы она была мертва», — подумала я.

Надеюсь, её смерть была мгновенной и её оив уже обрёл покой.

Король поставил ногу на тело сидхи, как завоеватель на новую землю, и вскинул руки.

— И *это* богиня жизни? Настоящая богиня могла бы умереть подобным образом? Как вы думаете?

Я не слышала ответа. Сделала шаг назад, потом ещё один и ещё, мечтая о том, чтобы стены поглотили меня, чтобы то, что я только что увидела, стёрлось из моей памяти, чтобы ничто из этого не было правдой.

Пара рук схватила меня за плечи, останавливая.

— Осторожно, красавица, — прошептал мужской голос у моего уха. — А то раскроешь весь секрет.

Когда я повернулась, весь зал закружился передо мной: люстры, ложи, причёски... И то ли я уже совсем обезумела от увиденного, то ли не заметила, как приняла белладонну, но готова была поклясться, что слуга в ливрее, державший меня, был Обероном.

Нет. Это точно он.

И по какой-то безумной причине он здесь под видом слуги.

Он ловко проводил меня к выходу. Большинство придворных были загипнотизированы представлением и словами короля, но не я единственная покидала зал. Ещё несколько человек — и дамы, и господа — тихонько ускользали с выражениями ужаса на лицах. Большинство из них, должно быть, за всю жизнь не увидели ни капли крови, не говоря уже о таком кровавом зрелище.

Будь то сидх или человек, смерть остаётся смертью, и она не оставляет никого равнодушным.

Оберон отвёл меня в сторону, чуть подальше, но так, чтобы это не вызвало подозрений. Он взял мой мешочек, висящий на локте, и достал из него веер. Казалось, что он просто помогает даме прийти в себя.

Когда я почувствовала, что могу говорить без запыхания, я тихо спросила:

— Что ты здесь делаешь?

Он слегка улыбнулся. Ливрея сидела на нём ужасно. Не представляю, как кто-то мог подумать, что этот высокий, стройный и такой красивый парень может быть слугой. Не то чтобы среди слуг не было красивых, но, как правило, такие, как Оберон, всегда оказывались в домах удовольствий.

— Думал, ты уже знаешь: мы всегда там, где нужна помощь.

— При дворе нужна помощь плотников?

Он тихо рассмеялся.

— Что-то вроде того. А вот и подкрепление.

Герцогиня чуть не споткнулась, увидев Оберона рядом со мной, но быстро взяла себя в руки.

— Даже знать ничего не хочу, — прошептала она фею, вырывая веер у него из рук. — И держись от нас подальше, пока занимаешься тут своими делами.

Этот нахал поклонился ей так же низко, как и в прошлый раз. Его волосы были собраны в пучок, явно чтобы привлекать как можно меньше внимания, но едва ли это помогло.

— Всегда к вашим услугам, герцогиня.

Женщина огляделась, но мы были одни. Голос короля продолжал доноситься из зала, прерываемый восклицаниями и аплодисментами.

— Пойдём отсюда. Думаю, этот ужасный день уже можно считать завершённым.

Я была абсолютно согласна, хотя подозревала, что на этом всё не закончится: впереди нас ждёт долгая ночь.

Глава 33

Острова Огня знамениты по множеству причин: их вечно активные вулканы, популяции драконов, залежи драгоценных камней, горячие водопады... Но я расскажу вам, чему я больше всего завидую на этих кусочках земли посреди Вах: их восхитительным яблоням.

Записка Гоба Ледяного Молота в запрещённой книге «О народе драконов»

Когда я вернулась в свою комнату, там стоял поднос с полноценной едой, но я прошла мимо него и направилась прямо в ванную, откуда валил пар. Йора и вторая служанка заканчивали наполнять ванну. Увидев меня (а особенно выражение моего лица), они поспешили оставить меня одну.

Я схватила Йору за руку, пока она не убежала.

— Сними это платье как можно быстрее, пожалуйста.

Я не могу позволить себе прятать все порванные платья в шкафу. Рано или поздно их найдут и начнут задавать вопросы. Пальцы Йоры ловко пробежали по моей спине и бёдрам, распустив все шнуровки и расстегнув все застёжки. Закончив, она сделала реверанс и вышла.

Я погрузилась в ванну с кинжалом в руке. Я пыталась осмыслить всё, что видела и слышала этой ночью. Две вещи особенно выделялись: отречение короля и отсутствие Морриган. К этому моменту казалось, что я приехала сюда зря, только в очередной раз убедилась, что жестокость Двора не знает границ.

Мне пришлось надеть ещё одну из шёлковых ночных рубашек, чёрную, потому что герцогиня категорически запретила носить что-либо неподходящее леди. «Единственное, что здесь по-настоящему моё, — это оружие», — подумала я, глядя на него.

Наконец, я погасила все лампы, и луна осталась единственным источником света. Когда тьма окутала всё вокруг, я распахнула двери балкона. Холодный морской ветер обдал меня и вернул к реальности куда сильнее, чем вода в ванне. Как я и предполагала, Реймс отсюда выглядел как галактика посреди ночной тьмы, царящей в Гибернии. Музыка праздника звучала в отдалении. Кажется, я слышала смех, доносящийся из садов.

Я ждала его, прислонившись к стене комнаты, рядом с балконом. Ветер играл с занавесками, заставлял мерцать свет свечей. Не будь я так сосредоточена, то ни за что бы

не услышала лёгкий шорох его ботинок при приземлении. Моё сердце забилось быстрее, когда занавески колыхнулись, и его высокая, широкая тень заменила другие.

Как только он ступил в спальню, я напала на него.

— Чёрт, — прорычал он, падая на пол вместе со мной.

Он не сопротивлялся, не так, как в замке. Не пытался сменить позиции, не использовал своё физическое превосходство. Он ничего не делал. Его выражение лица (насколько я смогла разглядеть в темноте) было исполнено ожидания, когда я приставила изогнутый кинжал к его подбородку и вынудила его запрокинуть голову назад. Сильно назад.

Несмотря на неудобное положение, он сумел заговорить:

— Полагаю, ты злишься.

Я несколько раз моргнула. Часть меня (уж не знаю как) обрадовалась тому, что он продолжает шутить, потому что так я узнаю его прежнего. Другая часть ещё больше разозлилась, потому что для меня это был не повод для шуток.

Никто не причинял мне вреда и не оставался в живых, чтобы рассказать об этом.

Я наклонилась к его лицу.

— Есть только одна причина, по которой я не убью тебя прямо сейчас. Знаешь какая?

— Королевство потеряло бы такого обаяшку? — Я надавила сильнее. — Ладно, никаких шуток. Прости.

Мы смотрели друг другу в глаза, слабый свет снаружи едва освещал его профиль. Мне не понравился полный раскаяния изгиб его губ, и то, как тёмные тени под его глазами придавали ему уязвимый вид. Мне не понравилось, как его рука обхватывала верхнюю часть моего бедра, потому что я не знала, делает ли он это, чтобы удержать меня, или это был жест собственника.

— Защищайся, — прорычала я.

— Нет, — ответил он без капли той ярости, что клокотала во мне.

Я вскочила. Повернулась к нему спиной.

— Если я сделаю это, то все мои усилия, чтобы добраться сюда, будут напрасны. Не говоря уже о том, что Игнас покрывает меня, и хотя она тоже меня обманула, я бы предпочла, чтобы её смерть не была на моей совести. — И чтобы я не видела её вечно позади себя во всех зеркалах. — Если бы не это, ваше высочество, уверяю вас, двор проснулся бы завтра с серьёзной проблемой отсутствия наследника.

Я услышала, как он медленно, тяжело поднимается.

— Я никогда не хотел эту чёртову корону.

Мои пальцы сжимались и разжимались вокруг рукояти. Тьма пульсировала повсюду, из всех углов, танцуя в ритме моего учащённого сердцебиения. Мне хотелось причинить ему боль и одновременно самой себе. И мне становилось ещё хуже от всей той боли и ярости, кипевших внутри меня, как в котле. Но в ванне я подумала…

Я ведь тоже лгала, разве это не делает меня такой же? Хоть что-нибудь из того, что мы пережили до этого момента, было настоящим?

Меня не должно было так сильно это задеть, но, чёрт возьми, видеть его в цветах королевской семьи и знать, что меня так ловко водили за нос…

— Я хотел рассказать тебе, — сказал он хриплым голосом. — Я пытался много раз, но это не только моя тайна. И я...

— Я пришла сюда ради своей сестры. Мне нужно добраться до Морриган любыми способами. Братство, Фионн, даже Игнас... Ты заставил меня идти длинным путём, хотя у тебя был прямой доступ к ней.

Его тяжёлые шаги приблизились.

— Всё не так просто.

Я резко обернулась, и он остановился.

— Она твоя грёбаная крёстная, — прорычала я. — Так ведь? Королева Призраков крестит всех первенцев Руад.

Он закрыл глаза на мгновение.

— Это просто игра для успокоения Двора, часть договорённостей между Теутусом и Луахрой. Я ничего не знаю о Морриган, ничего полезного. Поэтому я несколько недель искал информацию, когда мы вернулись из На-Сиог.

Я моргнула от неожиданности, но часть меня не могла полностью поверить его словам. Теперь всё, что он говорил, казалось фальшью. Всё в нём, от мимики до движений, вызывало недоверие. Он переоделся в чёрное, но красное и золотое навсегда отпечатались в моём сознании.

Казалось, что он не был ни Мэддоксом, ни Сетантой. Ни тем, ни тем он не был полностью.

Поскольку я молчала, он продолжил объясняться:

— Единственное, что я скрывал от тебя, так это свою личность здесь, при Дворе. Да, я лгал, чтобы скрыть это, но всё остальное правда. Я бы никогда не сделал ничего, чтобы помешать тебе найти сестру, клянусь. — Его взгляд был прикован ко мне. Нас разделяло почти два метра, и мне казалось, что это слишком близко и слишком далеко одновременно. Я не знала, что должна чувствовать. Тьма скользнула по балдахину кровати за его спиной. Тихая, верная, смертельная, она просто ждала моего сигнала, чтобы заставить его заплатить за то отвратительное состояние, в котором я оказалась. — Будь это в моей власти, я бы сделал всё, чтобы привести тебя к Каэли. И сейчас... — Он выдохнул, и мне показалось, что этот вздох был отрывистым, как будто ему не хватало воздуха. — К чёрту эту бесконечную историю, к чёрту правила, которым я следовал, сколько себя помню. Ничто не имеет смысла, если так я причиняю боль тем, кто мне дорог. Я уже пережил это и не хочу повторения, *sliseag*.

В моём сознании снова всплыл образ маленького мальчика, стоящего на коленях в луже крови со слезами на щеках. *Мальчик хватается за голову. Он не может, не может... Если зверя выпустить, всё будет напрасно. Он дал обещания; так много, так много обещаний...*

Его слова пронзили всё моё тело, или, по крайней мере, так мне казалось. От горящих щёк до кончиков пальцев ног. Они подавляли жжение в моём животе, пытаясь его унять. Тьма притаилась и настороженно наблюдала.

Тем не менее...

— Красиво говоришь, конечно, но не было ли проще рассказать мне правду до того, как она вот так обрушилась на меня? Ты знал, как много стоит на кону, предупреждал меня несколько раз о том, как опасен Двор, и всё же молчал, пока я случайно не узнаю, кто ты, прямо на параде?

Я внимательно смотрела на его лицо, ища малейшую трещинку в этой идеальной маске скорби и сильных переживаний. Я хорошо разбираюсь в окружающих. Моё чутьё никогда не подводило меня.

То же самое чутьё говорило тебе, что он заслуживает доверия.

А если я была ослеплена наид-наком?

А если он и сейчас лжёт?

— Значит, и все остальные — Сейдж, Абердин, Пвил, даже Гвен — не заслуживают доверия? Ведь они тоже мне лгали.

Мою голову переполняли разумные сомнения, но сердце шло вразрез с ними. Разум с болезненной ясностью вспоминал все уроки моей матери, все мгновения страха, одиночества и печали. Сердце же, напротив, вспоминало аромат ванили в библиотеке, ощущение безопасности, возникшее во мне, едва я переступила порог замка.

Он провёл руками по голове, взъерошив свои чёрные волосы. От безупречной прически, что была у него утром, не осталось и следа.

— Не думаю, что когда-нибудь прощу себя за это, — признался он. Вместо того чтобы смотреть на меня, он опустил взгляд в пол. — Клянусь тремя богинями, я пытался. В день, когда мы прощались, я искал тебя, чтобы рассказать всё. Пвил и Аб поддерживали меня. Они уверяли, что самое страшное, что может случиться, — так это то, что ты отрежешь мне яйца и повесишь их рядом с сушёными травами Хопа. — Его губы скривились в безрадостной улыбке. — Но потом я увидел, как ты играешь в грязи с Гвен, Сейдж и Веледой. Впервые со дня нашего знакомства ты смеялась, такая красивая и беззаботная, что мой мир содрогнулся от одной лишь мысли, что я могу это разрушить. Так что я не смог. Я поступил как трус и ушёл, зная, что всё закончится именно так. — Он развёл руками, окидывая взглядом спальню и расстояние, которое нас разделяло. — Поэтому я не защищаюсь, *sliseag*. Я заслуживаю твоей ярости.

Мои губы слегка приоткрылись, когда стало невозможно продолжать дышать только через нос. Казалось, что моей груди внезапно потребовалась гораздо больше воздуха, потому что он отнял его у меня.

Я пыталась подобрать слова, новые обвинения. Где же они? Оправдывало ли всю его ложь то, что он увидел, как я смеюсь?

— Я...

Движение над его плечом отвлекло меня. Полоска тьмы потянулась к нему от одного из столбиков кровати и почти коснулась Мэддокса. Я запаниковала, несмотря на то, что чувствовала в ней что-то похожее на радость. Неважно, какими были её намерения, я не могла позволить ему её увидеть.

Я бросила кинжал. Мэддокс не сдвинулся ни на миллиметр, даже когда клинок пролетел так близко к его лицу, что всколыхнул волосы у виска. Лезвие вонзилось в столбик с глухим стуком, и тьма исчезла.

Мэддокс слегка повернул голову и посмотрел на красный камень, остановившийся в дюйме от его носа.

На его лице медленно появилась полуулыбка, от которой я невольно сглотнула.

— Я знаю, что ты никогда не промахиваешься, так что буду считать это хорошим знаком.

Я только что метнула оружие, чтобы скрыть монстра, живущего во мне. Ироничность ситуации убивала меня.

— Я тебя слушаю.

Расслабив плечи от облегчения, он кивнул.

— Пойдём со мной в безопасное место для разговора. Возможно, тебе захочется переодеться.

Несмотря на его слова, мне показалось, что ему нравится то, что он видит. Ночная рубашка держалась на двух тонких бретелях, и декольте было глубже, чем у платьев.

— Ты правда думаешь, что в гардеробе, подобранном Игнас, есть что-то получше? — проворчала я.

Он ответил невнятным бормотанием. Затем направился к стене, на которой висела картина Костолома. Провёл пальцами по верхнему правому углу, и картина открылась, как дверь. Внутри было темно, как в могиле; оттуда пахло плесенью.

Так вот что тьма хотела показать мне перед балом. Я сощурила глаза.

— Во всех комнатах есть тайные ходы?

Он покачал головой.

— В этом крыле только в этой.

— И ты специально устроил так, чтобы здесь поселили именно меня?

Он немного замялся перед ответом.

— Только я или те, кому я доверяю, например, Гвен и Сейдж, знают об этих проходах. Даже король о них не догадывается.

— Как король может не знать, что происходит в его собственном дворце?

Мэддокс указал в сторону открывшегося прохода.

— Уверяю тебя, я отвечу на все твои вопросы. Больше никакой *лжи*, *sliseag*, клянусь. Но не здесь.

Я глубоко вдохнула.

— Хорошо. Ты первый. И лучше не начинай опять с этой песни про безопасность и заботу.

Он попытался скрыть лёгкую улыбку, покачав головой.

— Ну что ты, я бы не посмел. Но тут темно и есть ступени. Хочешь?..

Прежде чем он успел указать на свой ремень, я отрицательно покачала головой.

— Я справлюсь. Идём.

Он выглядел не вполне уверенным, но вошёл в проход, и я услышала, как его ботинки шаркают по камню.

«Веди мои шаги, пожалуйста», — тайком попросила я тьму. Готова поклясться, что она удивилась. Обычно я просила её прекратить что-то делать, а не начать. Минуту назад

я метнула в неё кинжал. И я даже не знала, возможно ли это, так что следовала за Мэддоксом с осторожностью.

Через секунду я почувствовала лёгкость в ногах. Моя нога остановилась прежде, чем удариться о ступеньку, и мне удалось избежать падения. Я ощутила тепло Мэддокса, когда он потянулся закрыть картину за нашими спинами. Это напомнило мне наш визит в дольмен.

— Готова?

— Иду за тобой.

Я двигалась, но не принимала никаких осознанных решений. Я коснулась стен, моля о том, чтобы они не раскрыли свои тайны. Мы поднялись по винтовой лестнице на несколько уровней. Спустя несколько минут я услышала тихий скрип замка, и серебристый свет пролился на нас. Луна.

Мы вышли на полукруглую террасу, пол которой слегка наклонялся вниз, как рампа. Ограждений не было, и мне не нужно было подходить к краю, чтобы понять, что мы на большой высоте. Слева и справа нас окружали треугольные стены, шире у основания и сужающиеся к краю, скрывая нас от посторонних глаз.

Я прижалась к стене. Один неверный шаг — и я могу разбиться насмерть. Обычно я не боюсь высоты, но этот случай — явное исключение.

— Где мы?

— В одной из башен.

Это объясняло странную форму. К счастью, поверхность под ногами была не из мрамора, а из более шероховатого материала.

Мэддокс оставил дверь открытой и посмотрел на меня. Он не казался обеспокоенным.

— Со мной ты не упадёшь.

— Это заявление меня не успокаивает.

Мы сели, прислонившись спиной к стене. Если забыть про страх перед возможной смертью и холод, от которого ночная рубашка совершенно не защищала, вид был потрясающий. Этот выступ был направлен на юг, к полям Гибернии, к деревням, которые тянулись вдоль побережья, и к морю Вах. Если постараться, я могла бы указать пальцем на Тельмэ. И на нуральские рудники, где мы с Каэли прятались. Лунный свет окутывал всё серым покрывалом, которое, вместо того чтобы навевать тоску, принесло мне немного покоя.

После затянувшегося молчания я поняла, что красноречивому Мэддоксу сложно найти подходящие слова для начала разговора. Я решила взять инициативу в свои руки, хоть и убеждала себя, что делаю это не ради него.

— Как же так получилось, что у короля-человека родился сын-дракон?

Я услышала, как он глубоко вдохнул.

— Чтобы объяснить это, мне нужно вернуться далеко в прошлое.

Я указала рукой на ночное небо.

— У нас есть время до рассвета.

Он медленно кивнул.

— Думаю, ты уже знаешь, что в Братстве состоят не только сидхи. Хотя они и являются главными жертвами тирании Двора, вместе с тем есть ещё и люди, которые не признают Теутуса своим повелителем, люди, которые когда-то поклонялись Триаде. — Я вспомнила Игнас и её семью, предателей, которых король раскрыл среди своих придворных, Гвен и все те лица, полные ужаса, на балу. — Много лет назад Братство задумало рискованный план, и только когда одна прекрасная девушка из человеческой семьи привлекла внимание наследного принца, этот план был приведён в действие. До восхождения на трон нынешнего короля звали Ниаф. Он безумно влюбился в девушку, чья семья разбогатела благодаря открытию новой соляной шахты.

Они не были аристократами, но быстро стали влиятельными фигурами. Ниаф не замечал никого, кроме Дектеры, и решил, что она станет его женой и следующей королевой. Вот только он не знал, что Дектера и её семья состояли в Братстве и что всё было тщательно спланировано. Их ухаживания, свадьба и даже рождение первенца.

Эти слова ошеломили меня, но у меня не было времени их осмыслить. Мэддокс продолжил, положив руки на бёдра и вытянув ноги к пропасти.

— Другая женщина забеременела одновременно с Дектерой, и они родили с разницей в один день. В ту бурную, неспокойную ночь в королевском дворце оказалось одновременно двое новорождённых мальчиков. Но в конце концов остался только один.

Я открыла рот, но не смогла издать ни звука.

Я посмотрела на него.

И поняла.

Боги.

Я прикрыла рот рукой.

— Ты — подменыш.

Он кивнул, не замечая или намеренно игнорируя, как я на него смотрела. Это была древняя легенда. Некоторые магические существа так делали то ли забавы ради, то ли из ненависти к людям. О таких случаях не слышали уже много веков. Но, видимо, это произошло всего пару десятилетий назад.

— В древности их называли «иле», но да, это я.

— Значит, твои настоящие родители… Ты… Откуда ты?

Он повернул лицо ко мне, его глаза были полны иронии.

— Ты ведь уже была там? В Дагарте.

Дагарт. Вместе с этим названием пришли воспоминания о том пляже, прозрачных водах, белом песке. Он. Его крылья. Платье.

— Это был сон, — прошептала я.

— Ты знаешь, что это было нечто гораздо большее. Но я постараюсь быть джентльменом, каким не был в последнее время, и отложу это на другой раз. — Он подмигнул мне. Однако всё в его мимике и движениях было неправильным, неискренним. Возможно, из-за тяжести того, что он рассказывал. — Дагарт — столица Огненных Островов, остров, на котором образовался первый вулкан, Рих, где гнездился сам Ширр.

— Но…

— Острова не затонули. Теутус пытался, конечно, их потопить, но Тараксис сдалась раньше, и война закончилась. Ширр и Девятка были убиты, сам Теутус отрубил им головы, и большинство драконов тоже погибли в битвах. Прежде чем уйти в Иной мир, он, видимо, подумал, что больше там нечего опасаться. Но кое-что всё же осталось. — Его руки сжались в кулаки, смяв штаны. Впервые я заметила, что он не носит кольцо, которое всегда было на нём. — Выжившие использовали магию драгоценных камней и вулканов, чтобы скрыть острова от человеческих глаз; их было мало, и они боялись не выдержать ещё одну атаку. Благодаря этой магии Вах отталкивает корабли, которые пытаются приблизиться к той зоне. Спустя десятилетия человеческое высокомерие породило легенду о затоплении. Но они всё ещё там. — Он посмотрел на меня с решимостью. — Они существуют. Я родился там.

В горле невольно образовался ком, я попыталась проглотить его, но это не помогло. У меня было столько вопросов, что я не могла выбрать какой-то один.

— Барьер, защищающий острова, нельзя сломать. Если это произойдёт, насколько я знаю, его будет очень трудно восстановить, и острова снова станут уязвимыми. Поэтому связь была возможна только благодаря двум могущественным друидам, которые пожертвовали своей жизнью, чтобы принести меня сюда. Айрмид, бабушка Пвила, и Дурмас, отец Оберона. Они отдали жизнь и магию, чтобы перенести меня из Дагарта в ночь, когда я родился. Королева Дектера родила на день позже, и тогда произошла подмена.

Отец Оберона… был членом Братства? Одним из организаторов этого сложного плана?

— А что случилось с настоящим принцем?

Мэддокс опёр голову на стену.

— Позволить ему вырасти было слишком рискованно.

Что?

— Они убили человеческого младенца?

Услышав мой вопрос, Мэддокс зажмурился.

— Поверь, мне тоже не нравится эта часть истории.

Долгое время я смотрела на пейзаж Гибернии, ничего не видя перед собой. Никогда и ни за что мне бы не пришло в голову, что Братство могло осуществить столь безумную затею. Что это происходило в королевстве у всех за спиной. Ещё сложнее было поверить в то, что до этого момента их план работал. Что Мэддоксу удавалось оставаться неузнанным при дворе, что король смотрел на него с такой гордостью.

А существование Огненных Островов? О богини, мне понадобится целый месяц, чтобы осознать это. Чтобы смириться с мыслью, что за восточным побережьем, за этими гигантскими волнами и опасными глубинами, продолжают существовать острова, драгоценные камни и крылатые воины, о которых я рассказывала Каэли.

Наконец, у меня возник вопрос, который я не могла оставить при себе.

— И для чего же это сделали? Невозможно, чтобы был задействован такой огромный и рискованный план без конкретной цели.

Его горькая улыбка показала мне, что он ожидал этого вопроса.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

— Ты никогда не задумывалась, почему ни один король Нессия не был убит или хотя бы ранен с момента их воцарения на троне?

— Нет. Я просто думала, что они неприкосновенны.

— Ты права, они неприкосновенны. Но не только из-за своих солдат и этих стен. Когда Теутус назначил первого короля, они с Луахрой оба знали, что люди — самая слабая раса из всех. Поэтому одним из условий Луахры была абсолютная неприкосновенность королей. С помощью видеру они создали предмет, который делает короля неуязвимым перед любой атакой или угрозой, пока он его носит.

В моей памяти сверкнул золотой отблеск.

— Его корона.

Мэддокс кивнул.

— Теутус вырвал золотые чешуйки из Ширра одну за другой, передал их видеру и велел переплавить в корону. Драгоценные камни, которые украшают её, — это те самые, что Ширр с гордостью носил на своих крыльях.

— Не могу поверить, что король носит волшебный предмет и пользуется остатками силы Ширра.

— Луахра была умна. Она знала, что всегда будут недовольные, которые будут противиться правлению Двора людей.

— И теперь?..

— И теперь… король ест, спит, купается и живёт со своей короной. Есть только один момент за весь срок правления короля Нессии, когда он её снимает.

«Мне радостно сообщить вам, что через несколько месяцев, в осеннее солнцестояние...»

Ах, конечно.

— Коронация нового короля.

— Это происходит в приватной обстановке, в королевских покоях, и как король, так и наследник окружены видеру и солдатами. Если есть другие принцы, они ждут в соседней комнате на случай, если что-то пойдёт не так. Всё это необходимые меры предосторожности для обеспечения преемственности власти.

— Значит, в этом заключается великий план Братства? Заменить наследника-человека на сидха, чтобы он рос при дворе долгие годы, скрывая свою сущность и ведя двойную жизнь до момента коронации?

Это звучало как байка, которую пересказывают друг другу пьяницы в таверне. История, чтобы рассмешить друзей или развлечь детей на улице. Не реальность.

— Довольно точное описание, да.

— Но почему именно дракон? Ведь если бы тебя раскрыли, им бы стало известно, что острова всё ещё существуют.

— Потому что только дракон мог выдержать столько чар и притворяться человеком на протяжении очень долгого времени.

Потому что они были самой могущественной из рас сидхов. Значит, на него накладывали столь мощные чары с самого рождения? Я вспомнила его выражение лица,

когда он, войдя в кнок, вызвал огонь в своей руке. И как он смотрел на свои крылья в замке, когда они потянулись ко мне.

Он не знает настоящего себя.

«Как и я», — подумалось невольно.

Я глубоко вдохнула, пытаясь вытеснить эти мысли.

— А что произойдёт, если ты убьёшь короля, когда он снимет корону? Ты говорил, что там будут видеру и множество солдат.

Мэддокс молчал. Не двигался, не смотрел на меня. Я представила этот момент, торжественный зал, короля, снявшего корону и убитого своим собственным сыном. Несложно догадаться, какая последует реакция...

Я старалась подбирать слова осторожно:

— Это самоубийство, Мэддокс.

— Я называю это самопожертвованием.

Самопожертвование.

И тон, которым он это произнёс... Как факт. Нечто неизбежное, с чем он уже давно смирился.

Я больше не могла сидеть. Встав, я почувствовала, как ветер плотно обтянул мою сорочку, но холод меня сейчас волновал меньше всего.

— Нет. Ты не можешь. Это не... Это несправедливо. Ты годами живёшь в окружении врагов, притворяешься тем, кем не являешься, делаешь всё, чтобы освободить Гиберию, чтобы в итоге сразу же умереть?

Он тоже поднялся, намного медленнее, чем я, и попытался коснуться меня. Я отстранилась.

— Аланна…

— А как же Бран? Он станет законным наследником после тебя. Его запросто смогут короновать.

Я видела, как его грудь тяжело поднималась и опускалась.

— Есть запасной план и на этот случай.

— Да, конечно. Как же я не догадалась? — Его рука снова попыталась обхватить мой локоть, но я отступила назад, пока не упёрлась в стену. — Нет. Это какой-то бред. Они воспитывали тебя только для того, чтобы отправить на убой. Как свинью.

Его челюсти сжались с такой силой, что я услышала скрежет.

— Я делаю это по собственной воле.

— Ты делаешь это, потому что тебя растили с этой мыслью. В противном случае ты бы понял, что тебя просто используют. Ты взойдёшь на вершину горы, расчищая путь для всех остальных, и когда достигнешь вершины... Что ты получишь? Ничего? Разве это справедливо?

И тогда, наконец, он перестал сдерживаться. Вместо того чтобы попытаться прикоснуться ко мне мягко, он выругался и притянул меня к себе с силой. Обхватил мою талию одной рукой, а другой надавил на центр моей спины, как будто не хотел, чтобы я отстранялась хоть на миллиметр.

Я почувствовала себя голой. Шёлк не мог скрыть бурю, бушевавшую у меня внутри.

— Никогда, ни разу за двадцать четыре года жизни я не задумывался, справедливо ли это всё по отношению ко мне или нет, потому что в масштабе целого мира я не важен. На войне всегда есть расходные пешки, понимаешь? Они борются за большую цель, и без потерь невозможно обойтись. Я был абсолютно уверен в этом. Я охотно принял это, был готов к тому, что этот момент наступит, и король объявит о своём отречении. А потом появилась ты. По какой-то неведомой причине судьба предназначила мне тебя и привела ко мне в самый неподходящий момент. Ты упрямая, недоверчивая, тащишь за собой тёмное прошлое и хранишь слишком много секретов. И тем не менее... я бы отдал всё, что у меня есть, чтобы провести с тобой больше времени, узнать тебя... Чтобы понять, почему наид-нак нас связал. Теперь я не перестаю задаваться вопросами, которые никогда прежде у меня не возникали, и это действительно несправедливо.

Чувство, похожее на щекотку, поднялось по горлу, распространилось по челюсти и наполнило глаза слезами. Это было чувство, идущее из моих внутренностей, что-то глубинное, вызванное его словами и мыслью о том, что в день осеннего равноденствия он умрёт.

Я ненавидела его за то, что он так думает. Ненавидела его за то, что у него есть цель, которой он посвятил всю свою жизнь и за которую готов умереть. Ненавидела его за то, что он был полной противоположностью мне и верил, что королевство можно спасти.

Ненавидела его за то, что не могла его ненавидеть. Как это возможно?

Его рука поднялась по моей спине и легла на затылок, и я непроизвольно откинулась на неё. Сама того не осознавая, я впилась пальцами в его руки.

Чтобы почувствовать себя немного лучше, я провела ладонью по его груди. Мне ответило быстрое, сильное биение сердца. По крайней мере, я не единственная, кто чувствовал, что сердце вот-вот вырвется из груди.

Когда Мэддокс наклонился ко мне, я подумала о своём предке, том, который отправился в Долину Смерти за мечом. Быть может, он сделал это из-за чего-то подобного? Нашёл кого-то, кто почти убедил его, что оно того стоит?

Губы Мэддокса коснулись моих, и огонь мгновенно распространился по всему моему телу. Да, кто-то мог бы пересмотреть все свои убеждения, всю жизнь, состоящую из подавления своей сущности и вечных переездов, ради такого чувства. В этом я не сомневалась.

В последний момент Мэддокс отстранился и поцеловал меня в щёку. Я не сразу поняла его жест, пока не осознала, что слёзы начали стекать по щекам. И он целовал их.

«Я никогда не променяю тебя ни на кого, Аланна'са».

Может быть, если бы я была одна в этом мире…

Может быть. Но в реальности всё иначе.

Я отстранилась от Мэддокса, тяжело дыша, и хотя его руки только крепче сжали меня на мгновение, как будто он собирался удержать меня в своих объятьях, в итоге он всё же отпустил.

Я сказала себе, что твёрдые соски можно списать на холод и что трепет между ног в конце концов утихнет. Ничто не длится вечно.

Я обняла себя и попыталась подумать о чём-либо другом, лишь бы разрядить напряжение между нами. Мэддокс опёрся рукой о стену рядом с дверью и закрыл глаза. Я знала, что это невозможно, но представила, что, когда он их откроет, его зрачки будут вертикальными или янтарного цвета.

Я тихо откашлялась.

— Перед тем как прийти сюда, Плумерия рассказала мне, что случилось с её родителями и другими придворными пятнадцать лет назад. Подозрения короля насчёт королевы и казнь всех них. Это было связано с тобой и планом?

Он молчал несколько секунд, всё ещё стоя с закрытыми глазами.

— Нет. К счастью, нет. Но король действительно обнаружил связь королевы и других придворных с сидхами. И хотя он пытал её всеми способами перед тем, как убить, она не сказала ни слова обо мне. Не могла.

Его боль была скрыта за столькими слоями, что её было почти невозможно обнаружить. Я машинально погладила себя по рукам. Желание угасало волнами; иногда оно возвращалось с новой силой, но каждый раз становилось всё слабее. Богини, наверно, это всё магическая связь между нами. Это ненормально.

— Что ты имеешь в виду?

— Все, кто знают, что я иле, находятся под мощным гейсом, который не позволяет им раскрыть правду. Это было их собственным решением. Хотя они все заслуживают доверия, никто не знает, смогут ли они выдержать пытки. А цель, как я уже сказал, важнее всего.

Гейсы… Одни из самых загадочных чар. Считалось, что когда сидхов было намного больше, гейсы тоже были повсеместно. Они происходили естественным образом, без сознательного применения магии, как будто она была в воздухе, слушала и вмешивалась в определённые моменты. Неважно, принадлежал ли ты к какой-либо магической расе или нет. Однажды я слышала историю о человеке, у которого было два противоречащих друг другу гейса; с одной стороны, он не мог есть собачье мясо, а с другой — не мог отказаться от еды, которую ему давала женщина.

Внезапно я вспомнила о герцогине. О вопросах, которые она задавала мне после парада и которые я сочла за насмешку.

— На кого наложен этот гейс?

Рука Мэддокса медленно скользнула по стене, прежде чем оторваться, и его ресницы задрожали. Он смотрел на меня серьёзными, тёмными и полными агонии глазами.

— Только несколько самых задействованных. Абердин, Пвил и герцогиня, конечно. Сейдж и Гвен поклялись хранить тайну позже, после смерти королевы, когда стало ясно, что мне понадобятся союзники среди Диких Охотников и при Дворе. Фионн… это отдельная история, но он тоже участвовал. И Оберон из-за своего отца. Никто из них не может говорить об этом, если не уверены на все сто процентов, что собеседник тоже в курсе.

Внезапный порыв неуместного облегчения охватил меня, когда я поняла, что Гвен, Сейдж и остальные не лгали мне намеренно. Даже если бы в какой-то момент они захотели рассказать мне правду, они бы просто не смогли. А теперь, когда я узнала

правду, я поняла их причины и уважала их за это. На кону стояло нечто гораздо более важное.

Теперь я понимала многие их странные поступки. Возможно, я дура, раз не догадалась сама.

— Теперь, когда я тоже знаю, будет ли гейс действовать на меня?

Мэддокс пожал плечами.

— Не знаю. Ты собираешься кому-то об этом рассказать?

— Сомневаюсь, что мне кто-то поверит.

Это вызвало у него сдержанную улыбку.

— Ты права.

Следующий порыв ветра, поднявшийся по склону и проникший под мой ночной халат, заставил меня вздрогнуть. Мэддокс указал на дверь.

— Пойдём, здесь холодно, и тебе нужно отдохнуть. Завтра легче не будет, это я тебе точно могу сказать.

Да уж, я так и предполагала.

Возник ещё один вопрос.

— Твоё имя, Мэддокс…

Его пальцы сжались на ручке двери на мгновение.

— Это имя дали мне мои настоящие родители. Оно было вышито на одеяле, в которое я был завёрнут.

Имя на одеяле. Неужели это всё, что у него осталось от них?

Мы пошли обратно, и тьма снова помогала мне идти по ступенькам. Когда я проходила мимо Мэддокса, снова возвращаясь в свою комнату, его пальцы легонько коснулись моего локтя, привлекая моё внимание. Я подняла подбородок, чтобы посмотреть на него, и в этот раз у меня не осталось сомнений, чем были вызваны его тёмные круги под глазами.

— Прости. За всё. Хотел бы я иметь смелость сделать всё по-другому.

Я просто кивнула.

По крайней мере, он попытался исправить свои ошибки.

Глава 34

Никто в Гиберии, кроме Его Величества, не имеет права владеть предметами из «Списка запрещённых вещей», составленного при Дворе. Если будет обнаружено, что гражданин, будь он дворянином или простолюдином, скрывает любой из этих предметов, он будет казнён.

Закон 3, стр. 76 книги «Законы для регулирования общественной и частной жизни»

Утро второго дня во дворце прошло гораздо спокойнее, чем я ожидала. Я знала, что окружение не изменилось, что враги всё ещё повсюду и что я нахожусь на опасной территории, но что-то внутри меня всё же претерпело изменения.

Когда Игнас присоединилась ко мне за завтраком, я воспользовалась моментом, пока Йора складывала пирожные на поднос, чтобы шепнуть герцогине:

— Я знаю, что Мэддокс — иле.

Она обмякла на стуле.

— О, Триада, слава богам. — Она украдкой взглянула на служанку и затем пробормотала: — Он вошёл через картину?

Ага, значит, об этом она тоже знала.

— Нет. Он хотел поговорить со мной, а не истекать кровью на коврах. Воспользовался балконом.

Уловив сарказм в моих словах, она тихо выдохнула.

— Он не глуп. И ты, кстати, тоже.

— Да, знаю. — Я мягко коснулась её пальцев. — И вы, Игнас, всё делаете правильно.

Она тут же отдёрнула руку, смущённая.

— Эм, да… Давай отложим это на потом. Сегодня ты наденешь одно из своих дневных платьев, идеально подходящее для утреннего чая с другими леди, — заговорила она уже громче, тогда как я пыталась скрыть улыбку. — Йора?

— Персиковое, ваша светлость?

— Да. И с шляпкой в тон. Я хочу, чтобы Плумерия затмила всех. В конце концов, это та самая девушка, что вчера танцевала с двумя принцами.

Оказалось, что по какой-то непостижимой причине дневные платья были гораздо более громоздкими, чем вечерние. Мне пришлось надеть не только корсет, чулки, подъюбники и прочую атрибутику, но и приспособление под названием турнюр, которое

делало мою пятую точку в десять раз больше. Оно подпрыгивало при ходьбе и вынуждало меня сидеть на самом краешке стула.

Единственное, что мне понравилось, так это то, что платье было из шифона и оставляло плечи открытыми. На плечах были только две узкие ленты, выполнявшие чисто декоративную функцию.

Поскольку время было дневное, мне разрешили оставить волосы распущенными, но в них всё равно вставили кучу шпилек для поддержания шляпы на месте, так что ни один порыв ветра не смог бы её унести. Это было ужасно. Я чувствовала себя так, словно у меня на голове стояла ваза с цветами.

— Очаровательно, — заключила герцогиня.

Я скривила лицо перед зеркалом, но ей лучше знать.

Был уже поздний утренний час, когда мы отправились по дворцовым коридорам в место, называвшееся Садом Королевы. Солнце светило в каждое окно, превращая всё вокруг в бело-золотую фантазию из шерсти, дерева и слоновой кости. Одна из галерей выходила на другой сад, полный живых изгородей и лебедей, напоминающий лабиринт. Что-то там привлекло моё внимание, заставив остановиться.

Герцогиня нетерпеливо обернулась.

— Дорогая, пойдём. Нас ждут.

— Иди вперёд, тётя. Мне нужно здесь кое-что сделать.

Конечно же, она нахмурилась в ответ.

— Но…

— Доверься мне.

После короткой паузы она кивнула.

— Возьми Йору с собой, она знает, как проводить тебя к утреннему чаю. Не задерживайся.

Я дождалась, когда герцогиня уйдёт, прежде чем указать Йоре на окно.

— Знаешь, как попасть в этот сад?

— Конечно, госпожа. Сюда.

Живые изгороди, которые сверху казались бесформенными, на деле представляли собой серию сатирических сценок о сидхах. По обеим сторонам дорожки из белой гальки встречались разные фигуры: гномы, раздавленные под человеческими ногами, довольно правдоподобный мерроу, поданный как рыба на блюде, феи, используемые в качестве вьючных животных.

До меня донёсся тихий разговор неподалёку.

— Подожди здесь, — сказала я Йоре. — Я скоро вернусь.

По её выражению лица было видно, что она хотела возразить, но не стала. Я продолжила пробираться сквозь причудливые изгороди, приближаясь к голосам. Впереди я увидела фонтан с купающимися лебедями, и, завернув за куст, подстриженный в форме обезглавленного дракона, столкнулась лицом к лицу с теми, кого искала. Улыбка Реанн, осознавшей, кто пересёк её путь, могла бы посоперничать с улыбкой обезумевшего пейста. Она переглянулась с подругой, брюнеткой, имя которой мне ещё не было известно.

— Плумерия, какая приятная встреча! Мы как раз тебя искали.

Я широко улыбнулась.

— Наоборот. Это я искала тебя.

Прежде чем она успела осознать мой ответ, я схватила её за шею и потащила к фонтану. Она успела сделать только один короткий вздох, прежде чем я погрузила её голову в воду. Её грудь и бёдра ударились о каменный край бассейна. Её изящные руки тщетно пытались вырваться.

Я услышала испуганный всхлип и посмотрела на её подругу.

— Нет-нет, ни звука. Леди должна быть тихой и скромной. Мы же не хотим, чтобы кто-то пришёл и вмешался в наши дела, правда?

Она быстро замотала головой.

Спустя почти десять секунд я позволила Реанн поднять голову из воды. Она закашлялась, задыхаясь. Одна её рука успела ухватиться за моё предплечье, и её ногти впились в кожу. Красные полосы потекли вниз, капая на поверхность и окрашивая кристально чистую воду в розовый цвет.

Я крепко схватила её за мокрый пучок и заставила посмотреть на меня. Её красивые глаза были полны страха, но также в них была убийственная ярость. Эта девушка привыкла быть королевой улья, творить и разрушать по своему желанию. И я далеко не первая, кого она бросила на растерзание волкам.

В общем, она была той, с кем следовало считаться, но я обещала себе выжить в этом месте и не позволять никому оскорблять имя Сутарланов.

— Я тут подумала, что в карете нам не хватило времени познакомиться поближе, — сказала я ей. — Мы нервничали из-за парада, а потом появились те мятежники, а дальше всё произошло так быстро: принцы, приветственный бал… В общем, я не успела поблагодарить тебя.

Реанн откашлялась.

— За что, чёрт побери?..

Я снова погрузила её голову в воду.

— Какие неподобающие слова для дочери герцогини, — пробормотала я, цокая языком.

Я терпеливо ждала, пока она брыкалась, извивалась и царапала мне руку до локтя. Я не обращала внимания на испуганное бормотание другой девушки. Когда крупный пузырь воздуха поднялся на поверхность воды, я вытащила Реанн. На этот раз она едва шевелилась. Вода хлынула из её рта, тело содрогалось.

Я спокойно наклонилась к её уху.

— Благодаря твоему толчку я встретилась с принцами, что, будем откровенны, было маловероятно при других обстоятельствах для такой нахалки, как я. Поэтому мне просто захотелось отплатить тебе тем же.

Отпустив её, я позволила ей упасть и соскользнуть обратно в фонтан. Её подруга подбежала, намереваясь помочь, и потянула её за руку, чтобы поднять из воды. Я отошла в сторону, наблюдая с приподнятыми бровями, как её объёмное платье превращается в пропитанную водой тряпку и становится тяжёлым грузом.

Реанн Болг вперила в меня ледяной взгляд, и я почувствовала все её тёмные желания. Всё, что она сделала бы со мной, будь у неё силы на это.

— Ты не знаешь… с кем… ты...

— Не знаю, с кем связалась и что мне за это будет? Приятно познакомиться, леди Болг. Теперь ты знаешь, что я люблю возвращать всё в двойном размере. Хорошего дня, дамы.

Я пошла по дорожке из белой гальки, заложив руки за спину. Тьма скакала рядом, прячась среди живых изгородей, с улыбкой до самых ушей.

Герцогиня сказала, что я могу брать всё, что захочу, из угощений без риска нарваться на галлюциногенный порошок. Возможно, я была так довольна собой после встречи с Реанн, что съела больше шоколадного торта с масляным кремом, чем следовало. Палатка в Саду Королевы защищала нас от солнца, и, если бы не тот факт, что мы находились на улице, это место можно было бы принять за ещё один салон. Здесь были диваны, кресла, столики и даже переносной туалетный столик.

Когда я пришла, всех заинтересовало, что случилось с моей рукой, я просто ответила с улыбкой:

— В саду на меня напала собака. Представляете?

Дальше разговор пошёл о домашних питомцах, роскошных поводках и о том, что делать с кошачьей шерстью на ковре, хотя я сильно сомневалась, что кто-либо из них сам убирался у себя дома. Ни леди Болг-старшая, ни её дочь не появились, что заставило всех задуматься, оправилась ли женщина после своей краткой встречи с даэг-ду.

Игнас, конечно же, не преминула воспользоваться случаем, чтобы раскритиковать её.

В какой-то момент одна из виконтесс вскочила с места.

— Его высочество.

Все последовали её примеру. Моё сердце забилось сильнее, когда я обернулась, надеясь увидеть тёмные волосы и широкие плечи.

Но это был не он.

— Я знал, что в Саду Королевы можно увидеть самые прекрасные цветы во всей Гибернии, но боюсь, что вы превзошли все ожидания, — произнёс принц Бран.

Он грациозно шагал по дорожке, пряжки его сапог сверкали на солнце, волосы сияли ореолом света, лицо — идеальная маска вежливости и учтивости. Высокий, стройный и такой красивый, что казалось, будто он сошёл с картины.

Ему ответили звонким смехом, то ли искренним, то ли притворным. Юбки зашуршали, и несколько вееров резко раскрылись. Я сделала положенный реверанс вместе со всеми остальными, но выпрямилась намного раньше. И внезапно стала тычинкой цветка, а они лепестками, что меня обрамляли.

— Леди Сутарлан.

— Ваше высочество. Я думала, мы договорились, что вы можете обращаться ко мне на «ты».

— Верно. — С ленивой улыбкой он поцеловал мои обнажённые костяшки. Моя кожа покрылась мурашками от отвращения, но он самодовольно подмигнул. — Доброе утро, Плумерия.

Я постаралась, чтобы мой голос звучал взволнованно:

— Доброе утро, ваше высочество.

После ещё нескольких приветствий и банальных комплиментов принц обратился к Игнас:

— Я хотел бы попросить у вас разрешения пригласить Плумерию на прогулку.

Пока герцогиня разыгрывала радость, а остальные дамы и их дочери смотрели на нас с ненавистью, я задумалась о том, насколько одиноким должен быть этот принц, если крошек моего внимания уже достаточно, чтобы его привлечь.

«Не будь слишком самоуверенной. Принц намного хитрее, чем многие думают».

Я в этом не сомневалась, но было в нём что-то почти наивное. Некоторая слабость. А недостатки очень трудно скрыть. Я услышала, как одна из дам позади меня злобно прокомментировала: «Может, он поведёт её в свою игровую башню». Раздался приглушённый смех.

— Тем не менее, надеюсь, вы поймёте меня правильно: я бы хотела, чтобы вместе с вами пошла фрейлина. Моя племянница — девушка юная, и…

— Разумеется, разумеется, — перебил её принц. Затем жестом указал на дорожку. — К тому же я тоже никогда не бываю один. Специфика королевской жизни.

В нескольких метрах от нас стояли двое солдат. Не из числа Охотников, их форма была красного цвета, как у остальной армии. Один был намного выше другого, хотя низкий шире в плечах. Он казался...

У меня резко упало настроение, когда я узнала его. В груди похолодело.

Это был Дугалл.

Хотя он изменился, с этой короткой армейской стрижкой, и кожа стала гораздо более загорелой, чем когда он жил в Хельглаз, это был он. Я почувствовала его взгляд, скользящий по мне, но не заметила никаких признаков узнавания. Он, казалось, смотрел на группу дам в целом.

Может быть, он и не узнает. Наряд, место, даже цвет моих глаз изменился. Вряд ли ему вообще в голову придёт мысль, что травница, с которой он спал в Гальснане, находится здесь, среди придворных.

Я уцепилась за эту мысль и старалась не думать ни о чём другом. Сейчас не лучшее время для паники, потому что принц предложил мне свою руку. Мы удалились от палатки, описывая дугу по саду в направлении дворца. И солдаты, и Йора следовали за нами на некотором расстоянии. Если я не буду повышать голос, они нас не услышат.

— Ты в порядке, Плумерия? Ты выглядишь взволнованной.

— Ох… да, не каждый день я гуляю с принцем, — удалось мне ответить. — А вы, ваше высочество? Вам уже лучше?

Я почувствовала, как он немного напрягся под моей рукой.

— Что ты имеешь в виду?

— Вчера вечером, после нашего танца, мне показалось, вы не очень хорошо себя чувствовали. Ах, прошу прощения, это слишком бестактно с моей стороны — задавать столь личные вопросы.

Он, казалось, пытался тщательно подбирать слова.

— Пару месяцев назад у меня произошла стычка с двумя особенно опасными сидхами в Гримфеаре. Одна из них напала на меня с оружием из гобинского железа.

— Что? Этот мерзкий металл всё ещё существует?

— Похоже, что да, — недовольно буркнул он.

— Надеюсь, они обе получили по заслугам.

— Одна из них, наверное, да, — задумчиво ответил он. Я затаила дыхание. — Другая сбежала. Но я найду её. Клянусь священным мечом Теутуса, эта мерзавка недолго ещё будет наводить ужас на людей.

— Не сомневаюсь. Говорят, ваш отряд творит чудеса. Но почему вы говорите, что другая «*наверное*» получила по заслугам? Разве вы не сами исполнили наказание?

Он раздражённо вздохнул.

— К сожалению, кое-кто успел первым забрать приз. Надеюсь только, что с этой тварью обошлись максимально жестоко. Нам сюда, дорогая, — сказал он, шагнув ко мне, чтобы направить нас направо. — Хочу показать тебе кое-что, что мало кто видел.

Теперь у меня не было возможности вернуться к теме, не вызвав подозрений. Он не сказал ничего нового: Морриган забрала Каэли, а я исчезла у них на глазах. Пока мы шли по дворцу, принц рассказывал мне разные истории, и я старалась отвечать с энтузиазмом. Наконец, мы остановились перед двойными дверями, вырезанными из прекрасного белого дуба. Принц вынул из кармана пиджака маленький ключ.

Когда замок щёлкнул, Бран подмигнул мне.

— Это одно из моих самых любимых мест во дворце.

Комната, в которую мы вошли, была заметно вытянутой по длине, с панорамными окнами во все стены по бокам. Это был своего рода выставочный зал. Хотя свет проникал через верхние окна, принц нажал на рычаг рядом с дверью, и огромная люстра зажглась, заливая всё вокруг жёлтым светом.

Перед тем как закрыть дверь, он приказал солдатам и Йоре подождать снаружи. Фрейлина округлила глаза.

— Но...

Принц наклонил голову. Его голос не имел ничего общего с тем, которым он говорил со мной.

— *«Но»?*

Я быстро подала знак девушке, что всё в порядке, и она поспешила поклониться и исчезнуть. Единственным положительным моментом в том, чтобы остаться наедине с Браном, было то, что я теперь оказалась вне поля зрения и слуха Дугалла.

— Прошу, — сказал принц, указывая на витрины.

Я подошла к ближайшей. Она была высотой с письменный стол, со стеклянной крышкой сверху. На чёрном бархате были выставлены разные предметы. Мне

понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что я вижу. Секунды, в течение которых я тупо стояла, уставившись перед собой, не осознавая, что всё это значит…

В моей голове не укладывался столь чудовищный садизм.

Это были уши фей. Бледные, различных форм. Когда мои дрожащие руки легли на стекло, я поняла, что что-то не так с размером. Они были слишком маленькими. Они никак не могли принадлежать взрослым феям, даже ровесникам Каэли, и их было слишком много...

Я зажмурилась так сильно, что голова заныла от приступа боли. Я с трудом сдерживала в горле отчаянный крик. Мои разум и сердце, несмотря на всё пережитое, всё ещё могут удивляться таким зверствам. Всё ещё верят, что есть поступки, которые нельзя совершать, и вещи, которые священны.

Ключицы начали зудеть.

Я услышала шаги принца, приближающиеся ко мне, и стёрла с лица все эмоции. Увидев, что привлекло моё внимание, он улыбнулся.

— О, да, эти привезли после зачистки около шестидесяти лет назад. Мой дед обнаружил деревню на севере, в которой жило множество семей сидхов. Десятки. И они продолжали плодиться как кролики. Как видишь, проблему устранили на корню.

Его каламбур показался ему чрезвычайно забавным, и я засмеялась вместе с ним. Я следовала за ним от витрины к витрине, от одного ужасного зрелища к другому, изо всех сил стараясь не выплеснуть жёлчь на сверкающие сапоги Брана. Пока он рассказывал о том, сколько книг о сидхах он прочитал, чтобы «лучше выполнять свою работу», я думала о том, что Мэддокс слишком приуменьшал, описывая мне этого мерзавца.

— Честно признаюсь, Плумерия, — внезапно произнёс Бран, всё ещё пребывая на своей волне самодовольства. — Я почувствовал что-то особенное в тебе сразу, как увидел. Любая другая леди упала бы в обморок от того, что произошло на параде, но ты сохранила хладнокровие. Ты не дрогнула перед идеей наказать этого мятежника за случившееся, и даже сейчас ты не убежала отсюда в ужасе.

— С чего бы мне убегать, ваше высочество?

— Потому что многие кричат о том, что живут благодаря тому, что сделала моя семья, благодаря тому, что построили Руад, но никто не хочет марать руки. Реальность, в которой нужно порой совершать страшные вещи, чтобы сохранить это королевство в безопасности, для них слишком жестока, — сказал он, указывая на клыки на витрине, историю появления здесь которых я даже слышать не хочу. — Все знают, что сидхи — чудовища, но когда кто-то обращается с ними как полагает с чудовищами, чудовищем становится он сам.

У меня не было ни малейших сомнений в том, что он говорил о себе. Оправдывал свою натуру. И я знала, что он хочет услышать, поэтому дала ему желаемое.

— От вас ничего не скроешь, ваше высочество, — вздохнула я. — Так уж вышло, что я не понаслышке знаю о том зле, которое могут причинить сидхи. Из-за них я потеряла родителей, они заразили их разум. Так что нет, я не собираюсь падать в обморок, когда вижу того, кто не боится сделать то, что должно быть сделано. И если для того, чтобы уничтожить монстров, нужно стать одним из них, я не вижу в этом проблемы.

Он посмотрел на меня так, будто наконец нашёл что-то, что давно потерял, что-то, что думал, никогда не вернётся. Он расплылся в улыбке и стал выглядеть моложе и безумнее, чем когда-либо.

— Ты полна сюрпризов, Плумерия. Как я уже говорил, ты можешь звать меня по имени, когда мы наедине.

Меня едва не вырвало.

В конце комнаты находились две витрины, отделённые от остальных и приподнятые на пьедестале. Они были полностью сделаны из стекла, и внутри стояли золотые подставки с предметами на них. В левой витрине явно находилась книга, а в другой – некий флакон… И он излучал свет, который не имел ничего общего с освещением от лампы или окон.

Я сделала шаг вперёд, но Бран остановил меня.

— Боюсь, туда нельзя даже мне.

Другой голос раздался по залу, заставив нас вздрогнуть:

— Но ты всё равно привёл даму сюда, чтобы впечатлить её нашими боевыми трофеями.

Мэддокс.

Повернувшись, я увидела его. Он прислонился к дверному проёму, с руками в карманах, одетый как беззаботный принц: чёрные брюки, белая рубашка, застёгнутая до воротника, рукава закатаны до локтей. Когда он вошёл? Как мы не заметили? Бран открыл рот и выдвинул челюсть вперёд – явный признак недовольства.

— Брат, — произнёс он, стараясь не подавать виду, будто его застали врасплох. — Как ты узнал, что мы здесь?

Чёрные брови Мэддокса взлетели вверх.

— Разве это было секретом? Ты задумал что-то неподобающее, уединяясь с незамужней леди?

— Нет, конечно.

Будучи той самой незамужней леди, игравшей роль поклонницы младшего принца, я вмешалась:

— Его высочество не позволил себе ничего неподобающего. У нас была весьма познавательная беседа.

Мэддокс весело хмыкнул.

— Познавательная беседа как способ ухаживания за дамой? Впервые слышу. — И не успел его брат возразить, как Мэддокс оттолкнулся от двери и подошёл ближе. — И как, леди Сутарлан? Что интересного вы сегодня узнали?

Что у твоего лживого братца душа гнилая, как у слуага.

— Не могу выделить что-то одно. Всё здесь тронуло моё сердце. Это неопровержимое доказательство богатого наследия королей Нессия.

С явной неохотой Мэддокс подошёл к нам, вставая между мной и Браном. Он кивнул в сторону двух особых витрин. Его рука украдкой нащупала складки моей юбки и проникла в тайный карман. Когда он коснулся ремешков, мне пришлось приложить все

усилия, чтобы не подпрыгнуть до потолка. Я почувствовала его ласку на внутренней стороне бедра, и пальцы на ногах сжались в туфлях.

Кто бы мог подумать, что это возможно, учитывая размер этих проклятых туфель.

— А как насчёт этого? Эти две реликвии – самые ценные сокровища нашей семьи. Поэтому они под особой охраной.

К счастью, мне не пришлось отвечать, иначе бы мой голос прозвучал как у человека, пробежавшего десять кругов вокруг замка. Взбешённый голос Брана раздался из-за спины Мэддокса:

— Я как раз собирался рассказать ей.

Пропустив его слова мимо ушей, Мэддокс протянул руку и прикоснулся к невидимой стене. Его кожа тут же зашипела, словно раскалённые угли. Запах жжёного мяса наполнил мои ноздри, и я едва не схватила его за руку, чтобы оттолкнуть, но он не выказал ни малейшего признака боли. Совершенно невозмутимый, он показал мне кончики своих покрасневших пальцев.

— Магия видеру не позволяет приблизиться к ним никому, кроме короля.

Я отвела взгляд от его пальцев.

— Что это такое?

— Единственный оставшийся экземпляр «Эпохи богинь» и то, что Теутус отнял у королевы Никсы, посмевшей предсказать его смерть.

Я резко повернулась к флакону. Что? Внутри этого крошечного сосуда находится голос королевы Никсы?

Я сглотнула, потрясённая услышанным.

— Понимаю, почему они так хорошо охраняются. Попади они не в те руки…

Глаза Мэддокса сверкнули.

— Это было бы серьёзной угрозой Двору, безусловно.

Забрать реликвии тоже было частью плана? Возможно, после смерти короля и при отсутствии наследника магия, защищающая книгу и флакон, просто исчезнет. И если королева манан-лир действительно ещё жива, но скрывается где-то…

Цокнув языком, Мэддокс отошёл от пьедестала.

— К счастью, этого никогда не произойдёт. Пойдём, брат, мне нужно дать тебе несколько советов, как ухаживать за женщинами.

Практически забыв обо мне, Бран последовал за братом, бурча под нос. Я не разобрала слов, но не сомневалась в том, что то был поток оскорблений.

Вернувшись в свою спальню и оставшись одна, я подняла юбки и осмотрела ремешки. За одним из них был вложен сложенный листок.

Сердце стучало как сумасшедшее, пока я разворачивала записку. В ней торопливым почерком было написано:

«Морриган придёт завтра ночью».

Глава 35

Для многих Луксия — самая красивая из сестёр. Возможно, потому что приятно верить, что после смерти нас встретит кто-то прекрасный. Думаю, у неё было бы больше поклонников, если бы не её помощница, Керридвен. Она действительно внушает ужас.

Заметка автора в «Эпохе богинь»

Вечером второго дня, посвящённого издевательствам над Луксией, устроили очередное представление; на этот раз о том, как Теутус убил богиню. Когда несколько солдат внесли в зал платформу с костром, герцогиня притворилась, что ей стало плохо от желе (хотя она ничего не ела), и взяла меня за руку, чтобы вывести наружу. Она прикрывала рот платком, якобы сдерживая рвотные позывы.

Я показала ей записку Мэддокса, и герцогиня решила, что нет нужды смотреть на эту резню, где наверняка принесут в жертву ещё одну сидху на глазах у всего двора. Мы провели некоторое время в её комнате вместе с Йорой, и хотя герцогиня, заметив моё нарастающее беспокойство, пыталась меня отвлечь, это не сработало. Я могла думать лишь о том, как медленно тянется время.

На следующий день я обедала и гуляла, но мыслями была в другом месте. К счастью, беседы с другими дамами не требовали особых умственных усилий. Если среди них и была хоть одна с мозгами, она умело это скрывала.

Вечером меня нарядили в чёрное платье, походившее на броню. Тонкие, почти невидимые бретельки, перчатки до локтей, декольте, которое открывало гораздо больше, чем скрывало, и длинные слои чёрного шифона, ниспадавшие до пола. Несмотря на золотые блёстки повсюду, фасон был до скучного прост. Глядя в зеркало на странную причёску, открывающую золотое ожерелье, и обилие чёрной косметики вокруг глаз, я чувствовала себя очень странно.

Казалось, будто я позволила тьме окутать меня и теперь носила мантию из теней, чего избегала всю свою жизнь.

— Этот цвет невероятно тебе идёт, — отметила Игнас. — Ты будто создана для того, чтобы носить чёрное, дорогая.

Тьма кивнула, пылко соглашаясь.

После почти трёх ночей во дворце, всё казалось мне неприятно знакомым. Я не хотела чувствовать, что знаю это место или этих людей. Тем не менее, атмосфера в бальном зале казалась иной, более напряжённой, наверняка из-за того, что это была

последняя ночь, завершающая Теу-Биад. Судя по тому, что я слышала в эти дни, многие придворные не смогли участвовать в паломничестве к Толл-Глору из-за плохого самочувствия. Ещё бы, три дня принимать белладонну...

Я увидела и даэг-ду, и пару банши. Двое Тёмных Всадников заняли свои привычные места у стены, недалеко от трона. Король стоял на возвышении, окружённый придворными, а видеру наблюдали за всем, держась позади. Оберон, если и был здесь, на глаза не показывался.

И как бы я ни выглядывала высокую фигуру с тёмными волосами и золотым венцом, Мэддокса нигде не было видно. Честно говоря, я не видела его с того самого момента, как получила записку. Как он раздобыл эту информацию? К тому же, я всё ещё ощущала его прикосновение к моему бедру, что никак не способствовало успокоению моих нервов.

И наконец, ближе к полуночи, я почувствовала, что что-то происходит. Я ощутила её. Сладкий привкус энергии Каэли.

Она близко.

Она здесь.

Перемены в моём настроении, похоже, были очень заметны, потому что Игнас начала обмахивать меня веером, жалуясь на жару, не обращаясь ни к кому конкретно. Между тем, я пыталась справиться с учащённым дыханием и тревогой, пронизывающей моё тело. Я не хотела всё испортить. Взяв веер, я, несмотря на ощущение песка во рту, улыбнулась.

— Всё в порядке, тётя.

И тут, как и в первую ночь, когда появились демоны, все устремили взгляды ко входу. Шепотки пронеслись над музыкой. В толпе образовался коридор, и я решительно продвинулась вперёд, чтобы увидеть, что происходит. Я всего лишь одна из очень любопытных придворных.

Я случайно оказалась прямо рядом с Реанн, бок о бок. Мы напряжённо переглянулись, но мне сейчас было не до неё. Кто-то шёл по образовавшемуся проходу. Кто-то, одетый в чёрное, как и я, и с вороном на плече. Причём, в отличие от декораций зала, это был настоящий ворон, крутящий головой и оглядывающий всё вокруг.

Это она. Наконец-то она пришла.

Краем глаза я заметила движение у её ног и опустила взгляд.

И тогда весь зал, дворец, Эйре и весь мир обрушились на меня. Кажется, кто-то взял меня за руку. Моё сердце перестало биться, звуки вокруг затихли, и единственное, что существовало для меня в тот момент, так это медвежонок, шедший впереди Морриган с чёрным ошейником и поводком, который держала богиня.

На Каэли надели цепь.

Не может быть.

Нет, нет, нет, нет, нет.

Тьма заполонила мой взор, как чернила, растекающиеся по бумаге. Сила поднялась от моих ног, окутала меня по грудь. Когда она скопилась в руках, я ощутила, как множество нитей потянулись сразу со всех сторон. От глупой Реанн, от герцогини, от женщин, шептавшихся о новой игрушке Морриган тем же тоном, каким они говорили о

котах накануне; даже из других частей дворца. Сгибая пальцы, я почувствовала, что манипулирую сотнями нитей одновременно.

Общий вздох пронёсся по залу. Даэг-ду и банши закричали. Чернила немного растворились.

Отчаянный голос зашептал мне прямо в ухо:

— ...понимаю. Но сейчас тебе нельзя выдать себя. Ты должна сосредоточиться.

Сосредоточиться.

Да.

Каэли. Она здесь. Она жива.

Ей нужна моя помощь.

Я тряхнула головой, и мир снова стал стабильным и чётким. Я стояла совершенно неподвижно, держа за руку герцогиню, в то время как богиня войны проходила мимо с моей сестрой. Я ненавидела Морриган за её идеальные черты, красоту, которая не отражала её внутреннее уродство, цепь, пересекающую её лицо, её глаза... чёрные? На причале у неё один был голубой. Я точно помнила, потому что это привлекло моё внимание.

Она направилась прямо к помосту, и, по мере её продвижения, проход за ней снова закрывался. Все придворные были зачарованы ею, чуть ли не пуская слюни.

Я постаралась остаться в первом ряду, когда она наконец остановилась перед королём.

— Ваше величество, — тихо произнесла она, не делая никакого поклона.

Король, плотно окружённый своими видеру, натянул на лицо улыбку, в которой не было ни капли искренности.

— Морриган. Я уже начал было беспокоиться.

Призрачная королева лениво поднялась на помост в своём платье из теней, развевающемся вокруг неё. Заметив, что медвежонок отстал, она дёрнула поводок. С тихим рыком моя сестра последовала за ней.

Вот она, совсем рядом. В пятнадцати метрах от меня. Я внимательно разглядывала её тело на предмет ран, но не нашла ничего. Это подтверждало слова Фионна.

«Морриган доставила неудобства тому, кому не следовало, и её наказали, запретив касаться, проклинать или вредить медведям всю её жизнь. Ни прямо, ни косвенно».

Это единственное, что утешало меня всё это время: уверенность в том, что Морриган не может и пальцем тронуть мою сестру. Возможно, именно поэтому она использовала поводок.

Услышав лёгкий хруст, я поняла, что вывихнула какой-то палец, сжав руки слишком сильно. Я прижала тыльную сторону ладони к ноге, пока палец не встал на место. Боль придала мне больше ярости, больше концентрации.

Принц Бран появился рядом с королём, за ним следовал Мэддокс. Если они и были на помосте раньше, я их не замечала до этого момента. Первый смотрел на мою сестру со смесью отвращения и предвкушения. Второй... Что это у него на челюсти, синяк?

— Это она, да? — радостно воскликнул Бран. — Значит, слухи не обманули. Ты превратила её в зверя.

Морриган едва шевельнула губами, отвечая резко:

— Типа того. Впрочем, это оказалось не так весело, как я думала.

Король, которому наверняка не нравилось, что его игнорируют, бросил на мою сестру взгляд чистого отвращения.

— Полагаю, вы говорите о стычке на причале.

Вдруг Бран шагнул к Морриган.

— Подари её мне. Если она тебе наскучила, дай мне её изучить.

Изучить? Как тех сидхов, чьи органы лежат в зале трофеев?

— Не знаю, я уже привыкла к этому вонючему мешку с блохами, — протянула Морриган.

Тогда Бран бросил взгляд на своего отца, словно прося его о помощи. Я не верила, что король поможет ему. Но я не учла, что между богиней и своим сыном король предпочтёт второго, просто чтобы досадить ей.

— Это было бы крайне любезно с твоей стороны. Скоро у Брана день рождения, и что может быть лучшим подарком, чем одна из сидхов, виновных в его увечье?

Увечье. Слово разнеслось по залу шёпотом. Бледная кожа принца не смогла скрыть горящее от стыда лицо.

Морриган не из тех, кто так просто поддаётся на дешёвые манипуляции, но, к моему огромному удивлению, она смиренно вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Я преподнесу её тебе в подарок на день рождения; если это освободит меня от других скучных обязательств на оставшееся десятилетие.

— Договорились! — мгновенно воскликнул принц. Ему не хватало только потереть руки.

Будто выполнив свою миссию, Морриган покинула помост, потянув за собой поводок, и придворные поспешили создать для неё новый проход. Она прошла так близко от меня, что мне пришлось отвернуть лицо, ведь она могла узнать меня без камней трансмутации.

Я позволила ей покинуть зал с моей сестрой. Вместе с ней ушло и моё сердце.

Сразу после их ухода я почувствовала, как энергия Каэли стремительно удаляется. Богиня, должно быть, использовала магию, чтобы поскорее покинуть дворец, а то и город.

Стиснув зубы, я развернулась обратно к помосту. Герцогиня рядом со мной проследила мой взгляд и прошептала:

— Не делай ничего...

Я решительно направилась туда. Я мгновенно привлекла внимание всех. Взгляд Мэддокса мог бы сжечь целый лес, но я его проигнорировала. Вблизи его лицо выглядело гораздо хуже. Казалось, кто-то использовал его как тренировочную грушу.

Я сделала самый глубокий реверанс из возможных.

— Добрый вечер, ваше величество. Ваши высочества.

Бран был первым, кто ответил на моё приветствие.

— Леди Сутарлан. Сегодня вечером вы особенно прекрасны.

— Сутарлан? — повторил король.

Я почувствовала, как герцогиня встала рядом со мной.

— Да, ваше величество. Это моя племянница, Плумерия. Не знаю, помните ли вы её.

— Конечно, помню. Уцелевший фрукт в гнилой корзине, не так ли?

Радость в голосе герцогини была очевидна.

— Именно так, ваше величество. Я сама её воспитала, как и обещала вам.

— И это очень ценно для Двора, безусловно. — Король оглядел меня с головы до ног, не проявляя ни малейшего интереса. — Ты что-то хотела, девочка?

— Только спросить принца Брана, не окажет ли он честь провести этот вечер со мной.

Принц спустился по ступеням, чтобы встретиться со мной.

— Неужели вы были так нетерпеливы, что решили сами прийти за мной? — Улыбнулся он и слегка понизил голос: — Мне нравится ваша смелость.

Он повёл меня танцевать, как я и рассчитывала. Как только он положил руку мне на талию, я посмотрела ему в глаза и улыбнулась.

— Вы не представляете, как я рада, что вам удастся вернуть одну из сидх, о которых вы мне рассказывали.

Возможно, я затронула эту тему слишком быстро, но мне было абсолютно всё равно. Мою сестру передадут из одних рук в другие, и я должна присутствовать при этом.

На лице принца промелькнула какая-то эмоция, столь мимолётная, что я не смогла её разобрать.

— Я тоже очень рад. Какой неожиданный сюрприз, не правда ли?

Сюрпризы всегда неожиданные, идиот.

— И не говорите! И прямо как подарок на день рождения... Простите меня, я не знала, что дата так близка.

— Через две недели. — Несмотря на то, что завуалированное оскорбление его отца унизило его перед всем Двором, радость от получения желаемого перевешивала. — Надеюсь, ты будешь свободна в этот день.

— Что?.. — Я широко открыла рот. — Я? Вы приглашаете меня на свой день рождения?

— Ты же не откажешься, правда?

— Ни за что на свете, ваше высочество!

Один из его больших пальцев скользнул выше, чем следовало, и коснулся обнажённой кожи моей спины.

— Зови меня по имени, Плумерия. Хотя бы иногда.

Едва сдерживаясь, чтобы не запихнуть этот заблудший палец ему в глотку, я прошептала:

— Как пожелаешь, Бран.

После третьего танца подряд с принцем я извинилась, сказав, что мне нужно вернуться к тёте, чтобы она не волновалась. Но вместо того чтобы искать герцогиню, я направилась к стеклянным дверям и с радостью ощутила ночную прохладу. Мраморные террасы были полны придворных, ведущих более личные разговоры, в основном мужчин, обсуждающих дела, так что я спустилась к тёмным садам.

Глубоко вдохнула несколько раз.

Даже зная, что не могла поступить иначе, я не могла избавиться от чувства, что подвела Каэли. Поняла ли она, что я была где-то рядом? Что я видела её, но не сделала ничего, чтобы защитить?

Если она покинула зал с этой мыслью...

Вдруг что-то схватило меня за руку и потащило в темноту. Я отчаянно сопротивлялась, пока незнакомый голос не пробормотал:

— Тише. Я просто хочу поговорить с тобой.

Дугалл.

Я знала, что он был не сильно выше меня, но сейчас, когда я на каблуках, мы оказались одного роста. Я выкрутила руку, и ему пришлось отпустить меня. Я потёрла запястье, надув губы.

— Что ты себе позволяешь, солдат? Ты хоть знаешь, кто я?

— А ты как думаешь, Эльма? Реально полагаешь, что пара красивых платьев и другой цвет глаз меня обманут?

Эльма. Моё имя в Гальснане. Имя, которое он шептал мне на ухо, когда мы проводили те ночи вместе.

Но Эльма, как и многие другие девушки, которыми я была, больше не существовала.

— Не знаю, о ком ты говоришь, и мне это не интересно. Тебе очень повезёт, если я не расскажу об этом своей тёте, и тебя не накажут.

Мои слова его нисколько не смутили.

— Рассказать? Ты знаешь, что с тобой сделают, если узнают, что ты притворяешься дворянкой?

За себя я не переживала, но это точно бы снова отдалило меня от Каэли. Я всмотрелась в его тёмные глаза. Когда-то они казались мне тёплыми и надёжными, как огонь в домашнем очаге. Он был добр ко мне и Каэли, и я искренне надеялась, что, несмотря на вступление в ряды королевских псов, у него будет хорошая жизнь. Что он женится, заведёт детей и сделает всё то, чего я не смогу.

— Та Эльма, которую ты упомянул… была ли она важна для тебя? — Он прищурился, не отвечая. — Будь она тебе дорога, разве не достаточно знать, что она в порядке, где бы она ни была, и что она тоже иногда вспоминает о тебе?

Он молча смотрел на меня. Я не могла прочитать ничего по его лицу. Настоящий сын Хельглаз, такой же стойкий, как эти проклятые горы.

Шорох слева подсказал, что мы не одни. Из темноты сада появился Мэддокс с копьём в руке и глазами, полными ярости, устремлёнными на Дугалла. По одной только разнице в росте можно догадаться, кто бы вышел победителем в драке. Но кроме того, я знала, на что способен Мэддокс, с копьём или без него.

— Объяснись, солдат, — потребовал принц.

Дугалл поспешил отступить от меня.

— Ваше высочество, я...

— По какой причине ты преследовал леди в темноте?

— Он меня не преследовал, — поспешила возразить я.

Мэддокс обжёг меня взглядом.

— Сейчас не время, леди Сутарлан. — Он вонзил копьё в землю, и клянусь, я почувствовала, как земля задрожала. — Ну так что?

Дугалл виновато опустил взгляд на свои ботинки, перед тем как ответить:

— Это просто недоразумение, ваше высочество. Я думал, что это нарушитель.

— Нарушитель в таком платье? — раздражённо выдохнул Мэддокс. Я не видела его таким злым с тех пор, как Фионн его опоил. — Теперь мне нужно беспокоиться о проблемах со зрением у солдат?

— Нет, ваше высочество. Прошу прощения. Это больше не повторится.

Мэддокс дёрнул подбородком.

— Убирайся. И не попадайся мне на глаза.

— Да, ваше высочество. — Он коротко поклонился мне. — Прошу прощения, миледи.

Его шаги удалились, исчезнув в тени. Не успела я открыть рот, как Мэддокс оказался прямо передо мной, его тело заслоняло слабый свет, исходящий от дворца.

— Кто такая эта Эльма?

Ах, значит, он нас слышал.

— Я скажу тебе, если ты расскажешь, что случилось с твоим лицом.

Он продолжал злиться, так что это не было притворством, чтобы избавиться от Дугалла. Неужели он действительно думал, что тот пытался ко мне пристать?

— Морриган, — ответил он неохотно.

— Что? Когда?

— Сегодня утром. Вчера я отправил ей сообщение, пообещав бой, если она придёт на последний вечер и поприветствует короля.

Я глубоко вдохнула ночной воздух. Неужели он сделал это ради меня? Чтобы гарантировать, что богиня появится? Я изучала его лицо в слабом свете. На подбородке синяк, на нижней губе небольшой порез, и хотя крови уже нет, я более чем уверена, что у него разбит нос. Моё сердце растаяло.

Я попыталась скрыть это под толстым слоем иронии.

— Ну, понятно, кто победил.

Он фыркнул.

— Знай, что я проиграл нарочно. Чтобы она пришла во дворец в хорошем настроении.

— Есть ли раны, кроме тех, что видны?

— А что, хочешь поцеловать их? — тут же ответил он вопросом на вопрос.

Я наигранно фыркнула.

— Эльма — это я. Вернее, была ею, в Гальснане.

— Значит, ты знала того парня из Гальснана? Между вами что-то было?

Я толкнула его в грудь и направилась к террасам.

— Сегодня нет, ваше высочество.

Глава 36

Братство было основано с ясными целями и задачами.
Превыше личной мести стояло общее дело.
И превыше личных чувств — общее благо.

Из личных дневников рода Сутарлан

Сегодня праздник кажется мне странным. Как будто я тоже приняла белладонну. Цвета платьев сливаются друг с другом, и я чувствую головокружение. Музыка оглушительна. Думаю, у одного из музыкантов сломана арфа, но он всё равно продолжает играть. Его окровавленные пальцы окрасили все струны в красный цвет.

Король зовёт нас, призывает подойти к трибуне, говорит, что сегодняшнее представление будет незабываемым. Он не перестаёт повторять:

— Пятьсот лет, нечто особенное, пятьсот лет, свет моего сердца, пятьсот лет...

Пока он ходит туда-сюда, из-за его короны выглядывает череп Ширра, и кажется, будто дракон ожил и готовится проглотить монарха.

У ног короля лежат несколько тел. Ужас охватывает меня, потому что я узнаю их всех. Пухленькое тело Ранды, пекаря из Гримфеара, который дал нам работу. Гвен в её охотничьем костюме и ворон из гематита, клюющий глаз. Сейдж, Пвил, Абердин, Веледа и даже крошечный Хоп там, сваленные в кучу, израненные, покрытые кровью. А поверх всей этой груды тел лежат Мэддокс и Каэли.

Что с ними сотворили...

Их животы...

Я падаю на колени перед ними, и в голове у меня крутится только один вопрос.

Почему меня нет среди них?

В этот момент король устремляет на меня свои безумные глаза. Или это принц Бран? Волосы мелькают то тёмные, то светлые.

— Потому что для тебя мы приготовили нечто гораздо хуже.

Поездка к Толл-Глору была именно такой, какой я её себе и представляла: медленной и скучной. Большая часть двора осталась в своих комнатах, согреваясь и отдыхая после прошлой ночи. Я ушла к себе после встречи с Дугаллом и Мэддоксом в саду, но, насколько мне удалось узнать, на последнем представлении показали три колыбели...

и трёх королевских младенцев-сидхов. Многие поспешили уйти, когда Нукелави вышел вперёд, облизываясь.

Я была рада, что не присутствовала там, хотя это могло показаться трусостью. Кошмары и без того преследовали меня всю ночь, я просыпалась в поту, в состоянии неконтролируемого ужаса.

«Чем больше ты будешь с ними общаться, тем больше испачкаешься. И эту грязь, возможно, никогда не удастся отмыть».

Теперь я поняла Игнас. Она имела в виду не пятна на теле, а то, что может случиться со мной, когда я узнаю, насколько глубоки и гнилы корни королевства. Увижу всё то зло, которое совершают добровольно. Не то, что творят демоны из Иного мира — существа, созданные для зла. Нет. Люди, у которых есть свободная воля и разум.

Было ещё раннее утро, когда мы пересекли мост, соединяющий территорию дворца с ущельем. Как я и предполагала, он был не из золота и рубинов, как на той картине замка, а из прочного камня: материала, совсем не похожего на остальную часть дворца. Очевидно, мост был построен гораздо позже. Всем дамам приходилось придерживать свои юбки, как если бы от этого зависела их жизнь, потому что ветра со стороны залива могли бы продемонстрировать всем их нижнее бельё.

Ни герцогиня, ни я не подошли к ущелью ближе необходимого. Мы издалека наблюдали, как королевская семья выходит вперёд, чтобы произнести свою речь, а самые нетерпеливые, желая продемонстрировать свою верность и рвение, встают рядом с ними. Осознание того, что мы находимся в эпицентре бури и несчастий и что всего в нескольких метрах от нас место, через которое Теутус пришёл в Гиберию, и без того давило. Обхватив руками талию и прищурив глаза из-за ветра, я снова услышала жуткие вопли и пронзительный свист. Звуки Иного мира.

Вернувшись во дворец, где Йора и горничные уже собрали наши вещи, мы приготовились к отъезду. Когда нас уведомили, что экипаж ожидает у входа, я готова была расплакаться от облегчения. Единственная причина, по которой я могла здесь находиться, была моя сестра. Если бы не она, я бы уже молилась, чтобы волны Ваха поглотили это место целиком.

В вестибюле мы увидели принца Брана, беседующего с двумя из своих охотников. Одного я узнала — он был на параде; тот самый охотник, который заметил уши сидха.

Принц увидел нас, и мы с герцогиней сразу же поприветствовали его. Но, к моему удивлению, он просто кивнул в нашу сторону и ушёл. Скорее всего, он был занят.

В Эйлме Абердин и Пвил крепко обняли меня, я оказалась в окружении знакомых запахов, и от этого мне стало только хуже. Как только я ступила на территорию замка, часть груза на моих плечах испарилась против моей воли. Я хотела этот груз. Он был постоянным напоминанием.

Первым, что сказала Игнас двум мужчинам, когда мы сели на кухне, было:

— Она уже знает, что Мэддокс — иле.

Видимо, сказать просто «она уже знает» было недостаточно. Нужно выразиться максимально конкретно, иначе гейс не позволил бы им обсуждать это. Оба явно испытали большое облегчение, и им не терпелось узнать всё, что произошло.

Я подробно рассказала о нападении на параде, хотя до них уже дошли вести. Абердин запрокинул голову и выдохнул.

— До нас доходили нелепые слухи, хотя они всегда есть. Мы не думали, что найдётся кто-то настолько сумасшедший, чтобы отважиться на такое.

— Что ж, к этому я должна добавить, что наш дорогой Оберон был во дворце, среди прислуги, — язвительно произнесла герцогиня.

Пвил закрыл глаза.

— Ох, этот мальчик.

Меня смутило, что Игнас связала два этих события.

— Подождите, вы хотите сказать, что Оберон причастен к нападению на параде?

— Возможно, не напрямую, — сказал Абердин. — Но в этом-то и проблема с ним и такими, как он; они лезут на рожон, дразнят двор и провоцируют армию. В Гибернии много обиженных и отчаянных, есть те, кому нечего терять, и кто просто хочет нанести как можно больше вреда, но боюсь, что они только погубят себя и навредят другим.

Да, произошедшее на параде совсем не соотносилось с методами Братства, которое занималось тем, что максимально скрытно спасало сидхов и переселяло их в безопасные места (не говоря уже о тайных заговорах). Тем не менее, я прекрасно понимала, до чего может довести отчаяние.

Я вспомнила тот страх, который уловила от сидха, вытащившего меня из кареты. Чего он боялся? Через что ему пришлось пройти? Что заставило его думать, что открытое нападение стоит того?

Я молчала, пока герцогиня рассказывала о главных событиях тех четырёх адских дней. Объявление короля об отречении, жуткие представления каждой ночью, явный интерес Брана ко мне и, конечно же, появление Морриган с моей сестрой и обещание, что через пятнадцать дней она отправит её во дворец в качестве подарка.

Было очевидно, что больше всего их взволновало решение короля. Я не могла понять, рады они или расстроены. Вероятно, и то, и другое вместе, учитывая, что должно произойти в тот день и все их планы.

Но они не стали обсуждать эту тему и сосредоточились на мне.

— Во дворце будет легче что-то организовать. — Абердин посмотрел на меня серьёзным взглядом. — Там тебе смогут помочь Мэддокс, Сейдж и Гвен. У нас будет больше возможностей.

Я ожидала чего-то подобного, догадывалась, что они так скажут. И, зная, что Мэддокс и девушки ещё несколько дней не вернутся в замок, я озвучила то, что обдумывала последние часы. Я совершила немало ужасных поступков, но у меня были свои границы.

— Я не хочу, чтобы они делали что-то, что может их разоблачить.

Когда три пары проницательных глаз уставились на меня, я почувствовала себя так, будто меня препарируют в исследовательских целях.

— Теперь я знаю, что должен сделать Мэддокс и что поставлено на карту. Ни я, ни моя сестра не состоим в Братстве и не будем. Когда я верну её, мы найдём новое место, где сможем жить спокойно, но этого не случится, если я помешаю вам покончить с правлением Нессии. Мэддокс предельно чётко дал понять, что общее благо на первом месте, и я это уважаю.

Он также сказал, что хочет послать к чёрту все правила, которым следовал всю свою жизнь, и пообещал помочь мне, несмотря ни на что. Поэтому он вызвал на бой Морриган и поддался. И, скорее всего, на этом не остановится. После того, как я узнала, какие наказания применяет король и какие развлечения считает подходящими для всех, я не могу допустить, чтобы кто-то из них подвергся такой же участи. Я не хочу стать причиной новой чистки при Дворе.

Я не хочу пережить то, что видела во сне.

Пвил наблюдал за мной с мягкой улыбкой на губах.

Почему он улыбается? Я ведь просто озвучила очевидное.

— Аланна, Братство — это не просто татуировка или клятва. Понимать, любить и сохранять истину — вот что мы стараемся делать. Возможно, ты не захочешь сотрудничать с нами после того, как вернёшь свою сестру, но ты всегда будешь одной из нас.

Я остолбенела. Моргнула, как будто мне что-то попало в глаза, в попытке скрыть свои чувства.

Абердин тихо хохотнул.

— Вы только посмотрите на неё! Можно подумать, будто мы сказали ей, что собираемся повесить её за большие пальцы.

Что-то ударило меня по голени, заставив подпрыгнуть на стуле.

— Ай! — воскликнула я. Наклонившись, увидела сморщенную мышиную мордочку. — За что?

— Не притворяйся, будто не знаешь! — возмутился взбешённый брауни.

— Не знаю о чём?

Он снова затопал ногами. Его маленькие ботиночки из мешковины едва касались деревянного пола.

— Он принял тебя с того самого момента, как ты впервые ступила сюда, и дал мне это понять.

— Он? Ты о ком?

Когда Хоп попытался снова ударить меня по ногам, я выставила руку, и он отскочил от моих костяшек.

— Дом, глупая! Этот пол, эти стены, эти потолки! Они укрыли тебя, как младенца, а ты до сих пор ведёшь себя как испуганный кролик? Я говорил ему, что ты не из тех, кто остаётся, что тебя не изменить, но он не слушал!

Продолжая защищать ноги, я выпрямилась. Мозг пытался найти хоть какое-то логическое объяснение тому бреду, который нёс Хоп.

— Не хотела вам говорить, но я несколько раз видела, как он делал странные вещи.

Теперь уже громкий смех Абердина эхом разнёсся по всей кухне.

— Видела бы ты своё лицо, лайли, честное слово.

— Замок Сутарлан особенный по многим причинам, — пояснила герцогиня. Её тоже явно забавляла вся эта ситуация. — На протяжении веков он принимал множество рас, а после войны остался тайным бастионом Братства. В его основу заложено нечто особенное, удерживающее магию и воспоминания. Как будто сам замок тоже присоединился к делу Братства — по крайней мере, нам так кажется. Лучше всего тебе об этом расскажет Хоп. У брауни рода Спорайн и замка особая связь.

Внезапно кухня снова заскрипела. Будто она набрала воздуха, раздув деревянные доски пола и стен, а затем медленно его выпустила. Скрипы вскоре прекратились, а я всё ещё оставалась в ступоре.

— Это был не ветер?

Хоп фыркнул.

Я осмотрелась вокруг с осторожностью. Я ведь была здесь бесчисленное количество раз, и даже мысли не возникло.

Внезапно я вспомнила хриплый голос, который слышала, когда пришла в Эйлм и коснулась стены конюшни. Он показался мне другим, непохожим на воспоминание, более реальным. *«Добро пожаловать».* Теперь понятно, почему Хоп был так раздражён. Он разговаривал не сам с собой, а с замком. И обо мне.

— Ничего себе, — только и смогла сказать я.

Пвил поднялся.

— Как бы то ни было, мы продолжим заниматься тем же, чем и всегда: будем помогать тем, кому это нужно, кто пострадал под властью двора. Вы с сестрой — не исключение.

— Но я не хочу, чтобы...

— Мы знаем, — перебил меня Абердин. — И Мэддокс с Гвен и Сейдж не безмозглые авантюристы. Они знают своё дело, так что не переживай за них. Кроме того, ты, кажется, забываешь кое-что очень важное; он будет помогать тебе в любом случае. Возможно, ты не до конца понимаешь, что такое наид-нак, но этот парень не сможет остаться в стороне, если дело касается тебя.

Впервые кто-то заговорил со мной так прямо об этой связи. За прошедшие месяцы у меня сложилось впечатление, что мы негласно договорились делать вид, будто ничего не произошло.

Когда я открыла рот, чтобы ответить, весь груз разом свалился на меня. Возможно, я забросила его слишком далеко, слишком высоко, надеясь, что он улетит, но теперь он вернулся с удвоенной силой.

Помощь Мэддокса, связь, замок, моя сестра, наш секрет. Всё это не складывается вместе.

Они считают меня одной из своих, а по сути я для них незнакомка.

И они возлагают надежды победить Двор на лгунью и трусиху. На ту, которая при всём своём восхищении к ним и уважению к их делу всё же не может похвастаться такой же храбростью.

Потому что я точно знаю: если они узнают правду, то уже никогда больше не посмотрят на меня так же.

«То есть ключ к спасению Гибернии якобы существует, но просто скрывается ото всех».

«Братство выживало всё это время, не надеясь на помощь какого-то мифического наследника из особенного рода, цепляясь за реальное, за осязаемое. Сказки не спасают жизни».

«Мы предпочитаем верить. Это красивая легенда».

Я чувствовала себя ужасно, но всё же сказала:

— Это неважно, ведь вы всё равно собираетесь отправить его на верную смерть, не так ли? — Мёртвая тишина повисла над столом. — Тогда наид-нак больше не будет проблемой ни для кого.

Выражения лиц Абердина и Пвила...

Я встала и вышла из кухни, пока не сделала что-нибудь глупое, вроде того, чтобы забрать свои слова обратно.

В коридоре я провела пальцами по стене.

Прости.

Глава 37

Думаю, Триада наделила магией не только своих созданий, но и всю Гиберию. Она в утренней росе, среди зелёных пастбищ и в огнях всех очагов.
Вам нужны доказательства? А что вы скажете про гейсы, которые оплетают всех живых существ и заставляют их выполнять свои обещания? Или как вы объясните связь между брауни и их домами?
Есть ещё кое-что. То, что останется в этой земле, как я думаю, навсегда.

Запись Паральды Утреннего Бриза в запрещённой книге «Искусство быть друидом»

Мэддокс, Гвен и Сейдж прибыли в замок пятью днями позже.

Я провела большую часть времени с Веледой, тренируясь. Она была единственной, кто не присутствовал на кухне, когда я нанесла всем невидимый удар, и единственной, кто не смотрел на меня как на ребёнка, разбившего любимый семейный сервиз и разочаровавшего всех.

При всём этом со мной продолжали нормально общаться. Пвил осторожно снял с меня камею и защитные амулеты, стараясь не вызвать взрыва, и предупредил, что татуировка и цвет моих глаз вернутся не сразу, а через какое-то время. Затем он настоял, чтобы я пошла с ним и его дочерью в оранжерею. Весна была замечательным временем для пополнения друидских запасов. Чтобы не вызывать подозрений у Веледы, я согласилась. И хотя я всё время молчала, мне повезло узнать от друида много всего полезного. Его знания невероятны.

Однажды вечером, когда я пыталась провести время с Хопом и помочь ему в его делах (из чувства вины, конечно же), одна из балок на потолке громко скрипнула, и брауни выгнал меня оттуда, размахивая метлой и крича: «Прочь, прочь! Ты и так уже его разозлила!»

Девушки нашли меня в библиотеке. Гвен обняла меня так сильно, что чуть не задушила.

— Я хотела сделать это, когда увидела тебя на параде, — уверила она меня. — Прости, прости за всё. Мэддокс уже всё нам рассказал, и хотя я знаю, что ты знаешь, я...

Я зажала ей рот рукой.

— Ещё одно извинение, и я уйду.

— Я же говорила, — пробормотала Сейдж, потягиваясь. Дорога сюда из Эйре, полагаю, была настоящим испытанием. Сейдж похлопала меня по плечу и ухмыльнулась: — Молодец. До меня дошли слухи, что ты чуть не утопила Реанн Болг в фонтане.

Герцогиня внезапно отложила документы, которые читала, вместе с бокалом виски.

— Что ты сделала? — Она помолчала. — Болг, говоришь? Хмм.

— Реанн — это ходячий кошмар, — уверенно заявила Гвен. — Мы вместе учились в школе для благородных девиц, и она представляла собой угрозу для всех остальных девушек. Ей нравится причинять боль.

— Да, я заметила.

Я рассказала, что это она выпихнула меня из кареты, а также о её презрительных комментариях о Сутарланах. Услышав это, герцогиня посмотрела на меня так пристально, что мне стало не по себе.

— Думаю, единственный плюс в том, чтобы быть Дикой Охотницей, — это то, что мне не нужно участвовать во всех этих мероприятиях с другими придворными леди, — сказала Гвен.

— И конкурировать на брачном рынке, — добавила Сейдж.

Блондинка широко улыбнулась.

— О да. Мало кто из мужчин рассматривает в качестве жены элитного воина. Но как любовницу? Я весьма востребована, честно говоря.

Мэддокс вошёл в библиотеку последним. Его взгляд стремительно скользнул по присутствующим, пока не нашёл меня, и тогда, словно солдат на задании, Мэддокс направился прямиком ко мне. Его лицо уже выглядело намного лучше. Хотя заклинания не позволяли ему исцеляться с драконьей скоростью, гематома на его челюсти уже приобрела желтоватый оттенок, а от пореза на губе осталась всего лишь розовая линия.

Я уловила его запах, и что-то подпрыгнуло и перевернулось у меня в животе.

— Если я спрошу тебя, как ты, ты снова нападёшь на меня?

— Попробуй.

Его глаза прищурились, весело поблёскивая.

— Как ты, *sliseag*?

Плохо.

Я бы хотела не причинять боль окружающим, которые мне нравятся.

Я бы хотела видеть другой возможный конец всему этому.

Я протянула ему руки.

— Цела и невредима, как и обещала.

— Хорошо. Я… Ай! — Он метнул грозный взгляд на Гвен, когда та толкнула его локтем. — Я как раз собирался об этом сказать. Ты такая нетерпеливая!

Я приподняла брови.

— Что происходит?

Мэддокс сложил руки на груди и расставил ноги. Поза показалась мне весьма оборонительной. Вероятно, он полагал, что мне не понравится то, что он собирается сказать.

— Мы тут кое о чём подумали… — Его перебило многозначительное покашливание. — Вернее, Гвен подумала. Просто дай мне договорить, прежде чем посылать меня к чёрту, хорошо?

Всё больше заинтригованная, я прислонилась к столу.

— Ладно.

— Помнишь, когда мы были в На-Сиог и говорили с Цето и Секваной?

Я кивнула. Невозможно было забыть этих двух пожилых мерроу и их козу, жевавшую мою юбку.

— Они рассказывали тебе о Бельтайне, одном из древних праздников, которые отмечали во времена правления Триады. — Они также сделали много завуалированных намёков, вызвавших у меня жгучее любопытство, хитрюги. — Так вот, он состоится через три дня. В этот день женится Хигель, и мы с Гвен и Сейдж обещали, что, если будет возможность, мы обязательно приедем. Мы успеем вернуться задолго до той даты, о которой ты думаешь, и, хотя я знаю, что тебе не нравится терять…

— Хорошо.

Мэддокс замолчал. Я заметила, как лицо Гвен, выглядывающее из-за его плеча, постепенно озаряется, и также почувствовала пронизывающий взгляд Игнас в спину.

Впервые вижу, чтобы дракон потерял дар речи. Он молча шевелил губами несколько секунд, прежде чем прийти в себя.

— Хорошо? Ты хочешь поехать?

«Хочу» — не совсем правильное слово. Скорее, я почувствовала внезапный порыв, некий ветер, шепчущий мне на ухо: «Сделай это. Отправься в ещё одно приключение. Узнай больше, чтобы потом рассказать об этом Каэли».

Как он верно заметил, у нас ещё есть время. Оставаться в замке и бесконечно размышлять о том, что нас ждёт, бесполезно.

— Я сказала Секване, что постараюсь. И мне до смерти любопытно, кто же поведёт Хигеля к алтарю.

Мы договорились выехать на следующий день. Ни Абердин, ни Пвил, ни Веледа к нам не присоединились. Абердин с Пвилом очень редко посещали На-Сиог, их обязанности в Братстве прочно привязывали их к Эйлму, а Веледа всегда оставалась с родителями. Я задумалась, найдет ли она когда-нибудь смелость рассказать им о своих чувствах.

Герцогиня, в свою очередь, тоже уезжала, но снова в Эйре.

Перед тем как спуститься в конюшни, она завела меня в свою комнату.

— Если мне удастся выяснить что-то особенное или важное о принце или дне рождения, я отправлю сообщение Абердину и Пвилу, чтобы они передали тебе.

Её слова были ударом под дых.

— Я…

Женщина громко щёлкнула языком.

— Если бы ты попыталась помочь бездомному и грустному котёнку, а он укусил бы тебя за руку от страха, ты бы отвернулась от него или терпеливо ждала, когда он поймёт, что ты не причинишь ему вреда?

Я нахмурилась.

— Вы сравниваете меня с котёнком?

— Я просто задала вопрос. *Ты* сравнила себя с котёнком.

Мы какое-то время смотрели друг другу в глаза, пока невольная улыбка не заиграла на моих губах. Я изо всех сил пыталась её скрыть, но это было бесполезно. И герцогиня её увидела.

— Наслаждайся огнями Бельтайна. После праздника мы вернём твою сестру, и ты сможешь привести её в На-Сиог на Лугнасад. Кто знает? Может, вы даже захотите там жить.

Лугнасад. Ещё один из запрещённых праздников. Представив себе прогулку по На-Сиог рука об руку с Каэли, я почувствовала, как моё сердце трепещет. Ей бы точно понравилось это место. Но в целом, для нас это был бы такой же город, как любой другой в Гибернии; нам всё равно нельзя будет показывать, кто мы на самом деле, в любом случае придётся проявлять осторожность. Либо мы притворяемся людьми в любом другом месте, либо притворяемся полукровками там. Не говоря уже о том, что мы окажемся слишком близко к Долине Смерти.

Я только кивнула.

— Спасибо, герцогиня. И мне жаль, что в роли Плумерии я пробуду недолго.

— Ох, молодые девушки постоянно умирают под колёсами карет, да и мне не привыкать носить чёрное. К тому же я уже нашла для Плум уютный домик на юге, недалеко от побережья, где она сможет незаметно жить вдали от Двора.

Мысль о настоящей Плумерии, отправляющейся к новой жизни, где ей не придётся посещать дворец или возвращаться к тем, кто лишил её семьи, согрела моё сердце. Возможно, через несколько лет я смогу её навестить.

В конюшне герцогиня села в свою карету, а я присоединилась к лже-Охотникам. Опять было только три лошади: два жеребца и кобыла Мэддокса. Эпона прожигала меня взглядом, и хотя она попыталась отступить, её всадник не позволил ей этого сделать.

Я остановилась у колена Мэддокса.

— Сегодня ты снова заставишь меня ехать с тобой?

Он покачал головой с лёгкой улыбкой на лице. Без королевского облачения и формы Охотника, весь в чёрном и с копьём за спиной, он был особенно привлекателен. Тёмные круги под глазами уменьшились. Было видно, что перспектива возвращения в На-Сиог, особенно после случившегося на Теу-Биаде, подняла настроение всем.

— На этот раз ты можешь выбрать.

— Только не меня, — крикнула Сейдж.

— В таком случае…

Я протянула руку Мэддоксу. К моему удивлению, дракон смотрел на мои пальцы как на какое-то видение. Я помахала рукой в воздухе, приподняв брови, и мне показалось, что он сглотнул.

Его рука встретилась с моей, кожа к коже.

Девушка смеётся до колик.

Остальные три толкают её, валятся и угрожают, но она в восторге. Даже несмотря на всю грязь, что покрывает её и скрывает её миловидные черты, её глаза всё ещё светятся, два фиолетовых огонька. Её грудь вздымается от сбившегося дыхания. А её смех... Я уже давно не слышала ничего прекраснее.

Она его…

Я крепко ухватилась за рукоять, и передо мной замелькали образы: то я, играющая с девчонками в грязи, то золотистая грива Эпоны. Я почувствовала, как Мэддокс устроился у меня за спиной: на этот раз он явно не собирался держать дистанцию, как это было раньше. Я старалась отделить свои чувства от тех, которые исходили от него. Это было сложно. Они были такими яркими, пронзительными, словно луч солнца, прорывающийся сквозь тучи после долгих дней мрака.

Неужели это одно из его самых глубоких воспоминаний?

Смеющаяся я?

«Такая красивая и беззаботная, что мой мир содрогнулся».

Это не было преувеличением.

Его руки обвили меня, чтобы взять поводья, его грудь прижалась к моей спине, его бёдра устроились позади меня. От близости его тела и жара, исходящего от него, моё дыхание быстро сбилось. Похоже, я сделала не самый разумный выбор, но моё тело жаждало именно этих ощущений.

— Готова? — прошептал он мне на ухо.

Мурашки пробежали по моей шее. Я вздрогнула. Его бёдра напряглись, сильнее сжав мои, и я услышала его взволнованный вдох.

Голос Сейдж, острый как кнут, заставил нас вздрогнуть:

— Конечно, конечно, ослабьте чары ещё сильнее. Это именно то, что нам нужно.

— Сейдж! — воскликнула Гвен.

— Что? — огрызнулась та.

Пока они прожигали друг друга взглядами, я тихо произнесла:

— Возможно, мне лучше поехать с Гвен.

— Нет, — решительно ответил Мэддокс и на случай, если я решу изменить своё решение, обхватил меня за талию одной рукой и потянул поводья Эпоны, направляя её к выходу из конюшни. — Уже поздно отступать, *sliseag*.

Несмотря на очевидное неудобство, спустя некоторое время мне удалось найти комфортное положение на лошади. В отличие от прошлого раза, когда мы ехали через лес Робабо, я не чувствовала необходимости сидеть прямо и держаться на расстоянии, так что расслабленно прильнула к его груди. И, честно говоря, это было приятно. Очень приятно. Мэддокс держал поводья одной рукой, а другая большую часть времени лежала на бедре, но его пальцы постоянно касались моих. Я не знала, было ли это из-за движения лошади или намеренно, но не сказала ни слова.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Мы уже приближались к началу Хелтерских гор, когда я вытащила один из кинжалов и погладила красный камень.

— Он был у тебя, верно? В кольце.

Я почувствовала, как он напрягся за моей спиной. Я застала его врасплох.

— Ты говорил, что это временный подарок, — продолжила я, нарочито громко вздохнув. — А потом вставил что-то своё сюда. Понимаешь, почему это кажется мне подозрительным?

После долгой паузы он всё-таки ответил. Мне показалось, что он сделал это неохотно. Но если это была тема, которую он не хотел поднимать, то ему не стоило оставлять такие очевидные следы. Не будь я так сосредоточена на тренировках с герцогиней, а потом на происходящем на Теу-Биаде, я бы заметила намного раньше.

— Полагаю, ты не слышала о кладдахских кольцах.

Любопытство тут же проснулось.

— Нет.

— Эти украшения часто встречались до войны. Их создавали в деревне Гобии на севере, в Кладдах, и они быстро стали популярны.

— И?..

— И… это были кольца, которые женихи носили, когда решали, что хотят жениться.

В этот момент напряглась уже я.

— Ты помолвлен?

Хмыкнув, он весело взъерошил мои волосы.

— Нет, *sliseag*. Но я носил его с тех пор, как оно подошло мне по размеру, потому что это была одна из трёх вещей, с которыми меня перенесли сюда, когда я был младенцем.

Я слегка повернула голову к нему. В этот момент я пожалела, что мы сейчас на лошади и я не вижу его лица.

— Из трёх?

— Одеяло с вышитым именем; кольцо, которое, как я предполагаю, принадлежало моему отцу, и мой мешочек с драгоценными камнями.

Резко развернувшись, я едва не упала. Мэддокс крепко обхватил меня за талию и помог восстановить равновесие.

— Осторожно.

— Мешочек с камнями?

— Да. Двенадцать драгоценных камней, созданных в вулканах Островов Огня, которые должны были быть инкрустированы в мои крылья, когда я достигну совершеннолетия. — Хотя он говорил спокойно, в его голосе звучала тоска по несбыточному. — Родители тщательно выбирают их для своих детей ещё во время беременности и кладут в колыбель сразу после рождения. Они придают силу и жизненную энергию драконам, являются важной частью их развития.

Важной частью, которой он не мог насладиться. Он даже не мог показать свои крылья, как же тогда инкрустировать их камнями? Я нежно погладила красный камень на кинжале.

— Истории о воинах с камнями в крыльях — любимая сказка моей сестры, Каэли, — призналась я тихо. — Я не знала, правда ли это, когда впервые услышала о них в детстве в Реймсе, и в итоге сочла обычной сказкой.

Его рука сжала мою талию сильнее.

— Тогда я покажу ей камни, когда встречу её.

— Я... тоже хотела бы их увидеть.

Его грудь прижалась к моим плечам, когда он наклонился вперёд.

— Я на это и рассчитывал, *sliseag*.

Я слегка толкнула его локтем, и он засмеялся, хотя грусть от мыслей о его непростой судьбе всё ещё витала в воздухе. Я снова вложила кинжал в ножны, больше ничего не говоря по этому поводу. Причина, по которой он попросил Ойсина вставить этот камень...

— Можно задать тебе вопрос, касающийся Двора?

Он тяжело вздохнул.

— Конечно.

— Почему король как будто бы ненавидит принца Брана?

Хотя я знала, что семейные отношения могут быть очень сложными (достаточно взглянуть на мои с матерью), обычно за этим стояли какие-то причины. Мне хочется верить, что родители не ненавидят своих детей просто так (как и дети — родителей).

Бран ведь единственный настоящий сын короля, но даже не догадывается об этом, и король относится к нему так, словно вынужден его терпеть.

— Тебе понадобилось всего три дня, чтобы это заметить, да? Это правда, старик никогда не был особенно деликатен в выражении своих чувств. Никогда. Разница между нами всегда существовала, сколько я себя помню. Оглядываясь назад, думаю, что вначале это было неосознанно. Для короля я был наследником, а Бран — запасным. Все его ожидания и усилия были направлены на меня. По мере того как мы росли, Бран плохо переносил это пренебрежение, хотя могу тебя заверить, что в постоянном внимании короля тоже мало приятного. Я пытался поговорить с ним, говорил, что не нужно принимать всё это близко к сердцу, пытался показать ему, что для меня мы были братьями, что мы могли быть... — Он замолчал, тяжело дыша. — Ты, наверное, не поверишь, но Бран не всегда был таким. Я бы даже сказал, что в детстве он был слишком добрым и чувствительным для Двора. Какое-то время я был уверен, что смогу защитить его от гнили, что смогу спасти его. Знаешь, что это шрам на скуле ему оставил я?

Я моргнула.

— Правда?

— Это произошло не нарочно. Однажды вечером король настоял, чтобы мы с Браном играли вместе, но его игры были… чертовски жестокими. По его замыслу мы должны были соревноваться друг с другом. Неважно, если мы при этом причиняли друг другу боль. Важно, чтобы я всегда побеждал. — Его голос стал отстранённым, как будто Мэддокс вновь переживал те давние события. Гвен и Сейдж приблизили своих лошадей, внимательно слушая, хотя, вероятно, уже знали эту историю. — В тот день он дал мне лук и стрелу и поставил Брана перед мишенью. Я был хорош, но всё же оставался ребёнком. Я умолял Брана взглядом не двигаться, но… что получилось, то получилось. Король был

рад. Он сказал, что шрам — это именно то, чего не хватало его красивому лицу. С тех пор между нами всё изменилось.

После всего, что я видела при Дворе, меня не должно было ничего удивить. Но... это ведь его собственные дети; для него оба мальчика были его плотью и кровью...

— Вскоре после этого случилось то, что случилось, с нашей ма… королевой Дектерой. — От его запинки при упоминании короля с королевой как о папе и маме моё сердце сжималось. Он рос с ними с младенчества, как он мог не считать их своими родителями, хотя бы подсознательно? — Думаю, именно тогда возникла ненависть Брана к сидхам. Ему было всего семь лет, и единственное, что он понял, это то, что его мать умерла из-за них. С тех пор король даже видеть его не хочет, потому что он копия Дектеры. Лицо, волосы, глаза… всё в Бране напоминает королю о женщине, которую он любил и которая его предала. То, что ты видела при Дворе несколько дней назад, было проявлением хороших манер и заботы с его стороны, игрой на публику. В остальное время Брану запрещено даже приближаться к его покоям.

Я не знала, что сказать. Те травмы, которые я видела в принце, были не только реальными, но и гораздо более глубокими, чем я могла себе представить. Глубокими и неизлечимыми.

Я коснулась руки Мэддокса, обнимавшей меня за талию.

— Мне жаль, что тебе пришлось пережить всё это.

— Осторожнее, Аланна, а то я начну думать, что ты действительно неравнодушна ко мне.

В Тельмэ царит хаос. Люди бегут к своим домам, воздух пропитан дымом. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что случилось что-то плохое. Меня всего несколько часов не было дома, пока я собирала травы в лесу.

Мимо меня пробегает мальчик, и я останавливаю его.

— Нэт, что случилось?

Он вырывается из моей хватки. Его глаза полны страха.

— Дикие Охотники! Они схватили Ффодора из-за его россказней.

Я отпускаю его и остаюсь стоять посреди улицы, слегка онемев. Ффодора? Из-за россказней? Он же просто сказочник. Развлекает детей. И хотя порой он говорит запрещённые вещи, как Охота могла об этом узнать? Неужели кто-то его выдал?

Вместо того чтобы идти домой и прятаться, я тайком пробираюсь к центру деревни. Ффодор на площади. Увидев его, я зажимаю рот рукой. Ффодора привязали за руки и ноги к столбу и теперь подкидывают дрова к его ногам. Собираются сжечь его. Чтобы все вняли предупреждению, даже если думают, что они в безопасности у себя дома.

Ффодор плачет. Он не умоляет и не просит пощады, просто плачет. Словно смирился со своей судьбой. Он едва шире столба, руки связаны над головой, и от этого его рёбра выглядят так, словно готовы прорваться через кожу. Некоторые из Охотников смеются, говоря, что гореть он будет недолго.

Нет, нет. Он не может умереть.

Он был мне другом.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Он научил меня читать.

Он помог мне поверить, что жизнь — это не просто тёмная пропасть, как считает моя мать.

«Мама говорит, что любопытство до добра не доведёт», — сказала я ему однажды, когда мне удалось сбежать и навестить его. Мать узнала о нашей дружбе и выпорола меня веткой так, что на глазах выступили слёзы. «Вспомни эту боль в следующий раз, когда захочешь пойти туда, куда не следует», — ругалась она.

«Твоя мама просто хочет тебя защитить. Но знание, мой юный друг, — это всегда сила», — ответил он.

В чём бы его ни обвиняли, он не заслуживает такой смерти. Нет, не может быть. Мама только что родила и слаба, а если его не станет… Я останусь одна с младенцем? Как я смогу позаботиться о Каэли?

Я смотрю на него сквозь слёзы, убеждённая, что мой мир рушится.

Тьма противится. Она говорит, что может помочь мне.

Может ли? Говорят, что она коварна. Что она поглотит меня, если я воспользуюсь её силой. Что из-за неё против меня обернутся и люди, и сидхи.

Вдруг один из охотников бросает факел на дрова. Они быстро загораются. Ффодор кричит.

— Помоги ему, — прошептала я еле слышно.

И она помогла. Я почувствовала, как она перемещается по изгибам и узлам, приближаясь к столбу. Я почти ощущала кончиками пальцев, как она вгрызается в верёвки. В груди возникло приятное покалывание, а в животе — тепло; так всегда бывает, когда я использую магию. Я не чувствую пустоты или боли, только облегчение.

Слышно, как рыдания Ффодора прерываются, когда он чувствует, что его ноги освобождаются. Он смотрит вниз, ошеломлённый, но быстро поднимает голову и оглядывается вокруг. Он замечает меня, прижавшуюся к одной из стен, его глаза, впавшие в глазницы, широко раскрываются. Он исступлённо мотает головой. Но тьма уже грызёт верёвки на его запястьях, и те с треском рвутся.

Ффодор падает вперёд, теряя равновесие, пытается убежать от огня. Увидев это, охотники бросаются к нему. Нет, нет, нет. Он должен бежать. Он должен…

Один из охотников осматривает остатки верёвок и качает головой. Я не вижу его лица из-за капюшона и маски, но сразу понимаю, когда он замечает меня.

— Вон она! — кричит он, указывая на меня. — Она помогла ему с помощью запрещённой магии!

Никогда ещё я не бежала так быстро. Я петляю между домами, чтобы сбить охотников со следа, и, влетев в дом, пугаю мать. Она кормит грудью Каэли у камина. Увидев моё лицо, она всё понимает. Понимает, что случилось что-то ужасное.

Я наглухо закрываю дверь, но даже так слышны крики приближающихся охотников. Мать бледнеет и встаёт. Под её взглядом я чувствую себя ничтожеством.

— Что ты натворила, несносная девчонка?! — кричит она на меня. — Что ты наделала? Ты привела их к нашему порогу!

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Собрав последние силы, она передаёт мне Каэли и ведёт к задней двери, в сад, который я вырастила в одиночку. Она выталкивает меня наружу и снимает с себя чёрное пальто. Вместо того чтобы надеть его на меня, она ещё плотнее укутывает в него Каэли.

Потом хватает меня за плечи. Больно.

— Беги. Спрячься там, где тебя не найдут. Если не ради себя, глупая, то ради своей сестры. Ты меня поняла?

Быстро киваю. Мать склоняется, чтобы поцеловать безволосую головку Каэли, а затем отходит.

— Быстрее!

Я уже бегу, когда слышу, как она захлопывает дверь. Продолжаю бежать очень, очень долго. С наступлением темноты достигаю окраин рудников Нурала и прячусь в одном из сараев, подальше от глаз рабочих. Остаюсь там до рассвета, всю ночь пытаюсь унять плачущую Каэли, позволяя ей сосать мой палец. С наступлением следующей ночи снова выхожу. Делаю узелок из плаща, чтобы привязать сестру к груди.

Когда я добираюсь до окраин Тельмэ, деревня кажется спокойной. Но это пугающее спокойствие. Над соломенными крышами поднимается чёрный дым, слышен лай нескольких собак.

Осторожно, постоянно оглядываясь, я приближаюсь к дому. Сад разрушен, задняя дверь едва держится на петлях. Внутри ничего не слышно, и, хотя внутренний голос просит меня не входить, что-то заставляет меня сделать это. Я должна увидеть. Я должна увидеть.

Я узнаю этот запах в воздухе. Этот металлический запах крови.

Замечаю силуэт матери на полу у камина. Подхожу ближе. Не чувствую ничего, когда вижу лужу крови у её головы. У неё нет нескольких пальцев. Не чувствую ничего, когда опускаюсь на колени и касаюсь её плеча. Не чувствую ничего, видя её обнажённую грудь и всё остальное.

Но ужас охватывает меня, когда я слышу её слабый стон.

Она ещё жива.

Её глаза красивого изумрудного оттенка с трудом находят меня. Она едва может держать веки открытыми, но пытается что-то сказать.

Я не хочу ничего слышать, но всё же наклоняюсь ближе.

— Знала... — Её голос — сама смерть. На последнем издыхании. — Знала, что это... глаза зла.

Резко отстраняюсь. Ничего не отвечаю, потому что… она права. Остаюсь рядом с ней до тех пор, пока не убеждаюсь, что она больше не заговорит, и даже не вздрагиваю, когда из неё выходит тёмная тень и проникает в меня. Это не первая тень, и я знаю, что не последняя. Закрепляю Каэли на спине и тащу тело матери в огород.

Копаю, копаю.

Продолжаю копать.

У меня уже обломаны все ногти, но это не важно.

По крайней мере, могила должна быть достойной. Раз уж я так и не смогла стать для неё хорошей дочерью, то самое малое, что я могу сделать...

— Хватит.

Чьи-то руки опускаются на мои, останавливая меня. Большие, смуглые и сильные руки, принадлежащие кому-то в чёрной одежде.

Я падаю на землю и пытаюсь отползти, охваченная страхом, но те же самые руки удерживают меня.

— Спокойно. Спокойно, sha'ha, это я.

Делаю судорожный вдох и вижу перед собой опечаленное лицо Мэддокса. В его глазах — жгучая боль, когда он берёт меня за руки. Я чувствую его тепло. Настоящее тепло.

Это какой-то бред.

Его здесь никогда не было. Я...

Оглядываю себя и понимаю, что я уже не двенадцатилетняя Аланна. Каэли не привязана к моей спине. Могила моей матери закопана, а от дома остались лишь руины и плохие воспоминания.

Стоя посреди самого ужасного из событий моего прошлого, того, что всегда напоминает мне о том, кто я и какое у меня наследие, я позволяю себе на мгновение опереться на Мэддокса. Его рука поглаживает меня по щеке, но когда его большой палец касается скулы, там нет слёз, которые можно было бы вытереть. Я не плакала, когда умерла моя мать, и никогда не плачу, вспоминая её. Интересно, заметит ли он это, подумает ли, что я ужасна.

Вместо этого он говорит: «Это не то, что я имел в виду, когда сказал, что умираю от желания узнать, куда ты меня отведёшь».

Проходит несколько секунд, прежде чем до меня доходит, о чём он говорит. Но то был сон. Как и это.

Нет.

Я резко подскочила, просыпаясь в окружении темноты и мерцающих огоньков. Такое ощущение, будто я лежу на чём-то жёстком.

Моё сердце забилось чаще. Я же ехала верхом с Мэддоксом. Где я?..

— Спокойно, — произнёс тот же голос, что и в моём сне, почти с той же интонацией. Он звучал позади меня, у самого уха. — Мы в пещере Хелтер, у лагуны. Всё в порядке. Ты со мной.

Я узнала каменные стены и поняла, что мерцающие огоньки были светом костра. Гвен и Сейдж, сидевшие в нескольких метрах от нас, мрачно смотрели на меня. Я была в самой глубине пещеры, где она сужалась. Сидела, прильнув спиной к Мэддоксу, на полу, его длинные ноги были по обе стороны от моих, и я ощущала сильное биение его сердца позади меня.

— Что случилось?

Когда я попыталась выпрямиться, давление на груди помешало мне. И хотя он быстро убрал руку, я поняла: *он трогал татуировку.* Я до сих пор ощущала горячий след его ладони.

Резко отстранилась, охваченная паникой от того, что могло случиться на самом деле, от того, что он мог увидеть.

— Что ты сделал?

Мой вопрос прозвучал обвинительно.

— То, что должен был сделать, — ответил он, сжав челюсти. Он подтянул ноги к себе и встал. В маленьком пространстве ему пришлось сгорбиться. — Ты не просыпалась и мучилась от боли.

— Мне не было больно.

— Бесполезно отрицать, *sliseag*. Я был там с тобой.

Он был там...

Он...

Дрожа, я тоже поднялась на ноги.

— Так вот что происходит, когда касаешься татуировки? Ты проникаешь в мой разум?

Его взгляд был полон раздражения.

— Ты уверена, что хочешь знать ответ? Потому что, насколько я помню, тебя не интересует ничего, связанное с наид-наком. Или ты больше не считаешь его болезнью?

Гвен и Сейдж тоже встали, но лишь для того, чтобы выйти из пещеры. Я хотела последовать за ними, убежать. Но не сделала этого.

Сжав кулаки, я ответила:

— Трудно считать иначе, когда происходят такие вещи. Я не знаю благословений и даров, которые позволяют вторгаться в чужую личную жизнь.

— Вторгаться в чужую личную жизнь? — медленно повторил он с закипающей яростью, и я почувствовала себя глупо. Как будто передо мной была открытая дверь, а я продолжала биться головой о стену. — Ты уснула рядом со мной. Когда мы приехали сюда, я попытался тебя разбудить, но ты не реагировала. Я тряс тебя, поливал водой, даже кричал, и ничего. Ты выглядела мёртвой, понимаешь? Единственное, что удерживало меня от полного безумия, это то, что твоё сердце продолжало биться.

Грудь кольнуло чувство вины. Это случалось со мной не впервые, хотя Каэли знала, что нужно сохранять спокойствие, потому что рано или поздно я всегда просыпалась.

— Ты начала кричать, как будто тебя пытали, — продолжал он. Его глаза излучали тьму. — Я не мог это вынести. И я сделаю всё, что в моих силах, чтобы ты никогда больше не издавала таких звуков.

Я задрожала, несмотря на костёр рядом.

— Это был всего лишь сон, — сказала я, голос мой стал ещё более прерывистым.

— Сон или воспоминание? — Я плотно сжала губы. Мэддокс понял это и прищурился. — Так умерла твоя мать, верно? Её убили Дикие Охотники. Не ты.

Я возразила, не в силах сдержаться.

— Это я виновата. Они... — Я замялась. В выражении лица Мэддокса не было ни разочарования, ни осуждения. Он всё ещё был зол, и я знала, что под этой маской гнева скрывается страх. Если бы я не могла разбудить его и видела, как он страдает... — Охотники раскрыли нас из-за меня, а я просто бросила её там умирать.

— Ты была всего лишь ребёнком, пытавшимся помочь мужчине, которого собирались сжечь.

Я сглотнула. Не была уверена, сколько он увидел из того дня, но если бы он обнаружил что-то подозрительное, что-то связанное с тьмой, то вёл бы себя сейчас иначе. Многие сидхи могли управлять предметами на расстоянии, например, развязать верёвки силой мысли.

— Я открыто использовала магию. Знала, какие будут последствия. Я была не так уж мала, мне к тому времени уже исполнилось двенадцать.

Он явно не был с этим согласен, но промолчал.

— После ты попала в Эйре, тебя ранили, а Каэли схватили.

Я кивнула. Не было смысла скрывать всю историю, он и сам уже собрал её по кусочкам.

— Когда я вернула её, мы долго странствовали, уходя всё дальше на север. В конце концов мы осели в Гальснане. Мне казалось, что это идеальное место, чтобы затеряться, и нам это даже удавалось, пока там не появился тот солдат, из-за которого нам снова пришлось уйти.

В моих словах было что-то, что заставило Мэддокса на мгновение зажмуриться.

— Что?

— Ничего. — Он провёл руками по волосам, взъерошивая их. — Просто мне невыносимо думать о том, что ты снова сделаешь это, когда спасёшь свою сестру. Снова будешь искать место, где можно спрятаться.

Я сделала глубокий вдох и задержала дыхание.

— Да. Ты знаешь, что таков был план с самого начала.

Мы смотрели друг на друга в свете костра, пока я не отвела взгляд, потому что не могла выдержать того, что видела в его глазах. Под его взглядом мне было и хорошо, и плохо, и тепло, и грустно одновременно.

Мэддокс подошёл ближе. Обхватил моё запястье пальцами и потянул мою руку к моей ключице. Я остановилась, не желая касаться кожи, но его хватка была сильнее.

— Доверься мне, Аланна. Пожалуйста.

Эта мольба в его голосе… Чёрт, это нечестно. Я не могу ему противостоять, когда он так говорит, когда так смотрит на меня.

Я перестала сопротивляться, и мои пальцы коснулись татуировки. Одновременно он тоже положил руку под ворот своего чёрного плаща.

Я резко стала ощущать гораздо больше. Будто мои чувства, которые до этого момента были размером с арбуз, теперь увеличились вдвое. Меня охватила глубокая печаль. Горе, которое приходит с большими потерями. Оно смешалось с разочарованием, тоской и… голодом. Но не по еде. А по прикосновениям кожа к коже, губы к губам. Тысячи других чувств нахлынули на меня, серия мурашек, похожих на те, что я испытала, когда появился наид-нак и эта метка. Холод, тепло, ощущение, будто я одновременно нахожусь и здесь, и там и всё вокруг дрожит.

Sha'ha.

Его голос. Мэддокс не произносил этого вслух. Но я услышала.

Я смотрела ему в глаза, потерянная. Неужели это было?..

Тут Мэддокс отпустил меня и вынул руку из своего плаща. Как только это произошло, пузырь стал уменьшаться. Я вновь осталась наедине со своими чувствами, которые, как оказалось, не так уж отличались от его.

Я продолжала смотреть на свою руку, очарованная.

— Если когда-нибудь окажешься в опасности, прикоснись к ключицам и подумай обо мне, — сказал Мэддокс. Он сделал шаг назад и отвёл взгляд в сторону. — Я услышу тебя.

Я медленно опустила руку.

— Это...

— Это не татуировка, а вечная связь, — торопливо продолжил он, словно ему нужно было сказать всё сразу. — Это священные символы для рода драконов, и они, как считается, напоминают рисунки на чешуе драконов. Они образуют мост между теми, кто их носит. У этого моста много функций, но самая важная...

— Мэддокс, — перебила его. Я прижала руку к животу, пытаясь удержать это ощущение ещё хотя бы немного. — Осенью король отречётся.

Осенью этот мост исчезнет.

Мэддокс не смотрел на меня. Я чувствовала напряжение, исходящее от его тела, видела, как натянуты сухожилия на его шее и челюсти.

— До тех пор помни об этом. Прикоснись к связи, и я приду к тебе.

Глава 38

Бельтайн — это огонь, свет, страсть, полнота, изобилие и плодородие.
Бельтайн — это жизнь.

Из запрещённой книги «Четыре праздника на весь год»

Радость и предвкушение праздника витали над На-Сиог. День был ясный, несмотря на неизменный туман, стелющийся над рекой, и если оставаться под солнцем слишком долго, можно было вспотеть. Все были безмерно рады видеть Гвен и Сейдж, которые к тому же принесли подарки (в том числе знаменитое какао). Первую мы быстро потеряли из виду в таверне, где она, по-видимому, активно участвовала в ставках, а Сейдж позвали помочь перенести всю еду, приготовленную соседями, в открытый обеденный зал.

Секвана и Цето вскоре тоже утащили меня для своих целей — завершить работу, начатую несколько недель назад. Я последовала за ними, не оглядываясь и не беспокоясь о том, что сделает Мэддокс; остальную часть пути я проделала с Гвен, на красивом лице которой было написано много вопросов. К счастью, она оставила их при себе.

Цето поручила мне привязать плетёные ленты длиной в несколько метров к верхушке столба. Затем этот столб должны были вкопать в землю, чтобы он сыграл роль так называемого Майского дерева. Как я поняла, вокруг этого столба будут танцевать, держась за ленты.

— Так, значит, Хигель — её внук, — заметила я, забивая гвозди. — Не могу сказать, что он очень похож на неё.

Старая женщина улыбнулась. Они с Цето заканчивали пришивать жёлтые цветы к лентам. Жёлтый цвет должен был доминировать на этом празднике, так как на нём чествуют солнце и жизнь, которую оно дарует. Это праздник богини Ксены. Я видела её символы на каждом шагу: на мисках с едой, на детских одеяльцах и манжетах рубашек. Всюду сплошь солнца.

— Он похож сердцем, и это главное. Он добрый, может, даже слишком, и семья для него на первом месте. Как и у бабушки Секваны.

Помогая этим двум мерроу, параллельно выслушивая их болтовню, я как будто исцелялась изнутри. Я убеждала себя (или, по крайней мере, старалась изо всех сил убедить), что не могу нести ответственность за чувства Мэддокса. Я скрывала от него многое, но всегда была честна во всём, что касалось наид-нака. А после того, как узнала, что его ждёт...

Это какой-то абсурд.

Вся эта ситуация терзает мою душу, разрывает надвое. Это безумие. Но от моих желаний тут ничего не зависит.

Почему, чёрт возьми, я решила ехать с ним?

На что я надеялась?

— Мы просили закрепить ленты, — сказала Цето, — а не ломать столб.

Я тут же перестала забивать гвозди. Да, возможно, я приложила больше силы, чем нужно. В какой-то момент мимо прошёл Мэддокс, неся ещё пару столбов, бочек и мешков, которые, кажется, были наполнены рисом. Наши взгляды встретились на мгновение, и я с участившимся пульсом поспешила вернуться к своей задаче.

В середине дня за мной пришла Гвен.

— Пойдём, нам нужно подготовиться.

Я вытерла руки о штаны и нахмурилась.

— Подготовиться?

— Ты собираешься на Бельтайн в таком виде? Чего ты хочешь: чтобы исполнили твоё желание или чтобы прокляли на три года?

— О, нет. Бальными платьями я уже сыта по горло.

— Это платье тебе понравится, обещаю. Идём!

Я уже собиралась последовать за ней, но холодная и всегда влажная рука Секваны потянула меня за запястье, чтобы я наклонилась к ней. Прям как в тот раз, когда она потребовала, чтобы я вернулась.

— *Sha'ha* означает что-то вроде «моя последняя мечта», — прошептала она тихо. — Раньше так называли того, с кем хотят провести остаток своих дней.

Моё сердце пропустило удар.

И с чего же все вдруг решили, что я «последняя мечта» Мэддокса? Так меня назвал Тантэ, а потом и тот мальчик, как будто слухи распространились по всему городу. Они не знали, что он дракон, поэтому не знали о наид-наке. И даже если бы знали... Связь не делала нас автоматически парой на всю жизнь. По крайней мере, не для меня.

Женщина игриво потянула меня за косу.

— Достаточно увидеть, как он на тебя смотрит, девочка. И услышать его голос, когда он говорит с тобой. Ах, для мерроу это как прекраснейшая песнь о вечной преданности.

Я всё ещё пыталась осмыслить услышанное, когда Цето, сидящая рядом с подругой, добавила:

— А *sliseag* означает «та, что режет». Мне бы хотелось узнать, что ты такого сделала, чтобы получить это прозвище.

Оглушённая, я выдала первое, что пришло на ум.

— Я отрезала ему обе ноги, чтобы он не смог меня преследовать.

Громкий и мелодичный смех обеих мерроу звучал мне вслед, пока я догоняла Гвен.

Бельтайн начался на закате, когда последний луч солнца скрылся за каменным мостом и далёкими красными дюнами Вармаэта. Когда я спросила у Гвен, почему они ждали ночи, чтобы начать празднование, если чествовали солнце, она объяснила, что

традиция заключается в том, чтобы провести всю ночь без сна, танцуя, выпивая, пируя и обсуждая всё на свете. Когда начнёт светать, все вместе встретят рассвет.

— Есть много обычаев, таких как пить из родников и источников, где могли задержаться первые утренние лучи солнца. И многие феи, будь то друиды или нет, будут собирать росу, чтобы хранить её и использовать в мазях на протяжении всего следующего года.

— Ну, что скажешь? — спросила Гвен, закончив поправлять на мне платье. На весь процесс одевания ушло не больше десяти минут.

Я посмотрела на себя в зеркало, которое было в комнате Гвен в трактире Тантэ. Провела руками по жёлтой ткани. Длинные рукава, квадратный вырез, пояс на талии и лёгкая юбка, доходящая до щиколоток. После всего, что я пережила во дворце, мне трудно было поверить, что для того чтобы выглядеть красиво, нужно так мало. Также я заметила, что именно поэтому я уже подходила к зеркалам более естественно, и моё тело не напрягалось при виде теней. Они мне всё ещё не нравились, их значение оставалось ужасным, но они никуда не денутся. Возможно, я просто должна привыкнуть.

Я прикоснулась к шее. Придётся надеть платок, чтобы закрыть ключицы и спрятать татуировку... *связь.* Многие в На-Сиог могут догадаться, что это такое, и, следовательно, узнать о существовании дракона. А дальше уже легко сложить два и два и понять, что это Мэддокс.

— Без подъюбников, без турнюров, без каблуков и корсетов... — перечислила я вслух, притворяясь задумчивой. — Знает ли герцогиня, что такие платья существуют?

Лицо Гвен озарила заговорщицкая улыбка. Она тоже была в длинном жёлтом платье, но более светлого оттенка.

— Это будет нашим секретом. А теперь скажи мне, что будем делать с волосами?

Она тоже посмотрела на моё отражение, и на мгновение у меня возникла абсурдная мысль, что она может увидеть тени за моей спиной. Но она их, конечно же, не увидела.

— Ничего. Оставим распущенными.

— Мне нравится!

Меня очаровала атмосфера, царившая в На-Сиог. Свет сотен фонарей и свечей был повсюду, словно местные жители старались отразить звёздное небо. Возле каждого дома горели костры, одни больше, другие меньше. На некоторых жарили каштаны, благодаря чему по деревне разносились ароматы дров и орехов. Все были одеты в жёлтое или, по крайней мере, носили что-то этого цвета. В воздухе витали беззаботность и веселье. Эта атмосфера побуждала двигаться, переходить от одного места к другому. Мне казалось, что температура воздуха, вместо того чтобы холодать по мере наступления ночи, повышалась. Возможно, это было из-за множества костров и скопления народа, но мне даже не нужен был плащ.

Пока мы ждали, когда нам подадут корзинку с только что приготовленными каштанами, Гвен вдруг бросила на меня странный взгляд.

— Ты в порядке?

Тогда я поняла, что не могу перестать ёрзать на месте, перенося вес с одной ноги на другую. Я застыла.

— Да. А что?

— Не знаю... — Она резко приблизилась ко мне, и я с трудом удержалась, чтобы не отступить назад. — У тебя странный блеск в глазах, как будто... лихорадочный? Надеюсь, ты не заболела.

— Никто не болеет и не умирает в Бельтайн, — сказала фея, готовившая нам каштаны. Пара радужных крыльев росли у неё из спины, отражая лучи света разноцветными пятнами. — Разве что от любви.

Я, конечно, не восприняла её слова всерьёз. К тому же я не чувствовала себя больной. Только взволнованной. Но это было неудивительно: я всё ещё не могла забыть свои ощущения от того, как увидела сестру на поводке. И чувство вины не покидало меня.

Пока мы ели каштаны, к нам подошла Сейдж. Боже мой, она была великолепна. Никогда прежде я не видела её с распущенными волосами — каскад густых чёрных волн, спускающихся до бёдер, смягчал её черты. Однако никто в здравом уме не обманулся бы: невозможно не заметить её мрачного пронзительного взгляда.

На ней, как всегда, были узкие брюки, но она надела жёлтую блузку и красивое золотое ожерелье с бирюзовыми бусинами. Даже здесь, в На-Сиог, она носит браслет с защитными чарами. Я задумалась, делает ли она это, чтобы не беспокоить Пвила, или за этим скрывается другая причина, как у Оберона, который не хочет ослеплять всех вокруг своей красотой.

Гвен сложила руки под подбородком с мечтательным вздохом.

— Я люблю тебя. Я уже говорила тебе об этом?

— Каждый год в этот самый день, — устало ответила Сейдж.

Внезапно Гвен бросилась на нас обеих, обвив свои тонкие ручки вокруг шеи Сейдж и моей.

— Я люблю вас обеих. Как же я обожаю Бельтайн!

Рынок стал местом встречи, полным музыки и смеха. Я не знаю как, но у всех нас в руках оказались кружки с пивом. Когда я сделала глоток, вкус взорвался у меня на языке, распространяя покалывание по горлу, вниз к животу, до странного спазма.

Я наклонилась к Сейдж, чтобы крикнуть ей в ухо:

— Из чего приготовлено это пиво?

Но фея только пожала плечами, словно не знала или не считала мой вопрос важным. Помимо продолжающегося покалывания, мне стало жарко и сильно захотелось пить. Я сделала ещё один глоток, затем ещё и ещё. Я не чувствовала, что пьянею; моя голова не становилась лёгкой, я не теряла равновесия. Это просто было приятно.

Мы гуляли, пили, танцевали с плетёными лентами вокруг Майского столба с десятками детей и снова пили. Когда мы добрались до костра возле трактира старой Мэй, одного из самых больших, я уже чувствовала капельки пота на затылке и в ложбинке, под платком. Я попыталась отойти подальше от огня, чтобы глотнуть свежего воздуха, но Сейдж меня остановила.

— Куда ты? Нужно загадать желание и прыгнуть.

Я уставилась на пламя, которое было высотой с двух мужчин.

— Ты с ума сошла?

Она рассмеялась, и для меня это прозвучало как подтверждение её безумия.

— Огни Бельтайна не обжигают, глупышка. Но если тебе страшно...

— После тебя.

Все, кто был рядом, захлопали, когда Сейдж встала перед костром и потёрла руки. Она стояла неподвижно с рукой на груди и закрытыми глазами. Шептала что-то себе под нос. Затем, рванувшись вперёд, она прыгнула в огонь. Я задержала дыхание, когда она исчезла в пламени. Её длинные волосы развевались позади — это последнее, что я увидела. С другой стороны послышались крики и аплодисменты.

Сейдж обошла костёр и посмотрела на меня с приподнятыми бровями. Она тяжело дышала, но её кожа и одежда ничуть не пострадали.

— Твоя очередь, — громко сказала она.

Все смотрели на меня. Глубоко вдохнув, я подошла к костру. Не зная, что делать, я постаралась повторить за Сейдж. Приложила руку к груди, закрыла глаза и подумала о том, чего я по-настоящему желаю. Если Бельтайн действительно исполняет желания и всё ещё хранит магию богини жизни, то чего бы я хотела?

Ответ пришёл почти сразу.

Я хочу, чтобы и я, и моя сестра были хозяйками своих судеб.

Затем, вопреки всем инстинктам, которые кричали мне держаться подальше от огня, я бросилась вперёд. И нет, огни Бельтайна не жгли, но я почувствовала каждый из этих языков пламени, охватывающих моё тело, как снаружи, так и внутри. Я ощутила их чистоту, их простоту, их доброту. За долю секунды, что я была внутри, я как будто бы родилась заново.

Я вылетела с другой стороны, едва не врезавшись в толпу. Пара рук подхватила меня, смягчая падение. Из меня вырвался спонтанный, искренний смех, и несколько человек похлопали меня по голове, поздравляя.

Я отпрянула назад, чтобы взглянуть на того, кто меня поймал, и встретилась с сияющими серебристыми глазами Оберона.

— Надо же, тебя и здесь не хватает? — сказала я с улыбкой.

— Как видишь, я невероятно востребованный сидх.

Я снова засмеялась.

— Ты уверен, что вас не трое? Может быть, все эти Оберон и компания — это тоже ты?

— Боюсь, Гиберния не выдержала бы больше одного такого, как я, — прокомментировал он, глядя на меня с лукавой улыбкой. Его серебристые волосы были распущены на плечах, а сверху лежал венок из жёлтых орхидей, который, вместо того чтобы убавить его мужественность, лишь подчеркивал её. — Позволь представить тебе мою небезызвестную компанию. Это Персиммон и Мэдоу.

Двое юношей, стоявших рядом с ним, выглядели лет на двадцать. Оба высокие и стройные, они не скрывали свои сидхские черты. У них были заострённые уши и раскосые глаза. Персиммон был с короткими растрёпанными тёмными волосами и язвительной улыбкой, и, хотя я видела его вблизи впервые, в нём было что-то смутно знакомое. Глаза Мэдоу были слегка прикрыты зелёными кудрями. Их обнажённые торсы пересекали

толстые кожаные ремни, украшенные цветочными орнаментами на плечах. Это были два молодых фея, привлекательные и очень заметные. Они казались идеальными сообщниками для Оберона.

— Это та самая девушка, о которой я вам рассказывал.

Персиммон кивнул.

— Я думал, ты, как всегда, преувеличиваешь, но у неё действительно красивые глаза.

К счастью, благодаря жаре и прыжку через костёр мои щёки и так уже были румяными, так что моё смущение было не слишком заметным.

Мэдоу опёрся локтем на плечо Оберона.

— Ты уверен, что она с Мэддоксом?

— Уверен, — ответил тот, кто был у меня за спиной.

При звуке его голоса всё моё тело напряглось. Я выпрямилась, и горячая волна устремилась прямо к центру моего существа. От этого прилива удовольствия все мысли улетучились.

Оберон, который всё ещё держал меня, с любопытством наблюдал за нами.

— Если не хочешь разговаривать с этим ворчуном, только скажи, дорогая.

Конечно, в следующую секунду он был вынужден отпустить меня. Одна из рук Мэддокса скользнула по моей талии и притянула к его груди. От соприкосновения мои соски мгновенно затвердели, и я едва не застонала. Это было невозможно. Он едва касался меня. Моё тело прежде не откликалось так быстро, даже когда мы целовались в замке.

— Вы никогда не упустите возможность, — произнёс Мэддокс. — Будь то праздник или неудачный мятеж.

Напряжение сгустилось в воздухе. Персиммон и Мэдоу окружили Оберона, как будто считали, что он может понадобиться им в любой момент. Это сказало мне две вещи: фей с серебристыми глазами был лидером, а его товарищи (или партнёры, или кто бы они ни были) считали Мэддокса серьёзной угрозой.

Ну что ж, возможно, они правы.

Но у меня не было времени на эту выставку тестостерона. Тихо попрощавшись, я высвободилась из хватки Мэддокса и обошла костёр. Я услышала, как дракон зовёт меня, но проигнорировала. Мне нужно уйти подальше от него. Что-то явно не так. Я только что поняла, что весь жар, который я чувствовала с начала ночи, исходил не снаружи, а изнутри. Может быть, Гвен права. Может быть, я действительно заболевала чем-то, что точно не было любовью.

Я приложила руку ко лбу и почувствовала, что он горячий; я вся горела.

Гвен и Сейдж, увидев, как я удаляюсь от костра, тут же поспешили за мной.

— Ланн, что происходит? — Гвен схватила меня за плечи, чтобы остановить и внимательно осмотреть меня. — Боже мой, ты краснее помидора. Сколько ты выпила?

Сейдж взглянула на меня, а затем посмотрела куда-то вдаль поверх моей головы. Она сжала губы.

— Дело не в выпивке. Это Бельтайн… и связь, которую она слишком долго игнорирует.

— Что?

Мой голос прозвучал хрипло. Я испытывала ужасную жажду, поэтому выхватила кувшин из рук Сейдж и сделала большой глоток.

Это не принесло облегчения, только усилило беспокойство в животе и напряжение в ногах. Когда я осознала, что потираю бёдра в попытке найти хоть какое-то облегчение, я резко остановилась, засмущавшись.

— Наид-нак нельзя игнорировать. Это гейс. Несоблюдение его требований имеет последствия, понимаешь?

— Ты хочешь сказать… — Я задохнулась, когда волна возбуждения накрыла меня с такой силой, что я пошатнулась. — Ты хочешь сказать, что связь делает это со мной?

Сейдж посмотрела на меня с явным раздражением.

— Ты делаешь это сама, отрицая то, что дала тебе природа.

То, что дала мне природа…

То есть пожизненную связь с драконом.

— Это несправедливо, — пробормотала я, вытирая пот с висков тыльной стороной руки. — Получается, у меня нет выбора.

Сейдж казалось, готова ударить меня, но это было для неё обычным состоянием.

— Потому что наид-нак не про выбор, глупая. Сами силы природы, первозданная магия Ширра и его желание видеть своих потомков счастливыми ясно дали понять, кто твоя пара. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? Насколько маловероятно было, что Мэддокс найдёт тебя?

Гвен вздохнула.

— Сейдж… Не думаю, что это то, что ей нужно сейчас услышать.

— А может, это именно то, что ей нужно. Может, уже пора кому-то сказать ей, что она ведёт себя как ребёнок, и что она не одна страдает из-за отрицания этой связи.

Её слова обжигали своей правдивостью.

— Простите, — вздохнула я. Обе посмотрели на меня, наверняка удивлённые извинением вместо очередной грубости. — Простите за моё поведение, правда, и за то, что это может значить для него. Но у меня есть свои причины.

Они не стали расспрашивать. Возможно, они уже сделали свои выводы, считая меня эгоисткой, для которой на первом месте сестра, а всё остальное не имеет значения. И до недавнего времени это было так.

Я вернула кувшин Сейдж.

— Думаю, я пойду. Может быть, приму ванну…

Фея покачала головой.

— Это тебе не поможет.

— Тогда я буду жевать валериану, пока не отключусь.

Я вернулась в гостиницу Тантэ, избегая самых людных улиц, хотя сидхи были повсюду. Когда я добралась до своей комнаты, у меня в руках уже были жёлтые цветы, кусочек пирога с какао, которое принесла Гвен, и мешочек с рисом для осыпания новобрачных. Я ещё не видела Хигеля и его невесту, хотя знала, что их церемония планируется на рассвете. Если я немного отдохну, то смогу на ней присутствовать.

Я заперла дверь на засов и положила всё, что мне дали, на стол рядом с чернилами и стопкой белых листов бумаги. Опёршись на поверхность, я почувствовала, как меня охватывает волна чистого желания. И только когда она прошла, я заметила, что вонзила ногти в дерево.

Возможно, мне нужно нечто эффективнее, чем просто отдых.

Я сбросила сапоги и развязала пояс, направляясь к постели. Белые занавески колыхались от лёгком ветерка, доносящего музыку, смех и запах жареных каштанов. Закрыв глаза, я растянулась на мягком покрывале, моё горячее тело жадно впитывало ночную прохладу.

Подняв немного юбку и засунув руку под неё, я почувствовала, как мои пальцы дрожат. Никогда раньше этого не делала. Хотя я наслаждалась сексом и иногда ласкала себя в процессе, мне ни разу ещё не приходило в голову делать это в одиночестве. Я не видела в этом смысла, потому что желание никогда не длилось дольше, чем пока я была с другим человеком. Когда мы заканчивали, я уходила домой, не желая продолжения. И мне казалось, это значит, что я удовлетворена.

А вдруг настоящее желание именно такое? Неутихающее влечение? Которое возникает просто при мысли о *нём*?

Я вызвала в памяти образ Мэддокса, каким он был в тот день в бальном зале, улыбающимся и расслабленным, счастливым просто от того, что дерётся со мной.

И когда мои пальцы скользнули под нижнее бельё, я обнаружила, что там уже очень влажно, и меня это поразило. Одно лишь прикосновение к узлу нервов на верхушке принесло волну удовольствия, и мне пришлось прикусить губу, чтобы не застонать. Постепенно я вспоминала ту часть себя, которую давно подавила. Вспоминала, как это приятно. Вспоминала, какое наслаждение способна дарить эта часть моего тела. Жар внизу живота и желание получить разрядку нарастали, становясь всё больше и больше, пока я не осознала, что никакой разрядки я не получу. Это сильнее меня, этого не…

Этого просто недостаточно.

Разочарованная, я провела свободной рукой по шее, невольно наткнувшись на связь.

В какой-то момент я почувствовала, как на моих ключицах оказались другие пальцы — более длинные и грубые, касающиеся меня. Запах свежего дерева и дыма наполнил мои ноздри. Я оказалась максимально близко к пику наслаждения, и я выдохнула, почти достигнув…

Резко отдёрнула руки. Обе. Сжала простыни и с этим же выдохом, застрявшим в горле, я поднялась. Оглядела комнату, несмотря на то, что точно знала, что здесь больше никого нет. Свечи мерцали, отбрасывая тени, но замок был на месте, и не было ни одного угла, где что-то или кто-то мог бы спрятаться.

Это не было игрой воображения. Я это чувствовала. Тот палец, грубый и горячий, коснулся моего входа, и…

Раздался настойчивый стук в дверь.

— *Sliseag*. Открой.

Глава 39

Существует свидетельство о первом наид-наке — явлении, разделившем историю королевства на до и после. Это случилось с Третьей: драконица, приняв человеческий облик, как только взглянула в глаза своему спутнику-фею, почувствовала, как образуется эта связь. От них произошли первые драконы, младенцы, почти полностью похожие на людей при рождении, с круглыми ушами и без драконьих или фейских черт. Лишь почти через год начали появляться крылья, два небольших бугорка на спине, которые, к всеобщему облегчению, развивались нормально и позволяли им летать. Первый дракон был мальчиком и звали его Ильзрис, свет нового начала.

Из запрещённой книги «О народе драконов»

Мои ноги не слушались и подкашивались.

Когда я приблизилась к двери со смешанным чувством тоски и агонии, мне на долю секунды захотелось, чтобы она сама собой открылась, чтобы мне не пришлось принимать какие-либо решения. В конце концов, как говорила Сейдж, наид-нак — это не про выбор.

Мои босые пальцы ног коснулись деревянной поверхности двери. Должно быть, Мэддокс услышал меня, потому что в этот момент он шумно вздохнул.

— Открой.

— Это плохая идея.

В воздухе повисла пауза, в которой было слишком много всего.

— Почему ты закрыла замок? Ты не доверяешь мне?

Казалось, будто слова давались ему с трудом.

И хотя я так делала редко, особенно с ним, но в этот раз я решила быть абсолютно честной.

— Я не доверяю *себе*.

В ответ послышалась смесь стона и смеха, хотя довольно безрадостного.

— Чёрт возьми, Аланна...

Я опустила руку на деревянную поверхность и иронично улыбнулась.

С самого начала я была уверена, что смогу бороться с тем, чтобы не поддаться связи. Против себя и своих глупых желаний, против тех уз, о которых я никогда не просила, но которые медленно, постепенно обвивали меня, ласкали и дарили покой. Как одежда, которая идеально сидит на теле, и потому её практически не чувствуешь. Облегая, обволакивая, ощущаясь так приятно.

Теперь я знаю, что была глупа. Хватит ли мне сил бороться с этим? Продолжать держаться, стоять на своём? Или...

Голос Мэддокса, тихий и умоляющий, разорвал мою защиту в клочья.

— Пожалуйста, ша'ха.

Почти всё моё сопротивление растаяло. Я привалилась к двери, мой горячий лоб коснулся холодного дерева.

— Не называй меня так, — выдавила я.

Мэддокс замолчал.

— Как скажешь, больше не буду. Но открой дверь. Позволь мне помочь тебе. Не заставляй меня... — Он запнулся, как будто ему трудно было говорить это вслух. — Не заставляй меня всю ночь чувствовать твою боль.

Мои пальцы, словно живущие своей жизнью, коснулись замка, но я вовремя опомнилась и сжала руку в кулак. Ещё одна опустошающая волна прошла от макушки до пят, словно кто-то облил меня ведром лавы.

Искры и языки пламени вернулись, обвивая мои бёдра и низ живота. Я задышала тяжело и сжала ноги так сильно, что мои колени заныли.

В ответ дверь задрожала. Я услышала хриплый мужской стон, и железные петли заскрипели под напором дракона.

Я сходила с ума от боли, удовольствия, разочарования, желания и ненависти к себе и ко всему вокруг.

— Ты мог бы сломать эту дверь и войти в любой момент, не так ли?

— Я этого не сделаю, — ответил он без промедления, решительно, хоть и стиснув зубы.

— Но ты мог бы.

— Твоё согласие всегда на первом месте. Всегда. К чёрту богинь, к чёрту Ширра, потому что никто не заставит меня забыть об этом. — Я затаила дыхание, и туман искр, окружавший меня, немного рассеялся при звуке обещания в голосе Мэддокса. Дракон был твёрд в своём решении, несмотря на то, что страдал не меньше меня. — В тот день, когда ты станешь моей, это будет только на наших условиях. В тебе не будет ни капли сомнений или сожалений, ничего, что могло бы побудить тебя возвести стену между нами.

Эти слова ошеломили меня. Под всей этой бурей эмоций, которые меня охватывали, закралось удивительное ощущение. Это было нечто, что не могли создать ни божественная связь, ни магия Бельтайна, это было мои собственные чувства. Трепет в животе.

И что хуже всего, я верила Мэддоксу. С тех пор как мы познакомились, я увидела множество его граней. Некоторые из них мне до сих пор не нравились, например, его привычка доводить меня до белого каления или его пренебрежение к понятию чужого

личного пространства. Однако в серьёзных вопросах он никогда меня не подводил. Даже когда он лгал, у него на то были веские причины. Он держал своё слово, данное мне тем днём в Робабо: «Не беспокойся, я не потребую от тебя больше, чем сам готов дать». То, что тогда казалось мне завуалированным оскорблением, ироничным и деликатным способом сказать мне, что он тоже против наид-нака, теперь приобрело совершенно иной смысл.

Знал ли Мэддокс об этом тогда?

Было ли это обещанием, а не вежливым отказом?

Мои пальцы коснулись замка. Железо скрипнуло едва слышно, настолько тихо, что человеческое ухо не смогло бы это уловить. Но ухо дракона? Я как будто чувствовала, как он задерживает дыхание, как упирается руками в каменный косяк и опускает голову, сокрушённый.

— Ты кажешься очень уверенным, что этот день наступит, — прошептала я. — Что это неизбежно произойдёт.

Ему понадобилось меньше секунды на раздумья.

— Потому что так и есть. Со связью или без, я не такой идиот, чтобы упустить такую девушку, как ты. Богини, Алланна, от одной только схватки с тобой в том зале я стал твёрдым, как камень.

— Почему ты думаешь, что...

Он перебил меня.

— Не делай этого. Сегодня мне не хочется играть в эту игру, будто я дурак, который ходит за тобой по пятам, слюни пускает, а ты не чувствуешь вообще ничего.

Мне показалось, или он произнёс это с горечью?

Может, эта связь сводила меня с ума, заставляя видеть нечто большее, но с каждой фразой становилось только очевиднее: Сейдж была права, и я не одна страдаю от этого.

Я внезапно приняла решение. Решение, о котором я знала, что не пожалею, но которое принесёт последствия. Какие именно, узнаю потом, но и чёрт с ними. Иногда даже я устаю от борьбы.

Двумя резкими движениями я отперла замок и решительно открыла дверь. Я поняла, что застала Мэддокса врасплох, по тому, как его прищуренные глаза округлились, а губы приоткрылись.

Как я и предполагала, он опирался о камень у двери, и в этом положении его плечи казались ещё шире. На нём была только чёрная рубашка с открытым воротом, закатанная до локтей, и тёмные брюки. Он стоял босиком.

Это напомнило мне тот первый сон, где мы были на пляже в Дагарте.

Возможно, так Мэддокс выглядит, когда остаётся наедине с собой...

«Не думай о нём в его спальне!» — закричал мой разум, но было уже поздно. Перед моими глазами промелькнул неприличный образ — Мэддокс, на котором не было ничего, кроме тонкой чёрной простыни, прикрывающей его бёдра. Лёжа на спине, с крыльями, расправленными в стороны и занимающими почти всё пространство, он протянул ко мне руку, приглашения разделить тёмные удовольствия.

Чёрт, почему я представила его с крыльями?

Новая волна накатила на меня. Хуже всех предыдущих. Я вынуждена была крепко держаться за дверь, чтобы не упасть, пока горячая энергия охватывала каждую часть моего тела: мою грудь, которая казалась тяжелее обычного, мой живот, где бабочки плясали свой дьявольский танец, и место между ног, отчего желание превращалось в настоящую пытку.

Богини, если бы я только знала, как это остановить.

Мэддокс, должно быть, тоже испытывал нечто подобное, потому что вены на его руках и предплечьях вздулись от усилий, с которыми он сжимал камень.

Когда я смогла снова заговорить, не боясь застонать, я пробормотала:

— Я никогда не видела, чтобы ты пускал слюни, ни по мне, ни по кому-либо ещё.

Его веки всё ещё были плотно закрыты, но на губах заиграла одна из его фирменных ухмылок.

— Может быть, ты просто не обращала внимания.

— И я никогда не говорила, что ничего не чувствую.

Наступила пауза, пока он осмысливал мои слова. Его широкая грудь тяжело поднималась и опускалась, и когда он открыл глаза и посмотрел на меня, я почувствовала, будто внезапно наступил день и солнце озарило комнату.

У меня осталась последняя защита, что-то вроде внутренней стены, которую я не могла себе позволить потерять. Даже с этой открытой дверью и его глазами, пожирающими меня, как если бы он уже представлял всё, что хотел бы со мной сделать, я должна была кое-что прояснить, иначе рискую потерять этой ночью намного больше, чем просто свою гордость.

— Я всё ещё не хочу принимать эту связь, — предупредила я.

Он не двинулся с места, лишь моргнул.

— Я понимаю.

Я вдохнула, дрожа.

Он понимает? Почему он не сказал «я тоже» для равновесия?

— И я думаю, ты со мной согласишься, что, будь у нас такая возможность, мы бы постарались как-то спастись от этого... этого…

— Зуда? — подсказал он. Его глаза весело блестели.

— Мучения, это слово я подбирала. Мы бы справлялись другими способами, возможно, с другими партнёрами...

Я поняла, что сказала что-то не то, по едва уловимому изменению атмосферы. Всё ещё держа руки поднятыми, Мэддокс наклонил голову вбок, как хищник, изучающий свою добычу, и вдруг воздух стал гораздо плотнее, затрудняя дыхание. Он был насыщен чем-то большим, чем энергией этой связи. Чем-то, что сильно пахло углём.

— Я сказал, что пускаю слюни по тебе, что у меня член встаёт при одном твоём появлении, и ты думаешь, что я стал бы искать другую, чтобы утолить своё желание? Да что там... — Он опустил руки и сделал шаг внутрь комнаты. — Ты действительно думаешь, что я позволю тебе искать другого, чтобы тебе стало легче?

Когда он подошёл ближе, я заметила, как изменились его глаза. Зрачки пульсировали почти гипнотически. Драконья кровь внутри него пыталась взять верх, сопротивляясь маскировочным чарам.

Но этого было недостаточно, чтобы я почувствовала беспокойство, нет, конечно же, нет. Если уж на то пошло, эта первобытная сторона Мэддокса каким-то безумным образом дополняла меня. Дарила ощущение безопасности, а не тревоги.

Уголки моих губ сами собой растянулись в улыбке.

— Не знала, что мне нужно твоё позволение.

Он смотрел на меня несколько секунд, а затем ещё одна его ухмылка заиграла на его красивом лице. Я старалась не показывать, как моё внимание притягивали его зубы, эти клыки, которые вместо того чтобы пугать, казались мне слишком привлекательными.

И я не хотела, чтобы он заметил, как сильно забилось моё сердце, когда он закрыл дверь за своей спиной на замок.

— Тогда я рад, что пришёл в самый подходящий момент. — Он снова повернулся ко мне и начал приближаться шаг за шагом. — Так я смогу прояснить кое-что и предотвратить трагедию.

Я не замечала, что отступаю, пока вдруг не ударилась поясницей о стол. Судя по звуку, упало что-то тяжёлое, возможно, подсвечник. Меня мало беспокоил возможный пожар, честно говоря. В этот момент для меня не было ничего важнее Мэддокса, неумолимо приближающегося ко мне. Его гипнотический взгляд был сосредоточен на мне, словно дракон тоже не замечал ничего вокруг.

Я сглотнула и на ощупь нашла опору руками позади себя. По холодной влаге я поняла, что пролила чернильницу.

— Какую ещё трагедию?

— Не хотелось бы разбираться с тем несчастным, что осмелится к тебе прикоснуться.

Он остановился прямо передо мной, его ноги по обе стороны от моих. Скользнув руками мимо моих плеч, он опёрся на стол, непоколебимо заключая меня в ловушку. Несмотря на то, что моей кожи он не касался, я чувствовала жар его тела. И его запах...

— Ты угрожаешь смертью любому, кого я выберу? А как же все те слова о том, что моя воля всегда на первом месте?

Он издал низкий, хриплый смех, звук, наполненный дымом и углями. Он наклонял лицо к моему, я же не позволила себе отступать даже на дюйм. Наши носы слегка коснулись друг друга, и я почувствовала дыхание Мэддокса на своих губах. Он чуть сдвинулся в сторону, и я приоткрыла рот в ожидании.

Я почувствовала его дыхание на шее, прямо под ухом.

— Возможно, мне стоило быть конкретнее с самого начала. Ты будешь со мной тогда, когда сама этого захочешь, ни раньше, ни позже. — Его глубокий голос заставил мои пальцы ног скрутиться. — За тобой всегда будет первое и последнее слово во всём, что касается меня. Я помогу тебе пройти через всё, что принесёт нам эта связь, будь то хорошее или плохое, потому что я полный идиот и я у твоих ног. Но я не позволю другому

получить то, что природа предназначила для меня, потому что зверь внутри меня никогда этого не допустит.

— Это звучит... примитивно.

Я не хотела, чтобы мои слова звучали так сбивчиво, но как с собой справиться?

— Знаю. Ещё как знаю, ведь я давно с этим борюсь. — На этот раз его смех прозвучал горько. — Я знал, что испугаю тебя, если приду и покажу эту сторону. Но это... Это тоже я. Инстинкты дракона...

Казалось, он хотел сказать больше, намного больше, но сдержался. Тайная часть меня, спрятанная глубоко внутри, хотела подбодрить его продолжить. Услышать всё о нём, о его расе, о том, как это на него влияет, какая часть всего этого связана со мной. Однако я этого не сделала. Конечно же, не сделала.

Я знала, что приближается новая волна, потому что вся моя кожа вдруг покрылась мурашками. Я начала задыхаться. Резко вдохнула, когда огонь вновь охватил меня, и приподнявшейся грудью задела Мэддокса. Он отстранился от моей шеи, и наши взгляды встретились. Смесь каштанового с золотым против фиолетового. Душа могучего дракона против наследницы того, что осталось от проклятого рода.

Мои дрожащие пальцы скользнули по разлитым чернилам и столкнулись с пальцами Мэддокса. Вместо того чтобы отдёрнуть руки, я провела большим пальцем по его запястью.

— Я думаю, ни один из нас не виноват в том, что с нами происходит, — прошептала я. — И пока это желание не пройдёт, я согласна мириться с твоей дикой натурой. С одним условием.

— Что угодно, — прорычал он.

— Это должно быть взаимно. Не требуй от меня больше, чем ты сам готов дать. Помнишь?

На мгновение я поклялась, что его глаза заблестели ещё сильнее, словно он точно понял, что я хотела ему сказать.

— Договорились.

Мгновение спустя его губы оказались на моих. Его бёдра придвинулись, прижимая меня ещё сильнее к столу. Его рот так идеально подходил к моему, что у меня сложилось ощущение, будто мы просто продолжаем начатое несколько недель назад. Как будто всё это время мы вовсе не изводили друг друга наиглупейшим образом. Ведь, как он и сказал, это всё равно должно было произойти.

Он навалился на меня так, что я затылком прижалась к стене. Его большие руки крепко сжимали мои бёдра, сминая платье, впиваясь пальцами почти у самой попы. Он потянул меня к себе, и я без колебаний раздвинула ноги, позволяя ему оказаться между ними и поднять подол моего платья. Он прижался ко мне явно очень твёрдым членом, и я, кажется, застонала прямо в его рот.

Я провела руками по его лицу, оставляя следы чернил, пока он завоёвывал мои губы как настоящий захватчик, как тот, кто не сомневается в своих действиях, потому что желал этого слишком долго. Невероятно, как он откликался на каждое моё прикосновение, как напрягались его плечи, как покрывалась мурашками кожа на шее. Его

рука скользнула по моему обнажённому бедру, поднимая платье всё выше и выше. По моим плечам и спине пробежали мурашки. В этот момент я не была девочкой, рождённой с проклятием, не была монстром, которого даже родная мать полюбить не смогла; я не чувствовала себя одинокой, виноватой или управляемой некими кукловодами.

Здесь были только я, Мэддокс и то, что творилось между нами…

После глубокого поцелуя губы Мэддокса скользнули в сторону, оставляя приятный мокрый след на моих щеках. Когда он зубами захватил мочку моего уха, я почувствовала, как у меня подкашиваются колени, хотя я сидела на столе.

— Я представлял этот момент сотни раз, — пробормотал он, — и даже так ты оказалась куда более чувствительной, твоё тело откликается на каждое прикосновение. И это наводит меня на мысли о всевозможных извращениях, понимаешь? Таких, что мне должно быть стыдно.

Постепенно, как бы прощупывая почву, его пальцы начали подниматься по моему бедру. Большой палец коснулся точно того же места, что и в тот день во дворце, и казалось, что моя кожа тоже вспомнила тот раз, и оба прикосновения — из прошлого и настоящего — слились в одно. С моих губ сорвался трепещущий вздох, и, сама не осознавая, что творю, я схватила Мэддокса за затылок и притянула к себе.

С тихим смехом он коснулся края моего нижнего белья. Я сама касалась себя там всего несколько минут назад. И он был со мной в тот момент, если эта злосчастная связь, созданная меткой, позволяла не только слышать, но и чувствовать.

— Интересно, что я почувствую, когда коснусь тебя здесь, — сказал он, проводя пальцем по краю ткани сверху вниз. Он был так близко... По коже пробежал холодок, словно молния, настолько мощная, что я вскрикнула в объятиях Мэддокса, и внезапно его пальцы оказались там, где я нуждалась в них больше всего. — Чёрт, надо было медленнее. Надо было...

Бормоча глупости себе под нос, он отодвинул моё нижнее бельё в сторону и коснулся меня впервые безо всяких преград. Ощущение его пальцев, почти таких же горячих, как и я сама, скользящих по моим складкам... Ни с чем несравнимо. Ни с чем.

— Боги, Аланна, ты такая мокрая. Скажи, что не ходила так по деревне, — пробормотал он хриплым голосом. — Скажи, что ты не была такой, когда встретила Оберона и его шайку.

Мэддокс продолжал исследовать мои самые интимные места, пока говорил, его пальцы выплетали узоры, создавая череду ощущений, от которых я всё сильнее сжимала коленями его бёдра. Из меня вырвалось несколько звуков — я даже не знала, что способна такое издавать. И когда перед глазами вспыхнул ослепительный свет, я схватила Мэддокса за запястье, чтобы остановить его движения.

— Ты задаёшь слишком очевидные и неправильные вопросы, — прошептала я, задыхаясь. — Хочешь знать, когда в последний раз я была такой мокрой?

Он сурово взглянул на меня, хотя я знала, что в нём кипели страсть и едва сдерживаемое желание. Если он чувствовал хотя бы половину того, что я, то удивительно, почему мы всё ещё на столе.

— Нет. Да. Нет. Чёрт.

Он закрыл глаза, борясь с собственной нерешительностью, и я решила добавить к списку своих маленьких радостей пункт “сбивать Мэддокса с толку откровенными фразами”. Я слегка вонзила ногти в основание его волос и приблизилась к его уху.

— Во дворце, когда ты оставил мне записку под платьем.

Он пробормотал ругательство, которое я никогда раньше не слышала, и уткнулся головой в мой шею. Почти в наказание он сделал две вещи одновременно, заставившие моё сердце забиться быстрее: он укусил меня в изгибе, где шея встречается с плечом, и ввёл палец внутрь. Он вошёл легко, уверенно, и все мои внутренние мышцы сжались вокруг его пальца, как будто от этого зависела моя жизнь. Я отпустила его запястье и повисла на его плечах, потерянная, околдованная.

— Кто бы сомневался, что ты будешь такой узкой, — проворчал он.

Затем его палец медленно вышел, несмотря на моё сопротивление и попытки удержать его внутри. Он на мгновение скользнул по внешним губам, пробуя, и снова вошёл внутрь. Моя кожа, казалось, была охвачена огнём, как будто всего этого было одновременно и слишком много, и слишком мало. Движения Мэддокса стали ровными, твёрдыми, от этого ритма невозможно было перестать дрожать.

— Хочешь показать мне, как тебе нравится? — спросил он, не переставая двигать рукой. — Скажи мне. Покажи.

Говорить? Сейчас? Он вообще нормальный?

— Ты... ты всё делаешь хорошо, — удалось пробормотать мне.

Он самодовольно ухмыльнулся; меня разрывало одновременно от страсти и от желания врезать ему. Однако, когда его большой палец нашёл клитор и начал уделять ему внимание, я вовсе забыла, где нахожусь. Я всем телом прижималась к нему, я не могла усидеть на месте и пыталась следовать его ритму, ускорить его, двигая бёдрами навстречу. Однако у Мэддокса, похоже, были другие планы.

Он внезапно убрал пальцы, я тут же почувствовала себя пустой. Я знала, что он использовал только один палец, и всё же моё тело умоляло вернуть его. Эти ощущения навсегда перевернули моё восприятие. А что будет, если...

Все вопросы, сомнения и вообще сколько-нибудь рациональные мысли исчезли из моей головы, когда я увидела, как Мэддокс опускается на колени. Он был настолько высоким, что это не было проблемой, даже несмотря на то, что я сидела на столе, но я подумала, что моё сердце выскочит из груди, когда его руки взяли меня за ягодицы и подтянули к самому краю, пока то, что он только что трогал пальцами и дразнил, не оказалось в нескольких сантиметрах от его лица.

Я рефлекторно попыталась сомкнуть ноги, но Мэддокс, похоже, предвидел это и обхватил мои колени руками, мягко остановив меня. Моя юбка собралась на бёдрах. В этот момент я поняла, что платье безнадёжно испорчено, заляпано чернилами, а кожа вся в чёрных следах там, где Мэддокс прикасался ко мне.

Вместо того чтобы огорчиться, как это, наверное, случилось бы с нормальной девушкой, буря ощущений захлестнула меня с ещё большей силой. В голове мелькнуло сравнение, словно моё тело рассказывает историю, как книги, которые я так любила.

Глаза Мэддокса следили за мной, как будто у него в голове было множество идей, и он не знал, какую выбрать первой.

— Что ты делаешь? — прохрипела я.

Я не была глупой, слышала о подобных практиках, но сама никогда не пробовала. Я начала понимать, что мой опыт в Гальснане был крайне ограниченным. До сих пор я думала, что того, что я узнала, было достаточно, я была очень довольна собой, когда избавилась от обременительной девственности и, так сказать, выполнила часть списка вещей, которые, по идее, не должна была делать.

Теперь я понимала, что была наивна и что на горизонте было гораздо больше, чем я удосужилась исследовать.

Изучая мои интимные места, Мэддокс наклонил голову вбок, и я вся задрожала. Ему пришлось приложить усилия, чтобы удержать мои ноги на месте.

— Я не выйду из этой комнаты, не сделав несколько вещей, — сказал он. Если раньше его голос был хриплым, то теперь он стал почти гортанным. — Это одна из них.

И в следующий миг он прижал туда свой рот. Я выгнулась дугой от яркого ощущения, мои блуждающие руки искали, за что бы ухватиться, и я ещё больше испачкала пальцы чернилами, пока не нашла край стола. Язык Мэддокса был горячим и влажным, когда он скользил по моим складкам; и я полностью сдалась. Я расслабила ноги, положив их на его плечи, и тогда он смог полностью посвятить себя служению мне. Не было другого способа описать это. То, как он целовал меня там, довольно рыча, наши запахи, грубость его рук на моей коже... Всё это захлестнуло меня, и я совершенно не была против.

В какой-то момент эта пружина плотного и горячего наслаждения стала натягиваться, приближая меня к самому пику. Я неосознанно задвигала бёдрами навстречу лицу Мэддокса, желая большего. Сдавленный стон вырвался из моего горла.

— Очень хорошо, *sliseag*, — пробормотал он с одобрением. В этот момент его палец вновь вернулся внутрь, и мой пульс окончательно сошёл с ума. — Чёрт, это... Ты великолепна, знаешь? Как ты сжимаешь меня, какая ты мягкая и влажная... — Это пульсирующее напряжение всё нарастало и нарастало, и я не могла ничего с этим поделать, кроме как задыхаться и умолять. — Ах, нет. Если ты собираешься кончить, то сделаешь это мне в рот.

Не переставая двигать пальцем, он прижался губами к моему клитору, и я бы поклялась, что вся комната затряслась и Тантэ придётся влезть в долги, чтобы отремонтировать таверну после этого. Пружина сорвалась, и это было так, словно всё напряжение в моём теле, всё, что делало меня сильной и стойкой, исчезло. Кажется, я пробормотала серию бессвязных слов, среди которых было его имя. И когда последняя волна дрожи разорвала меня на кусочки, а Мэддокс слизал все доказательства того удовольствия, которое он только что мне подарил, я запутала пальцы в его волосах и потянула вверх.

Послушный, он поднялся к моему рту и поцеловал меня, как будто всё ещё был очень голоден, несмотря на только что устроенный пир. Мой вкус на его языке был сильнее любого афродизиака. Странно, но возбуждающе. Я начинала понимать его и задумалась,

будет ли он так же хорош на вкус. Мне тут же захотелось проверить, смогу ли я привести его разум и тело в такой же хаос, как он сделал со мной.

Я почувствовала его эрекцию у своего бедра и скользнула к ней рукой. Пока я ласкала его через штаны, любопытство становилось всё сильнее. Он был больше, чем я ожидала, и это при том, что я ещё даже не видела его.

С мученическим стоном Мэддокс оторвался от моих губ.

— Если ты продолжишь это делать, мне будет очень сложно сосредоточиться на другой вещи, которую я хочу сделать.

Я ещё не успела прийти в себя, и моё дыхание снова стало прерывистым. Да, он говорил о двух вещах. Но если он не собирался задействовать член, то мой затуманенный ум не в состоянии представить, о чём может идти речь

— И что... что же это?

Рука Мэддокс потянула за конец жёлтого шарфа, который всё ещё был на моей груди, сняла его с моей шеи и отбросила в сторону. Я ощутила прохладу своей разгорячённой, вспотевшей и очень чувствительной кожей, отчего волоски на руках встали дыбом. Мэддокс наклонился ко мне, его волосы коснулись моих щёк, затем шеи и потом...

Он оставил мягкий поцелуй, едва мазнув губами по моей коже, на метке. Я задрожала, но уже по совсем другим причинам. Остатки оргазма ещё не покинули моё тело полностью, и внезапно я почувствовала, что могу достичь новой вершины. У меня перехватило дыхание и заныло в животе. Всё больше казалось, что дело не просто в плотских желаниях.

Как же ты заблуждалась, Аланна, если когда-либо думала, что это лишь физическое влечение.

Мэддокс медленно целовал метку, его дыхание ласкало мою ключицу, его руки мягко обхватывали мою талию.

— Ты не представляешь, что значит для меня видеть это на твоей коже, — прошептал он. — Даже не догадываешься, сколько порочных, недостойных мыслей возникает в моей голове, когда я думаю о том, что эта метка делает тебя моей. Зверь внутри меня...

Он замолчал, задумавшись, не сказал ли он лишнего, не напугает ли меня эта часть его. Нет, не напугает. О, богини, конечно же нет. Зверь внутри него? Эти слова напомнили мне о моей собственной тьме, которую мать всегда называла «монстром». Я не могла рассказать ему об этом ни при каких обстоятельствах, но...

Его пальцы коснулись лент моего платья и спустили их с плеч. Ему хватило двух рывков, чтобы спустить одежду вниз, и моя грудь оказалась перед его глазами. За исключением ткани, собравшейся на бёдрах, я была полностью обнажена.

Рокочущий звук, вырвавшийся из его груди, эхом разнёсся по комнате.

— Клянусь звёздами, — зарычал он, — ты...

Пальцы скользнули к моей груди, и я мягко оттолкнула его. Его взгляд остановился на моих руках.

— Что? Что не так, *sliseag*? — спросил он.

— Я почти голая, а ты слишком одет.

Медленная загадочная улыбка расползалась по его лицу.

— Ну что ж, пусть это будет самой большой проблемой этой ночью.

Его пальцы начали расстёгивать рубашку, но я снова остановила его.

— Я хочу сделать это сама.

Его глаза засверкали, в них вспыхнула янтарная искорка. Поразительно, что маскировочные чары ещё не рассыпалась от напряжения.

— Я весь твой.

Я не пыталась скрыть учащённое биение сердца — это было бы абсурдно. В этот момент у меня дрожали даже ресницы. Когда я смогла увидеть его метку (впервые не испытывая при этом ужаса), я заметила, что она очень похожа на мою. Возможно, если изучить внимательнее, окажется, что они идентичны. Я помогла ему снять рубашку через голову, восхитившись крепкими мышцами и загорелой кожей, которые открылись передо мной.

Когда рубашка упала на пол, я глубоко вдохнула. Он был... исключительным. У него тело не просто воина, а воина-дракона. Он такой высокий и широкий, что я даже не знала, с чего начать.

А нет, знала. На самом деле, знала. Аккуратно, я положила пальцы под самой меткой. Мэддокс говорил, что узор должен напоминать драконьи чешуйки. Я провела пальцем по одной из спиралей, удивившись тому, как напряглись его мышцы. Я вспомнила кое-что.

— В первые дни в замке мне приснился очень странный сон. И мне всё не даёт покоя вопрос, насколько это было реально.

— Это было реально, — подтвердил Мэддокс хриплым, полным эмоций голосом. — Не зная того, ты помогла мне пережить транс, пока я впитывал чары Пвила. Без тебя я, наверно, сошёл бы с ума от агонии.

— Но я видела не тебя. Это был дракон. — Я помнила всё с кристальной чёткостью: лес, колоссальный размер дракона, его дыхание с запахом серы. — Огромный дракон с чёрными чешуйками.

Руки Мэддокса, чёрные от чернил, как и мои, медленно скользили по моим обнажённым бёдрам.

— Это был я. Он живёт во мне. У всех драконов есть зверь внутри. Мы не способны превращаться в полноценного дракона, как Ширр или Девятка, но они всегда с нами с момента рождения.

Я попыталась представить, каково это — жить с осознанием, что ты всегда не один, и это оказалось не так уж сложно.

— Ты чувствуешь его внутри, но видел ли ты его когда-нибудь? — Его пальцы замерли на мгновение, а через секунду он покачал головой. — Тогда знай, что он великолепен.

Его взгляд потемнел, но в то же время он улыбнулся.

— Ты ведь понимаешь, что, называя его великолепным, ты называешь так и меня, да?

Я улыбнулась.

— Для этого тебе придётся снять брюки. А там посмотрим.

Внезапно он застыл, глядя на меня так, будто впервые увидел.

— Не делай этого, чёрт побери. — Закрыв глаза, он потянулся к поясу своих брюк. — Когда ты так улыбаешься, клянусь, я сделаю всё, что ты попросишь.

Каждая часть меня, которую он ласкал и дразнил, радостно отозвалась на его слова. Я была так взволнована, что даже слюну проглотить не могла. Тем не менее, я обвила его ноги своими лодыжками и придвинула ещё ближе к себе.

— Что угодно?

— Что угодно, — подтвердил он с уверенностью, одновременно вытаскивая ремень. — И знаешь, почему я в этом уверен? Потому что что бы ни происходило в твоей голове, я уже был там сотни раз.

У него был такой взгляд, что у меня не осталось никаких сомнений в его словах. И я поняла. Я поняла, что что бы ни хотело моё тело или разум, Мэддокс это даст, потому что мы с ним в одной лодке, мы оба пленники одного и того же неукротимого желания. Ничто не будет чрезмерным, ни одна фантазия не будет слишком постыдной.

Мэддокс спустил брюки. И, увидев его член, я поняла, что у нас возникнут проблемы. Потому что у меня будет много, очень много фантазий.

Глава 40

Если хочешь испытать дикое, ослепляющее возбуждение, оседлай дракона.
Я про спину, если что.

Запись героя Фионна в запрещённой книге «О народе драконов»

Я смотрела на него с жадностью и любопытством. Прежде, занимаясь сексом в тёмных амбарах, я мало что могла разглядеть. И хотя я уже ощупывала и догадывалась о многом благодаря определённому опыту ведения незаконных дел в Реймсе, также известном как столица удовольствия Гибернии, ничто не могло сравниться с видом полностью обнажённого мужчины.

Хотя, по правде говоря, я не считала Мэддокса типичным представителем мужского рода.

— Если ты собираешься и дальше так на меня смотреть, нам лучше устроиться поудобнее.

Он взял меня на руки и понёс к кровати. Моя кожа испытывала всевозможные короткие замыкания и ощущения при соприкосновении с его телом. Мэддокс уложил меня на покрывало и начал стягивать смятое чёрно-жёлтое платье, которое в итоге быстро оказалось на полу. Сам же дракон остался у подножия кровати, глядя на меня, лежащую обнажённой, и мне показалось, что на мгновение его взгляд затуманился, как будто он был слишком ошеломлён увиденным.

Я же думала о том, что нет никого притягательнее его.

Мэддокс опустил руки на матрас и подполз ко мне.

— Это и правда сон, — прошептал он.

Я обняла его лицо руками и притянула для поцелуя. Желание быть как можно ближе к нему было единственным, что меня волновало; ощущать его вес, его тепло — всё это было мощно и опьяняюще. От глубокого прикосновения его языка, скользящего по моему, моё сердце забилось быстрее, и, понемногу, поцелуй за поцелуем, я начала чувствовать, как жгут снова закручивается внутри меня. Как будто ничего до этого не существовало; моё тело требовало большего. Больше Мэддокса, его рук, всего, что он заставлял меня чувствовать. Возможно, я пробормотала это вслух, потому что его рука сжала мою грудь и массировала сосок большим пальцем, стимулируя.

С моих губ сорвался тихий стон, полный желания.

Я согнула колено и подтолкнула его бедро. Его член прижимался к моей ноге, и, честно говоря, я хотела, чтобы он был немного левее, прямо там...

Мэддокс зарычал.

— Ладно, думаю, пора... О богини, *sliseag*, дай мне секунду, — сказал он, уворачиваясь от моих попыток притянуть его ближе. Он сел на пятки, между моих раздвинутых ног, с доказательством своего желания, направленным прямо в то место, где я его жаждала. Какие ещё намёки ему нужны? — Нам надо поговорить.

Я попыталась испепелить его взглядом, но это было очень сложно. Он усложнял простое.

— *Поговорить?* Ты уверен?

Я качнула бедрами и на мгновение коснулась кончика его члена, что заставило дракона зашипеть и снова опустить взгляд. Он облизнул губы, как будто вспоминал мой вкус или готовился к чему-то большему, и я поняла, что между желанием и болью лишь тонкая грань.

— Нет. Да, — быстро исправился он. — Это важно, клянусь Триадой.

Должно быть, это действительно важно, если он останавливается в такой момент. Я приподнялась на локтях, его глаза не упустили ни одного движения моей груди.

— Ну что ж, раз у нас, похоже, нет дел поважнее... Я слушаю тебя.

Он порочно улыбнулся в ответ на мой сарказм.

— Ты будешь мне благодарна, поверь. Это... — Его руки обхватили мои раздвинутые бёдра, прижимая их к покрывалу и раскрывая меня перед ним. На его лице было написано дикое желание, когда он подался бёдрами вперёд и его член скользнул по моим складкам. Мы оба одновременно застонали; каждый сантиметр моего тела стал в тысячу раз чувствительнее. — Если я это сделаю... Если я сделаю это, мы станем ещё ближе, понимаешь? Чёрт, я бы хотел рассказать тебе больше, но ты... — Он упёр одну руку в матрас, в то время как другой обхватил моё лицо, заставляя смотреть на него. Смотреть на его желание, его волнение, его едва сдерживаемую страсть. — Аланна, есть несколько этапов закрепления связи наид-нак. Мы уже сделали первый шаг, когда поцеловались. Второй — вот это. — Он снова скользнул членом вверх-вниз, давя на мой клитор; у меня перехватило дыхание. — Войти в тебя. Стать единым целым.

Это...

Да, это действительно заслуживало паузы для разговора, должна признать.

Ко всем тем чувствам, ко всем тем битвам эмоций и инстинктов добавилось чувство неопределённости. Я хотела этого. Вероятно, я никогда не хотела ничего для самой себя, для себя одной, так сильно, как его. Мои желания всегда отодвигались на второй план. Выживание и безопасность моей сестры стояли на первом месте.

— Любое твое решение будет правильным, — сказал он. Так пристально наблюдая за мной, он не мог не заметить моего внутреннего конфликта. — Даже если ты захочешь, чтобы мы остановились прямо сейчас. Если это то, чего ты хочешь, так и будет. Я просто хочу, чтобы ты выбирала то, что будет лучше для тебя, хорошо?

Я слушала его, конечно, но также прислушивалась к своему телу и к тому, как оно было уверено, что мне будет очень приятно ощутить его внутри себя.

И это изменит меня.

Быть может, навсегда.

Я почувствовала ласковое прикосновение к щеке.

— Хорошо, *sliseag*?

— Да. Я... думаю, что не готова.

Я знала, что должна быть более решительной, более уверенной. «Я не готова» звучало лишь временным состоянием, а не полным отказом.

На его лице не отразилось ни малейшего признака раздражения, ни намёка на разочарование из-за того, что я отказывала ему в том, чего мы оба явно желали. Напротив, он наклонился и поцеловал меня с такой нежностью, что весь клубок нервов в моём животе мог вылиться в слёзы.

Когда Мэддокс отстранился, я пробормотала:

— Но это не значит, что я хочу остановиться. То есть... я...

За его тихим смехом, который показался мне жестокой насмешкой, последовало движение его бёдер. Его эрекция оставалась на месте, готовая ко всему, что я захочу.

— Я знаю. И у меня есть идея. Ты доверяешь мне?

Я, не задумываясь, кивнула. Мы легли, и он обнял меня сзади, прижимая свой торс к моему, его бёдра устроились позади меня. Ощущения были интригующими. Как я и предполагала, я ничего не знала о сексе. А эта поза, в которой я не могла его видеть, но могла чувствовать, вызвала во мне волну запретного удовольствия.

Одна его рука оказалась подо мной, обхватив меня таким образом, что он мог держать меня и одновременно касаться моей груди. Вторая рука легла на мой бок.

Его губы и нос скользнули по моей шее и затылку, открытым и уязвимым. Затем Мэддокс спустился ниже, к моим шрамам. Я втянула воздух, когда почувствовала, как он поцеловал их и глубоко вдохнул.

— Океан и ясень, — пробормотал он. — Твой аромат не покидает меня с того самого дня, как я взял тебя на руки в Робабо.

Тогда я тоже уловила его запах и нашла его завораживающим: свежая древесина и огонь. К этому моменту комната была пропитана смесью наших ароматов, и это ощущалось как нечто порочное.

Рука на моем бедре исчезла, и через мгновение я почувствовала, как что-то твёрдое и горячее скользнуло между моими ягодицами. Я вздрогнула всем телом, напряжённая, пока не почувствовала, как его рука пробирается между моих ног.

— Если ты раскроешься для меня, я обещаю, тебе будет очень хорошо.

Я послушалась. Подняла немного ногу, и его член скользнул между моих складок. Он ласкал меня им так же, как и до этого, только теперь я его не видела. И хотя головка члена дразнила мой вход каждый раз, когда проскальзывала мимо, дракон не делал попыток преодолеть эту преграду. С каждой новой атакой и отступлением я всё больше входила во вкус, всё больше подстраивалась под его движения, пока между нашими вспотевшими телами не осталось ни одного зазора. Головка стала каждый раз касаться моего клитора.

— Во имя трёх богинь, — застонала я.

— Да, об этом я и говорил.

Его пальцы играли с моими сосками, и хотя он казался очень довольным собой, я заметила, каким быстрым и поверхностным стало его дыхание. Оно было в такт с моим и звучало, как очень быстрая мелодия.

Я не смогла бы долго этого вынести, только не при всех этих ощущениях одновременно. И когда я попыталась опустить руку, он остановил меня.

— Это несправедливо, — захныкала я. — Я тоже хочу тебя трогать.

— Может быть, в другой раз, — грубовато ответил он. — А пока мне нужно сохранить самообладание.

Он говорил о маскировочных чарах? Из-за наших ласк всё могло пойти насмарку?

Я перестала задаваться вопросами, когда Мэддокс начал покусывать мою шею. Стон сорвался с моих губ, почти неосознанно, пока я продолжала чувствовать его снова и снова между своих ног, почти желая, чтобы произошла ошибка и он случайно вошёл в меня. Звуки, которые я издавала, казалось, подстёгивали его, его бёдра двигались с большей интенсивностью и силой, ударяя по моим ягодицам и производя всевозможные непристойные звуки. Чувствовать его таким разнузданным и потерявшим контроль из-за меня было слишком. Когда пламя пульсирующего удовольствия охватило меня всю, унося за грань, я закричала. Выгнулась и протянула руку назад, чтобы схватить его за волосы; мне нужно было удержаться за что-то, что продлило бы это головокружительное падение.

— Чёрт, ша’ха, — прорычал он над моим ухом.

Всё его огромное тело содрогнулось, и, после последнего мощного толчка, он отстранился, и я почувствовала горячие струи, выплеснувшиеся на нижнюю часть моей спины и ягодицы.

Несколько долгих минут не было никаких звуков, кроме нашего тяжёлого, удовлетворённого дыхания. Руки Мэддокса теперь полностью обнимали меня, удерживая рядом, и то, что с любым другим превратилось бы в неловкий момент и непреодолимое желание отстраниться, с ним было… Приятным. Тёплым. Уютным.

Я как будто обрела дом.

И эта мысль подтвердила мне, что я никогда не буду прежней.

Мы оделись в тишине, наполненной множеством оттенков. Нельзя было сказать, что это было неловко. Это было естественно после того, что мы пережили. Очевидно, вся нужда, которую я ощущала в течение ночи, рассеялась, как дым после порыва ветра. Появилось новое осознание, и некое гудение в моих интимных местах подтверждало, насколько хорошо они были удовлетворены.

Мы с Мэддоксом пытались смыть чернила водой из умывальника, но только больше размазывали их. Заря занималась на горизонте за окном, и никто из нас не хотел опоздать на свадьбу Хигеля.

Я посмотрела на Мэддокса. Боже мой, да никто не поверит, что чернила пролились случайно. На его челюсти был отчётливый отпечаток пяти пальцев, один из которых заходил на скулу. Если бы я приложила свою руку, она бы идеально подошла.

Я не хотела даже представлять, что творится у меня между ног.

Он, казалось, был не особо обеспокоен этим, если вообще обеспокоен. Быстро осмотрев свои руки и грудь в чернильных узорах, напоминающих татуировки, я мечтала стереть его ухмылку кулаком с размаху.

— Это не смешно, — бросила я ему.

— Ты просто не видишь это так, как вижу я.

Я не знала, простит ли мне Гвен безнадёжно испорченное платье. Пришлось надеть брюки и рубашку с длинными рукавами в надежде, что они скроют следы на коже. Мэддокс, облокотившись на стол, снова был в своей тёмной одежде и держал в руке один из жёлтых цветков.

— Подойди сюда.

— Нам нужно торопиться, — возразила я, хотя ноги по инерции понесли меня к нему.

Осторожным движением он вплёл цветок в мои волосы возле виска.

— Так мы не оскорбим ни одну богиню, — прошептал он. Когда его глаза скользнули по моему лицу и ниже, я почувствовала себя так, словно всё ещё была обнажённой.

Я взяла ещё один цветок и сделала то же самое: завязала маленький узел из стебля на одной из его достаточно длинных прядей так, чтобы не выпал. Я чувствовала себя странно и одновременно хорошо. Это была я, и в то же время не я. Возможно, потому что всё это было для меня новым и удивительным.

Я ни с кем ещё не испытывала такой близости, но мне всё ещё мало. Это какое-то безумие.

— Готова? — спросил он.

Я в последний момент вспомнила, что нужно взять мешочек с рисом.

— Готова.

К тому времени веселье Бельтайна немного поутихло. Разгул, смех и музыка уступили место тому, о чём говорила Гвен. Костры уже потушили. Повсюду на глаза попадались жёлтые цветы, и тут и там собирались компании, чтобы вместе встретить рассвет. Куда бы мы ни шли, на нас смотрели с нескрываемым интересом. Я старалась не краснеть, зная, что они видят и какие выводы делают, но это было сложно для девушки, которая привыкла держать детали своей жизни в тайне.

Секвана и Цето сидели на крыльце своего дома вместе с другими мерроу и феями. Их челюсти отвисли при виде нас, но мы с Мэддоксом продолжили идти дальше.

— Мама, что у них на лице? — спросил маленький фей с деревянными рожками, указывая на нас.

Женщина поспешила опустить его руку и тихо одёрнуть его.

Мы нашли Гвен и Сейдж, сидящих на склоне перед таверной, где собралась большая часть жителей деревни. Если бы это было возможно, я бы запечатлела выражения их лиц, когда они увидели нас вместе. В таком виде.

— Какого чёрта? — тихо выругалась Гвен.

Сейдж решительно выставила ладонь.

— Даже знать не хочу.

Мэддокс со вздохом опустился рядом с ней.

— Я и не собирался рассказывать.

— Да тут и так всё ясно. Ты шёл как павлин с раскрытым хвостом.

Я решила сесть рядом с Гвен, чтобы обе девушки оказались между нами. Мне это показалось хорошей идеей. Вероятно, первое моё разумное решение за последние несколько часов. Блондинка подалась вперёд и крутила головой, глядя то на Мэддокса, то на меня, раз тридцать. Если она продолжит в том же духе, то свернёт себе шею.

Сейдж остановила взгляд на мне и приподняла брови.

— Это чернила?

Не было смысла лгать.

— Да, — буркнула я.

— У меня такое было однажды. Используй помидоры, чтобы очистить кожу, иначе сотрёшь её до крови.

Гвен шумно вдохнула.

— Сейдж!

— Что? Думаешь, только у тебя есть право развлекаться?

— Святая Ксена, а я-то думала, что я самая развратная из всех.

— Напоминаю, что сегодня ты уединилась как минимум с тремя разными партнёрами.

— Не одновременно же!

— И что с того?

Я изо всех сил сдерживала улыбку, наблюдая, как солнце медленно поднимается над Хелтерскими горами и освещает На-Сиог. Когда я почувствовала тепло его лучей на своём носу и щеках, мне показалось, что я поймала момент абсолютной чистоты и благополучия. Больше мне ничего и не надо. Я довольна собой и всем, что меня окружает. Осталось только вернуть сестру, и всё будет хорошо. Как только я снова открыла глаза, это ощущение прошло, но я хорошо его запомнила. Это было незабываемо.

Мы втроём, нашей женской компанией, прошли к задней части таверны, где рядом с колодцем находился маленький источник. Выпили пару глотков, зачерпывая воду руками, и мне показалось, что это была самая сладкая и чистая вода, которую я когда-либо пробовала.

— Это священный колодец, — сказала мне Гвен. — Его воды текут прямо от источника Муирдриса.

Я заметила, как многие собирают в крошечные флакончики росу, скопившуюся на краях крыш, тенистых камнях или подоконниках. Уже собиралась попросить у кого-нибудь лишний флакон, как вдруг Мэддокс подошёл ко мне.

— Я подумал, что тебе тоже захочется взять, — сказал он, вложив в мою руку склянку размером с мой большой палец. Внутри было всего четыре-пять капель сверкающей, неожиданно густой жидкости.

Мы с Мэддоксом посмотрели друг другу в глаза. Воспоминания были так свежи, что внутри меня всё сжалось от волнения.

— Спасибо, — прошептала я.

Он прочистил горло и неопределённо кивнул. За его спиной Гвен притворилась, что теряет сознание. Так как Сейдж не подхватила её, ей пришлось упасть на землю.

Наконец, с наступлением утра, мы собрались на свадьбу Хигеля и красивой девушки-феи с длинными светлыми волосами, из которых кокетливо торчали два лисьих ушка. Её волосы были украшены цветами, а на ней самой было прекрасное платье лимонного цвета. Оба стояли босиком и улыбались друг другу.

Один из самых интригующих моментов свадьбы произошёл, когда Тантэ и старая Мэй встретились вновь после двадцати лет разлуки. Хотя они стояли по разные стороны от толпы и сына, между ними чувствовались искры. Кроме того, старая Мэй вовсе не выглядела старой. Она была феей, почти такой же высокой, как Тантэ, с пышными формами и белой кожей. Её волосы были такими же рыжими, как у сына. Также я заметила, что борода, изображённая на вывеске таверны, на самом деле была красивой заплетённой козлиной бородкой, которая ей действительно шла. За её спиной нервно вилял хвост всё того же рыжего цвета. У стоявшего же с другой стороны Тантэ рыбий хвост так сильно бился о землю, что все вокруг были вынуждены отступить. Хигель грозным взглядом дал понять, что если они не успокоятся, им не поздоровится.

Церемонию вела сама Секвана, которая вынуждена была сидеть на табурете на протяжении всего действа. Если Цето утверждала, что она была молода до войны, и они обе были подругами, значит ли это, что Секвана тоже жила в те времена?

Мерроу говорила о доброй воле, с которой пришли сюда сегодня двое влюблённых, чтобы связать судьбы вместе, о том, насколько этот день благоприятен для получения благословения богини жизни и почитания окружающей нас энергии. Она сказала Хигелю переплести свои руки с руками его избранницы, а затем связала их тремя лентами разных цветов: жёлтым, красным и чёрным. После того как они дали обещания уважать, поддерживать и страстно любить друг друга («Очень страстно!» — громко добавила Цето), они поцеловались, и все жители На-Сиог разразились бурными аплодисментами.

Всё ещё со связанными руками, новобрачные прошлись по кругу, чтобы все могли посыпать их головы рисом. Считалось, что это отгоняет дурные предзнаменования и приманивает процветание и плодородие. Когда они подошли к нам, я постаралась встать ближе к Мэддоксу, поскольку всё ещё чувствовала себя немного чужой и не знала, что красивого им сказать.

— Ой, смотрите-ка! — воскликнула жена Хигеля, увидев нас с Мэддоксом.

Рядом с ней Хигель разразился смехом и толкнул плечом Мэддокса с такой силой, что тот чуть не упал на меня. И заодно игриво коснулся локтем жену.

— Та сама энергия, что нужна мне в день свадьбы! Спасибо, дружище!

В тот день мы ели и поднимали тосты за пару столько раз, что я сбилась со счёта. Помню только, что после третьего бокала начала притворяться, а не пить, потому что не хотела закончить, как Гвен, лежащей без сознания, пока деревенские дети обвязывали её лентами от ушей до кончиков пальцев и приклеивали к её лицу рисовые зерна.

Когда я отошла к таверне по нужде, мне внезапно преградили дорогу. У меня ушло несколько секунд на то, чтобы узнать эти медово-русые волосы.

Это была сестра Тали, убитой девочки из леса. Жертвы Дуллахана. У меня не было ни малейшей догадки, почему она остановилась передо мной и почему смотрела на меня с такой серьёзностью, но моё сердце забилось сильнее.

Я не успела ничего сказать, она заговорила первой.

— Это ведь ты мне помогла, да?

Её слова стали ударом под дых, почти физически ощутимым. Я попыталась скрыть своё удивление.

— Я не...

— Я видела тебя. Знала, что что-то произошло, почувствовала магию вокруг себя, совсем другую магию. Никогда раньше не испытывала ничего подобного. — Она смотрела на меня внимательно, без тени сомнения в карих глазах. — Я вышла из дома и увидела, как ты уходишь. И это ты нашла мою сестру.

Значит, она всё почувствовала, заметила меня и сопоставила... Кому она могла об этом рассказать? И что именно?

Не замечая моей нарастающей паники, она протянула мне что-то. Это были бумажные цветы, такие же, как те, что я видела в её комнате через окно.

— Мне не важно, что произошло на самом деле. Я была на грани отчаяния и вдруг смогла снова дышать, — добавила она тихо; это явно было нечто глубоко личное. — Так что я просто хотела сказать спасибо.

Она ушла, оставив меня стоять там, обескураженную, с цветами в руках. Кто-то поблагодарил меня за использование тьмы? Конечно, я сильно сомневалась, что она вела бы себя так же, если бы знала, что за магия подействовала на неё в тот день, прикоснулась к её коже и передала последние мысли её сестры. Тем не менее...

Я посмотрела на цветы, чувствуя, как сжимается сердце. На каждом из них было коряво написано «Эмбер и Тали».

К вечеру почти все были измотаны после стольких часов без сна. Бельтайн подошёл к концу. Мэддокс понёс Гвен на руках в таверну. Мы с Сейдж последовали за ним. Я посмотрела на течение Муирдриса и задумалась, отмечал ли Фионн Бельтайн хоть как-то.

Перед тем как мы разошлись по своим комнатам, Мэддокс бросил на меня выразительный взгляд. Я слегка качнула головой, и он кивнул. Подмигнув напоследок, он унёс храпящую Гвен.

— Я бы спросила, понравился ли тебе Бельтайн, но похоже, что ты нас всех переплюнула, — сказала Сейдж с лёгкой улыбкой на губах.

Если выбирать между той Сейдж, которая называла меня идиоткой и ребёнком, и той, что стояла сейчас передо мной, то вторая явно выигрывала. Они с Гвен решили, что между мной и Мэддоксом произошло нечто большее.

— А тебе? — вернула ей её же вопрос. — Понравился праздник?

О фее я знала меньше, чем о Гвен. Ни о её интересах (помимо желания постичь искусство друидов), ни о том, откуда её семья, хотя её происхождение было очевидно.

На мгновение её тёмный взгляд устремился вдаль и затерялся в пространстве. Спустя несколько секунд она рассеянно кивнула.

— Да. На самом деле, да.

— Я рада, — искренне отозвалась я.

Она моргнула и отступила на шаг назад.

— Да… Ну, спокойной ночи, Ланн.

И только по возвращении в свою комнату я осознала, что она назвала меня сокращённым именем, выбранным Гвен.

Глава 41

Помните: демоны, даэг-ду – наши союзники. Возможно, иногда они поддаются своим низменным инстинктам, но они пришли из Иного мира, чтобы помочь нам со всеми нашими бедами. Вам жалко дать им немного крови взамен?

Пропаганда Двора

Спустя два дня после возвращения в Эйлм и Мэддокс, и девушки были вынуждены вернуться к своим обязанностям охотников. Как оказалось, случившееся на параде не было единственным запланированным нападением, и в Эйре начала распространяться атмосфера паники. Снесли статую Теутуса, подожгли одну из усадеб аристократов. Но настоящую тревогу вызвала новость о виконте Эремон, который был найден мёртвым в своём столичном особняке.

— Если это тот, о ком я думаю, то я помню его в окружении даэг-ду на Теу-Биаде, — сказала я. — Возможно, его смерть не имеет никакого отношения к мятежникам.

Сейдж кивнула.

— Мы думаем то же самое, но король хочет, чтобы в его драгоценной столице не осталось ни одной крысы, так что нам теперь предстоит организовать расследование и заодно попытаться спасти головы тех, кто заигрался в игру «Разгроми королевство».

Гвен, которая всегда смотрела на вещи под другим углом, вздохнула.

— Они борются за то, что считают правильным, как и мы.

— Дерьмовыми методами.

Хотя её собеседница была явно не согласна, она ничего больше не добавила.

Я встретилась с Мэддоксом в коридоре у наших спален. Он шёл с мешком, перекинутым через плечо, и копьём, прикреплённым к спине. На нём было полное обмундирование охотника. Не хватало только значка.

Это был первый раз, когда мы оказались наедине с той ночи в На-Сиог. После того как я сказала ему, что предпочитаю спать в кровати одна, он больше не настаивал. Я знала, что он даёт мне право выбора.

Проблема в том, что будущего у нас нет, и я не вижу смысла продолжать дарить свои чувства и эмоции тому, кого после спасения Каэли я больше не увижу.

Я даже не позволяла себе думать о том, что произойдёт осенью. Давление, которое я ощущала в груди, было невыносимым.

Мэддокс сбросил мешок и подошёл ближе. Я осталась стоять у двери своей спальни, не в силах решить, что делать.

— Помни, когда Морриган передаст твою сестру, нам ещё предстоит выяснить, в какую часть дворца её уведут, — повторил он то, что мы уже бесчисленное количество раз обсуждали накануне. — Как только узнаем точное место, мы с Гвен и Сейдж разработаем быстрый план. Нам известны тайные ходы, я могу попасть в королевские покои, у нас есть всё необходимое, чтобы вернуть её прежде, чем он сможет прикоснуться к ней хоть пальцем. Когда он задует чёртовы свечи, твоя сестра уже будет далеко от его лап.

Я кивнула. Несколько дней назад я бы перебила его и напомнила, что уже знаю всё это, но сегодня дала ему высказаться. Я уловила то, о чём он умолчал, по его взгляду, по тому, как он сглотнул.

— К чёрту, — выдохнул он, преодолевая расстояние между нами.

Он обхватил мою талию одной рукой и подтянул меня к себе, так что я встала на цыпочки, наши тела соприкоснулись, несмотря на его доспехи. Его поцелуй был жёстким, требовательным, и когда я попыталась вдохнуть, Мэддокс углубил поцелуй, скользя языком по моему языку. Когда волна удовольствия пробежала по всему моему телу, я не смогла сдержать стон и, сдаваясь, обвила шею Мэддокса руками.

Всё закончилось так же быстро, как и началось. С последним прикосновением губ Мэддокс позволил мне прийти в себя и отпустил. Его грудь тяжело вздымалась, на скулах появился лёгкий румянец. Я чувствовала жар, поднимающийся от рубашки к лицу.

— Прошу, не исчезай без причины, — произнёс он. В его голосе не было просьбы, это было что-то более грубое. Более острое. — По крайней мере, позволь увидеть тебя перед отъездом. Позволь...

«Позволь попрощаться», наверное, хотел он сказать.

«Прощания важны. Они дают понять другим, что ты думаешь о них перед отъездом, и будешь продолжать думать, даже когда будешь далеко».

Эта мысль приводила меня в ужас, но глядя в его глаза, я не смогла отказать.

— Хорошо.

Я провела свои последние дни в замке Сутарлан, читая всё, что могла, из библиотеки, наполняясь всеми запретными знаниями, которые там хранились и которые потом уже для меня станут недоступными. Веледа помогла мне создать небольшой дневник друидов, в котором я записала всё, чего не знала, или что думала, что знала, но делала неправильно до этого момента.

Если бы у этой девушки была магия, уверена, друид из неё вышел бы лучше, чем из Сейдж. И нет, я никогда не скажу этого воинственной фее.

— Один из членов Братства принёс несколько дней назад небольшой мешочек с кофейными зёрнами с юга. Попробуем? — предложила Веледа.

— Если мне удастся уговорить Хопа разрешить мне остаться на кухне больше пяти минут...

Мы вышли, обсуждая, как лучше всего растопить обиженное сердце брауни. Подходя к лестнице, мы едва не сбили того, кто поднимался по ней. Веледа, находясь слева от меня, резко остановилась, врезавшись плечом ему в грудь. Мне хватило быстрого взгляда на длинные пепельные пряди, и мои брови тут же взлетели вверх. Внезапно почувствовав себя заложницей на переговорах, я немного развела руки в стороны и сделала шаг назад.

Я осторожно оценила представшую сцену. Удивительно, но Веледа не отступила назад, как я. Она подняла свои прекрасные глаза и встретилась с взглядом Оберона.

Повисло молчание. Оберон казался... Богини, он выглядел как олень, застигнутый охотником в лесу. Одна его рука была поднята, словно он собирался поймать Веледу после столкновения, но передумал; другая держала книгу.

И как только я решила открыть рот, чтобы прервать этот странный момент, Веледа меня опередила:

— Тебе что, нужны очки?

В её тоне не было ни капли язвительности или насмешки, только любопытство.

Оберон моргнул и слегка прищурился, словно только в этот момент заметил, что у него на переносице очки с овальной оправой.

— Нет, — пробормотал он, торопливо снимая их.

Это какой-то театр абсурда. Во-первых, потому что Оберон замялся — впервые на моей памяти высокомерный фей выглядел настолько неуверенным в себе. Во-вторых, потому что очевидно, что очки ему нужны.

Веледа кивнула.

— Понятно, — пожала она плечами и указала на очки, которые Оберон сжимал в кулаке. — Они тебе к лицу. Что читаешь?

Пока фей, напоминающий ребёнка, которого только что отчитал учитель, открывал и закрывал рот, ничего не говоря, я подумала, не стоит ли мне убежать и предупредить кого-нибудь о том, что происходит. Что бы это ни было.

В последний раз, когда эти двое стояли так близко друг к другу, Веледа ударила его коленом в пах.

Она тяжело вздохнула.

— Ладно, Оберон, я не собираюсь больше нападать на тебя. Не пойми меня неправильно, ты это заслужил, и я не жалею. Теперь мы в расчёте.

К моему удивлению, фей бросил на меня косой взгляд. И как это понимать? Мне нужно уйти и оставить их одних? Или сказать что-то и увести её подальше?

— Мы были детьми, — продолжила девушка, видя, что Оберон молчит. Тот самый Оберон, который за словом в карман не полезет. — Я не… Давай просто не будем больше поднимать эту тему.

Оберон напрягся и нахмурился. Он, кажется, немного пришёл в себя, судя по тому, как крепче сжал книгу и пробормотал:

— Да, мы были детьми, но я… Но я ушёл не по тем причинам, о которых ты думаешь.

Тень пробежала по лицу Веледы.

— Неважно, это уже не имеет значения. Это было много лет назад, и, как я сказала, для меня вопрос закрыт.

Хмурое лицо Оберона становилось всё мрачнее. Я была почти уверена, что мне следовало тихонечко уйти и оставить их одних, как бы мне ни было интересно. У меня есть свои догадки о том, что могло произойти между ними. Похоже, Оберон поступил некрасиво по отношению к Веледе или произошло какое-то недоразумение.

Я не была уверена, но не стала бы расспрашивать о чём-то таком личном. Одно было ясно: воздух между ними накалялся при каждой встрече. Что бы там ни говорила Веледа о закрытом вопросе.

Молчание Оберона вновь затянулось, и Веледа повернулась ко мне.

— Ты всё ещё хочешь попробовать кофе?

— Конечно.

Девушка прошла вперёд и начала спускаться по лестнице. Я воспользовалась моментом, чтобы оглянуться на Оберона, который, казалось, ничего не заметил. Он смотрел на ковровое покрытие с таким напряжением, что это было даже немного пугающе. Впервые я увидела его таким, без улыбок и шуточек.

Возможно, он радовался, что избежал нового удара в пах.

Возможно, он обдумывал слова Веледы.

В ночь перед днём рождения принца я зашла на кухню. Хоп, находившийся на втором ярусе, игнорировал меня.

— Завтра я уезжаю и не уверена, что вернусь.

Ответа не последовало, только стук его прялки. Так даже лучше. Я проглотила ком в горле, чтобы озвучить то, что крутилось у меня в голове.

— Передай замку мою благодарность за то, что он принял меня, когда я приехала. Никогда прежде я не чувствовала себя настолько в безопасности. Для меня было честью находиться здесь и наслаждаться твоей вкусной готовкой, Хоп из Спорайн.

Я поспешила уйти, пока слёзы не брызнули из глаз.

Глава 42

Обычай иле обменивать младенцев была осуждена Триадой и четырьмя расами, поскольку богини стремились сблизить волшебный и человеческий народы. Объяснить некоторым существам, что подменять младенцев — это не весело, оказалось долгим и сложным процессом. Последний известный иле был младенцем-лепреконом, которого вырастили человеческие родители.

Из запрещённой книги «Двор Паральды»

Едва забрезжил рассвет, я уже сидела в карете по дороге в Эйре. Путь предстоял долгий, и рассчитывали мы прибыть к полудню, когда и должны были собраться гости. Как говорил мне Пвил накануне, последняя весточка от герцогини пришла несколько дней назад, но в ней подтверждалось, что всё идёт по плану. Приглашены все благородные девушки, а также несколько близких друзей принца. Это было торжество, предназначенное исключительно для тех, кто не был членом семьи, так как предполагалось, что у Брана будет другая, закрытая встреча с отцом и братом. Конечно же, это была очередная ложь для народа.

Во время долгих часов пути я размышляла о детстве двух принцев. О том, что принц Бран не всегда был таким, и ужасные обстоятельства изменили его до неузнаваемости. Это не оправдывало его поведение, но заставляло задуматься о выборе, который мы все делаем, и о том, что некоторые решения становятся точкой невозврата.

Это навело меня на мысль, что, возможно, я не монстр, каким всегда себя считала. Меня тоже пытались изменить обстоятельства. Мой опыт общения с людьми был ужасным, но я не ненавидела их только за то, что они такие. Я не смотрела на их округлые уши и невзрачные черты с садистической улыбкой, как это делал принц, глядя на сидхов.

Все разы, когда я причиняла кому-то вред, это было в целях самообороны. Я не была уверена, делает ли это меня лучше или хуже кого-либо, но я не была чудовищем.

Я не чудовище.

И чем больше я повторяла это, тем больше тьма соглашалась со мной.

Когда кучер предупредил меня, что до прибытия осталось меньше часа, я проверила, что мои кинжалы надёжно закреплены в ремнях под платьем, которое, как я надеялась, я надела последний раз в своей жизни. Его тоже выбрала Игнас — изысканная вещица из кружева, вышитая в оттенках от нежно-розового до глубокого фиолетового, с декольте в

форме сердца и маленькими перчатками в тон. Если бы не маскировочные чары на мне, это платье бы идеально сочеталось с моими глазами.

Возможно, герцогиня выбрала его именно поэтому.

Все украшения, развешанные на Теу-Биад, были убраны из Эйре, но столица всё равно оставалась жемчужиной королевства. Было уже утро, когда мы проехали по Луахре. Без такой толпы, как в прошлый раз, я смогла увидеть все фасады домов, лавки, салоны и кофейни, полные людей, поздно завтракающих в красивых накидках и громоздких шляпах.

Мы проехали живые изгороди из бирючины и железные ворота. Карета, качнувшись, остановилась перед главным входом во дворец. Пока лакей ставил подножку и открывал мне дверь, я сделала глубокий вдох и напомнила себе, что сегодня всё закончится. Моя игра должна была быть безупречной, чтобы, когда Каэли исчезнет, никто не заподозрил Плумерию и, соответственно, герцогиню. Мне нужно было лишь пообщаться с остальными девушками на празднике, ещё раз выразить почтение принцу и ни в коем случае не показывать ни одной эмоции, когда…

Я почувствовала её.

Каэли.

Она здесь!

Её сладкую энергию ни с чем не спутать. Она коснулась меня, как первые лучики солнца после затяжного периода холода и тьмы. Эта энергия скользнула по моей коже и согрела сердце. Каэли здесь, она жива; всё остальное не имеет значения. На моём лице засияла широкая улыбка.

Я всё смогу.

Это лишь вопрос времени, каких-то нескольких часов.

Я приняла руку лакея и вышла из кареты с колотящимся сердцем. Дворец оставался таким же красивым и чистым, как несколько недель назад, но теперь я знала обо всех тех ужасах, что могут скрываться за этими мраморными стенами. За моей спиной раздался звук ударов вожжей, и карета уехала в сторону конюшен.

Я осталась одна.

Я вошла во дворец, игнорируя слуг у двери, как подобает знатной даме. Едва я сделала два шага в просторный вестибюль с множеством лестниц, как вдруг две фигуры в чёрном преградили мне путь. Мой и без того учащённый пульс ускорился ещё больше, когда взгляд упал на их гематитовые значки.

Меня должны были встречать слуги, а не охотники.

— Ой! — воскликнула я, прижав руку к груди. — Что-то случилось?

Голос принца, весёлый и снисходительный, раздался из глубины вестибюля.

— Нет, нет, ребята, я сказал, что хочу лично встретить её, а не напугать.

Охотники отступили, пропуская принца Брана, направлявшегося ко мне быстрым шагом. Он был так же безупречен, как и всегда, только в этот раз на нём не было ни одного красного элемента. В шёлковой рубашке и с платком на шее — с него хоть сейчас можно было писать портрет.

— Плумерия, — поприветствовал он, протягивая мне обе руки.

Я без колебаний подала свои, и он поцеловал костяшки на обеих. Его шрам был особенно заметен в этот день, он был немного темнее его бледной кожи. Я изобразила самую яркую улыбку из моего репертуара, пытаясь отогнать страх, вызванный внезапным появлением охотников.

— Ваше высочество. Примите мои искренние поздравления с днём рождения. Надеюсь, вы получили подарок от дома Сутарлан.

Герцогиня заверила, что она позаботится обо всём.

Уголки его губ дрогнули, как если бы мои слова позабавили его.

— О да. Я получил его. Но чтобы этот день стал идеальным, не хватало только тебя.

Я захлопала ресницами.

— Вы всегда меня льстите, ваше высочество.

— Пойдём, дорогая. — Он взял меня за руку и положил себе на локоть, быстрым шагом увлекая за собой. — Я так много хочу тебе показать.

Охотники последовали за нами, соблюдая дистанцию. Я попыталась расслабиться. Это всего лишь охрана, которую принц всегда берёт с собой повсюду. Ничего больше.

Вместо того чтобы направиться к садам или в сторону бального зала, принц повёл меня вверх по лестнице, на второй этаж. А затем на третий, по коридорам, которые я не исследовала во время своего предыдущего визита. У меня не было ни малейшего представления о том, где обычно проходят такого рода праздники, но беспокойство начало нарастать.

Чем дальше мы шли, тем более пустым и тихим становился дворец. Не так я себе представляла празднование дня рождения принца.

— Я ещё не была в этой части дворца, — произнесла я с точно выверенной смесью любопытства и веселья. — Мы идём в особую комнату для праздника?

Выражение ликования не покидало его лица. Он кивнул, не глядя на меня.

— Именно так.

Мы вошли в более узкий, короткий коридор, по сравнению с предыдущими, с красным ковром, ведущим к одной-единственной двери. Здесь не было окон, по которым я могла бы как-то сориентироваться. Когда принц достал из кармана ключ, прямо как в прошлый раз, инстинкты закричали мне, что нужно бежать отсюда. Тьма насторожилась.

Я мягко высвободила руку из его.

— Ваше высочество, честно говоря, мне немного душно, возможно, от нервов. Позвольте мне отойти освежиться на минутку?

Дамы «освежались» в любое время дня, одним из их любимых занятий было собираться в дамских туалетах и сплетничать.

— Я уверен, что всё твоё волнение улетучится, когда ты увидишь, что я приготовил. Кроме того, ты была первой, о ком я подумал, когда получил свой подарок.

Он открыл дверь, и перед нами предстала мраморная лестница, ведущая вверх по спирали. Она была освещена золотыми бра, в отличие от секретного прохода, который показал мне Мэддокс. Поток воздуха, нисходящий по ступеням, взметнул мои юбки и волосы.

Запах, который он принёс, чуть не сбил меня с ног.

Это была Каэли.

Моя сестра сейчас на том конце лестницы.

Я сглотнула, заставляя все мышцы лица изображать удивление вместо ужаса. *Восхищение вместо отчаяния.*

— О, ваше высочество, неужели Морриган уже вручила свой подарок?

Он расхохотался, довольный.

— Сразу после полуночи. Для неё это очень пунктуально, не находишь?

Сразу после полуночи.

Каэли уже несколько часов находится в его руках. *Несколько. Часов.*

Я засмеялась вместе с ним, чувствуя тяжесть и боль в груди.

Бран указал на лестницу.

— Идём?

Я приподняла юбки и улыбнулась.

— После вас, ваше высочество.

Мои каблуки и три пары ботинок гулко стучали по ступеням. Я сосредоточенно сдерживала тьму, чтобы она не вырвалась наружу. На первой лестничной площадке было крошечное оконце, и я поняла, где мы находимся: в одной из остроконечных башен. «Возможно, он ведет её в свою игровую башню», — вспомнились мне слова незнакомки в саду королевы.

Когда мы поднялись на самый верх, мои бёдра горели от напряжения, но мне было не до этого. Я чувствовала, как усиливался запах Каэли, её энергия была повсюду. Плевать, насколько подозрительна вся эта ситуация. Да, все мои инстинкты кричат, что это плохая идея, но там моя сестра…

Принц открыл арочную дверь и сделал приглашающий жест. Сжав юбку в кулаках, я вошла в огромную круглую комнату с неотштукатуренными каменными стенами и высоченным потолком.

Первым, что я заметила, был холод. Жаровня, встроенная в пол, едва выделяла тонкую струйку дыма. С противоположной стороны комнаты, возле другой двери, я краем глаза уловила движение. Там стояли ещё двое охотников, а рядом с ними… Это что, клетка висит?

До меня донеслось слабое мычание. Такое тихое, что, если бы не эхо, я бы даже и не услышала.

На длинном деревянном столе посередине комнаты лежал коричневый комок. Мой взгляд упал на четыре вытянутые лапки и множество ужасных инструментов вокруг: капканы, кандалы, щипцы, ножницы... И повсюду была кровь. *Слишком много* крови.

— Да, — прокомментировал Бран за моей спиной, растягивая слова, — возможно, я слегка переборщил.

Всё перед моими глазами превратилось в одно сплошное тёмное пятно. Я бросилась вперёд без всяких мыслей, движимая только абсолютной необходимостью убедиться самой, что она… что моя сестра…

Мои бёдра ударились о стол. Взгляд обежал всю эту чудовищную сцену, всё это воплощение зла и варварства. Я едва смогла прикоснуться дрожащими пальцами к

медвежьей шерсти, слипшейся от крови. Тело всё изранено, веки сомкнуты, пасть приоткрыта, а грудная клетка едва шевелилась. Каэли вырвали все когти. И её маленький хвостик…

Воздух не доходил до моих лёгких. Всё вокруг начало качаться. Как той ночью в бальном зале, моё зрение заволокло чёрными пятнами. Тот же горячий поток тёмной силы поднялся по моим ногам, к груди, рукам и...

Чужие пальцы обвили мою шею и грубо сорвали камею. Защитные заклинания сдавили меня, сжимая и скручивая, пока не взорвались вспышкой ослепительного света, озарившей всю башню. Лишь мгновение спустя холодная, мучительная боль вонзилась мне в спину. Я в ловушке. Без воздуха, без магии, без чего-либо. Тепло и тьма исчезли. Сокрушающая слабость овладела моими костями.

Камея отскочила от стола рядом с Каэли.

Принц Бран прижал меня к своей груди. Силы покинули меня. Кинжал из гематита вонзился между моих рёбер.

— В нашу первую встречу ты скрывалась под не самым привлекательным обликом, верно? — прошептал он мне на ухо.

Он знал. Знал, кто я; знал, что Каэли — моя сестра.

Медленно, позволяя мне ощутить каждое мерцание гематита, разъедающего кожу, деформирующего кости, Бран вытащил кинжал и осмотрел лезвие.

— Тоже красная…

Он оттолкнул меня, и я повалилась на пол. Тяжело дыша, не в силах подняться, я чувствовала, как тьма пытается вернуться, выбраться из моей тени. Я думала о том, что прежде уже получала куда более серьёзные раны от гематита и смогла выжить. Бран не знает, что я быстро восстанавливаюсь. Если отвлечь его на достаточное время...

Не отрывая взгляда от окровавленного кинжала, принц тихо произнёс:

— Посади её на цепь, Эльфин.

Два охотника потащили меня по полу и рывком подняли, совершенно равнодушные к моей ране. Я стонала от боли, когда они выворачивали мои руки. Они сковали мои запястья цепью из гематита так туго, что кровь перестала поступать в ладони. Тьма и любой намёк на магию исчезли.

Я едва касалась пола носками туфель. Меня подвесили в воздухе в нескольких метрах от стола. Удар в рёбра вызвал колющую боль по всему телу. Из-за гематита, касающегося моей кожи, рана не заживала.

Мы с сестрой умрём в этой башне от рук принца-садиста.

Помимо боли, я чувствовала постоянные пульсации в ключицах. Отчаянные толчки, которые, казалось, пытались донести до меня какое-то сообщение.

«Метка, — смутно подумала я. — Она скоро проявится».

Бран положил кинжал рядом с остальными инструментами на столе. Дерево было тёмным и влажным, пропитанным кровью.

— Я ведь говорил тебе. Говорил, что найду тебя. Вот только я не ожидал, что тебе хватит наглости скрываться прямо у меня под носом, — признал он, усмехнувшись. — Это меня удивило, должен признать.

Он лениво облокотился на стол, словно на нём не лежало тяжело раненое живое существо, и скрестил руки на груди.

— Тебе, наверное, любопытно, как я раскрыл твой обман, верно? — Он ни секунды не ждал ответа. — Ну разумеется. Приведите их, пожалуйста.

Три охотника исчезли за другой дверью и через несколько спустя вернулись, волоча за собой три тела. Два уже мёртвых, но третье отчаянно вырывалось.

Моя челюсть задрожала.

Это была герцогиня. Избитая, изувеченная, с взлохмаченными волосами и синяками на лице. Чёрный кляп не давал ей говорить.

Принц не обратил на неё внимания, жестом показав, чтобы сначала приблизили двух других. Когда охотники бесцеремонно бросили их перед Браном, я даже не пыталась дышать или думать. На мгновение я почувствовала, как будто у меня земля ушла из-под ног, и не потому что я висела на цепях.

Плумерия и Дугалл подверглись всевозможным зверским пыткам перед смертью, это было видно с первого взгляда. Мучители не пожалели ни одной части тела. Девушку я узнала по волосам и белым перчаткам. Парня — по военной форме. Остальное было сплошным кровавым месивом, при виде которого у меня сдавило горло.

— Боюсь, что хороший солдат Дугалл даже не старался скрыть своего интереса к тебе. Мои гончие сообщили мне о взглядах, которые он бросал в твою сторону. Представь моё удивление, когда он последовал за тобой в сад той ночью и обратился к тебе, как будто вы давным-давно знакомы. Как такое возможно? Что общего могло быть у безграмотного парня из Хельглаз и племянницы герцогини? Ответ прост: ничего. — Бран безучастно смотрел на тела у своих ног, как будто не имел никакого отношения к этой жестокости. — Дальше пришлось приложить некоторые усилия, но в итоге он признался. Представь себе, он верил, что Плумерия Сутарлан на самом деле девушка по имени Эльма из Гальснана. И что у этой Эльмы была младшая сестра. Его рассказ заставил меня задуматься о том, где же настоящая Плумерия. Мои гончие нашли её в доме, унаследованном от её родителей-предателей, собирающей чемоданы для побега, тогда как ты загадочным образом исчезла.

Я пыталась дышать, но воздух не поступал. Моё горло сжималось при мысли о Плумерии, предвкушающей начало новой жизни. Что она почувствовала, когда увидела перед собой охотников…

Почему мы не узнали? Они забрали её ночью, в тишине? Никто в Эйлме этого не заметил?

— Отец был очень «рад» узнать, что весь род Сутарлан прогнил и что герцогиня Аннвин годами обманывала его. Верно, герцогиня?

Принц послал Игнас кривую улыбку. Его слова пронзили меня молнией.

Король уже знает?

Но что именно он знает? Абердин, Пвил, Веледа и Хоп сейчас в замке, они даже ни о чём не подозревают. Они в опасности?

— Кстати, несмотря на её худобу и чувствительность к боли, Плумерия выдержала мой допрос очень хорошо. Мне пришлось приложить немало усилий, прежде чем она

выдала, где ты находишься. На-Сиог. — Я быстро перевела взгляд на него, и моя реакция его обрадовала. — Именно так. Пока ты была в отъезде, занимаясь неведомо чем, она наслаждалась моим гостеприимством здесь. Мне стоило некоторых усилий убедить отца подождать и не отправлять войска немедленно в На-Сиог, где, как мы думали, не осталось ничего, кроме руин. Я сказал ему, что, если подождать немного, мы поймаем самозванку, водившую нас за нос. Ты ведь не могла просто бросить свою любимую сестрёнку, правда? — Он наклонился ко мне и понизил голос: — Я должен был привести тебя к нему, как только ты перешагнёшь порог дворца, но полагаю, после того, как я раскрыл ваш заговор, он простит меня за то, что я захотел поговорить с тобой наедине.

Охотник, державший Игнас, одним движением вытащил кинжал из-за своего пояса и безжалостно вонзил клинок ей в грудь, прямо в сердце. Глаза герцогини широко распахнулись, и из горла вырвался сдавленный звук. Она рухнула на пол и больше не двигалась.

Я зажмурилась, охваченная такой скорбью, что могла лишь мычать. Ничего из этого не должно было произойти. Я так и знала, что этим всё кончится. Мой ночной кошмар самым жутким образом становился реальностью.

До меня донёсся металлический звук.

— А теперь убедимся, что у тебя нет никаких секретов в рукаве.

Он подошёл с ножницами в руке. Я почувствовала, как металл касается моей кожи, но Бран сосредоточился на том, чтобы разрезать платье от декольте до талии. Он разорвал на куски последний подарок герцогини, сбросив куски ткани на пол и оставив меня в одном корсете, нижних юбках, чулках… и с оружием.

Он присвистнул, увидев кинжалы. Словно имея на это полное право, он начал ощупывать мои бёдра, осматривая ремни.

— Смотрите, ребята. Она пришла хорошо подготовленной.

Послышались смешки. Он разрезал ремни и вынул кинжалы. Покрутил их. Изящные узоры и инкрустированные камни сверкали на свету. Бран восхищённо провёл большим пальцем по красному камню.

— Изготовлено великолепно. Возможно, даже слишком для мерзкой сидхи.

Когда он понял, что кинжал изготовлен из гобийской стали, его лицо исказило презрение. Он впился глазами в оружие, причинившее ему боль на всю жизнь. Затем поднял взгляд на меня.

Я увидела такую сильную ненависть в его голубых глазах, что у меня побежали мурашки. Цепи зазвенели, когда он бросился ко мне и схватил за волосы. Другой рукой он впился в рану на моих рёбрах, вызвав у меня крик.

— Больно? Хорошо. Прежде чем отдать тебя моему отцу, я позабочусь о том, чтобы ты пожалела о той ошибке, которую совершила на пристани Гримфеара.

Моим же кинжалом он разорвал остатки моей одежды, как будто не хотел, чтобы хоть что-то осталось целым. Он избавился от моих туфель и чулок, затем разрезал нижние юбки. Несколько раз порезал кожу, случайно или намеренно, и ткани окрасились в красный. Я закусила губу, чтобы не издать ни единого звука.

Когда он закончил, его дыхание было тяжёлым.

— Удивительно, насколько ты похожа на человека… даже здесь, внизу.

Его пальцы, холодные и безжалостные, резко вошли в мою промежность.

Я вздрогнула, одновременно от неожиданности и боли. Жестокий смех Брана эхом отразился от голых стен башни.

— Не переживай, я не имею ни малейшего желания трахнуть сидху. — Он толкнул пальцами пару раз и затем медленно убрал руку, надавливая кверху так, чтобы я прочувствовала все его кольца. — Слышал, вы заманиваете мужчин обещанием плотских удовольствий, а потом их члены отваливаются.

Я тоже слышала эти истории, но в совсем другом контексте: мужчины-люди, которые ходили по лесам или близ озёр в поисках красивых сидх, обманом выманивали их, а затем насиловали. В ответ сидхи вершили правосудие.

Бран отступил на пару шагов и посмотрел на меня, склонив голову.

— Думаю, поэтому ты так красива. Красивая обёртка, скрывающая монстра внутри.

Я заставила себя улыбнуться.

— И это мне говорит принц, внутри которого живёт настоящий садист. Разве не тебя прозвали Серебряноволосым за красоту?

— Заткнись!

Пощёчина. Я почувствовала жгучую боль. Одно из колец зацепилось за мою губу, надорвав кожу. Кровь закапала.

Я тихо засмеялась.

— Ты такой предсказуемый, принц. Взять хотя бы весь этот цирк, который ты устроил со мной. Скажи, это помогает тебе чувствовать себя более сильным, значимым? Помогает забыть, что ты просто ничтожество даже в своём собственном королевстве?

Его взгляд становился всё холоднее, а рот кривился в выражении чистого отвращения, нескрываемой ярости. Один из охотников у двери беспокойно заёрзал. Возможно, с моей стороны было не очень умно дразнить безумца, но он отобрал у меня всю магию, кинжалы, возможность двигаться и защищаться. Он пытал мою сестру и убил Дугалла, Плумерию и Игнас.

Я не могла смолчать.

Меня охватила такая ярость, что будь у меня в тот момент тьма, то я бы уже не смогла скрыть, кто я такая и от кого идёт мой род.

К счастью, он ещё не лишил меня языка и возможности ранить словами. У меня было время узнать его получше, я вижу все его тайные желания и истоки проблем.

— Ты, наверное, побежал к папочке при первой же возможности похвастаться, не так ли? Это был идеальный повод, чтобы вновь привлечь его внимание. Скажи, он впустил тебя в свои покои? Он хоть раз взглянул на тебя, пока ты рассказывал ему о заговоре?

Ещё одна пощёчина.

Я засмеялась ещё сильнее, почти как безумная.

— И, кстати, принц, достоинство женщины не связано с её полом. Думаешь, что, раздев меня и ощупав, ты унизил меня? — Я усмехнулась ему в лицо. — Если твои ручные псы не знали, что ты девственник, то теперь знают.

Он взмахнул кинжалом, только уже не для того, чтобы разрезать одежду, которой на мне больше не было. Я приготовилась к удару, но в этот момент один из охотников выкрикнул:

— Капитан!

Он указывал на меня. Принц застыл, а на его лице постепенно отразилось изумление. Лишь спустя несколько секунд до меня дошло, что он смотрит не на лицо, а ниже.

У меня перехватило дыхание. *Метка.* Она не переставала пульсировать, я никогда ещё не чувствовала её с такой силой. Словно она хотела вырваться из моей кожи.

Бран остановился в нескольких сантиметрах, его глаза были прикованы к моим ключицам.

— Я знаю, что это такое, — прошептал он. — Но это невозможно. Метки перестали появляться с тех пор, как вымерли драконы.

Нет, нет, нет…

Он не должен был это узнать.

Принц начал ходить кругами, разговаривая сам с собой, делая одну догадку за другой. Паника поглощала меня. Я знала, что эта метка показывает связь между двумя индивидами, один из которых — дракон. Гонимый жаждой крови, Бран постарался разузнать всё возможное о магических расах. Он дал мне это понять в зале трофеев.

Его ищейки внимательно слушали его, украдкой поглядывая на меня и на метку. В воздухе витала тревога, пока их капитан расхаживал из стороны в сторону, потирая подбородок, погружённый в свои мысли.

А затем он резко остановился. Снова взглянул на мою метку издалека.

— Если коснуться в нужной точке... И преподнести отцу нечто столь необыкновенное...

Он снова приблизился ко мне, с кинжалом в руке. Грубыми пальцами он ощупывал узор, заставляя меня стиснуть зубы.

— Метка горит, это знак? Мы разозлили твоего спутника? Уже? — В его голосе не было ни насмешки, ни презрения, как раньше, только любопытство. Глубокое и зловещее любопытство. — Так или иначе, я хочу быть уверенным, что он получит сообщение и поторопится.

Затем, прежде чем я успела среагировать, Бран вонзил гобинский клинок в меня. Сначала я ничего не почувствовала. Удар был настолько точным и быстрым, что моему телу понадобилось несколько секунд на осознание.

Но всё же оно пришло.

Я закрыла глаза, когда раздирающая боль охватила меня. Кровь хлынула, стекая по груди и животу, образуя красные реки на моих покачивающихся в воздухе ногах.

Я пыталась дышать сквозь агонию, едва слыша бормотания Брана. Он… Он порезал меня прямо по ней. Прямо по метке.

Я могла бы поклясться, что услышала тёмный, пламенный голос Мэддокса:

«Держись, ша'ха. Я близко».

Это реально? Или мне почудилось? Я не знала, возможна ли связь без прикосновения к метке. И всё же в отчаянии ответила:

«Не приходи. Это ловушка».

Послышались быстрые шаги у второй двери. Солдат поспешил к одному из охотников. Прежде чем тот успел передать сообщение, что-то мощное сотрясло башню.

Камни заскрипели, вся конструкция пошатнулась. Меня раскачивало на цепях, пока некоторые инструменты падали со стола на пол. До меня вновь донёсся слабый стон моей сестры.

Принц Бран широко расставил ноги и раскинул руки, чтобы сохранить равновесие. Его лицо выражало искреннее изумление.

— Что, чёрт возьми, это было?

Второй удар. Будто что-то гигантское врезалось в стену башни. Солдат у двери подбежал к принцу. Он был бледен.

— Это… это ваш брат, ваше высочество.

— Что?! — взревел Бран, глядя на него как на безумца.

— Принц Сетанта… с… с крыльями. Он вошёл во двор и затем взлетел сюда.

Моё сердце сжалось. Какой-то другой вид тьмы, совсем не тот, что всегда сопровождал меня, овладевал мной, утягивая вниз, как это уже случалось в Гримфеаре. Край пропасти был прямо здесь, ожидая меня, но я…

Не могла.

Не могла упасть.

Мэддокс… он что, сошёл с ума? Я не могла в это поверить. Двадцать четыре года усилий…

— Ты сказал «с крыльями»? — переспросил Бран.

Двое охотников вбежали в зал, тяжело дыша, с мечами наготове. При взгляде на своего капитана выражение их лиц подтвердило то, что уже сообщил первый солдат.

В мигающем свете я увидела, как Бран опирается на стол, чтобы не упасть. Осознание правды обрушилось на него. Его плечи затряслись. Истерический смех вырвался из его горла. Прямо у нас на глазах принц Бран окончательно поддался безумию и разразился оглушительным хохотом.

Охотник по имени Эльфин осторожно приблизился к нему. Удары не прекращались.

— Капитан, нужно уходить отсюда. Мы обязаны обеспечить вашу безопасность.

Когда принц наконец смог говорить без смеха, он вытер слёзы и кивнул.

— Конечно. Разумеется. — Вздохнув глубоко, словно человек, избавившийся от огромного груза, он торжествующе взглянул на меня. — У меня много новостей для отца.

Глава 43

Люди и сидхи с запада имеют особенности в своём языке, которые распространились и на другие части Гибернии.
Если в твоей семье есть женщина, которую ты глубоко уважаешь, к её имени добавляется "са" в конце. А что насчёт восхитительного слова "ша'ха"? Само по себе "ша" означает конец. Но в сочетании с "ха" оно превращается в самое романтичное слово во всём королевстве.

Из запрещённой книги «Загадка слов»

Я почти не реагировала на происходящее после того, как принц залился смехом. Голова свисала против моей воли; я снова ощущала, как холод медленно, неумолимо овладевает мной. Только на этот раз, если я погружусь в эту тьму, будучи скованной гематитом, никто не сможет гарантировать, что я вернусь.

Я не чувствовала тело. Висела неизвестно сколько. Меня окружали лишь тьма и пустота, пока золотой луч света не озарил это место ужаса. Башня перестала трястись, я увидела падающую пыль и камешки, а затем почувствовала мощный вихрь, обволакивающий всё вокруг. И уловила его аромат, который уносил с собой зловоние смерти, заполонившее всё пространство.

Меня освободили от цепей на запястьях, и я оказалась в объятьях родных рук.

— Нет, нет, нет, ша’ха. Пожалуйста, нет...

В его голосе звучало столько отчаяния, столько боли, что я приложила титанические усилия, но открыла глаза, хотя веки казались тяжёлыми, будто придавленными всей этой каменной башней. Я увидела его лицо, слегка размытое, но увидела. И его глаза… Моё сердце дрогнуло при виде знакомого янтарного блеска, яркого, исключительного, — души дракона, заключённой в вертикальных зрачках.

Но что-то было не так.

Я не могла определить, что именно, но в его облике было что-то странное.

— Моя сестра… Моя сестра… — всхлипнула я.

Краем глаза я заметила движение, и тут что-то тёплое накрыло меня.

— Она жива, — услышала я голос Сейдж. Такой же серьёзный, как и всегда, но в нём появились нотки неуверенности. Ей было страшно. — Вам надо уйти. Мы справимся сами.

Мэддокс ответил резко, его слова прозвучали как удар кнута, но их смысл потерялся среди шипящих голосов в моей голове, похожих на шипение змеи.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Мы вдруг взмыли в воздух. Я касалась носом шеи Мэддокса, чувствовала его запах, отгоняющий холод и тьму, и энергию Каэли, прямо здесь, с нами. Но как бы мне ни хотелось насладиться этим полётом, я не могла. Я довольствовалась тем, что слушала хлопанье его мощных крыльев.

Если это станет последним, что я слышу в своей жизни… то это прекрасно.

Ледяной воздух Гибернии чуть взбодрил, и я прошептала:

— Тебе не следовало приходить за мной.

Его руки напряглись, сжимая меня в объятьях.

— Теперь ничто в этом королевстве не помешает мне защищать тех, кто мне дорог, — ответил он тёмным тоном, наполненным обещаниями мучительной смерти.

Не знаю, много ли времени прошло, но в какой-то момент я услышала его судорожный выдох у моего виска.

— Прости. Прости, что не пришёл раньше. Мне так жаль, что вы оказались в лапах этого ублюдка. Прости...

— Перестань. Я… — У меня закружилась голова. — Если меня не станет… защити Каэли. Позаботься о ней.

— Никуда ты не денешься, ша'ха, — возразил он с абсолютной уверенностью, как будто верил, что может приказать моему телу перестать истекать кровью и заживить раны от гематита. — Ты здесь, со мной. Слышишь меня?

Я чувствовала, как губы, глаза и даже язык становятся холодными. Ледяными.

— Я разрушила твой великий план.

Последнее, что я услышала перед тем, как окончательно провалиться в темноту, был его шёпот:

— Ты спасла меня.

Тьма отчаянно бьёт меня по щекам.

Она хочет, чтобы я проснулась, чтобы боролась, но не понимает, что я слишком устала.

После очередной попытки она отступает.

Затем возвращается вновь, но уже не одна.

Ко мне подползает змея. Большая, толстая, с блестящей переливчатой чешуёй. Я не могу понять, какого она цвета, такое впечатление, будто она всех цветов сразу.

Она останавливается рядом со мной, и я могла бы поклясться, что она смотрит на меня с упрёком, насколько это возможно для животного.

— Я могу спасти вас с сестрой, — произносит она. Ого, она ещё и разговаривает. — Но взамен я на время заберу её с собой.

Я знаю, о ком идёт речь.

Каэли.

— Да, да, — всхлипываю я. — Спаси её. Не дай ей умереть, пожалуйста, не дай…

— Тсс, — перебивает меня змея. — Не надо меня умолять. Это раздражает.

После чего она раскрывает пасть до невероятных размеров и вонзает в меня четыре клыка.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Я проснулась в хорошем состоянии. В голове была некая дымка, скрадывавшая беззвучный крик, пытавшийся мне что-то сказать. Я со вздохом перекатилась на спину. Что-то тёплое тут же схватило меня за руки.

— Ланн?

Гвен. Я открыла глаза и увидела её рядом, на краю кровати. Она выглядела неважно. Её красивые черты лица выдавали утомление. Даже волосы были растрёпаны и свисали беспорядочной массой через плечо.

— О богиня Ксена, — всхлипнула она и упала головой на матрас, не переставая меня касаться. Её плач поразил меня. — Спасибо, спасибо…

Туман внезапно рассеялся, и поток воспоминаний нахлынул на меня. Я скинула ноги с кровати, едва не задев бедную Гвен. Мы находились в замке Сутарлан, я была в этом уверена. Я ощущала это чувство принадлежности, это лёгкое невидимое объятие, но спальня была мне незнакома. Она была больше, чем моя, с тёмной мебелью и синими простынями.

Когда мои босые ноги коснулись пола, тьма тут же обвила мои лодыжки, давая понять, что она тоже здесь. Я почувствовала покалывание в ключицах.

— Сколько времени я провела без сознания?

— Всего полтора дня. Но это было…

— Гвен, со мной всё в порядке, — мягко произнесла я, коснувшись её головы. — Лучше скажи мне, где моя сестра.

Когда она подняла лицо, мне не понравилось её выражение. В нём была некая неопределённость, словно она не знала, как лучше поступить, что сказать.

— Она жива, — твёрдо сказала я. — Я чувствую это.

Гвен удивлённо заморгала, слёзы, застрявшие на её ресницах, покатились вниз.

— Чувствуешь?..

Я встала. Гвен следила за моими движениями, словно боялась, что я упаду, но стояла я уверенно.

— Подожди, не спеши. У тебя не кружится голова?

Меня беспокоили только тугие повязки на груди и рёбрах. Они были видны через свободную рубашку. Я нахмурилась, касаясь их.

Мои раны. Они были серьёзными.

Я вспомнила, как летела на руках Мэддокса; было холодно, и меня не отпускало ощущение, что я нахожусь в шаге от того, чтобы заснуть и не проснуться.

Что-то ещё бродило в глубине моего сознания, похожее на шипение.

Дверь распахнулась.

У меня перехватило дыхание, когда я увидела его. Такой же большой и внушительный, как и всегда, но занимавший вдвое больше места из-за крыльев, вновь выросших из его спины. Они затрепетали, когда я посмотрела на них, раскинутых настолько, насколько позволяло пространство спальни.

Затем я снова взглянула на его лицо, ища янтарные глаза, и...

Изумлённо уставилась на два толстых чёрных рога, выходивших из его головы, с изгибом вниз, к голове, и торчащими в стороны острыми кончиками. Такими же острыми, как шипы на крыльях.

В прошлый раз, когда маскировочные чары спали, у него их не было, я точно помню. Откуда?..

Он пересёк спальню в два шага и обвил меня своими сильными руками, прижимая к себе.

— Аланна, слава богиням... — Одна из его рук вплелась в мои волосы, удерживая голову, а нос уткнулся в изгиб моей шеи, вдыхая запах. Краешек одного из рогов слегка касался меня. — Ты очнулась. Ты... — Он отстранился и посмотрел на меня с тревогой. — Как ты можешь стоять? Ты...

— Со мной всё в порядке, — поспешила заверить я. Мне хотелось его успокоить. Да и это чистая правда.

Его взгляд остановился на перевязанных ранах, и я заметила момент, когда что-то мрачное появилось в глубине его глаз. Такие янтарные, что казались почти жидким золотом, они наполнились жаждой крови и обещанием мучительной смерти. Мэддокс медленно вдохнул через нос, чтобы взять себя в руки. По моей спине пробежал холодок.

— Он заплатит за то, что сделал с тобой и твоей сестрой, ша'ха, — пообещал Мэддокс голосом, полным смертельной угрозы.

В голове заметались мысли, точно снаряды. Мой мозг пытался переварить всё, что свалилось на меня за такое короткое время. Особенно крылья, рога и выброшенные за борт двадцать четыре года самопожертвования. Не только Мэддокса, но и многих других.

Я застегнула рубашку.

— Со мной всё в порядке, — повторила я третий раз за несколько минут. — Я хочу увидеть свою сестру.

Он не колеблясь кивнул. Угроза всё ещё витала в воздухе вокруг него, как предвестник бури.

— Я отведу тебя к ней.

Он взял меня за руку, и мы вышли в коридор. Почти сразу наткнулись на картину, на которой был изображён Толл-Глор. Я поняла, в какой спальне меня разместили. Со стороны лестницы доносились громкие голоса. Пока мы спускались вниз, Мэддокс шёл впереди, я за ним, и мой взгляд всё время падал на его рога. С ними он казался значительно выше.

В вестибюле замка шло какое-то собрание, но при моём появлении все голоса смолкли. Пвил держал в руках бумагу, и все собрались вокруг него. Абердин, Веледа, Сейдж и Оберон с двумя своими помощниками, Персиммоном и Мэдоу. Никто из них не был рад встрече.

И больше всего меня поразило то, что у двух последних не было никаких чар, скрывающих их фейские черты. Они выглядели почти так же, как в На-Сиог.

— Аланна. — Пвил закрыл глаза; его лицо озарило облегчение.

Я сжала руку Мэддокса, думая, что все набросятся на меня. Я чувствовала себя эгоисткой, но Каэли...

— Сначала я отведу её к сестре, — сказал Мэддокс. Затем бросил пристальный взгляд на Оберона. — Продолжайте заниматься своими делами.

Хотя они и кивнули, было видно, что им хотелось лично убедиться, что со мной всё в порядке. Я натянуто улыбнулась им и позволила Мэддоксу повести меня на кухню. Оглядываясь вокруг, я чувствовала себя очень растерянной.

— Она в порядке, но всё ещё очень напугана. — Дракон медленно подошёл к нижней части чердака, где были сложены ящики, мешки и бочки. — Проснулась несколько часов назад и бегала по всему замку, пока не спряталась здесь. Мы не хотели её беспокоить.

Сердце так сжалось, что, казалось, застряло в горле. Я искала среди всех этих предметов знакомое лицо, зелёные глаза, маленький...

Между двумя бочками показался маленький коричневый носик. К моему удивлению, там были и Хоп с Дедалерой. Кабан дремал на лапах, похрюкивая во сне. Брауни стоял, скрестив руки, и, увидев меня, нахмурился.

— Ну наконец-то! Этот маленький комок шерсти разнёс всю мою кладовую.

Я встала на четвереньки и подползла ближе.

— Леэки? — прошептала я. — Это я. Аланна'са.

Носик задрожал, принюхиваясь, и тогда между бочками протиснулась маленькая мохнатая головка, раздвигая их. Пара чёрных глаз смотрела на меня. Через секунду медвежонок бросился ко мне на руки.

Я прижала её к груди. Она нетерпеливо облизывала моё лицо, пытаясь забраться лапами выше. И я... я заплакала. Мне хотелось остаться в этом моменте навсегда, окутанной энергией моей сестры, чувствовать её рядом, живой.

Краем сознания я ощущала, как тьма кружит позади, тоже желая подойти ближе.

Рука Мэддокса легла на мой затылок.

— Вы обе в порядке, — сказал он, словно знал, что мне нужно это услышать. — Вы в безопасности и вместе.

Я облокотилась на него, с Каэли, прижавшейся к моей груди, и позволила себе ощутить весь этот поток чувств, не чувствуя ни капли стыда, под тихий шёпот Мэддокса.

Когда я смогла дышать спокойно, не переживая все чувства мира, я провела руками по мохнатому телу сестры. Никаких ран, её лапы были в полном порядке. Как и я, она полностью излечилась. Так даже наша кровь не смогла бы.

Я посмотрела ей в лицо. Слёзы размером с жемчужины катились по её носику.

— Теперь ты можешь вернуть человеческий облик, — прошептала я. — Опасности больше нет.

Я почувствовала, как Мэддокс немного отодвинулся за моей спиной.

— Пвил пытался это исправить, но сказал, что не чувствует никакой чужой магии, действующей на неё. Он не знает, что с ней сделала Морриган.

Я сглотнула. Сердце заболело. Даже сейчас, когда всё развалилось из-за меня, я не могу быть с ним честной. Он появился при дворе в своей драконьей форме, с крыльями и рогами. Бран узнал об этом, многие солдаты и охотники видели его. Сколько людей в Гибернии уже в курсе, что их престолонаследник не просто сидх, но ещё и дракон? И как это изменит ситуацию? Потому что это точно изменит.

Голоса в вестибюле стали громче. Судя по тону, что-то случилось.

Мэддокс мгновенно вскочил на ноги и потянул меня с сестрой. Я побежала за ним. Когда Каэли заволновалась у меня на руках, я прижала её крепче к груди.

— Они друзья. Здесь тебе нечего бояться, леэки.

Главная дверь была открыта, и все вышли из вестибюля во двор. Среди фигур, рук и ног я заметила, как что-то белое двигалось на земле. Слабо доносился приглушённый звук, напоминающий трубу.

Подойдя к Веледе, я увидела Фиру.

Лебедь, охранявшая вход в На-Сиог, корчилась на земле. Пвил и Оберон стояли на коленях рядом с ней, пытаясь успокоить. Я не понимала, что с ней, пока не увидела красное пятно среди её белоснежных перьев. Из живота птицы торчала стрела.

Я резко вдохнула.

— На-Сиог…

Мэддокс, стоявший рядом со мной, посмотрел на меня.

— Что?

— Бран всё узнал! — Страх обрушился на меня холодным душем. — Он пытал Плумерию… И она… — Нет, я не могла думать о том, в каком состоянии я её увидела, о том, что сделали с её телом. — Король собирался послать войска в На-Сиог, чтобы проверить, но ждал, когда Бран сначала схватит меня…

И то, что Фира прилетела сюда, умирающая, могло означать только одно. По мере того, как мои слова доходили до окружающих, у них вытягивались лица, Гвен ахнула. Фира последний раз взмахнула крыльями и замерла. Навсегда.

Оберон, державший стрелу, чтобы не причинить больше вреда, медленно убрал руку.

Из-под тела лебедя выскользнула маленькая тень и побежала к моим ногам. Только я могла её видеть, и только я понимала. В смерти лебедя косвенно была виновата я. Она ощущалась так же, как те, кого я притянула ранее, сила её сущности была такой же.

После нескольких секунд молчания Мэддокс тяжело выдохнул.

— Мы должны отправиться в На-Сиог.

— Да, — мгновенно поддержала Гвен.

— Мы не знаем, какая там сейчас ситуация, — возразил Пвил, всё ещё гладя Фиру по шее.

Оберон презрительно скривил губы.

— Какие тебе ещё нужны доказательства? — с горечью рявкнул он.

— Держи себя в руках, — грозно предупредил Абердин, защищая Пвила.

Атмосфера сгущалась, наполняясь быстро меняющимися эмоциями. Я сама могла думать только обо всех тех сидхах, которые там счастливо жили: Секвана, Цето, Тантэ, Хигель, сестра Тали... Нет, это неправильно. Так не должно быть. Не могло несчастье обрушиться на этот тихий уголок всего через несколько дней после Бельтайна.

Но и Плумерия не должна была умереть под пытками, когда её светлое будущее уже было так близко, и Игнас не должна была погибнуть, так и не увидев освобождённую

Гиберию. Дугалл не должен был так страдать только из-за того, что ему не повезло оказаться во дворце в одно время со мной.

Пвил с трудом поднялся, его лицо было полно скорби.

— Я не об этом, Оберон. Кто-то должен встретиться с Уной, Ульстером и остальными в Эйре. Сообщить им, привезти подкрепление, если это необходимо.

Я впервые слышала эти имена, но догадывалась, что это другие члены Братства.

— Думаю, у них уже достаточно своих проблем с беспорядками, — сказал Абердин, держа в руках всё тот же листок бумаги, который я видела раньше.

— Беспорядками? — переспросила я.

— Новость о том, что в столице живой дракон и что им оказался принц, стремительно разлетелась; и вместе с ней разгорелся огонь восстания. Многие видели, как дракон пролетал над столицей. Известно, что он атаковал дворец. Учитывая хаос при Дворе, исчезновение капитана одного из элитных отрядов и предыдущие небольшие нападения… — Бумага хрустнула, когда он сжал её в кулаке. — Похоже, что в Эйре разразилась битва. Но ничего не слышно о передвижении армии.

Персиммон обменялся взглядом с Обероном и шагнул вперёд.

— Я поеду в Эйре.

Мэддокс фыркнул.

— Чтобы что? Выступить от имени Братства?

— Тебе-то какое дело? Разве у тебя нет забот поважнее?

— Не хотелось бы вернуться в столицу и обнаружить её в огне из-за того, что ты и твои дружки воспользовались беспорядками.

— Ну, иногда хороший пожар необходим. Помогает поддерживать баланс.

— Довольно! — Сейдж поспешила встать между ними двумя, когда они начали приближаться друг к другу, прожигая взглядами. Вытянув руки, она выпустила две мощные спиральные струи воздуха, которые ударили обоих мужчин, вынудив отступить. — Только детской драки нам сейчас не хватало.

Я никогда не видела, чтобы Сейдж использовала свою магию для нападения, обычно она изучала что-то более мирное. Честно говоря, это выглядело впечатляюще.

— Послушай свою сестру, — пробормотал Мэддокс, всё ещё сверля помощника Оберона взглядом. И с тем видом, который ему придавали крылья и рога, его слова казались ещё весомее.

Мой взгляд тут же устремился к Персиммону, вернулся к Сейдж и снова скользнул по фигуре фея. Брат и сестра? Теперь понятно, что мне показалось таким знакомым в Персиммоне. У них с Сейдж были одинаковые глаза и нос.

— Мы отправим Дедалеру, потому что она быстрее доставит сообщение, — сказал Пвил. — Но будем признательны, если ты поедешь туда сам, а затем выступишь в роли связного.

— Я поеду с ним, — добавила Сейдж. — Я ему не доверяю.

Персиммон принял обиженный вид.

— Серьёзно, Сейджеллус? Так ты говоришь о своём обожаемом старшем брате?

— По уровню невыносимости ты, в лучшем случае, на пятом месте моего рейтинга. Пойду за своими вещами, двигай задницу в конюшню. — Когда фея проходила мимо меня, взгляд раздражённой феи заметно смягчился. Она посмотрела на Каэли в моих руках и даже попыталась улыбнуться, что, без сомнения, давалось ей с большим трудом. — Я рада, что ты в порядке, Ланн.

— Спасибо, — искренне ответила я.

После этого все засуетились. Они собирались отправиться туда. Это логично. Что бы ни происходило в На-Сиог, будь то осада, неудачная попытка атаки или что-то намного хуже, никто не выказывал ни малейшего намёка на сомнение.

Дело было не только в причине. Там их друзья, семья, близкие, с которыми их многое связывало. На-Сиог представляла собой результат многолетней смертельно опасной деятельности против Двора и короля.

«Я не вижу ужаса, когда смотрю на эту долину. Я вижу, насколько мы стойкие, насколько сильно мы можем цепляться за своё даже в самых худших обстоятельствах».

Вспомнив слова Мэддокса, я крепче обняла Каэли, которая с любопытством высунула носик из сгиба моего локтя.

Держаться за то, что наше.

Дракон внезапно оказался передо мной и нежно провёл рукой по моей щеке. Волна приятных ощущений пробежала по всему моему позвоночнику.

— Я улажу несколько деталей и сразу же вернусь к тебе. Если ты действительно чувствуешь себя хорошо, можешь поехать со мной. Не хочу снова потерять тебя из виду, *sliseag*.

Затем он наклонился и подарил мне самый нежный поцелуй в губы, прямо там, чуть ли не у всех на глазах. И сразу после этого сделал то, что окончательно покорило моё трепещущее сердце: осторожно протянул пальцы к моей сестре, которая, в свою очередь, с любопытством понюхала их. Получив её молчаливое разрешение, он погладил её по макушке.

— Добро пожаловать, Каэли. Если бы не всё это, мы бы сегодня устроили пир в твою честь.

Его широкая спина с внушительными крыльями исчезли в замке вместе с Пвилом, Абердином, Гвен и даже Обероном.

Похоже, Мэддокс рассчитывал, что я отправлюсь в На-Сиог вместе с ними. *С ним.* Из-за этого я почувствовала одновременно и радость, и грусть. Желание и тоска переплелись внутри меня, так что я даже не заметила, как поднялась по лестнице, вошла в спальню, в которую Сейдж привела меня в первый день, нашла обувь и плащ. Мой пояс и оружие лежали на кровати; я несказанно обрадовалась, что их забрали из башни, не оставив в распоряжении Брана. Достав сумку из шкафа, я осталась стоять там, долго глядя в темноту.

Аромат орехов и чёрных ягод вывел меня из этого небольшого транса.

Веледа стояла на пороге, слегка хмурясь.

— Ты ведь не собираешься ехать.

Уверенность, с которой она это произнесла, была сродни пощёчине.

— Я... не могу. — Я указала на Каэли, которая крутилась у моих ног. — Не могу подвергать её ещё большей опасности. Я обещала, что, как только её верну, мы найдём безопасное место. И… я много раз говорила это. Им.

И ему. Я никогда не врала ему насчёт этого. Разве это не считается? Капля искренности ничего не стоит?

Всё звучало как чушь, дурно пахнущая ложь, оправдания. Это и правда, и нет. Сестре сейчас нужно почувствовать себя в безопасности, я точно знаю. Иначе почему она не вернула себе истинный облик? Веледа, должно быть, разглядела эту внутреннюю борьбу во мне, потому что глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Ты считаешь меня неблагодарной, — горько произнесла я.

— Нет, Алання. Поверь, я последняя в этом замке, кто станет тебя осуждать, — ответила она с необычной для неё долей едкости в голосе, хотя я понимала, что эта едкость направлена не на меня. — Я понимаю тебя. Она для тебя на первом месте.

Это правда.

Но ведь не только она имеет для меня значение?

Хотя какая разница? Это ничего не меняет.

— Прости, — прошептала я.

Она просто кивнула, её каштановые волосы качнулись на плечах.

— Если собираешься уйти, сделай это, пока все заняты. Сегодня им не до тяжёлых прощаний.

Я согласилась с ней. Не хочу перетягивать на себя внимание, когда есть куда более важные дела. И надеюсь, что необходимость спасти жителей На-Сиог станет для них достаточно веской причиной не следовать за мной.

Для *всех* них.

Перед тем как покинуть спальню, я сказала:

— Не сгибай запястье при броске, опирайся на доминирующую ногу и держи вторую руку вытянутой перед собой. Куда укажет твоя рука, туда полетит кинжал.

После тревожного взгляда она кивнула.

— Я думала, ты скажешь, что нужно слушать своё сердце, и оно само направит кинжал в нужную сторону.

— Это для дураков.

Глава 44

Хотя Ксена, Тараксис и Луксия представлялись в Гибернии сёстрами, кто знает, были ли они ими на самом деле? Они прибыли с далёких звёзд вместе с драконом, были божествами с непостижимой магией и никогда не говорили открыто о своём прошлом. Но независимо от того, текла ли в их венах общая кровь, вне всяких сомнений они были готовы отдать друг за друга жизнь.

Из запрещённой книги «Легенды и мифы»

Чем дальше мы отходили от замка и Эйлма, тем больше крепло во мне ощущение, что я всё делаю неправильно. Это было тошнотворное чувство, которое с каждым шагом выкручивало мои кишки, вынуждая постоянно оглядываться через плечо, будто я совершила преступление и скрываюсь от правосудия. Но когда мы с Каэли достигли рощи, ближайшей к деревне, возле которой Сейдж упорно искала ночды, все эти ощущения оставили меня в покое. Метка не пульсировала, не ощущалось ни малейшего покалывания.

Не знаю, почему я ощутила разочарование.

«Облегчение, — поправила себя. — Я должна чувствовать облегчение. Так всё будет проще, резкий разрыв легче пережить».

Каэли шла рядом, издавая рыки и стоны через каждый шаг, но я не могла её понять. О богини, как же я хотела снова услышать её нежный голос, её весёлые истории. Я хотела, чтобы она рассказала мне обо всём, что пережила, утешила меня и, возможно, чтобы я утешила её.

— Мы теперь одни, почему бы тебе не попробовать превратиться? — спросила я её.

Она ответила неразборчивым рычанием. Но затем, когда она застучала по камушкам на дороге, я поняла, что она, скорее всего, уже несколько раз пыталась, и всё тщетно.

Я не хотела поддаваться панике. У нас ещё большой путь впереди. И я уверена, что как она стала медвежонком, так же и вернётся в человеческий облик. Возможно, ей нужно более длительное время покоя и стабильности. Если дело в этом, я ей это обеспечу. Я сделаю всё необходимое, даже если придётся своими руками построить для неё дом.

К вечеру я узнала ту часть леса, по которой мы шли. Недалеко оттуда нас вывел кнок в Робабо. Если я найду те же камни и кусты, вряд ли там что-то будет. Входы меняли своё

расположение, и даже если бы я сумела уговорить лепрекона раскрыть мне тайну, мы бы потерялись в запутанных туннелях.

Чтобы сбежать от удушающей тишины, я рассказала Каэли всё о кноках, включая легенду о Рагман'даре.

— ...но он не умер. Он вырос один в той бескрайней тьме и...

Ветер появился из ниоткуда, и всё вокруг пришло в движение. Он принёс с собой магию, и, вдыхая его, я почувствовала запах тиса и лёгкое прикосновение к моим щекам. Желудок скрутило, и тьма активизировалась, как в дольмене Спорайн.

Но там это имело смысл, ведь это храм в честь богини смерти.

У моих ног Каэли издала нечто вроде воя и села на задние лапы. Она, казалось, ждёт чего-то. Я достала прямой кинжал и нож и встала так, чтобы Каэли оказалась между моих ног.

Сначала меня отвлёк шум ветра в ветвях. Но потом я услышала шелест. Тихая поступь по листве. Между двумя дубами возникла голубая светящаяся фигура. Это...

Женщина. Со зрелым лицом, суровой красотой в чётко очерченной челюсти и непроницаемых зелёных глазах. Она была одета как древняя воительница, в броню из полусфер стали, облегавших её плечи, и длинную чёрную тунику, доходившую до лодыжек, очерчивающую высокую, крепкую фигуру. Её спутанные тёмные волосы обрамляли черты лица и ниспадали на спину. Хотя во всём её облике читалась величественность, некоторые детали привлекли моё внимание: сталь на её плечах была помята и заржавела по краям, а туника выглядела изношенной.

Два парящих огонька красивого голубого оттенка, как у колокольчиков, колыхались рядом с её лицом, придавая её коже призрачное сияние. Блуждающие огоньки? Я не видела их с тех пор, как пыталась собрать водяные лилии на болотах Хельглаз.

В любой другой ситуации я бы уже бросила кинжал. Но инстинкты подсказывали мне оставаться на месте. Ну и тот факт, что моя сестра издавала радостные звуки, обращённые к незнакомке.

Шипение привлекло моё внимание. Змея из моих снов была у её босых ног.

Моё сердце забилось быстрее.

— Это ты, — прошептала я.

— Это я, — подтвердила женщина. — И я пришла за тем, что ты мне обещала.

«Я могу вас спасти. Но взамен я на время заберу её с собой».

— Нет, — пробормотала я, не задумываясь. — Ты не можешь её забрать.

— Забавно это слышать, учитывая, что ты сама умоляла меня об этом.

— Это было... Я думала, что это сон, я была без сознания.

— В бессознательном состоянии происходит множество важных вещей. В следующий раз тебе стоит быть внимательнее. — Она взмахнула рукой, унизанной кольцами, перед собой. — Иди сюда, девочка.

Хотя я попыталась схватить Каэли, её мех выскользнул у меня из пальцев. Я бросилась за ней, но змея скользнула вперёд, выводя кривую линию по земле, и поднялась между нами. В свете заката и огоньков её чешуя переливалась всеми цветами радуги.

Слишком красива для существа, вставшего между мной и сестрой. Что будет, если я отделю голову от этого длинного тела? Тьма попыталась прийти мне на помощь, но я удержала её скорее по привычке, чем осознанно.

В прошлый раз, когда я оказалась в подобной ситуации, я не могла пошевелить и пальцем, пока у меня отбирали Каэли. А теперь, когда мы пробыли вместе всего несколько часов...

— Ты можешь напасть на Керридвен, но лишь отсрочишь неизбежное, — тихо произнесла женщина, будто прочитав мои мысли. — И, мне кажется, у тебя есть дела поважнее, чем бродить по этим лесам, разве нет?

— Давай заключим сделку. Я сделаю всё, что угодно. Я могу...

— Мы уже заключили сделку, Аланна. И если бы ты знала, насколько это великодушно с моей стороны, то не стала бы спорить.

Мои мысли были в хаосе.

— Откуда ты знаешь моё имя?

Её глаза вспыхнули, или, возможно, это был эффект блуждающих огоньков.

— Я знаю имена всех, в ком течёт моя кровь и кровь моих сестёр.

Её кровь.

Я рухнула на колени, пока осознание того, о чём я уже догадывалась, но не могла поверить, не снесло меня ураганом. Женщина передо мной, величественная даже в своём упадке, была самой Луксией, богиней смерти. Сестрой Тараксис и пускай дальней, но всё же без сомнения нашей с Каэли родственницей.

Когда я смогла заговорить, мой голос был едва слышен:

— Значит, Теутус не убил тебя.

— Оставим воспоминания о сражениях на потом.

Я перевела взгляд на Каэли, которая подняла мордочку к женщине.

— Я увижу её снова?

— Разве я говорила, что собираюсь забрать её навсегда? Поверь, я не люблю детей. — Затем она опустила взгляд к своим ногам. — Прощайся.

Каэли подбежала ко мне, и я обняла её изо всех сил. Я вдыхала её запах, чувствуя, как горячие слёзы жгут глаза. Когда мы разъединились, я погладила сестру по пушистой макушке; горе и боль сжимали моё сердце так, что я едва могла дышать.

— На протяжении многих лет ты была для меня всем миром. Мой день начинался и заканчивался с твоей улыбкой, и единственным, что мотивировало меня идти вперёд, была ты. Ты захватила моё сердце в тот момент, когда родилась и схватила меня за палец, и... потерять тебя — это то, чего я боюсь больше всего на свете. Иногда мне кажется, что я это всё делаю по очень эгоистичным причинам. Прости, что не смогла тебя защитить, леэки. Хотела бы я, чтобы всё это исчезло, и мы снова были только вдвоём, вместе, у огня.

Она ответила мне новой чередой полумычания, полурычания.

— Она хочет, чтобы ты знала, что в тебе нет ни капли эгоизма, что ты просто напугана, — сказала Луксия. Я удивлённо посмотрела на неё. — И что она счастлива, потому что видит, что ты больше не одна. У тебя есть друзья и крылатый воин, чего она всегда и желала для тебя.

— Друзья?! — выпалила я, горько посмеиваясь над собой. — Я обманывала их всех. Они бы вели себя совсем иначе, если бы знали, кто я. Если бы знали о том зле, что я ношу в себе.

Луксия щёлкнула языком, будто змея, и недовольно пробормотала:

— Никогда бы не подумала, что одна из наших потомков окажется такой глупой.

В следующую секунду она оказалась передо мной и схватила меня за руку без всяких церемоний, с такой силой, что я ахнула. Передо мной тут же предстали образы и звуки.

Просторный зал с белыми стенами заполнен людьми, арфы, лютни и волынки играют весёлую музыку, в воздухе витает неопределённость. Женщина с жёсткими чертами лица и сжатыми губами наклоняется над колыбелью и неодобрительно смотрит на троих младенцев. Они красивы, да, но потенциально опасны. С другой стороны колыбели её сестра Ксена закатывает глаза.

— Так не смотрит любящая тётя, впервые увидевшая своих племянников.

Луксия огрызается в ответ:

— Для нежностей у них есть ты.

— Это верно, — соглашается та с улыбкой. — И что же ты им дашь?

Это хороший вопрос. Луксия долго раздумывает, зная, что мать детей внимательно наблюдает за ней с трона, едва ли не вонзая ногти в ноги от беспокойства. В итоге Луксия вздыхает.

— Что-то, что, возможно, не закрепится в них всех.

Она наклоняется и поднимает что-то с подошвы своих ботинок. Она растягивает это между пальцами, придавая форму тени, и делит на три части.

Ксена открывает рот.

— Что...

И тут Луксия роняет три облачка тьмы на младенцев. Двое из них чихают и начинают плакать, что привлекает внимание их матери. Третий же лишь шевелит носиком один, два, три раза и затем издаёт довольное гуление.

Тараксис быстро подходит к колыбели и пытается успокоить двух плачущих детей, на которых богиня смерти смотрит с презрением. Луксия одним пальцем прикасается к ножкам третьего младенца. Такие мягкие. Возможно, всё не так уж плохо.

Убедившись, что с её детьми всё в порядке, Тараксис шлёпает свою старшую сестру по плечу.

— Ты не могла просто подарить им чёрное одеяло с костяными нитями, как нормальная богиня смерти?

— Это поможет им выжить в враждебном мире.

Ксена смеётся. Тараксис обводит руками зал.

— Враждебный мир? В самом деле?

Бурча себе под нос, Луксия отходит от колыбели.

— Однажды ты скажешь мне спасибо.

Богиня смерти отпустила мою руку с меньшей резкостью, чем схватила.

Я застыла на земле, обескураженная, на несколько секунд.

— Тьма… Она не от Теутуса? Она… Она от тебя.

— Мой подарок за их ошибку. — Казалось, она не могла больше смотреть на меня, словно во мне было что-то, что вызывало у неё дискомфорт. — Я тогда не знала, понимаешь? Что грядёт… Я даровала тьму не для того, чтобы она стала оружием, а чтобы она была *защитой*.

Она выплюнула последнее слово, как будто это был кусок хлеба, застрявший у неё в горле.

Я…

Сама не понимала, что я чувствовала.

Тьма — моя защита?

Не проклятье?

Я посмотрела на свои руки и позволила тьме подняться вокруг моего тела, обвить мои пальцы. Она окрасила мои ногти в чёрный цвет, превратила их в когти. Тьма всегда была рядом, когда я принимала худшие решения, подталкивала меня к пропасти и заставляла наслаждаться кровопролитием. И хотя я часто ощущала облегчение, когда использовала её при необходимости, позже меня терзало чувство вины. Снова вспомнилась мать...

Луксия смотрела на меня с явным высокомерием.

— Тебя воспитала напуганная женщина, которой, в свою очередь, двигали страх и боль. Она учила тебя бояться самой себя, потому что не знала ничего другого. Но она ошибалась. — Луксия зарычала, словно раненное животное, загнанное в угол и уставшее от погони. — Не всё тёмное является злом, и не всё светлое — добром.

Мне вспомнились чёрные крылья Мэддокса и пепельные локоны Брана.

— Знаю, — прошептала я, — но мои глаза...

Богиня громко щёлкнула языком.

— Как у него, да, но они твои. Глядя на тебя, я не вижу ничего от того монстра. И поверь мне, я знала его очень хорошо. Встань же уже, ради звёзд!

Я послушалась, хоть и дрожала всем телом. Всю жизнь я боролась с самой собой и этой частью меня. Прятала тьму по многим причинам, но главным образом из-за стыда. Потому что она была меткой зла, потому что мне не посчастливилось родиться с даром от бога, который разрушил эту землю и установил царство ужаса. Его глаза, его сила — всё это доказательства того, что я потомок Теутуса...

Луксия встала передо мной. Всё в ней было жёстким, резким, холодным.

— Как ты уже видела, тьма пускает корни и расцветает не в каждом. Из трёх детей моей сестры только один её принял, и только один выжил. И на протяжении многих поколений она проявлялась лишь у немногих твоих предков. Для этого требуется невероятно крепкая, стойкая душа. Уж поверь мне, я собрала миллионы душ. — Она протянула руку ладонью вверх, и я инстинктивно поднесла свою, с почерневшими пальцами. Луксия крепко сжала мою руку. Я почувствовала, как тьма с радостью скользнула к ней, словно не было никакой разницы между нами. — Она будет столь же безжалостной или столь же милосердной, как ты сама. Она не несёт чувств, которых ты ей не показала. Поэтому она никогда не навредит твоим близким. И не пощадит тех, кто причинял тебе боль.

Я смотрела на неё, потрясённая, с сжавшимся сердцем.

— Она не от Теутуса. — Её пальцы крепко сжали мои, и её голос прозвучал глухо и зловеще. — Ни капли.

Когда богиня отступила, тьма осталась со мной. Я не стала торопливо загонять её обратно, как обычно. Я позволила ей и дальше обвивать мои плечи, бёдра и колени.

Я сделала дрожащий вдох.

— Если эта сила твоя, почему ты забираешь Каэли, а не меня?

— Потому что ты лишь немного запуталась. А она унаследовала гораздо больше от моих глупых сестёр и потому нуждается в большей помощи. — В её голосе послышались весёлые нотки.

Я кивнула, скорее сама себе, чем ей. Каэли спокойно смотрела на меня с земли.

— Наш род слишком долго скрывался, не так ли?

Громкий рык медвежонка вызвал у меня улыбку.

— До скорого, леэки, — прошептала я.

На мгновение передо мной предстал не медвежонок, а девочка. С её озорной улыбкой, прекрасными зелёными глазами и рыжими локонами.

«До скорого, Аланна'са».

Клянусь я это услышала.

— Позаботься о ней, пожалуйста, — с мольбой обратилась я к Луксии.

Невозмутимая, она лишь моргнула.

— Я сделаю лучше. Я научу её заботиться о себе самой.

Вдруг она повернула голову влево, прищурив глаза, всматриваясь в лес. Блуждающие огоньки зашептали что-то. Я тоже посмотрела туда, но не заметила ничего, что привлекло бы моё внимание или насторожило мои чувства. Не считая самой богини смерти, разумеется.

— Что случилось?

Богиня равнодушно подняла брови, наполовину удивлённо, наполовину скучающе.

— Кое-кто хочет убедиться, что ты найдёшь дорогу, — пробормотала она.

— Что?

Луксия развернулась и начала уходить, забирая с собой всё: мою сестру, змею, блуждающие огоньки и огромный кусок моего сердца.

— Выживи до нашего возвращения, — приказала она.

— И вы тоже! — крикнула я ей вслед.

После чего я осталась одна посреди леса, чувствуя себя одновременно сокрушённой и обновлённой. Я ощущала себя кувшином, который опустошили, а потом вновь наполнили. Но теперь я хозяйка содержимого. Я сама решаю, что там будет; и стыд за себя не входит в этот список.

Я протянула обе руки, и тьма соткала для меня чёрные полупрозрачные рукава.

— Ты моя, — прошептала я.

Один из завитков поднялся по моей шее, чтобы погладить по подбородку. У меня побежали мурашки по коже, и я слегка улыбнулась. Казалось, тьма шептала: *наконец-то.*

Несколько секунд спустя я услышала то, что Луксия заметила гораздо раньше меня. Топот копыт приближался ко мне, но я всё равно удивилась, когда Эпона примчалась как вихрь и остановилась в нескольких метрах от меня.

Из её ноздрей выходил белёсый пар, поднимающийся в воздух, а её изящные ноги подняли облака пыли, камней и листьев.

Однако то, что чуть не заставило меня снова упасть от потрясения, был длинный белый рог, выходящий из её лба и направленный прямо на меня.

— Это многое объясняет.

Глава 45

Рог единорогов позволяет им заглядывать в наши сердца. Они могут определить, чисты ли мы и какова наша истинная натура. Если только это не самка. Если это самка, бегите. Они непредсказуемы. Однако они будут подчиняться своему всаднику на протяжении всей своей жизни.

Из запрещённой книги «Двор Паральды»

Эпона не скакала, как обычная лошадь, она летела — естественно, ведь она чёртов единорог. Путь, на который в обычных условиях ушли бы дни, мы преодолели за несколько часов. Спорайн мы пересекали уже после захода солнца. Часть меня опасалась, что на нас нападёт стая слуагов, но никто нам не встретился. Это меня не успокоило.

Мы покинули лес, и перед нами открылось чёрное небо, усыпанное звёздами, с убывающей луной. Только когда кобыла начала спускаться по горному перевалу, я вжалась в седло, чтобы не упасть, и увидела… весь этот ужас.

Пламя было повсюду. Несколько чёрных крыльев мелькали вокруг. Эти крики ни с чем не спутать. Слуаги покинули Спорайн, но весь этот хаос они не могли устроить в одиночку. Чем ближе мы подъезжали, тем больше разрушений попадало в поле зрения. Когда Эпона сбавила скорость до рыси, мою душу разорвало в клочья.

Не было ни одного уцелевшего дома: стены сильно накренились, крыши обвалились. Стоял едкий запах огня, дороги были утоптаны сотнями копыт, всюду торчали стрелы. На небольшом холме, где когда-то возвышалась таверна старой Мэй, осталась лишь груда развалин, из которых торчал остаток колонны.

Проезжая мимо обугленного знака «Бестолковая рыба», я услышала приглушённые стоны. Я выхватила кинжал. Эпона нервно фыркнула. За каменной стеной врагов не было.

— Стой, стой, — попросила я Эпону. — Мне нужно спешиться.

Она помогла мне спешиться гораздо менее учтиво, чем когда становилась на колени, чтобы я могла взобраться на неё. Очевидно, что, хоть это и поручение Мэддокса, слушаться меня ей не нравится; я всё ещё ей не по душе. Она резко встряхнулась, сбрасывая меня на землю, но я удачно приземлилась на обе ноги и побежала к группе сидхов, прятавшихся за сохранившейся стеной.

Они с ужасом обернулись на звук моих шагов, но, узнав меня, успокоились. Я увидела раненые, испуганные лица, кровь, пепел… Богини, это было так похоже на то, что показал мне кнок несколько месяцев назад. Последствия войны.

Страшные стоны привели меня к двум фигурам на земле. Одной из них была Секвана, я узнала её по красным водорослям на месте волос. Старуха стояла на коленях, обнимая кого-то, и непрерывно стонала. Я видела лишь безжизненные ноги и хвост с кончиком, покрытым рыжей шерстью.

— Мой мальчик… — Скорбь Секваны была так сильна, что сдавила мою грудь, едва давая дышать. — Мой мальчик, мой мальчик…

Я прижала ладонь ко рту. Хигель. Неужели Хигель умер? Нет. Как такое возможно? Он же только что женился. Я ведь вот недавно осыпала его рисом.

Тьма скользнула по моей шее. Я проморгалась и обернулась к единственному сидху, кто не был в отчаянии. Это была молодая фея с живым, пламенным взглядом и луком в руках.

— Братство шло сюда. Где они?

— Битва перешла через мост в долину. После того как их охотники и демоны разрушили деревню, король провозгласил, что не оставит на земле больше ни следа Эпохи богинь.

У меня перехватило дыхание.

— Король пришёл лично?

Фея кивнула.

— С принцем, Дикими Охотниками, двумя Тёмными Всадниками и этими... — Она подняла лук и выпустила стрелу вверх. Через несколько секунд слуаг упал в нескольких метрах от нас. — …грёбаными тварями.

Без армии. Возможно, поэтому в Эйре не заметили, что отряд покинул столицу. Я вспомнила празднично украшенную деревню, полную сидхов, гуляющих и веселящихся. Я подумала о Нукелави и Дуллахане, и у меня свело живот. Я подумала о принце Бране, скачущем рядом со своим отцом, радующемся, что добился его внимания, и предвкушающем кровавую резню. Меня переполняла энергия, которую прежде я ощущала всего пару раз.

Я оглядела На-Сиог. Почти ничего не уцелело. Хигель был не единственным погибшим. Сквозь дым и туман я увидела много других тел на земле. Крики слуагов, кружащих над развалинами, звучали радостно, твари получили достаточно оив, чтобы насытиться.

Тогда я поняла, что нахожусь прямо там, где разжигали большой костёр. Я вспомнила безумную улыбку Сейдж, Оберона с его странными спутниками и то, что я пожелала, перед тем как пройти сквозь пламя.

«Я хочу, чтобы и я, и моя сестра были хозяйками своих судеб».

Мне не нужно ждать, пока мёртвые боги исполнят это желание. Я могу добиться этого сама. Я должна. Всю свою жизнь я была убеждена, что не имею права потакать своим чувствам и желаниям. Из-за моего происхождения.

«Я знала… знала, что это глаза зла».

Настоящей пыткой от моей матери было не то, как она выплёскивала на меня всю свою злобу и страх, а осознание того, что многие её слова находили подтверждение. Она умело переплетала необоснованную ненависть с реальными фактами. Нет, я не была свидетелем её ужасного детства и того, как её собственная мать, моя бабушка, была избита и повешена публично. В детстве я не знала, правда ли, что наша кровь проклята и что для нас нет никакого спасения. Неужели мы действительно просто козлы отпущения для всей Гибернии? Это ведь не может быть правдой, верно? Должны же быть где-то добрые души в королевстве, пусть даже их меньшинство.

Однако при каждом сомнении, которое у меня возникало, словам матери находилось подтверждение. Наша кровь проклята? Да, каждый раз, когда я пользовалась магией, наши жизни становились хуже. Мы являемся козлами отпущения для Гибернии. Мать моей матери заковали в цепи не люди, а сидхи, которые заподозрили, что она скрывает нечто важное. Они настолько отчаянно хотели обрести надежду, что им было плевать на её волю и желания. Нас с Каэли схватили в Эйре, меня посчитали мёртвой, а её заковали в кандалы.

Чем сильнее мать толкала меня к своей правде, к своей тьме, тем сильнее я упиралась, чтобы избежать этого. Я чувствовала себя глупо, если не верила ей, и раздавленной, если верила.

Теперь же я понимаю, что хоть наши предки действительно страдали, наша жизнь этим не ограничивается. Да, мысль о том, что будет со мной и Каэли, если всё королевство узнает правду, пугала, но это вовсе не значит, что мы должны стать монстрами или пешками.

Мы не должны быть ни тем, ни другим.

Я могу быть собой даже с таким наследием, даже с этой силой.

Возможно, я могла бы поверить в то, что другие видят во мне и что, как считается, определяет меня. Недоверчивая, хитрая, мстительная... Воровка, сестра, *sliseag*… Даже *ша'ха*, океан и ясень. Возможно, я всё это сразу, а не просто наследница проклятого рода.

«Мы всегда сами по себе. И если тебе хватит ума…»

Нет.

Голос матери внутри меня становился всё тише и тише. Возможно, он никогда не покинет меня полностью, но я сделаю его настолько незначительным, что он едва ли будет слышен.

Я снова повернулась к фее.

— Те, кто в состоянии сражаться, пересекайте мост. Важна помощь каждого.

Не дожидаясь ответа, я побежала к Эпоне и, оттолкнувшись от каменной стены, запрыгнула на её спину. Она молча понеслась к мосту.

Когда туман рассеялся, я увидела, что Долина Смерти больше не была такой пустынной, как в прошлый раз. Сотни следов на сухой земле вели к руинам. Вдали я увидела лошадей и всадников, охотников в чёрной униформе и множество слуагов, парящих над всем этим. Число людей и демонов, которых привёл король, не составляло батальон, но их было гораздо больше, чем нужно для такой деревни, как На-Сиог.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Огромный огненный столб взвился к небу. *Мэддокс.* Я даже не представляла, на что он способен без подавляющих чар, с полной мощью. Многие сидхи — вероятно, жители деревни — оказывали сопротивление. Тантэ и старая Мэй стояли спина к спине, сражаясь вместе после того, как потеряли единственное, что их объединяло. Немного дальше я увидела Абердина, передвигающегося вместе с несколькими вихрями земли. Звон мечей, всплески воды, всполохи огня, лианы, вырывающиеся из сухой земли и обездвиживающие охотников. Но магия при всех своих преимуществах порой уступала боевому опыту.

Мои ключицы зачесались впервые за несколько часов.

Я коснулась их, крепко держась за гриву Эпоны.

«Я здесь. Я помогу. Только не лезь на рожон».

Его ответ, полный удовлетворения, не заставил себя ждать. Я ощутила всплеск неконтролируемой силы, жара раскалённой лавы.

«Ты задержалась дольше, чем я думал, sliseag».

Эпона привела меня к ближайшей группе охотников. У меня не было длинного оружия или стрел, но мой изогнутый кинжал отлично справился с тем, чтобы перерезать две глотки на ходу.

— Вам привет от рода Сутарлан, — прошептала я.

Охотники быстро заметили, что к битве присоединился новый противник. Несколько из них попытались меня окружить, поэтому я спрыгнула с Эпоны и хлопнула по крупу. Не сомневаюсь, что этот шлепок она мне ещё припомнит.

— Иди. Я справлюсь.

Кобыла, сбивающая рогом всех врагов на своем пути, — это незабываемое зрелище. Один из охотников зацепился плечом и пролетел так несколько метров. Его крик потонул в шуме битвы.

Я развернулась к пятёрке приближающихся ко мне солдат, держа в левой руке нож из гобийской стали и в правой — изогнутый кинжал. Когда двое бросились на меня, размахивая мечами, я не сдерживала ни один из тех проклятых даров, которые всегда старалась скрывать. Я была быстрее, сильнее и ловчее. Противники даже руки поднять не успели, как я уже нанесла смертельные раны. Нож летел к третьему, и я попала прямо в горло, и пока он падал, я уже оказалась за спиной четвёртого.

Последний позвал ещё охотников, слуаги пытались устроить пир на телах своих собственных союзников. Я улыбнулась и подманила их рукой.

— Ну давайте, не стесняйтесь, ребята.

Я справлялась с каждым, кто попадался мне на пути. Энергия текла через моё тело как бурный ручей, с мощью самого Муирдриса, оживляя мои руки, мои ноги, освобождая разум. Тени павших слетались ко мне, одна за другой, но впервые в жизни мне это только придавало сил. Возможно, потому что я впервые убивала так много людей подряд.

Я ожидала почувствовать какие-то угрызения совести, но они так и не появились. Тьма хохотала вокруг меня, несмотря на то, что я её даже не использовала. Она была верным зрителем, тайным оружием, которое я планировала использовать только в

крайнем случае. То, что я приняла её, ещё не означает, что я забыла, на что она способна, если её выпустить.

Внезапно что-то чёрное упало мне на щеку. Кожа зачесалась, крик вороны заполонил всё вокруг. Я упала на спину, размахивая клинками во все стороны. Задела что-то мягкое. Перекатилась на бок и увидела упавшего ворона.

В метре от себя краем глаза заметила подол чёрного струящегося платья. Это была не ткань: тени скользили по потрескавшейся земле.

Я вскинула голову и встретилась взглядом с Морриган. Неоспоримо красивая, с косой кроваво-красных волос, цепями, пересекающими её нос, и глаза у неё были...

Голубые? Да. Сегодня оба её глаза были бледно-голубыми.

У меня не было времени на раздумья. Богиня войны смотрела на меня как на грязь под ногами.

— Что ты здесь делаешь, глупая девчонка? — возмутилась она.

Манера, в которой она задала вопрос, показалась мне странной. Будто мы ранее сидели и беседовали, и я пообещала дождаться её дома, пока она отправлялась на бой.

Я вскочила на ноги и приняла боевую стойку, крепко сжимая кинжалы. Из-за неё моя сестра провела не один час в лапах Брана и оказалась на грани смерти.

— Догадайся.

Я метнула второй кинжал, тот, на который она не смотрела, прямо в её живот. И да, он поразил цель. Я почувствовала мгновение удивления, когда кинжал вошёл в богиню по рукоятку.

Морриган, застонав, сжала губы так сильно, что они потеряли цвет. Когда она заговорила, её голос был полон страдания:

— Ты должна была прятаться в каком-нибудь углу вместе с малышкой, далеко отсюда.

Я недоверчиво смотрела на неё. Если это уловка для того, чтобы я потеряла бдительность, то худшая из возможных. Морриган всегда излучала силу и магию.

— Конечно, тебе так было бы удобнее.

— Глупая девчонка.

Богиня откинула голову назад, и луч света, казалось, отразился от её лица. Как блеск металла. Она приложила руки к лицу с криком, вонзив когти в кожу, словно хотела сорвать всё, что могла: глаза, нос, рот...

Между её когтями я заметила...

Это невозможно.

Почему то, что она всегда носит, причиняет ей боль?

Я не стала дожидаться объяснений. Стоны агонии богини не казались притворными, и меня больше беспокоило её лицо, чем то, что происходило передо мной.

Ловким и уверенным движением я бросила другой кинжал. Он поразил её в плечо, прямо под ключицу. От силы удара Морриган опрокинулась на спину; и я тут же оказалась над ней с поднятым клинком. Я обхватила её подбородок свободной рукой и вытянула шею. Я не верила, что гобинская сталь способна ранить богиню, как она ранила людей,

так что не собиралась рисковать. Лучше отрубить голову. Я не знала существ, которые могли бы пережить это.

Но в этот момент Морриган убрала руки от лица.

От увиденного у меня перехватило дыхание.

Цепи, пересекавшие её нос, превратились в жидкий металл и впились в кожу. Как прилив, поглощающий берег, сталь покрывала её щёки, губы, глаза... Казалось, металл стремился охватить всё, оставить её без лица. Единственный глаз, оставшийся нетронутым, был так широко распахнут, что казалось, он вот-вот выскочит из орбиты, и я могла бы поклясться, что в этом голубом взгляде был настоящий страх.

Богиня войны была напугана.

Почему?

Я сглотнула и сосредоточилась на лезвии у её горла. Один удар — и всё кончено. Нужно только...

Вместо того чтобы попытаться помешать мне, защититься, она слабым, неуверенным движением оттолкнула меня. Я схватила её за руки и почувствовала, как её тело обмякает. В то же время металл окончательно покрыл её лицо. В один миг он из жидкого превратился в твердый, став маской, повторяющей все её черты. Совершенной, гладкой, блестящей. Я даже видела в ней своё отражение.

Я тяжело дышала, ошеломлённая.

Она мертва?

Её собственные цепи убили её?

Расплавили её кости?

Я осторожно протянула руку к её маске. Когда я почти коснулась её скулы, удар в бок сбил меня с ног.

Морриган встала. Спокойно, без намёка на боль, как будто мгновение назад она не боролась за свою жизнь. Значит, она обманула меня?

Чей-то голос, мужской и скрипучий, заговорил:

— Прошло пятьсот лет — и вот мы снова здесь. — Он цокнул языком с неодобрением, звук отдавал металлическим эхом. Когда ворон попытался сесть ему на плечо, Морриган прихлопнула его с такой быстротой, что кости и перья разлетелись, как это сделала Каэли на причале. — Если бы не одержимость нашего господина, я бы никогда не ступил на эту проклятую землю вновь.

Это исходило из неё. Голос исходил из Морриган, но это была не она.

Я встала, поражённая. Серая маска скрывала мимику и эмоции.

— Кто ты?

— У меня нет ни имени, ни тела, ни лица. Мне они не нужны.

Ни тела, ни лица...

Я проглотила вздох ужаса.

— Никто.

Глава 46

Единственное, что доподлинно известно о древнем доме богинь, — это его название, Тинтагель. Поэтому холм, на котором они появились, упав с небес, получил такое название.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Передо мной стоял третий из Тёмных Всадников, который, как считалось, был пропавшим без вести. Тот, который существовал как паразит, вселяясь в своих носителей...

— А ты та самая сущность с пристани, которую Морриган решила не забирать с собой по каким-то неважным для меня причинам. Но у этой хитрой суки всегда есть план, не так ли?

Он говорил о Морриган так, словно она была ему совершенно чужой, хотя они делили одно тело. Как будто они принимали разные решения. Неужели это правда? Фионн говорил, что богиня никогда не делает ничего просто так.

Мне вспомнились её глаза.

На пристани они были двух цветов. Во дворце, когда она прогуливалась с Каэли, — чёрными. А сегодня, перед появлением Никто, они были голубыми.

Что, если эти изменения были подсказками, кто в данный момент контролирует тело?

— Почему ты появился сейчас? Тебя вызывали для Теу-Биада.

— Я не подчиняюсь приказам лже-короля. — Слушать голос Никто в теле Морриган было жутко. — Но теперь я должен выполнить последний приказ нашего господина: «Если на этой земле появится хоть один враг, намеренный разрушить его великое творение, он должен быть уничтожен».

Этот враг — я? Или все мы?

— Посмотри вокруг, это, по-твоему, великое творение? — с яростью выпалила я. — Он оставил после себя лишь хаос и несчастья, потому что это всё, на что он способен. Он и вы, его мерзкие вассалы, разрушили всё прекрасное.

В этот момент я услышала крик:

— Алanna!

Гвен. Она и Абердин покинули поле боя и направлялись сюда. Когда Никто повернулся к ним, они поняли, что это не Морриган. И замерли на месте.

— Человек и сидх, вместе, — с отвращением пробормотал демон. — Похоже, дела обстоят хуже, чем я думал.

Затем, согнувшись вперёд, он издал рык, и кожа на его спине разорвалась, лохмотья платья посыпались на землю. Из спины Морриган выросли две длинные тени. С жутким треском и хрустом развернулись чёрные костяные крылья.

— Теперь я закончу то, что Морриган помешала мне сделать в тот день.

Он полетел ко мне, параллельно земле, и всё, что я могла сделать, так это встретить его с кинжалом в руке. Он схватил меня, прижав к своему телу, и мы превратились в сплошной клубок рук, ног, лохмотьев теней и стали. Мне удалось отсечь ему руку, но его хватка не ослабла. Его смех неприятно резал слух.

— Гномья сталь, да? Хорошая попытка. Жаль, что им не хватило таланта создать что-то, что могло бы ранить их настоящих врагов. — От потока воздуха на большой скорости я не могла открыть глаза, но продолжала пытаться. Продолжала рвать, вонзать и изворачиваться. — Я покажу тебе, насколько бессмысленна твоя борьба. Мне не нужно будет убивать тебя, это сделает твоя дорогая земля.

И тут он отпустил меня. Я летела, невесомая, отдаляясь от этого чёрного пятна, едва различимого на фоне ночи. Я сжалась и приготовилась к удару. Но тут я вспомнила. Я не одна. У меня есть защитница.

Помоги мне.

Я почувствовала, как она окутала меня своим коконом. Она защитила меня от воздуха, а когда мы упали вниз, уберегла от удара об воду. Я упала в озеро. Гленн На-Сиог был тёмным и ледяным, я как будто плыла в пустоте. Я пыталась двигаться вверх, охваченная паникой. Тьма подталкивала меня, и, несмотря на то что я не умела плавать, я стремилась к серебристому свету на поверхности.

Пока что-то не схватило меня за ногу и не потянуло в другую сторону.

Воздух вырвался из моего рта огромными пузырями. У меня всё ещё было оружие в руке, и я начала слепо наносить удары. Но только рассекала воду. Боль в лодыжке была острая, она обжигала; мне пришлось извернуться, чтобы увидеть, что меня держит. Ряд желтоватых зубов вцепился в мой ботинок, кровь размывалась вокруг. Над вытянутой мордой виднелись два абсолютно белых и сверкающих глаза.

Келпи. Это чёртов келпи.

Я пнула морду свободной ногой, и он отпустил меня. Но не отплыл. Он вернулся за мной. Мне нужно было поскорее с ним разделаться, лёгкие уже горели.

Что-то пронеслось между нами, заставив меня закрутиться в воде. Я растерянно замахала руками, тьма продолжала скользить по моему телу снизу вверх, помогая подняться к поверхности. Келпи затащил меня гораздо глубже, чем я думала.

Я теряла силы, тело сводило судорогами. Тьма закричала.

Я не могла...

Я не собиралась...

Что-то гораздо более холодное, чем эти воды, схватило меня за руку.

Она... Она уже ничего не значит.

Она потеряла свою сущность, то, что делало её особенной, то, что позволяло ей узнавать и любить себя.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Кто-то кричит во весь голос, умоляя о спасении. Едва найдя в себе силы приподнять голову, она видит девушку на коленях, с длинными рыжими волосами, разметавшимися поверх грязных сапог.

— Пожалуйста. Прошу тебя, умоляю. Хватит. Этого достаточно.

— Разве? — задумчиво отвечает хозяин сапог. — Возможно. Я пощажу эту обманщицу, если ты займёшь её место.

— Да! — соглашается девушка без тени сомнения. — Забери мою жизнь! Только освободи её.

Она пытается помешать, но не может. Из её рта не выходит ни единого звука.

— Твою жизнь? — Он хохочет. — Ах, да. Я сделаю это. Но не так, как ты думаешь. Ты станешь...

Я жадно глотнула воздух, вырвавшись на поверхность. Ночной воздух хлынул в мои лёгкие. Я вцепилась во что-то твёрдое, мои ногти вонзились в землю. Я была на берегу.

Сзади раздался всплеск. Я обернулась, тяжело дыша.

Пол-лица женщины выглядывало из озера, не дальше метра от меня. Я видела слабое свечение её тела под водой. То, что двигалось под ней, были не две ноги, а длинный зеленовато-голубой хвост.

Луна освещала её волосы, придавая им красноватый оттенок.

— Н-Никса? — с трудом выдавила я, всё ещё выплёвывая воду.

Даже если это и была королева манан-лир, она мне всё равно не ответила. Одарив напоследок непостижимым взглядом, она погрузилась обратно в озеро и хлестнула напоследок прекрасным хвостом. Её свечение исчезло в глубинах.

Что-то коснулось моей ноги, может, это была рыбка, но, испугавшись, я поспешила выползти прочь из озера. Убедившись, что ни одного сантиметра моего тела не осталось в воде, я рухнула навзничь, вконец измотанная, и выронила кинжал из руки. Думаю, гномьи символы навсегда отпечатались на моей ладони.

Метка буйствовала. Когда я попыталась её коснуться, меня охватило чувство, которое прежде я испытывала лишь однажды.

Отсутствие воздуха.

Тяжесть.

Тьма встрепенулась, взволнованная, но теперь уже не потому, что её, как магнитом, тянуло к подобному, а от осознания опасности, которая грозила мне.

Я перекатилась на живот и, вся дрожа, поднялась на ноги на проклятом холме Тинтагель. От места, где Теутус и Тараксис заключили брак, осталось немного, что показалось мне идеальной метафорой того, как закончилась их история любви. Гниль, порождённая гибелью Ксены, достигла этого островка, но не смогла уничтожить всё. В центре оставалась небольшая лужайка с травой и сорняками. Среди вереска, камыша и пурпурных цветков сальвинии возвышался единственный каменный пень. Он казался почти белым, отполированным, овальной формы.

И в него был вонзён меч.

Фионн говорил, что до меня никто из моего рода не подбирался так близко. Юноша, который пришёл в долину и ушёл после разговора с бессмертным, лишь должен был

почувствовать притяжение клинка с берега. В тот раз я задавалась вопросом, что же привело его сюда, полного стольких сомнений.

Теперь же я знала ответ.

И, как сказала своей сестре, время бежать закончилось.

Я на мгновение огляделась: озеро, берег и то, что за ним. Шум битвы был слышен даже на таком расстоянии, вопли слуагов доносились из рощи кипарисов.

Я думала о последствиях войны, которые были видны даже спустя пятьсот лет, о страхе, заставлявшем многих сидхов идти на безумства, о сестре, у которой больше не было никого, кто делал бы ей бумажные цветы, о Фионне и его вечном одиночестве. Моё сердце дрогнуло. Решимость охватила меня.

Хромая из-за раны, оставленной келпи, я подошла к камню. Чем ближе я подходила, тем сильнее становилось притяжение. Казалось, что камень и меч идут ко мне, а не наоборот. Будто они гораздо больше жаждали нашей встречи, чем я. Вероятно, так и было, потому что они начали проникать в мои мысли. Внушая, как сильно моя рука желает схватить эту рукоять, как это будет приятно. Заманивая меня.

Я остановилась в нескольких шагах, глядя на меч.

— Я сделаю это, но останусь собой, — твёрдо заявила я. Вряд ли он меня слышал, но мне нужно было это сказать. Убедить себя, что я не собираюсь вызвать апокалипсис или превратиться в ещё одного демона Теутуса, как всегда думала моя мать. — Я знаю, кто держал тебя в последний раз, и ты не найдёшь во мне ни малейшего сходства с ним, понял?

Может быть, это было из-за моей решимости, но мне показалось, что меч... что его края слегка размылись. Будто он излучал что-то. Будто отвечал мне.

С того места, где я стояла, я видела и чувствовала только меч. Пронзительный, нескончаемый крик заглушил все остальные звуки. Как если бы металл ударял по металлу, и вибрация поднималась, поднималась, поднималась...

Я протянула руку к чёрной рукояти. На ней было два диска с концентрическими окружностями: один в середине и другой, побольше, на конце, образовывая гарду. Они были украшены полупрозрачными камнями. Двойное лезвие и простая борозда, проходящая по металлу до того места, где его закрывал камень. Без гравировок, без филиграней.

Ничто не говорило о том, что этот меч несёт в себе тяжесть множества отнятых жизней.

Когда я уже почти дотронулась до него, метка вновь ожила. Она пульсировала, наполняя меня тревогой, абсолютным ужасом и множеством, множеством вопросов. Она передавала мне эмоции.

Я засомневалась.

Коснулась её кончиками пальцев.

«Ша'ха. — Глубокий, взволнованный голос Мэддокса раздался в моей голове. — *Я не вижу тебя. Гвен и Абердин сказали...»*

«Я в порядке. Никто бросил меня в озеро».

«Никто? Считай, он труп, — прорычал дракон, поразив меня своей убийственной яростью в голосе. — *Где ты? Я иду за тобой».*

Я закрыла глаза.

«Я... должна тебе кое-что сказать».

«Можешь сказать мне об этом лично».

Нет, потому что если он будет стоять передо мной, меня раздавит стыд, я буду чувствовать себя маленькой и жалкой букашкой. За ложь. За то, что смотрела ему в глаза снова и снова, даже после того, как поняла, что наид-нак — совсем не болезнь и не проклятье. За то, что скрывала от него возможность, которую он и его народ искали веками.

Мэддокс терял терпение.

«Ты не в порядке. Скажи мне, где ты. Я помогу тебе».

«Я не сомневаюсь в этом, — произнесла я, теперь касаясь метки всеми десятью пальцами. — *Ты сейчас узнаешь кое-что обо мне, и я заслуживаю всего, что последует за этим: твоего гнева, твоего разочарования, твоей обиды... Я лишь хочу, чтобы ты знал, что я приму от тебя всё. Всё, что ты мне дашь и не дашь. И если после этого ты будешь смотреть на меня так же, как и раньше, то я бы хотела, чтобы ты не останавливался и не довольствовался тем, что, как тебе кажется, я готова дать. Я хочу узнать ближе того мужчину и дракона, которыми ты являешься, и мне всё равно, кто возьмёт верх, потому что в глубине души это всегда ты... И ты чертовски великолепен».*

Не знаю, возможно ли такое вообще, но я готова была поклясться, что метка впитывала энергию Мэддокса и тянулась к моим пальцам, как будто он пытался схватить их, найти меня. Я почувствовала рывок в своём сердце, переворот, и инстинктивно поняла, что Мэддокс взлетел в воздух.

«Ты не представляешь, что я с тобой сделаю за то, что ты решила сказать мне это посреди битвы, — прорычал он. — *Но могу заверить, тебе это понравится».*

«Ты меня не слушаешь».

«Слушаю. И сгораю от любопытства: что же, по-твоему, может оттолкнуть меня от тебя?»

Его шутливый сарказм грел душу, отгоняя липкий холод озера. Я открыла глаза. Меч оказался совсем рядом. Или это я подошла ближе?

«Я чувствую себя особенной от того, что что-то — будь то Ширр или судьба — связало меня с тобой. И этим я надеюсь начать искупление своих ошибок».

Я разорвала связь, не дав ему времени ответить.

После чего, не раздумывая ни секунды больше, я обхватила рукоять пальцами и решительно потянула.

Хаос, тьма и разруха следуют за ним. Теутус наступает и ломает. Теутус касается и иссушает. Теутус смотрит... и остаётся лишь пустота.

Я падаю сквозь небо и землю, сквозь небо и землю, всё время в зловонном тумане, пока красочная вспышка света не ослепляет меня. Прекрасная, свободная, полная надежды. Гиберния. Королевство, населённое слабыми и податливыми людьми. Королевство, где

существо вроде него могло бы стать богом, а его вассалы могли бы устроить настоящий пир. Жизнь и свет угасли бы, и Гиберния стала бы похожа на место, которое Теутус и его свита оставили позади. Это его цель? Был ли когда-то Иной мир таким же плодородным, как Гиберния, пока Теутус не высосал из него кровь? Он сильнее всего во тьме, или ему для существования нужен свет?

Всё поглощено страхом, липким, как грязь, пока не появляются они. Триада. Былая ненависть сменяется восхищением. И Теутус впервые вкладывает меч в ножны. Я чувствую досаду. Опустошённость.

Я стою посреди тёмной комнаты, слушая эхо смеха и музыки, кажется, уже целую вечность.

Но тут на место восхищения вновь приходит ненависть, более сильная, чем когда-либо. Переполненный светом и жизнью, Теутус в восторге. Враги повсюду, и она — та, которая предала его наихудшим образом. Та, которая обожала его и целовала так, что звёзды слетали с губ.

Я вижу много, очень много лиц, проходящих передо мной. Сидхи, люди, прекрасные драконы. Безумие нарастает, и уже невозможно остановиться, их нужно раздавить, иначе это никогда не прекратится.

Смерть.

Смерть.

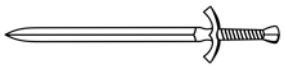
Смерть.

Гиберния пала. Богини пали. Их творения обречены на вымирание или вечные мучения.

Довольный и опьянённый гордыней Теутус ведёт меня к руинам места, где она его целовала.

— Теперь он мне не нужен, ведь я избавился ото всех, кто желал меня уничтожить. В доказательство своего подвига оставляю его здесь. И сможет взять его в руки лишь тот, кто носит мою кровь.

Ему безразличны мои мольбы, мой ужас, время, которое мы провели вместе. Его тёмный и безумный смех — последнее, что я слышу.



Меч обжигал.

Это было первое, что я почувствовала, когда очнулась от тех странных воспоминаний. Вместо того чтобы отдёрнуть руку, я схватила рукоять обеими руками и стиснула зубы. Ранее казавшееся тусклым лезвие теперь было покрыто сияющими линиями, словно трещинами в металле, из которых пытался вырваться свет. Камни в кругах на рукояти стали фиолетовыми, как мои глаза.

Как глаза Теутуса.

Меч вышел из камня очень легко, так легко, что трудно было поверить, что сотни сидхов до меня пытались и не смогли. Однако настоящим испытанием оказалось удержать его.

Он был не таким уж тяжелым, что тоже удивительно, но резкая боль пронзила мои руки до самых плеч, и меня всю трясло. Сам меч, казалось, кричал: «Отпусти меня, проклятая! Убери свои грязные руки, предательница!»

Ой.

Погодите.

Он действительно кричал.

Первым порывом было отбросить его, но я удержалась. Я должна справиться с ним, причём поскорее, чтобы помочь своим друзьям.

От очередной волны боли я извернулась и ударила мечом о камень, удерживавший его веками. Глыба треснула и разлетелась на куски, подняв в воздух белую пыль.

Я вонзила лезвие в землю, пытаясь найти точку опоры, чтобы удержать его и взять под контроль. Тем временем, меч не переставал... жаловаться?

— ...больно ли мне, как будто я какая-то безделушка и...

— Заткнись, проклятый, — прорычала я.

— Еще и грубишь? После всего, что я пережила? — Голос меча был, без сомнения, женским, полным упрямства и ярости. — Я больше никогда не дам свою силу неблагодарным демонам! Никто больше не будет пожинать лавры за мой счет!

— Я не демон!

— Ты меня не обманешь, я чувствую твою кровь. Ты его дитя, а значит, ты демоница.

— Прошло много времени с тех пор, как Теутус ходил по этой земле, и я — последняя из его рода. Вот что ты чувствуешь. Ничего больше.

Вибрация, из-за которой мне казалось, что я вот-вот лишусь рук, немного ослабла.

— Много времени? Сколько?

— Более пятисот лет.

Видимо, это был неудачный ответ, потому что она снова завизжала:

— Пятьсот лет в полной темноте! После того, как я была с ним столько лет! Я была с ним с тех пор, как король вызвал его на бой, с тех пор, как все демоны сочли его достойным, чтобы присягнуть ему! Я была первой! Но ему оказались безразличны мои мольбы.

Её речь, полная обиды, соединилась в моей голове с образами, что я видела. Эта череда странных сцен и эмоций, которые я ощущала как свои, как то, что происходило со мной.

«Ему были безразличны мои мольбы, мой ужас, время, которое мы провели вместе...».

— Он тебя бросил, — прошептала я, осознавая. — Ты была с ним в Ином мире, сражалась на его стороне веками, и когда он завоевал Гиберию, он оставил тебя здесь. Одну.

Наконец, меч перестал дёргаться и успокоился в моих руках. Я всё ещё чувствовала вибрацию, но она стала терпимой.

— Ты... всё видела? — спросила она уже гораздо тише.

Изнурённая этим противостоянием, я опустилась на колени, не выпуская рукоять, и развернула меч перед собой. Для той, что провела полтысячелетия в камне, она была в идеальном состоянии. Словно искусный Ойсин выковал и отполировал её буквально вчера.

— Мне очень жаль, что тебе пришлось страдать из-за действий Теутуса. Как ты скоро увидишь, он повсюду оставил за собой разрушения и боль. Я знаю, что ты сражалась с Триадой и сидхами, и знаю, что ты помогала ему без злого умысла. Именно это мечи делают для своих хозяев.

Лезвие сверкнуло.

— Я принесла ему смерть, как он велел.

— А что, если я просто попрошу помощи?

Меч молчала так долго, что я уже начала беспокоиться, что что-то пошло не так.

— Попросишь? — после долгой паузы прошептала она, словно никогда не слышала этого слова.

О, боги.

— Заключим сделку. Ты больше не будешь считать меня демоном и не будешь связывать меня с поступками Теутуса, а я буду относиться к тебе как к соратнику, который нужен мне, чтобы помочь друзьям.

— Сделка... — Постепенно рукоять под моими пальцами начала нагреваться, и, вместо того чтобы причинять боль, это ощущение, распространявшееся по моему холодному мокрому телу, принесло облегчение. Даже лодыжка уже не болела так сильно. Это ощущение было похоже на горячий мёд, растекающийся по моей коже. — Ты хочешь, чтобы я стала твоим соратником и помогла в твоей миссии?

Я не знала, можно ли назвать миссией то, на что я подписалась, вытаскивая меч. Я даже не знала, что меня ждёт в ближайшем будущем, после битвы.

— Да, я бы хотела этого.

— И я... я тоже. Сделка заключена.

— Есть только одна проблема. Я не умею обращаться с мечом.

Меч издала смешок, в котором не было ни капли веселья, и от этого у меня по спине побежали мурашки.

— Не отпускай меня до конца битвы, — сказала она. — Меня зовут Орна, кстати.

— А я Аланна. — Покачала меч, продолжая удивляться тому, насколько она лёгкая. — Готова к уничтожению демонов?

— У меня на острие накопилось пять веков обиды. Ты только укажи, я всех уничтожу.

Едва я начала раздумывать, как бы перебраться на другой берег, не заходя в опасную воду, как вдруг чернокрылый дракон-воин с искажённым от ярости лицом приземлился прямо передо мной.

Глава 47

Видал я много волшебных мечей. Но Орна, меч, который Теутус принёс из Иного мира?
Она особенная.
Да, она даёт силу своему владельцу. И да, она помогает в великих битвах. Но самое важное — это то, что она хранит: истории. А они действительно могущественные союзники на войне.

Из запрещённой книги «Эпоха богинь»

Стоя на колене и уткнув копьё в землю островка, Мэддокс вскинул голову и посмотрел на меня. И впервые с момента нашего знакомства он увидел меня настоящую, несмотря на то, что я была промокшей до нитки и раненой. Я была полностью раскрытой перед ним. И обнажённой, если уж на то пошло. Его золотистые глаза скользнули по моей фигуре и остановились на мече. Орна источала фиолетовый свет, её невозможно было не заметить.

Мэддокс медленно поднялся, его крылья зашуршали, расправляясь. По его лицу ничего нельзя было понять. Само воплощение таинственности.

— Это многое объясняет, — хрипло произнёс он.

Я выдавила дрожащую улыбку. Нет смысла лгать себе. Его реакция была очень важна для меня: он увидел самую сокровенную часть меня, ту, из-за которой я чувствовала себя неуверенно, зная, что он имеет полное право растоптать меня.

— Я сказала то же самое, когда увидела твою лошадку.

Он не приближался ко мне, лишь указал копьём на меч.

— Из-за этого я должен был разозлиться?

Орна завибрировала.

— «Этого»? Прояви уважение к зачарованному оружию!

Мэддокс замер с вытянутой рукой. Дважды моргнул.

— Мне показалось, или меч говорит?

— Меч не просто говорит! Я благословлена даром рассказывать о величайших подвигах...

— Орна, хватит, — попросила я, — сейчас не время.

Она послушалась, пусть и нехотя. У Мэддокса упала челюсть. Возможно, это было слишком даже для дракона, который выдавал себя за человеческого принца.

— Понимаю, у тебя сейчас много вопросов, — сказала я ему.

Он медленно опустил копьё.

— Очень много.

— Мы с Каэли — последние потомки рода Тараксис и Теутуса, — выпалила я.

Воздух вырвался из его лёгких со свистом.

— Да, я начал это подозревать, когда меч заговорил.

— Я много лгала всё это время. По эгоистичным причинам.

Меня пугало его спокойствие.

— Поэтому ты сказала, что начнёшь исправлять ошибки?

Я слабо кивнула, сердце скрутилось в узел.

— Я не герой и вообще далеко не та, кто нужен сидхам и королевству. Я лишь знаю, что я уже не та девушка, с которой ты столкнулся в Гримфеаре. Всё, что произошло за эти недели... Братство, девушки, Абердин, Пвил... Я уже знала, что зло гнездится при дворе, но теперь пошла дальше и поняла, что недостаточно просто бежать и прятаться. То, что случилось с Тали, Плумерией, Игнас, Дугаллом, Хигелем... — мой голос дрогнул, — будет происходить снова и снова ещё пятьсот лет, пока не останется ни одного сидха. Я больше не хочу быть той, что отворачивается, зная, что может что-то сделать. Это...

Я подняла меч и позволила тьме обвить мои руки, ноги, талию. Теперь уже она меня не пугала. Я больше не буду стыдиться её. Как и себя.

Тьма нежно коснулась моей щеки. Мэддокс пристально следил за её движениями. Успокоившись, он закинул копьё за спину, между крыльями, и подошёл ко мне.

Мой пульс участился.

Носки его ботинок коснулись моих. Если под чарами он излучал необычное тепло, то без них стоять рядом с ним всё равно что с разожжённым камином. Его золотистые глаза были прикованы к тьме, с любопытством кружившей у моего плеча. Ей давно хотелось потянуться к нему. Теперь, когда я знаю, что мы едины во всех смыслах и что она является отражением моих эмоций, это меня не удивляет.

Мэддокс стоял неподвижно, пока тьма приближалась к нему. Она скользила по его грязной броне, исследовала крылья. Он поднял бровь, когда она обвилась вокруг одного из его рогов. Я почувствовала вспышку ревности. Сама я ещё ни разу их не касалась.

— Это щекотно, — пробормотал он.

— Не будь такой любопытной, — упрекнула я, поднимая руку, чтобы она вернулась.

Пока я следила за её поведением, Мэддокс поймал меня за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза. Его взгляд был прикован ко мне, голова наклонена. Моё сердце замерло.

Наполовину испуганная, наполовину — взволнованная, я повторила:

— Я не та, кого все ждали.

Он усмехнулся, уголки его губ слегка приподнялись.

— И всё же меч у тебя.

— Этого мало.

— Ну, с чего-то надо начинать.

— Боги, Мэддокс, ты же не...

Его губы прервали меня. Он поцеловал меня с такой жаждой и ненасытностью, что я ответила ему каждой фиброй своего существа. Я вцепилась свободной рукой в его шею, и его руки обняли меня, прижимая так крепко, как только позволяли наши доспехи. По лёгкому прикосновению к моей пятой точке я поняла, что его крылья развернулись вокруг нас.

Мэддокс слегка укусил мою нижнюю губу, и я приоткрыла для него рот. Его язык проник внутрь, требовательный, неумолимый, и из моего горла вырвался стон. Грудь Мэддокса тут же завибрировала в ответ.

Когда мы оторвались друг от друга, всё еще соприкасаясь носами и лбами, я, тяжело дыша, выпалила:

— Я думала, ты будешь в ярости.

— Кто сказал, что я не в ярости? Нам предстоит серьёзный разговор, ша'ха.

Я мягко поцеловала его нижнюю губу.

— Если так ты себя ведёшь, когда ты в ярости, то я вся внимание.

Орна затряслась.

— Слюнявая романтика, фу.

Её отвращение казалось искренним. Если бы у неё был язык, она бы точно его показала.

Тихий смех Мэддокса вибрациями передался из его груди в мою.

— Есть кое-что, что ты должна понять. Как бы мне ни понравилось твоё признание перед тем, как ты достала меч, и ты обязательно повторишь мне его позже, меня как-то задевает мысль, что ты хоть на мгновение могла подумать, будто есть что-то, что может отвернуть меня от тебя.

— Это равносильно заявлению, что у тебя нет никаких границ, а это безумие.

— Границы есть, — заверил он, и что-то в его выражении лица говорило о том, что они очень, очень специфические. — Но ты — моя, моя спутница, моя наид-нак. Если в этом мире и есть кто-то, кто заслуживает моего внимания и понимания, так это ты. И ты забываешь кое-что важное: я знаю, какая ты. Пускай впереди у нас долгий путь, но я уже видел то, как ты беззаветно любишь Каэли, как тебе хорошо в компании Гвен, Сейдж и Веледы, как открыто и с эмпатией смотришь на окружающий мир. Так что, когда мы закончим разбираться здесь и вернёмся домой, я с удовольствием выслушаю, как трудно тебе было скрывать свою истинную сущность и мотивы, хоть эгоистичные, хоть нет.

Это звучит слишком нереально. Не может быть, чтобы после всего произошедшего он повёл себя вот так. Это не просто невозможно, но и несправедливо. От его слов у меня внутри всё перевернулось, сердце сжималось и распалялось, а в животе бушевали три сотни кельпи. Я ждала гневной отповеди, может быть, даже вспышки риастрада. Чего-то, что облегчило бы мою вину, а не усиливало её.

Вместо этого я чувствовала себя так, будто получила то, чего не заслуживаю.

Мэддокс провёл большим пальцем по моей скуле.

— Я знаю, о чём ты сейчас думаешь, и ты ошибаешься.

— Разве наид-нак позволяет читать мысли?

— Нет, но ты не так хорошо скрываешь свои эмоции, как тебе кажется.

Я тихо вздохнула.

— Несколько месяцев назад я была в этом мастер. Правда.

Потом, увидев, как уголок его губ приподнимается в улыбке, я не удержалась и поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его снова. Его руки сжимали мою талию.

— Так мы будем объявлять всем, что меч уже не в камне, да и камня, собственно, не осталось?

— Все уже знают. Волна магии прошла через всю Долину Смерти; так я и понял, где ты. Возможно, её почувствовали и в других частях Гибернии.

Это звучало пугающе. Но пути назад уже не было.

Руки Мэддокса крепче сжали меня.

— Готова к небольшому полёту?

— Готова.

Он согнул колени, и с мощным взмахом крыльев мы взлетели. Преодолели долину в кратчайшие сроки. Вскоре мы уже оставили позади озеро и рощицу. Оттуда я заметила пару красных плащей, хорошо защищённых Тремя Тёмными Всадниками. Казалось, битва остановилась. Стороны ожидали чего-то. Мэддокс приземлился недалеко от потных и грязных сидхов, среди которых были Гвен, Пвил, Абердин, Ойсин, Тантэ со старой Мэй и даже Веледа. Удивительно было видеть её там. Но их всё равно было вдвое меньше по численности, чем охотников.

Все сразу заметили меч в моих руках. Изумление отразилось на их лицах. Пвил и Абердин обменялись непонятными взглядами; первый взял за руку своего партнёра, словно нуждался в поддержке. Гвен стояла ошеломлённая и смотрела на меня так, как я и боялась: словно не знала меня. Её можно понять.

Прежде чем кто-то успел что-то сказать, голос раздался по всей долине, привлекая всеобщее внимание:

— Не желают ли королевские псы выйти поздороваться?

Это был Оберон. Он стоял между сидхами и охотниками. В руке он держал сумку из брезента.

Ряды чёрных доспехов с гематитовыми эмблемами расступились, пропуская короля, восседающего на вороном коне. Его красный плащ свисал на круп животного, а корона блестела даже в столь слабом лунном свете. Мы могли бы выпустить в него стрелы или бросить кинжалы, но ему бы ничего не навредило.

Даже на расстоянии я видела, что с королём что-то не так. Сгорбленность, смятый плащ, даже его волосы и борода — всё было неправильно. Это был не тот преисполненный собственным величием человек с праздника.

— Оберон и Мэдоу исчезли вскоре после прибытия в На-Сиог, — пояснил мне Мэддокс, нахмурившись. — Я думал, что они решили отправиться в Эйре, воспользовавшись отсутствием короля.

Сразу за монархом пешком шёл принц Бран в сопровождении Тёмных Всадников. Не знаю, почему Никто считается всадником, если у него нет лошади. Быть может, у него просто очень странное чувство юмора, и он считает тела, которые занимает, своими ездовыми животными. Я бы не удивилась.

— Теперь мы знаем, где был Никто все эти пятьсот лет, — произнёс Абердин.

Я вспомнила королеву Никсу и о то, что она мне показала.

Мои глаза встретились с глазами принца. При виде меня рядом с Мэддоксом, с его крыльями и рогами, плечи Брана напряглись, а рот исказился в ужасной гримасе. Кажется, у него больше не было желания смеяться над правдой, которую скрывал его брат. Он держал в руках лук из тёмного дерева. Я была уверена, хоть и не знала почему, что именно он выпустил стрелу в Фиру.

— Полукровка смеет подавать голос? — спросил король. Судя по презрению в его голосе, к полукровкам он относился даже хуже, чем к сидхам. Его руки, держащие поводья, дрожали, что нервировало коня.

Оберон рассмеялся.

— Полукровка? На твоё счастье, я убеждён, что эта земля не готова увидеть мою красоту. В противном случае у тебя были бы серьёзные проблемы. — И затем, мало интересуясь возможным ответом короля, он поднял сумку. — Недавно я дал обещание и сегодня собираюсь его выполнить.

С этими словами он достал то, что было внутри, и тревога распространилась среди всех присутствующих. Это была голова. Оберон держал её за тёмные волосы. Мне показалось, что с неё сыпалась сухая земля, а не кровь. Все лошади забили копытами, но больше всего взбесился чёрный конь Дуллахана. Я не понимала, что происходит, пока Оберон не вытащил меч и не насадил голову на остриё.

Конь Дуллахана взвился на дыбы и сбросил своего всадника. Когда он попытался ускакать, его ноги начали таять. Они становились всё короче и короче, пока его спина не коснулась земли, и он не превратился в чёрное дымящееся пятно. Неподалёку от этого места Дуллахан корчился, крутясь из стороны в сторону без единого звука, потому что у него не было рта, до тех пор, пока Оберон не развернул лезвие. Тело дёрнулось в последний раз, и всё закончилось.

Повисло молчание. До всех постепенно доходило осознание того, что только что произошло.

Один из Тёмных Всадников, о котором поговаривали, что он собирает смерти на войне для создания и питания новых слуагов, прекратил своё существование. Его так называемые товарищи, Нукелави и Никто, никак не отреагировали. Первый с безразличием взирал на останки; второй стоял со скрещенными руками. Из-за маски невозможно было понять, куда он смотрит.

Оберон бросил голову в сторону короля. Если бы тот не наклонился в сторону, она бы ударила его в грудь. Голова покатилась по земле и остановилась в паре шагов от принца Брана.

Новая волна ярости, порождённая неловкостью и растерянностью, захлестнула короля.

— Разве... — Он запнулся. — Разве ты не понимаешь, что наделал?

— Дал тебе понять, насколько ты ничтожен? Сегодня ты оставил дома видеру, и вдруг оказалось, что знаменитые Тёмные Всадники не так уж и неуязвимы. Чувствуешь, как твой трон немного зашатался, Нив?

— Это не моё имя! — взревел монарх. Его лицо стало алым, вены на шее вздулись.

Я была так сосредоточена на них двоих, что не заметила, как Мэддокс присоединился к Оберону.

— Это и есть твоё имя. «Нессия» ничего не значит. Ты всего лишь один из череды марионеток Теутуса.

Увидев Мэддокса, король едва ли не начал брызгать слюной. Вот она. Вот настоящая причина всего этого.

— Ах, мой любимый сын. Свет моего сердца. — Его голос дрожал так сильно, что это звучало даже жалко. Невозможно было не заметить его боль. Это не значит, что он действительно любил того, кого считал своим наследником. Сам факт, что кто-то из его семьи, кого он провозгласил кровью от крови, оказался врагом, был по сути предательством. — Я должен был догадаться. Когда эта шлюха Дектера предала меня, я должен был понять, что её яд распространился намного дальше.

— То, что ты и твои предки сделали с Гибернией, позволили этой земле умирать... — Руки Мэддокса сжались в кулаки. — У тебя столько крови на руках, что ты не заслуживаешь быстрой смерти.

Смех короля был пустым, безжизненным. Конь нервно заржал.

— Не заслуживаю? — Тогда, удивив даже Брана, он слез с коня и подошёл к обоим, фею и дракону. Он был таким же высоким, как они, но ему явно было нехорошо. Его руки дрожали; казалось, он неспособен носить эти доспехи и знаки отличия. Его взгляд... В нём отражалось безумие. Возможно, оно всегда там было, просто он мастерски это скрывал. — Знаешь, что самое забавное? Именно это и погубило Ширра пятьсот лет назад. Он не мог поверить, что Теутус, муж его давней подруги, тот, с кем он делил стол и смех, способен пойти против его великого творения. Так что он пошёл к нему. И произнёс очень вдохновенную речь о его грехах и той смерти, которую он заслуживал. Великий Ширр, король огненных существ, дракон, упавший со звёзд, был охвачен абсурдными чувствами. И знаешь, что сделал Теутус? Он отрубил ему голову. Затем вырвал все его драгоценные золотые чешуйки и создал эту великолепную корону для меня.

Он поднял руку к голове и неуклюже снял корону. Показал её Мэддоксу, Оберону, всем нам и своим людям.

— *Марионетка?!* — истерично повторил он. — Я король! Моя кровь единственная обладает властью управлять этим королевством! Я не Нив, я король Не...

Его слова резко оборвались. Он пошатнулся. Ещё до того, как я услышала свист, стрела уже достигла своей цели. Стальной наконечник торчал из правого глаза короля, разодрав значительную часть мягких тканей головы.

Оглушительная тишина наступила в долине в тот короткий миг, когда этот большой и внушающий страх человек покачнулся на месте. Его обвислый рот; пелена пустоты, покрывшая оставшийся глаз... Все это видели. Все до единого поняли, что стали свидетелями не просто маловероятного, но невозможного события.

Король был мёртв.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Нессия VIII, правивший Гибернией железной рукой, как и все его предшественники, пал. Впервые за пятьсот лет король из рода Руад умер, не успев передать корону следующему тирану.

Словно рефлекторно Мэддокс вытянул руки, чтобы поймать того, кто все эти годы по сути был его отцом. Дракон опустился на колени с трупом на руках, его крылья распростёрлись, закрывая от любопытных взглядов всё, кроме алого плаща монарха.

Принц Бран с леденящим спокойствием достал из колчана следующую стрелу.

— Какая неожиданная трагедия: король Нессия VIII, пытаясь защитить Гиберию от коварных планов Братства, пал в бою, — произнёс он безучастно. Он натянул тетиву, и я поняла, в кого он собирается стрелять. — Нет никаких сомнений в том, кто должен занять трон.

Я подняла свободную руку и разжала пальцы.

— Даже и не мечтай.

Тьма заструилась по земле, больше не прячась в тёмных углах. Я не обращала внимания на восклицания вокруг. Сидхи и повстанцы, окружавшие меня, торопливо отступили. Я направилась прямо к принцу. Когда моя магия достигла его, она обвилась вокруг него, как очень, очень тугие верёвки. Туже даже, чем цепи, которые надели на меня в башне.

Чёрные пальцы впились в его горло. Я бы поклялась, что чувствую его учащённый, полный страха пульс у себя под пальцами. Бран захрипел.

Если сожму чуть сильнее...

В этот момент рядом с ним мелькнуло что-то блестящее, и в воздух взлетели сразу две вещи. Одной был кинжал. Другой — отсечённая рука.

Неподвижный, принц завопил как банши, когда кровь струями брызнула на его грудь, заливая сухую землю. Лук и стрела упали на землю.

Я развернулась туда, откуда прилетел кинжал, и сердце моё ёкнуло. Там стояла Веледа. Девушка всё ещё была слегка наклонена вперёд после сделанного броска. Пвил и Абердин уже мчались к дочери.

Моё удивление было таким сильным, что рука дрогнула. Тьма вновь потекла ко мне.

— Убейте их! — завопил Бран. Освободившись, он отступил, чтобы спрятаться за охотниками и демонами. За ним по земле тянулся кровавый след. — Уничтожьте их всех!

Наконец, Никто среагировал.

— Если я не подчинялся лже-королю, с чего бы мне подчиняться его трусливому потомку?

Затем он взлетел, описав дугу в воздухе, и устремился прямо к рощице кипарисов, откуда продолжали доноситься вопли слуагов. У меня возникло дурное предчувствие. Что же там такое, что привлекло внимание всадника и этих тварей?

Разразился хаос. Многие сидхи вновь подняли оружие и активировали магию против оставшихся охотников. Замешательство и неуверенность охватили большинство; они были слишком ошеломлены, чтобы действовать, слишком нерешительны, чтобы понять, должны ли они защищать то, что осталось от их короля, или бежать за своим принцем. Небольшой отряд сопровождал принца; они уходили в направлении Муирдриса.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Последний Тёмный Всадник оглянулся на мёртвого короля. Освежёванная голова лошади наклонилась, чтобы схватить зубами корону, откатившуюся в сторону.

После чего всадник растворился в облаке зловонного чёрного дыма.

Моя рука задрожала.

— И это всё? — возмутилась Орна. — Я не убила ни одного демона!

Я бросила взгляд в сторону рощи.

— Это ещё не конец.

Сначала я подошла к Мэддоксу. Он оставил тело короля на земле, хотя продолжал стоять рядом, не сводя с него глаз. Оберон указал на отряд принца, покидавший место битвы.

— Ты не собираешься преследовать его? Это последний Руад! Он пытал твою девушку!

Я осторожно провела рукой по ладони Мэддокса.

— Послушай...

Он резко повернулся ко мне.

— Ша'ха.

Я посмотрела ему в глаза. Золотые, слегка потускневшие. Я не могла его за это осуждать. У него только что на глазах погиб человек, который его вырастил, и это не могло не оставить след. Неважно, что тот плохо выполнял свою роль или что Мэддокс всегда планировал свергнуть его. Небольшая часть души Мэддокса ушла вместе с этим мужчиной.

Оберон, устав ждать ответа, забрался на коня короля. С громким воинственным кличем он помчался к Муирдрису за принцем. Мэдоу украл другого коня и последовал за ним.

Краем глаза я заметила, как Пвил добивает растерявшегося охотника. Тонкие руки Пвила были покрыты острыми камнями, превращая его кулаки в смертельное оружие. Чуть дальше, Абердин сделал мощное движение руками вверх. Земля у его ног взметнулась, словно ковёр, и несколько охотников подбросило в воздух.

Ситуация переломилась.

— Это отличная возможность всё закончить, — сказала я Мэддоксу. — Не ради меня, а ради тебя.

Его взгляд снова упал на тело у его ног.

— Всё уже кончено, просто Бран этого ещё не знает.

Его слова заставили меня взглянуть на короля. Из всех тех, кто мог бы убить его — сидхи, повстанцы, люди или магические существа — именно его собственный сын, его кровь от крови, поставил точку в его правлении. Этот человек всегда искал чудовищ извне, не замечая, что одно из них растёт прямо у него дома.

Мне стало грустно.

И в то же время это казалось справедливым.

Безусловно, что-то завершилось в этот день в Долине Смерти. Но одновременно что-то началось. Нечто большее, чем пророчество и меч.

— Он заплатит за то, что сделал с тобой, Аланна, можешь не сомневаться.

Я крепко сжала его руку. Это меня нисколько не волновало. Я могла бы снова послать тьму за Браном, не позволить ему сбежать. Заслуживал ли он за совершённые зверства умереть там же, где и его отец? За то, что он сделал с Каэли?

Без сомнения.

Прежняя Аланна, возможно, не задумываясь, превратила бы его в тряпичную куклу из кожи и костей.

Но...

«Какое-то время я был уверен, что смогу защитить его от гнили, что смогу спасти его».

Но я не имела на это права.

Внезапно мы услышали яростный крик, взрыв и хруст.

Эти звуки доносились из рощи.

Глава 48

Сладкая, сладкая Молли.
Не по запаху, конечно, бедняжка продавала морепродукты.
Но её красота и жизнерадостный дух навсегда останутся в моей памяти.
И её сиськи. Священные звезды, какие у неё сиськи.

Записка героя Фионна в запрещённой книге
«Легенды и мифы»

Меддокс поднял меня в воздух, что сэкономило нам драгоценные минуты. То немногое, что осталось от руин, больше не существовало. Ни дверного косяка, ни досок винтовой лестницы, ни грязных одеял Фионна.

Мы бросились в рощу, и то, что я там увидела, оставило меня в изумлении. Сначала я подумала, что стволы кипарисов как-то задвигались. Я замерла, когда узнала хриплые крики и звук, похожий на всасывание. Это были слуаги. Все, кто не парил в кронах, прилипли к деревьям и присосались ртами к стволам. И они...

Боги, они питались. Они поглощали силу оив воинов-фианов, всех тех воинов и воительниц, которых Фионн похоронил много веков назад, чтобы они покоились с миром.

Вокруг того места, где они вонзали зубы, дерево начинало гнить с треском, похожим на стоны.

Ещё один крик раздался из глубины рощи. Я узнала голос Фионна. Мы побежали к нему, стараясь не наткнуться на все трупы слуагов, усеявшие землю. Неужели с ними всеми справился сам Фионн? Их были десятки, если не сотни. Поэтому он не участвовал в основной битве?

— Не смей! Стой где стоишь! — кричал Фионн. Он размахивал коротким мечом, полусогнутый, потный и весь в крови. — Эта земля священна! Ты слышишь меня?

Никто, хохоча, уклонялся от его ударов. Пускай Фионн был бессмертным, но это не избавляло его от усталости. И по нему было видно, что у него уже не осталось той энергии, с которой он начал бороться с этими паразитами.

— Эта земля была священной, когда у Морриган ещё оставалась хоть какая-то власть, — ответил всадник, постукивая по своей стальной маске. Фионн отступил, прижимая меч к себе. — Ах, ты не знал. Она не позволяла мне приходить сюда и запретила любому другому существу приближаться к твоей драгоценной долине. По-твоему, ты бы мог предаваться пьянству и валяться в грязи все эти века, если бы не она?

На лице Фионна было написано искреннее недоумение.

— Это невозможно.

— Возможно. Не беспокойся, у тебя будет время обдумать это, когда я заставлю тебя гнить в каком-нибудь менее идиллическом месте.

— Не думаю, — вмешался Мэддокс.

Он поднял кулак, окутанный пламенем. За секунду он налетел на Никто и нанёс такой удар по его маске, что тот отлетел на несколько метров. Демон едва успел упасть, как дракон снова оказался над ним, обрушивая удар за ударом, не давая ему возможности реагировать.

Огонь распространился по его крыльям и рогам.

— Это ты бросил мою пару в озеро? — прорычал он.

Я бы с удовольствием насладилась демонстрацией силы и мести дракона, но у меня было более неотложное дело.

— Пошли! — крикнула я Фионну. — К кипарисам!

Орна не подвела меня. Хоть я и понятия не имела, как правильно держать меч, она направляла мою руку. И самым удивительным было то, что от одного касания лезвия слуаги превращались в чёрный прах. Они полностью исчезали, как это было с Дуллаханом, и потому не могли послужить пищей для других слуагов, и из них не выходили новые твари с оив.

— Осторожно с деревьями, — предупредила я Орну. — Они...

— Я знаю, кто они, — ответила она. В отличие от меня, она не задыхалась. Конечно, у неё ведь нет лёгких. — Я сама их убила.

Ирония всей этой ситуации не ускользнула от меня. Я освобождала кипарис за кипарисом, выслушивая недовольное нытьё Фионна.

— Ты всё-таки это сделала, — сказал он. Казалось, он уже оправился от шока после слов Никто и осознал, что за оружие находится у меня в руках. — Надеюсь, ты готова к последствиям.

— Ты как будто недоволен.

— Я уже говорил тебе: я не верю в чудеса. Девочка и меч не изменят мир. Когда дерево уже прогнило до корней...

— Но оно не прогнило! — возмущённо возразила я, продолжая вонзать остриё меча в убитых им слуагов, чтобы те исчезли. — Разве ты не видишь? — Я указала на кипарисы вокруг нас. — Ты говорил, что Эпоха богинь прошла, и я думаю, ты прав. Но нам не нужны боги, Фионн. Они оставили этот мир в хаосе. Теперь выбор за нами: либо мы будем наблюдать за его гибелью во тьме, либо спасём его. Не знаю, как ты, а я устала бояться и прятаться за оправданиями.

Он не ответил. Когда я остановилась на мгновение, чтобы перевести дыхание, моё внимание привлекла тьма. Она обвилась вокруг моей свободной руки. Казалось, она просила разрешения на что-то.

Можно.

Я почувствовала, как горячая энергия поднимается по моим ногам и перетекает в руку. В тот же момент я ощутила напряжение в пальцах и смутно вспомнила

произошедшее во дворце. Тогда я была ослеплена гневом, но что-то случилось, когда я согнула пальцы. Это было похоже на...

Я снова попробовала, и сотни невидимых нитей, тянущихся во все стороны, которые ощущала только я, пришли в движение. Все слуаги в роще одновременно завопили. Шум множества взмахивающих крыльев заполнил пространство. Слуаги выпустили стволы деревьев и взвились в воздух, ища причину своего беспокойства. Ах, вот оно что. Кажется, я их разозлила.

Тьма хотела, чтобы я продолжила, и я начала медленно сгибать пальцы к ладони. Вопли усиливались, и даже Фионн был вынужден отпустить меч и закрыть уши. Один слуаг упал, затем другой, третий. Я продолжала сжимать кулак, чувствуя, как управляю всеми нитями, словно кукловод. Теперь они слетались не только из рощи, но и из На-Сиог, из Спорайна, все слуаги в окрестностях Долины Смерти стали моими жертвами. Земля содрогалась от падения стольких туш, ветви деревьев трепетали.

Осознав, что уже вонзаю ногти в ладонь, я остановилась. Воплей больше не было. Земля рощи покрылась чёрным ковром из крыльев, уродливых раскрытых ртов и неподвижных когтей.

Я посмотрела на свои пальцы. Тьма отступала, словно сеть чёрных вен. Магия, которую я только что использовала, должна была оставить меня истощённой. Ведь это гораздо серьёзнее, чем использовать трансмутационные камни три дня подряд.

Фионн осматривался вокруг в ошеломлении.

— О святые сиськи Молли Мэлоун...

Орна фыркнула.

— Мужчины до сих пор вздыхают по Молли? Как банально.

— Замолчи! Я поклялся, что если снова услышу твой мерзкий голос...

— То что ты мне сделаешь, Камхейл? Убьёшь меня? Думаю, у нас одна и та же проблема!

— Вижу, вы знакомы, — пробормотала я.

— К несчастью, — ответили они одновременно.

В роще всё ещё слышались звуки схватки. Не трудно было найти их след: земля дымилась и была обуглена там, где прошлось пламя дракона. Я увидела Мэддокса за кипарисами, в низине, ведущей к озеру.

Он был ранен, но прижимал Никто к земле. Его могучие руки были обнажены, как будто он оторвал рукава, чтобы не мешались. Мускулы блестели от пота. Нет, это был не пот. Огненные нити скользили от его рук к ладоням, крепко сжимающим шею Никто. Тот уже даже не сопротивлялся.

— Стой! — воскликнула я, бегом направляясь к ним. Фионн следовал за мной.

Огонь угас. Мэддокс повернул голову ко мне. Глубокий и уродливый порез на его щеке заживал прямо на глазах.

— Ты в порядке?

— Не убивай его. Я хочу кое-что проверить.

Он не стал спорить. Убрал руки, встал и шагнул ко мне.

— Хочу посмотреть, так ли этот меч хорош в изгнании паразитов.

Я подняла Орну над головой и, описав идеальную дугу, ударила по стальной маске. Взрывная волна зловонной магии отбросила нас всех. Мэддокс обнял меня на лету, смягчая падение своим телом.

Открыв глаза, я обнаружила себя внутри кокона, образованного его крыльями. Как и в кноке, он развернул их вокруг меня, чтобы защитить. Мы посмотрели друг на друга. Краешек его губ приподнялся в ухмылке.

— Больше никаких экспериментов, ша'ха.

Цокнув языком, я оттолкнула его. Когда он отодвинул крыло с моего пути, я поднялась, желая посмотреть, что же вышло. У меня перехватило дыхание при виде лица Морриган и её длинной рыжей косы. Она с трудом открывала и закрывала глаза. Стальная маска была расколота пополам, и половинки валялись по обе стороны её головы.

Я встала над ней. Когда её взгляд всё же сфокусировался на мне, она тут же прикрыла веки, как будто даже звёзды слепили ей глаза, и застонала на выдохе.

— Ты... ты сумасшедшая. — Что ж, не думала, что это будет первое, что она скажет мне после того, как я освободила её от демона, контролировавшего её на протяжении последних пятисот лет. — О том, что ты сделала, узнают в Ином мире, и он... он придёт.

У меня не было ни малейших сомнений в том, о ком именно она говорила.

Я ухмыльнулась.

— Пусть приходит. У него здесь много дел.

Фионн опустился на колени рядом с богиней, и они обменялись взглядами, которые я не могла расшифровать. Поэтому я повернулась к Мэддоксу, всё ещё тяжело дыша. Произошедшее ещё нужно будет переварить и осмыслить.

Но пока я просто смотрела на него. Плевать, что он не в лучшем виде. Его броня повреждена от множества ударов, не говоря уже о том, что подпалил его же собственный огонь. Его волосы выглядели спутанным клубком мокрых от пота чёрных прядей, из которых выступали рога, а засохшая кровь на скуле тянулась до самого подбородка.

Он казался мне таким неотразимо привлекательным, что моё сердце запнулось, мир пошатнулся, и даже окружающее пространство изменилось. Его крылья дрогнули, разбрызгивая ещё больше пота и крови, как будто он почувствовал то же самое.

И знаете, что больше всего меня радовало? Что он не хотел от меня отходить. Что его не пугало и не отталкивало то, что он увидел. Что он продолжал смотреть на меня точно так же, как раньше.

— Готова вернуться домой?

Домой...

Я подумала о Каэли, но знала, что с ней всё будет хорошо. Как минимум, она такая же сильная, как и я. Глубоко вздохнув, я воткнула Орну в землю. Рукоять задрожала.

— Ты выполнишь наше соглашение? — спросила меня меч.

— Конечно.

— Тогда отпусти меня, нам обеим нужно отдохнуть. И спасибо. За освобождение.

Я рассмеялась.

— Тебе спасибо.

И убрала пальцы с рукояти. Тот жар, что растекался в моём теле при каждом взмахе, так же стремительно начал покидать меня. Лодыжка снова разболелась, даже сильнее прежнего. Что-то могущественное было прямо здесь, ожидая меня. Но несмотря на онемение пальцев и странное ощущение на языке, я заставила себя отпустить меч до конца.

После чего сделала шаг к Мэддоксу, не пытаясь скрыть слёзы, навернувшиеся на глаза.

— Я...

В следующий момент весь мир исчез, растворившись в клочьях темноты и тумана. Последним, что я увидела, было лицо Мэддокса, искажённое ужасом.

Эпилог

Давным-давно...

Праздник проходил вполне сносно. Особенно если учесть, что он был в честь трёх уродливых, кричащих комков с явными проблемами со зрением, о которых никто не хотел заботиться. Ведь кто бы осмелился (или кому бы хватило глупости) сказать Теутусу, что у его отпрысков есть какие-то недостатки?

Морриган не собиралась задевать божественные чувства. Ей и так хватало абсурдного проклятия, наложенного на неё Тараксис всего лишь из-за одного весёлого дня охоты с друзьями. Подумаешь, убили нескольких медведей, ну что в этом такого? Их шкуры оказались очень полезными, как и их клыки, и когти. Кроме того, не одна Морриган сходила с ума от всей этой миролюбивой учтивости. Воинам нужно было сражаться или, по крайней мере, преследовать жертву, пытать и убивать. По мнению Морриган, она поступила очень мудро, направив Диких Охотников в леса, а не в города. Лучше выплеснуть свои тёмные желания на животных, чем на сидхов или людей, верно?

Тараксис с ней не согласилась; увидев медвежьи шкуры, она едва не взорвалась.

Это было зрелище не для слабонервных. Морриган не скрывала, что выдержать ярость богини непросто, это можно и не пережить. К счастью для неё, Тараксис была милосердна, даже когда наказывала. Теутус содрал бы с Морриган кожу живьём и затем посыпал бы рану солью. Тараксис же ограничилась запретом касаться, проклинать и как-либо вредить медведям до конца её дней.

Морриган закатила глаза и сделала большой глоток хмеля. Пусть забирает своих чёртовых медведей и свой миролюбивый образ жизни, чёртова спасительница лесов и озёр. Долго это не продлится: это видит, слышит и чувствует любой, в ком есть хоть капля сообразительности.

Одного взгляда на зал, наполненный гостями, хватило Морриган, чтобы ощутить подавленные желания, скрытые обиды, кое-как сдерживаемую ярость, затаённую ненависть… Всё это витало в воздухе, словно живое существо, словно предвестник готовой начаться резни. Мир? Не более чем иллюзия. Его невозможно почувствовать, потому что его не существует. Все жители Гибернии жаждали чего-то, что делало мирное сосуществование невозможным: больше власти, больше земель, больше, больше, больше. Всё было окрашено полупрозрачной тенью, касающейся головы Ширра, талии Гоба и даже...

Рука Морриган с кубком замерла почти у губ.

На другом конце зала, на помосте, где зачарованные боги поставили широкую колыбель, происходила встреча, столь же случайная, сколь и невероятная.

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Фионн Камхейл и сама Никса, королева водяного народа, смотрели друг на друга через колыбель. В то время как прекрасная королева улыбалась, словно слушала забавную историю, бессмертный выглядел так, будто хотел оказаться где угодно, только не здесь.

Но что заставило сердце Морриган забиться быстрее, вызывая непривычные чувства, так это клочок теней, обвивающий, словно змея, горло Никсы. Королева, конечно, не осознавала этого. Она запрокинула голову, её длинные рыжие волосы волнами ниспадали по плечам, и её звонкий смех привлёк внимание многих гостей. Хвост теней осторожно коснулся её шеи.

Морриган слишком долго раздумывала, прежде чем бросить кубок и пересечь зал. Многие пытались к ней подойти, всем от неё было что-то нужно. В мирное время такие затейники, как она, просто нарасхват.

Громкий шёпот, почти кричащий, разнёсся по залу, и все разом замолчали. Головы повернулись в одном направлении, и голос Теутуса прогремел:

— Что происходит, женщина?

Когда она добралась до колыбели, было уже слишком поздно. Никса повисла на руках Фионна, её глаза затуманились от событий, которые не произошли и не должны были быть доступны никому. И хотя её глаза с чёрными тенями выглядели жутко, по-настоящему Морриган ужаснулась, когда увидела, что тени полностью захватили горло Никсы, обвивая его, словно невидимый и нематериальный ошейник.

Никса обмякла. Фионн бережно уложил её на пол, держа за голову и талию. Морриган опустилась на колени рядом с королевой, мысленно ругая свои дрожащие руки.

Теутус стремительно приближался к ним размашистыми шагами, за ним шла встревоженная Тараксис, и Фионн поднялся им навстречу.

Белые пальцы Никсы коснулись ноги Морриган. Её глаза всё ещё были затуманены, но на мгновение она смогла посмотреть на девушку. Та успела увидеть лишь что-то вроде светящегося обруча, полного разноцветных огней и фиолетового сияния.

Девушка взяла королеву за руку.

— Я не понимаю, мама, — прошептала она.

Ей нужно было больше времени, больше подсказок, больше силы.

Но Теутус уже был тут.

И тогда начался хаос.

Глоссарий

БОГИ, КОРОЛИ И ГЕРОИ

ГОБ ЛЕДЯНОЙ МОЛОТ. *Последний известный король Двора гномов, который также называют Гобинским двором в его честь. Великий изобретатель и воин. Создал гобинскую сталь, нурал-газ и сотворил множество архитектурных чудес.*

ДЕВЯТКА. *Девять сыновей и дочерей Ширра. Драконы, способные принимать облик людей. Их потомки также называются драконами.*

КОРОЛЬ НЕССИЯ. *Титул, введённый после войны самим Теутусом. Его носил первый король всей Гибернии, объявивший сидхов вне запрета. Все его преемники назывались так же. В настоящее время правит король Нессия VIII.*

КСЕНА. *Богиня жизни и домашнего очага. Говорят, что она спустилась с звёзд вместе со своими сёстрами.*

ЛУКСИЯ. *Богиня смерти. Говорят, что она спустилась с звёзд вместе со своими сёстрами.*

МОРРИГАН. *Богиня войны. Также известная как Призрачная Королева и Глашатай. В годы войны стала правой рукой Теутуса, предав сидхов. Может принимать разные обличья, но самая любимая личина – ворон. Пролетая над полем боя, вселяет в воинов мужество и ярость.*

НИКСА КРАСНАЯ. *Единственная известная королева Двора манан-лир. Её пророчество послужило началом войны между Теутусом и Триадой.*

ПАРАЛЬДА УТРЕННИЙ БРИЗ. *Последний известный король фей. Обладал непревзойдёнными способностями друида. Его величайшим достижением стало гармоничное сосуществование людей и магических рас в лесу Борестель.*

ТАРАКСИС. *Богиня любви и охоты. Говорят, что она спустилась с звёзд вместе со своими сёстрами.*

ТЕУТУС. *Бог-демон из Иного мира. В настоящее время единственный истинный бог Гибернии.*

ФИОНН КАМХЕЙЛ, *также известный как Несокрушимый, был человеком, прославился как герой, состоявший в фиане, и тем, что богиня Тараксис даровала ему бессмертие за проявленную отвагу.*

ШИРР ДРАКОН. *Первый и последний король Двора огненных созданий. Отец девятки. Говорят, что он спустился с звёзд вместе с Триадой.*

РАСЫ

ГНОМЫ. *Вымерли. Сидхи, также известные как гобов род. Поданные короля Гоба. Низкого роста, жили в недрах земли и гор, были великими изобретателями и архитекторами. Им приписывают многие достижения, которые используются и по сей день.*

ДЕМОНЫ. *Все существа, пришедшие с Теутусом из Иного мира.*

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

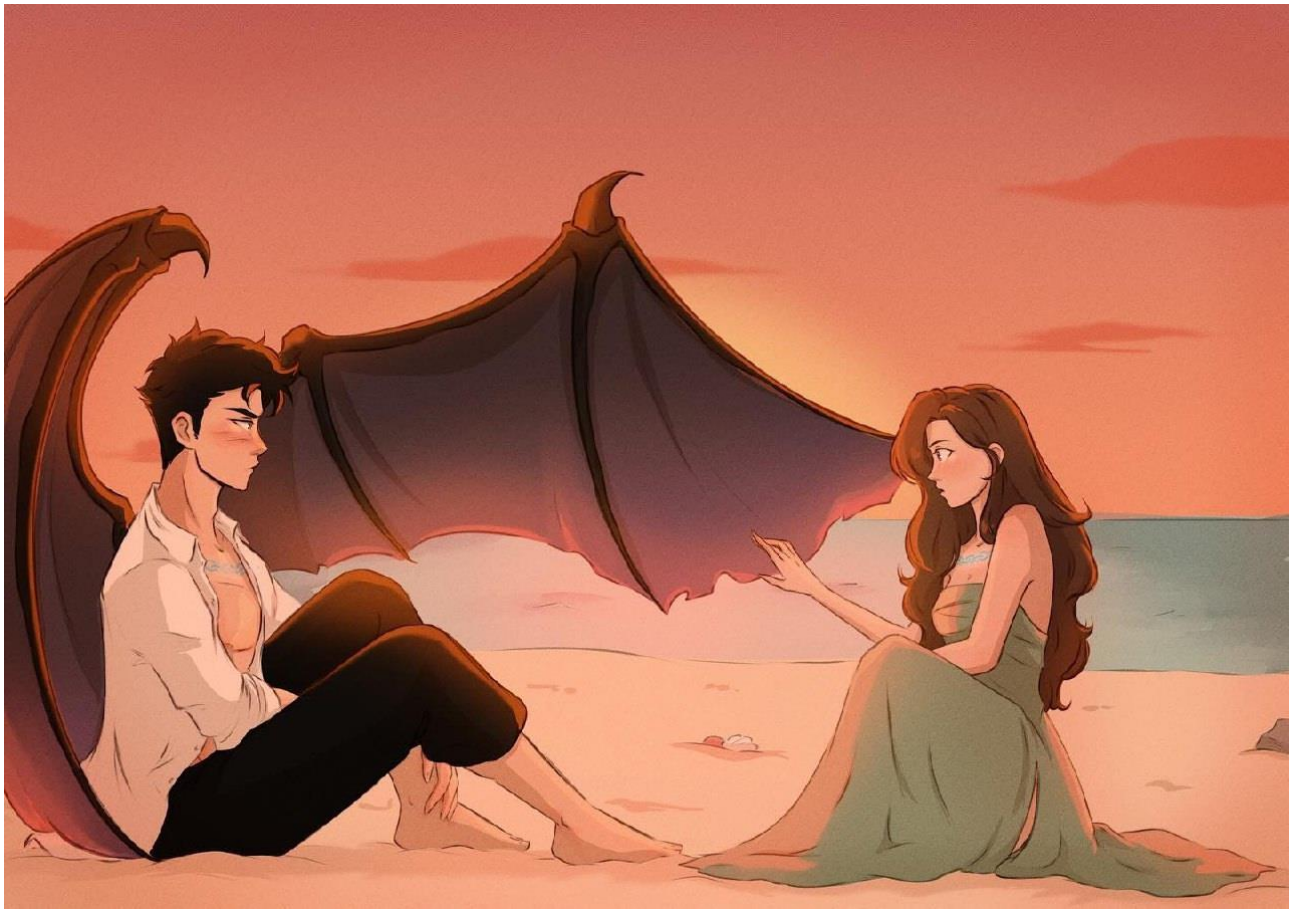
ДРАКОНЫ. *Вымерли. Сидхи, потомки девятки. В драконов не превращаются, но у них есть крылья, и они могут управлять огнём. Самая могущественная магическая раса.*

ЛЮДИ. *Первые жители Гиберии, не владеют от рождения и не способны использовать никакую магию. Во время войны королева людей Луахра вступила в союз с Теутусом. Благодаря ей, когда Теутус победил в войне, люди воцарились на троне и правят королевством по сей день.*

МАНАН-ЛИР. *Морской народ. Сидхи, живущие под водой, в том числе мерроу, селки, келпи и другие. Известны диким нравом и постоянной борьбой за власть. Признают своей королевой только Никсу Красную.*

СИДХИ. *Разумные существа, относящиеся к одной из четырёх магических рас, созданных Триадой: гномам, манан-лир, феям или драконам. Ныне живущие преследуются и уничтожаются людьми.*

ФЕИ. *Сидхи, тесно связанные с землёй и природой. Относятся ко Двору короля Паральды. Их лица похожи на тех или иных животных. С рождения владеют одной из стихии: землёй, водой, огнём или воздухом. Самые могущественные из них, способные управлять камнями и травами, зовутся друидами.*

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes

Нира Страусс — Эпоха королей
Nira Strauss — La era de los reyes